A1 9/60

Переплет данной книги - дар читателя Е. А. Гунта. 14/VIII-1929.

ПАМЯТИ

КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА

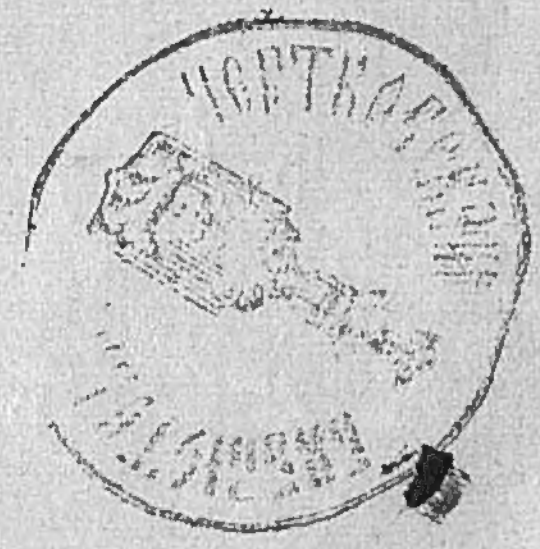
ЛЕОНТЬЕВА.

† 1891 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

А 1 9 60

232



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911.

БИБЛІОТЕКА Г. И. М.
№ 892
22-III 1931 г.

ТИПОГРАФІЯ -СИРІУСЪ- СПБ. РЫНОЧНАЯ УЛ., 10.

1863 r.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

12 ноября 1911 года исполняется двадцатилѣтіе со дня смерти Константина Николаевича Леонтьева, въ монашествѣ отца Климента. За эти двадцать лѣтъ его сочиненія, отдѣльно изданныя, разошлись безъ остатка и частью стали большими библіографическими рѣдкостями; жизнеописаніе о. Климента Зедергольма вышло тремя (а въ сущности пятью) изданіями; на дняхъ отпечатаны отдѣльною книгою статьи о гр. Л. Н. Толстомъ. О Леонтьевѣ писали А. А. Александровъ, архіепископъ Антоній, Н. А. Бердяевъ, Ю. Н. Говоруха-Отрокъ, В. А. Грингмутъ, Н. С. Лѣсковъ, Е. Л. Марковъ, Д. С. Мережковскій, П. Н. Милюковъ, Н. К. Михайловскій, В. В. Розановъ, М. Е. Салтыковъ, Вл. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, Л. А. Тихомировъ, кн. С. Н. Трубецкой, С. Л. Франкъ, свящ. І. Фудель и другіе. О немъ появилась диссертація на степень магистра богословія священника К. М. Аггеева. Словомъ, съ формальной точки зрѣнія можетъ показаться, что Леонтьевъ писатель, прекрасно знакомый русскому обществу, составляющій предметъ серіознаго изученія для выдающихся критиковъ, и что, пожалуй, наступаетъ пора подвести итоги изученію и вліянію его мыслей.

Если же взглянуть на существо дѣла, это впечатлѣніе, пожалуй, окажется призракомъ. Сочиненія Леонтьева въ значительномъ большинствѣ не перепечатаны отдѣльными изданіями и могутъ быть розысканы только въ старыхъ журналахъ и мало распространенныхъ въ свое время газетахъ. Отдѣльно изданныя появились въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ, годами лежали въ магазинахъ и наконецъ распроданы букинистами за безцѣнокъ. Сколько нибудь основательной біографіи Леонтьева не существуетъ. Библіографіи его сочиненій, не говоря ужъ о библіографіи того, что писано о немъ, также не существуетъ. Почти все, напечатанное о Леонтьевѣ, высказано исключительно на основаніи двухъ томовъ его сборника «Востокъ, Россія и Славянство», — а этотъ сборникъ едвали составляетъ четвертую часть всего, имъ написаннаго. Большинство писавшихъ о немъ писали лишь о нѣкоторыхъ его мнѣніяхъ и порою не ради изученія самого Леонтьева, а ради тенденціозныхъ цѣлей, для которыхъ такое изученіе было бы не только безполезно, но и небезопасно. Не трудно поэтому понять, отчего всѣ признаютъ, что вліяніе Леонтьева, что изученіе его еще и не начинались, что въ настоящее время трудно было бы найти десятокъ лицъ, знакомыхъ со всею совокупностью его произведеній, даже со всѣми главными его произведеніями, и что онъ остается донынѣ великимъ незнакомцемъ.

Это странное несоотвѣтствіе становится еще загадочнѣй, если вспомнить, что всѣ, сколько нибудь знакомые съ Леонтьевымъ, при всемъ разнообразіи ихъ философскихъ, политическихъ и литературныхъ воззрѣній, единогласно признаютъ его исключительную даровитость, оригиналь-

ность, интересъ. Слова «геніальный», «геніальность» слышатся изъ устъ писателей, принципіально несочувствующихъ основнымъ идеаламъ Леонтьева. Казалось бы, такой исключительный писатель заслуживаетъ особенно тщательнаго и всесторонняго изученія: на дѣлѣ такого еще не было въ нашей литературѣ.

Долголѣтній другъ Леонтьева, К. А. Губастовъ, взялъ на себя починъ въ оживленіи общественной памяти и вниманія къ заживо погребенному и забытому писателю. Въ декабрѣ 1908 года онъ началъ собирать кружокъ лицъ, знакомыхъ съ произведеніями Леонтьева, съ цѣлью приступить общими силами къ переизданію его сочиненій, по возможности всѣхъ, изученію его личности и творчества и собиранію матеріаловъ для этого изученія. Наблюдая, что интересъ и любовь къ выдающемуся художнику-публицисту проявляется среди лицъ самаго различнаго образа мыслей, К. А. Губастовъ положилъ въ основу кружка полную взаимную терпимость и безусловную непредвзятость. Были сдѣланы обращенія, какъ печатныя, ко всѣмъ, такъ и личныя, къ тѣмъ, кто проявилъ интересъ и сочувствіе къ Леонтьеву въ жизни или печати. Откликъ получился, хотя не громкій и не широкій, но все же удовлетворившій скромныя надежды первыхъ присоединившихся. Изъ числа лицъ, такъ или иначе проявившихъ сочувствіе кружку, можно назвать кромѣ самого К. А. Губастова, еще К. М. Аггеева, А. А. Александрова, В. В. Бородаевскаго, А. Н. Волжина, П. М. Евреинова, П. М. Кат[illegible]ачеева, Ю. С. Карцова, А. М. Коноплянцева, А. В. [illegible]ролева, М. В. Леонтьеву, Н. О. Лернера, А. И. Маликова, Б. В. Никольскаго, П. П. Перцова, Е. А. Погожева, В. В. Розанова, В. В. Розова, А. А. Си-

дорова, С. Т. Филиппова, М. М. Янковскаго и нѣсколькихъ другихъ. Надо замѣтить, что кружокъ не является еще организованнымъ учрежденіемъ, не имѣетъ устава, членскихъ взносовъ, правленія, не имѣетъ засѣданій съ докладами и сообщеніями, а собирается у К. А. Губастова по мѣрѣ надобности и возможности для рѣшеній распорядительнаго свойства. Такимъ образомъ, многія лица, интересовавшіяся кружкомъ и сочувствовавшія ему, не могли еще принять въ немъ того участія, которое желали бы принять и которое, несомнѣнно, примутъ современемъ, когда дѣятельность кружка разовьется шире и полнѣе.

Первою заботою кружка явился вопросъ о переизданіи сочиненій Леонтьева и прежде всего предприняты были шаги для изданія полнаго собранія этихъ сочиненій, включая письма и все вообще неизданное, что можетъ отыскаться. Преемники литературныхъ правъ Леонтьева предоставили для этого безвозмездно всѣ нужныя полномочія; весь трудъ по редактированію, корректурѣ, составленію біографіи, предисловій, указателей, кружокъ безвозмездно же принялъ на себя. Современемъ станетъ извѣстно русскому обществу, чье сочувствіе кружкомъ было встрѣчено и кому должно быть стыдно за неуспѣхъ этого начинанія. Покуда, къ несчастію, приходится сказать одно: попытка кружка успѣхомъ не увѣнчалась. Въ дальнѣйшемъ кружокъ имѣетъ въ виду переиздать хоть нѣкоторыя изъ сочиненій Леонтьева, донынѣ остающихся и удерживаемыхъ какъ бы въ секретѣ отъ русскихъ читателей.

Одновременно въ кружкѣ возникла мысль издать сборникъ работъ, посвященныхъ памяти Леонтьева, къ двадцатилѣтію его кончины. Сборникъ этотъ рѣшено было

составить изъ работъ членовъ кружка и всѣхъ, кто пожелаетъ къ нимъ примкнуть. Полная свобода была предоставлена каждому автору какъ въ выборѣ темъ, такъ и въ сужденіяхъ и ихъ выраженіи. Какъ всегда бываетъ, составъ сборника выяснился не сразу, кое что обѣщанное не поступило, а зато явились вклады совершенно непредвидѣнные. Въ итогѣ сборникъ даетъ неизданные портреты Леонтьева, рядъ воспоминаній о немъ, его первую возможно полную біографію, первую полную его библіографію (поскольку вообще возможно говорить о полнотѣ въ такомъ дѣлѣ, какъ библіографія) и затѣмъ нѣсколько очерковъ и статей не-біографическаго характера. Цѣль сборника — вызвать и обнародовать, пока не поздно, воспоминанія людей, лично знавшихъ Леонтьева, дать справочное пособіе всѣмъ, Леонтьева изучающимъ, и внести посильный вкладъ членовъ кружка въ дѣло оцѣнки и пониманія Леонтьева, его міровоззрѣнія и произведеній. Болѣе отдаленная цѣль — оживить литературное вниманіе къ забытому выдающемуся писателю и явиться поводомъ къ новому обсужденію въ печати его личности и твореній. Изданіе сборника стало возможно, благодаря взносамъ нѣсколькихъ членовъ кружка, собравшихъ между собой необходимую для этого сумму.

Ближайшее будущее покажетъ, возможно ли появленіе дальнѣйшихъ сборниковъ. Нѣкоторый матеріалъ для того имѣется уже въ виду. Съ другой стороны, возникновеніе кружка дало нѣкоторый толчекъ къ оживленію общественнаго интереса. Появилось нѣсколько замѣтокъ и статей, переиздано кое что изъ сочиненій Леонтьева, предположены къ изданію работы о Леонтьевѣ, не стоящія въ прямой связи съ дѣятельностью кружка. Съ радостью

привѣтствуя этотъ, небольшой пока, подъемъ вниманія къ Леонтьеву, издатели и сотрудники сборника счастливы, что своею книгою могутъ возложить, хоть и поздно, идейный вѣнокъ на дальнюю могилу того, чья мысль и чье творчество сблизили ихъ къ совмѣстной работѣ.

А. Коноплянцевъ.

ЖИЗНЬ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА,

ВЪ СВЯЗИ СЪ РАЗВИТІЕМЪ ЕГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ.

Еще не настало время для полной біографіи К. Леонтьева. Съ увлеченіемъ можно отдаться трудной работѣ изобразить тонкій узоръ этой сложной жизни, разобрать запутанный узелъ этой своеобразной психологіи, — но такую задачу надо считать пока несвоевременной. Живы еще лица, игравшія большую роль въ жизни Константина Николаевича, почему нельзя касаться нѣкоторыхъ важныхъ и существенныхъ сторонъ его біографіи. Затѣмъ, судьба была немилостива къ Леонтьеву при жизни, такой, отчасти, осталась и послѣ его смерти. По крайней мѣрѣ, за эти двадцать лѣтъ со дня его кончины, въ печати появилось очень ничтожное количество матеріаловъ, касающихся его біографіи, и нѣтъ пока почти никакихъ воспоминаній объ этомъ человѣкѣ, имѣвшемъ не мало преданныхъ друзей и горячихъ почитателей.

Сказаннымъ отчасти объясняются замѣтные пробѣлы и недостатки настоящей работы.

Считаемъ необходимымъ указать, что въ нашемъ распоряженіи находились, кромѣ печатныхъ, слѣдующіе рукописные матеріалы: письма Леонтьева къ матери изъ Крыма, воспоминанія К. Губастова, переписка Л—ва съ Т. И. Филипповымъ, воспоминанія Л. (1868 — 1874 г.г.), данныя архивовъ Калужской гимназіи и Московскаго Уни-

верситета. Кромѣ того, мы пользовались изустными разсказами лицъ, лично знавшихъ Константина Николаевича.

Настоящей работой мы преслѣдовали, главнымъ образомъ, одну цѣль: собрать воедино и связать въ послѣдовательной передачѣ всѣ извѣстныя данныя, касающіяся жизни Леонтьева, причемъ явилось неизбѣжнымъ излагать и основныя черты его міровоззрѣнія за разные періоды жизни. Насколько же этой цѣли мы достигли — не намъ судить, замѣтимъ только: feci, quid potui, faciant meliora potentes.

Дѣтство. «Эрмитажъ». Гимназическіе годы.

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ родился около восьмидесяти лѣтъ тому назадъ, 13 января 1831 года, въ сельцѣ Кудиновѣ Мещовскаго уѣзда Калужской губерніи. Отецъ его, Николай Борисовичъ Леонтьевъ, былъ внесенъ въ шестую часть дворянской родословной книги Калужской губерніи, но по рожденію едва ли принадлежалъ къ старинному дворянскому роду Леонтьевыхъ, такъ какъ родословную его не представляется возможнымъ прослѣдить уже въ XVIII вѣкѣ. Изъ предковъ со стороны отца затруднительно указать хоть одно лицо, въ какомъ либо отношеніи, болѣе или менѣе выдающееся.

Самъ Николай Борисовичъ былъ изъ небогатыхъ помѣщиковъ. Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи, но за участіе въ какомъ то буйствѣ былъ удаленъ оттуда и вышелъ въ отставку въ чинѣ прапорщика. Николай Борисовичъ былъ заурядною личностью; впослѣдствіи самъ К. Н. отзывался объ отцѣ, что онъ былъ «и не уменъ, и не серіозенъ». Вліяніе его на своего сына Константина было ничтожное, да и воспитаніемъ его онъ совсѣмъ не занимался. «При утренней встрѣчѣ поцѣлую руку, вечеромъ подойду подъ благословеніе и тоже по-

цѣлую руку и больше ничего», — говоритъ К. Н. [1]). «Когда въ первый разъ, семи лѣтъ, я пошелъ исповѣдываться въ большую нашу залу къ отцу Лукѣ (Быкасовскому), и тетка мнѣ велѣла у всѣхъ просить прощенія, то я подошелъ, прежде всего, къ отцу; онъ подалъ мнѣ руку, поцѣловалъ самъ меня въ голову и, захохотавши, сказалъ: «Ну, братъ, берегись теперь... Попъ то, въ наказаніе за грѣхи, верхомъ кругомъ комнаты на людяхъ ѣздитъ!». «Кромѣ добродушнаго русскаго кощунства, — добавляетъ К. Н., — онъ, бѣдный, не нашелъ ничего сказать ребенку, приступавшему впервые къ священному таинству». Николай Борисовичъ умеръ въ декабрѣ 1839 года, когда К. Н. было около восьми лѣтъ. Насколько отецъ и сынъ были далеки (кровно далеки) между собою, можно судить по тому, что и смерть отца не произвела на К. Н. никакого впечатлѣнія, къ ней онъ «былъ совершенно равнодушенъ». Когда отца повезли хоронить въ Мещовскъ тетка К. Н. съ сестрой, онъ остался дома съ матерью и «ничуть не горевалъ и не плакалъ» [2]).

Со стороны матери К. Н. является отпрыскомъ стариннаго дворянскаго рода Карабановыхъ, ведущаго свое начало еще отъ XV столѣтія. Дѣдъ его по матери, Петръ Матвѣевичъ Карабановъ, умершій шестидесяти лѣтъ отъ роду въ 1829 году, былъ очень оригинальнымъ и выдающимся человѣкомъ того времени. «Онъ былъ, можетъ быть, — описываетъ дѣда К. Н. [3]), — одинъ изъ самыхъ «вырази-

---

[1]) «Мое обращеніе и жизнь на св. Аѳонской горѣ». «Русск. В.» 1900 г., № 9.

[2]) Тамъ же.

[3]) «Разсказъ моей матери объ Имп. Маріи Ѳеодоровнѣ», «Русск. Вѣстн.», 1891 г., № 4, стр. 90.

тельныхъ» представителей того рода прежнихъ русскихъ дворянъ, въ которыхъ иногда привлекательно, а иногда возмутительно, сочеталось нѣчто тонкое «Версальское» съ самымъ страшнымъ, по своей необузданной свирѣпости, «азіатствомъ». Истинный баринъ съ виду, красивый и надменный до-нельзя, во многихъ случаяхъ великодушный рыцарь, ненавистникъ лжи, лихоимства и двуличности, смѣлый до того, что въ то время рѣшился кинуться съ обнаженной саблей на губернатора, когда тотъ позволилъ себѣ усомниться въ истинѣ его словъ... слуга Государю и отечеству преданный, энергическій и вѣрный, любитель стихотворства и всего прекраснаго, — Петръ Матвѣевичъ былъ въ то же время властолюбивъ до безумія, развратенъ до преступности, подозрителенъ до-нельзя и жестокъ до безсмыслія и звѣрства». И дочь его, а К. Н — ча мать, Ѳеодосія Петровна также является замѣчательною по своему времени личностью. Воспитаніе она получила въ Петербургѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ, по окончаніи котораго вернулась къ родителямъ въ деревню. Эта умная, гордая и возвышенно настроенная дѣвушка такъ поставила себя въ своей семьѣ, что даже отецъ сталъ ее бояться и уважать. Любимица Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Ѳеодосія Петровна мечтала вновь вернуться въ Петербургъ, но, вопреки ея воли, въ 1812 году была выдана замужъ за нелюбимаго ею Леонтьева, который ни по уму, ни по образованію, ни по вкусамъ, ни даже по внѣшности былъ ей не пара.

У нихъ было семь человѣкъ дѣтей: старшій — Петръ (родился 1813 г.), затѣмъ Анна (род. 1815 г.), Владиміръ (род. 1818 г.) Александръ, Борисъ, Александра (род. 1822 г.) и самый младшій Константинъ. Кромѣ

Владиміра и Константина, остальные изъ этихъ дѣтей были самые обыкновенные люди, сыновья — кажется — всѣ военные.

Насколько ничтожно было вліяніе отца на К. Н., настолько первоначальнымъ своимъ воспитаніемъ онъ всецѣло обязанъ матери и отчасти горбатой тетушкѣ Екатеринѣ Борисовнѣ Леонтьевой, подъ женскимъ вліяніемъ которыхъ прошли его дѣтскіе и юношескіе годы. Ѳеодосія Петровна больше всѣхъ дѣтей любила младшаго сына и онъ платилъ ей, до конца жизни, нѣжной любовью и безпредѣльнымъ уваженіемъ. Поэтому немудрено, что на его духовномъ обликѣ отразились черты и вліяніе его матери.

Ѳеодосія Петровна была образованная и много читавшая женщина, съ врожденнымъ чувствомъ изящнаго, религіозная и въ то же время рѣзкая, строгая и вспыльчивая до такой степени, что приводила въ трепетъ окружающихъ.

Религіозность ея имѣла нѣсколько особенный характеръ: по свидѣтельству самого К. Н., она любила только ту сторону христіанства, которая выражается въ нравственномъ, но не была особенно богомольна. У К. Н. сохранились въ памяти очень пріятныя воспоминанія о нѣкоторыхъ богослуженіяхъ, зимнихъ всенощныхъ въ Кудиновской залѣ, о матери, молящейся въ церкви... Вообще можно сказать, что примѣръ матери и ея религіозное воспитаніе не могли сдѣлать сына какимъ либо изувѣромъ и фанатикомъ, но эта искренно и безъ ханжества преданная религіи женщина привязывала его къ вѣрѣ незамѣтными, но крѣпкими узами.

Приведемъ здѣсь одинъ случай изъ дѣтской жизни

К. Н., ярко характеризующій его тогдашнее настроеніе. Сельцо Кудиново находится въ недалекомъ разстояніи отъ Оптиной пустыни. Мать взяла какъ-то разъ туда и Константина Николаевича, когда онъ еще былъ мальчикомъ. Ему такъ понравилось въ Оптиной, что онъ сказалъ тогда: «Вы меня больше сюда не возите, а то я непремѣнно здѣсь останусь».

К. Н. придавалъ большое значеніе тому обстоятельству, что въ его дѣтскихъ впечатлѣніяхъ «религіозное соединялось съ изящнымъ». Въ этомъ отношеніи вліяніе на него матери было громадно.

«Въ нашемъ миломъ Кудиновѣ, — въ нашемъ просторномъ и веселомъ домѣ, — разсказываетъ К. Н., — была комната окнами на западъ, въ тихій, густой и обширный садъ. Вездѣ у насъ было щеголевато и чисто, но эта комната казалась мнѣ лучше всѣхъ; въ ней было нѣчто таинственное и мало доступное и для прислуги, и для постороннихъ, и даже для своей семьи. Это былъ кабинетъ моей матери... Здѣсь были почти всюду цвѣты въ вазахъ: сирень, розы, ландыши, дикій жасминъ; зимой — всегда слегка пахло хорошими духами» [1]).

Воспоминаніе объ этомъ очаровательномъ материнскомъ «Эрмитажѣ» неразрывно связано въ сердцѣ Леонтьева «и съ самыми первыми религіозными впечатлѣніями дѣтства, и съ раннимъ сознаніемъ красоты окружающей природы, и съ драгоцѣннымъ образомъ красивой, всегда щеголеватой и благородной матери, которой — говоритъ Леонтьевъ, — я такъ неоплатно былъ обязанъ всѣмъ (уроками патріотизма и монархическаго чувства, примѣрами

---

[1]) «Разсказъ моей матери объ Имп. Маріи Ѳеодоровнѣ», К. Леонтьева, «Русск. Вѣстн.», 1891 г., № 4.

строгаго порядка, постояннаго труда и утонченнаго вкуса въ ежедневной жизни)». «Въ этой комнатѣ и въ сосѣдней съ нею меня учили молиться передъ угольнымъ кіотомъ, — продолжаетъ далѣе К. Н. Я спалъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ кабинетѣ матери, за колоннами, на трехцвѣтномъ диванѣ; и какъ часто, просыпаясь зимнимъ утромъ, продолжалъ лѣниться и, лежа на немъ, слушалъ внимательно, какъ сестра моя по книжкѣ читала утреннія молитвы и псаломъ «Помилуй мя Боже»... [1]) Значеніе въ жизни К. Н—ча этихъ дѣтскихъ религіозно-эстетическихъ впечатлѣній было, по его собственному признанію, очень велико: «Когда ужъ мнѣ было 40 лѣтъ, когда матери ужъ не было на свѣтѣ, когда послѣ цѣлаго ряда сильнѣйшихъ душевныхъ бурь я захотѣлъ сызнова учиться вѣрить и поѣхалъ на Аѳонъ къ русскимъ монахамъ, то отъ этихъ утреннихъ молитвъ въ красивомъ кабинетѣ матери съ видомъ на засыпанный снѣгомъ садъ и отъ этихъ словъ псалма мнѣ все свѣтился какой-то и дальній, и коротко знакомый, любимый и теплый свѣтъ» [2]). Въ томъ же «Эрмитажѣ» въ душу Леонтьева были глубоко заложены не только сѣмена религіозной вѣры; тамъ же онъ получилъ и первые живые уроки монархической любви и патріотизма изъ разсказовъ матери о Государѣ Николаѣ Павловичѣ и Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которыхъ она боготворила, о Людовикѣ XIV и его столь несхожихъ между собою возлюбленныхъ, о кровавыхъ дѣяніяхъ ненавистнаго конвента, о подвигахъ и ужасахъ двѣнадцатаго года [3]).

---

[1]) См. тамъ же.
[2]) «Мое обращеніе».
[3]) «Разсказъ моей матери».

Первоначальнымъ образованіемъ К. Н. и подготовкой его къ среднему учебному заведенію занималась Ѳеодосія Петровна. Въ 1841 г. онъ былъ опредѣленъ въ Смоленскую гимназію и находился тамъ подъ присмотромъ своего дяди Владиміра Петровича Карабанова, но вскорости Владиміръ Петровичъ скончался (въ 1842 г.) и К. Н. былъ взятъ изъ Смоленской гимназіи. Осень и зиму 1842 года онъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ 5 сентября 1843 года былъ опредѣленъ кадетомъ на воспитаніе въ Дворянскій полкъ. Здѣсь онъ велъ себя, согласно аттестату, очень хорошо, имѣлъ въ Законѣ Божіемъ и французскомъ языкѣ успѣхи очень хорошіе, а въ русскомъ языкѣ, по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, исторіи, географіи — хорошіе. Изъ полка онъ былъ уволенъ по болѣзни приказомъ отъ 6-го октября 1844 года. Въ томъ же 1844 году былъ принятъ приходящимъ ученикомъ въ третій классъ Калужской гимназіи, полный курсъ семи классовъ которой окончилъ въ 1849 году, съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Жилъ онъ за это время въ Калугѣ. на собственной квартирѣ, съ своей горбатой тетушкой. На зиму пріѣзжала изъ деревни въ Калугу и мать.

Къ сожалѣнію, имѣется очень мало свѣдѣній о гимназическомъ періодѣ его жизни. Изъ матеріаловъ архива Калужской гимназіи можно извлечь лишь очень скудныя данныя. Такъ, извѣстно, что, въ числѣ восьми учениковъ изъ двадцати окончившихъ съ нимъ одновременно гимназію, онъ не изучалъ греческаго языка. По остальнымъ предметамъ имѣлъ хорошіе успѣхи, но не былъ изъ первыхъ ученико́въ по классу. Такъ, одноклассники Перхуровъ и Георгіевскій идутъ въ году всегда выше Леонтьева. По физикѣ же въ шестомъ классѣ успѣшность его за годъ

аттестована даже балломъ два, хотя двойка за годъ по физикѣ — рядовое явленіе того времени въ калужской гимназіи: изъ 24-хъ учениковъ шестого класса только девять имѣли годовые баллы выше двухъ, у прочихъ же стояли двойки и единицы. Въ выданномъ Леонтьеву аттестатѣ значится, что во время ученія поведенія онъ былъ отличнаго, въ преподаваемыхъ предметахъ оказалъ успѣхи отличные, за исключеніемъ физики и математики, по которымъ успѣхи были только хорошіе.

Лѣтомъ 1848 года свирѣпствовавшая тогда холера захватила и семнадцатилѣтняго К. Н. Заболѣлъ онъ въ Кудиновѣ, гдѣ за нимъ ухаживали мать, тетка и сестра, а лѣчилъ фельдшеръ изъ крѣпостныхъ. Повидимому, благодаря этой болѣзни, задержавшей его въ деревнѣ ко времени начала осеннихъ занятій, онъ былъ переведенъ безъ экзамена въ седьмой классъ.

По окончаніи гимназіи, К. Леонтьевъ поступилъ студентомъ въ Ярославскій Демидовскій Лицей, откуда въ ноябрѣ того же 1849 года (вмѣстѣ съ В. Легонинымъ, впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета) перевелся по болѣзни въ Московскій Университетъ на медицинскій факультетъ. Послѣдній былъ имъ избранъ не по какому либо внутреннему влеченію къ медицинѣ, а по чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ. Такъ какъ юристомъ онъ не хотѣлъ быть ни подъ какимъ видомъ, то ему ничего больше не оставалось, кромѣ медицинскаго факультета. Къ этому же выбору склоняла его и мать, которая была высокаго мнѣнія о медицинскихъ знаніяхъ и врачебной профессіи.

Таковы внѣшнія обстоятельства за описанный юношескій періодъ жизни К. Н. Леонтьева. Для сужденія

о внутреннихъ его переживаніяхъ въ нашихъ рукахъ вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ не имѣется, и приходится судить догадками, въ чемъ нѣкоторую помощь можетъ оказать его романъ «Подлипки» [1]), въ значительной своей части носящій автобіографическій характеръ. Герой этого романа рисуется крайне впечатлительнымъ, нервнымъ, иногда женственно слабымъ мальчикомъ — юношей. Онъ одновременно увлекается и женщинами, и Бѣлинскимъ, онъ нѣженъ и рѣзокъ, страстенъ и нерѣшителенъ. Въ лицѣ этого героя Леонтьевъ, повидимому, изобразилъ самого себя.

---

[1]) «Отеч. Зап.» 1861 г., №№ 9—11.

Университетъ. «Женитьба по любви». Знакомство съ Тургеневымъ. Эстетъ — натуралистъ.

Занятія медициной нисколько не удовлетворяли К. Н — ча. На лекціи онъ, правда, ходилъ довольно аккуратно, но, напр., къ препарированію въ анатомическомъ театрѣ смрадныхъ труповъ замерзшихъ на улицѣ пьяницъ, стариковъ, убитыхъ блудницъ, приступалъ съ отвращеніемъ и послѣ тяжкой борьбы. «Медицина первые два года меня тяготила, хотя, конечно, были минуты, въ которыя меня занимало что нибудь на лекціяхъ. Общіе научные выводы, общія идеи занимали меня больше, чѣмъ подробности. Подробности стали мнѣ нравиться позднѣе, на 4-мъ курсѣ, у постели больного, и еще болѣе въ военныхъ больницахъ, гдѣ я уже былъ самъ хозяиномъ и распорядителемъ» [1]). На первыхъ же курсахъ предъ нимъ не было «живыхъ страдальцевъ», которые бы возбуждали его участіе, рвеніе и самолюбіе.

Съ товарищами своими, студентами, онъ не сходился. Ему казалось, что они ничего не понимаютъ, почему у многихъ изъ нихъ были такія непріятныя лица. На лекціяхъ онъ почти всѣхъ чуждался и ни съ кѣмъ не говорилъ. Его не занимала ихъ грубая веселость, когда они, терзая трупы, смѣялись и всячески кощунствовали. «Видимо, они ни о чемъ не безпокоились и не думали, гово-

---

[1]) «Тургеневъ въ Москвѣ», «Р. Вѣстн.» 1888 г.

ритъ онъ, кромѣ экзамена и карьеры своей. Я же съ утра и до вечера думалъ и мучился обо всемъ» [1]).

Начало университетской жизни К. Н. вообще было крайне тяжелымъ и печальнымъ временемъ. Онъ былъ тогда безпрестанно нездоровъ, у него стала болѣть грудь, отчего его нестерпимо стала мучить мысль, что у него чахотка, что онъ умретъ. Къ тому же, онъ тогда на долгое время утратилъ дѣтскую вѣру и ни на чемъ не могъ успокоиться. Благодаря роднымъ пріобрѣлъ въ Москвѣ знакомства въ богатомъ кругу, но денегъ у него не было и это кололо его самолюбіе. Все это вмѣстѣ, и нужда, и безвѣріе, и болѣзни, а также университетскія занятія, которыя ему не нравились, — вліяло удручающимъ образомъ на К. Н—ча, требовавшаго и ждавшаго отъ жизни очень многаго. «Я былъ тогда, — разсказываетъ онъ [2]), точно человѣкъ, съ котораго сняли кожу, но который живъ и еще чувствуетъ, только гораздо сильнѣе и ужаснѣе прежняго. Въ 51 году мнѣ стало до того, наконецъ, уже грустно и больно, что я вовсе пересталъ понимать веселые стихи, веселыя сцены и т. п., я только понималъ страдальческія, болѣзненныя произведенія. Когда Тургеневъ напечаталъ «Записки лишняго человѣка», мнѣ показалось, что онъ угадалъ меня, не видавши меня никогда. Былъ противъ университета трактиръ Британія, въ который я ходилъ читать журналы, слушать органъ и пить чай. Что мнѣ было дѣлать, когда пришлось (не преувеличивая скажу) — плакать въ трактирѣ надъ исторіей этого «Лишняго человѣка»? — Я закры-

---

[1]) «Тургеневъ въ Москвѣ».
[2]) Тамъ же.

вался книгой въ углу и плакалъ. Слава Богу, никто не обратилъ вниманія». Въ то же время явились и сердечныя увлеченія, не дававшія К. Н. удовлетворенія и счастья. По пріѣздѣ въ Москву, онъ поселился въ домѣ Охотниковой, находившейся въ свойствѣ съ его матерью, познакомился тамъ съ родственницей хозяйки, барышней Зинандой Яковлевной К—ой и полюбилъ послѣднюю. Отношенія ихъ длились около 5 лѣтъ и принимали разныя формы «отъ дружбы до самой пламенной и взаимной страсти» [1]). Но ихъ бракъ не состоялся; между прочимъ, этому браку противилась Ѳеодосія Петровна, которой была непріятна эта дѣвушка, годами старшая К. Н—ча. Въ зиму 1851 года отношенія между З. Яков. и К. Н—чемъ были какія то нерѣшительныя, неясныя. Онъ находилъ несказанное наслажденіе повторять себѣ и ей одно стихотвореніе Клюшникова, которое было ему тогда ближе всей остальной поэзіи: «Я не люблю тебя, но, полюбивъ другую, я презиралъ бы горько самъ себя», и въ то же время не могъ ни одного дня прожить, не видавъ этой дѣвушки.

Подъ такими впечатлѣніями Леонтьевымъ было написано въ этотъ 1851 годъ его первое произведеніе, комедія «Женитьба по любви».

Содержаніе этой комедіи таково:

Молодой человѣкъ Андрей Кирѣевъ живетъ въ Москвѣ со своей теткой. Ему нравится дѣвушка. У нея есть двоюродный братъ Бурцовъ, красивый брюнетъ, который служилъ и сражался на Кавказѣ. У Бурцова былъ раньше романъ съ этой дѣвушкой. Для нея онъ идеалъ мужчины,

---

[1]) Тамъ же.

для колеблющагося Кирѣева онъ то риторъ и офицеръ, à la Марлинскій, то примѣръ чести и мужества. Бурцовъ не захотѣлъ ни обольстить, ни жениться на своей кузинѣ, теперь ему хочется выдать милую и бѣдную дѣвушку за довольно состоятельнаго Кирѣева. Кирѣевъ самъ не знаетъ, любитъ ли онъ эту дѣвушку. Яницкій, другъ Кирѣева, красивый, богатый и озлобленный, тѣшится надъ Кирѣевымъ и увѣряетъ его, что онъ будто бы вовсе неспособенъ любить. Кирѣевъ раздирается отъ отчаянія: «Я не люблю тебя, но, полюбивъ другую, я презиралъ бы горько самъ себя». Чтобы доказать Яницкому, что онъ можетъ сдѣлать что нибудь сильное, Кирѣевъ рѣшается жениться. Но онъ очень несчастливъ, мучаетъ свою новобрачную, которая согласилась бы стать хорошей женой, свою тетку, которую подозрѣваетъ въ непріятномъ чувствѣ къ женѣ. Поссорившись и съ той, и съ другой, и почти прогнавши ихъ, онъ вызываетъ на дуэль Яницкаго изъ одного мщенія и отчаянія. Яницкій имѣетъ мужество отказаться отъ дуэли, чѣмъ совсѣмъ уничтожаетъ Кирѣева.

«Комедія эта, объясняетъ К. Н. [1]), была написана не для сцены, а для чтенія; она вся основана на тонкомъ анализѣ болѣзненныхъ чувствъ. Въ ней, я помню, было много лиризма, потому что она вырвалась у меня изъ жестоко настрадавшейся души!»

Рукописи своей онъ не сталъ читать ни роднымъ, ни любимой дѣвушкѣ, чтобы она не узнала его въ Кирѣевѣ, а прочиталъ ее только двумъ своимъ товарищамъ. Одинъ изъ нихъ, Алексѣй Георгіевскій, имѣлъ огромное вліяніе

---

[1]) «Тургеневъ въ Москвѣ», «Р. В.» 1888 г., № 2, стр. 102.

какъ на самое созданіе «Женитьбы по любви», такъ, главнымъ образомъ, на ея молодого автора и вообще на литературныя занятія послѣдняго.

Въ теченіе первыхъ двухъ университетскихъ курсовъ они были въ близкой дружбѣ. Землякъ К. Леонтьева, окончившій вмѣстѣ съ нимъ Калужскую гимназію, выросшій въ бѣдной семьѣ уѣзднаго чиновника, Георгіевскій при недостаточной образованности и начитанности, обладалъ замѣчательнымъ художественнымъ чутьемъ и глубокимъ философскимъ умомъ и былъ въ то же время человѣкъ озлобленный на жизнь, придирчивый, желчнаго и насмѣшливаго характера. К. Н. говоритъ, что Георгіевскій былъ для него тѣмъ же, чѣмъ Мефистофель для Фауста. Онъ глубоко, искренно любилъ Георгіевскаго и подчинялся ему настолько, что чувствовалъ себя у него въ какомъ-то «сердечномъ и умственномъ рабствѣ». Это его очень тяготило, но въ то же время дружба Георгіевскаго ему была необходима и незамѣнима. «Я около себя, говоритъ К. Н. [1]), не находилъ кромѣ него ни одного человѣка, съ которымъ бы я могъ такъ много, такъ свободно и такъ «современно», какъ говорится, разсуждать о Пушкинѣ и Гомерѣ, о Гоголѣ и Бѣлинскомъ, о любви и дружбѣ, о вѣрѣ и безвѣріи, объ общихъ началахъ науки и поэзіи. Говорили многіе довольно умно, читали... Но мнѣ всего этого было мало, а его независимый и мощный умъ не только удовлетворялъ, но даже подавлялъ меня безпрестанно».

Георгіевскій, выслушавъ пьесу своего друга, съ радостнымъ лицомъ обнялъ его и сказалъ: «Ну вотъ, Костя,

---

[1]) «Тургеневъ въ Москвѣ».

что-жъ ты жаловался? Вотъ тебѣ и награда за страданія твои. Это настоящій талантъ!» Одобренія и похвалы друга невыразимо утѣшили молодого автора, но ихъ ему было мало, онъ хотѣлъ найти высшаго судью своего перваго произведенія, въ лицѣ какого либо извѣстнаго писателя. Выборъ К. Н. остановился на И. С. Тургеневѣ. Оказалось, что послѣдній жилъ тогда на Остоженкѣ, почти напротивъ квартиры Леонтьева. Въ одно утро, весной того же 1851 года, Константинъ Николаевичъ съ стѣсненнымъ сердцемъ понесъ въ рукописи два дѣйствія своей комедіи къ Ивану Сергѣевичу.

Послѣдній такъ разсказывалъ позднѣе объ этой ихъ встрѣчѣ [1]): «Входитъ очень молодой человѣкъ, бѣлокурый, въ вицъ-мундирѣ съ треугольной шляпой и съ рукописью. Говоритъ, что его фамилія Леонтьевъ, жметъ мнѣ руку, извиняется, что у него нѣтъ шпаги, потому что отдалъ чинить что то въ ней, и потомъ, ни слова больше не говоря, садится и читаетъ. Читалъ онъ не слишкомъ хорошо и потому я предпочелъ самъ просмотрѣть рукопись». Черезъ день К. Н. вновь пришелъ къ Тургеневу и получилъ отъ него самый лестный отзывъ о «Женитьбѣ по любви». «Ваша комедія,—говорилъ ему Тургеневъ,—произведеніе болѣзненное, но очень хорошее... Видно, что Вы не подражаете ничему, а пишете прямо отъ себя».

Одновременно съ «Женитьбой по любви» Константинъ Николаевичъ началъ писать романъ подъ заглавіемъ: «Булавинскій заводъ», оставшійся неоконченнымъ. Героя этого романа, доктора Руднева, онъ позднѣе изобразилъ подъ тою же фамиліей въ романѣ: «Въ своемъ краю».

---

[1]) «Тургеневъ въ Москвѣ».

Этотъ докторъ Рудневъ пріѣхалъ изъ столицы въ лѣсъ управлять заводомъ и имѣніемъ богатаго молодого помѣщика и лѣчить его крестьянъ. Таково содержаніе двухъ-трехъ главъ «Булавинскаго завода».

«Руднева и Кирѣева—говоритъ К. Н.—я создавалъ въ одно и то же время. Все свое малодушное, все свое слабое я придалъ Кирѣеву, все солидное, почтенное, серьезное, что во мнѣ было, я вручилъ Рудневу. Я отдалъ Рудневу всегдашнюю серьезность и честность моей мысли, мою выдержку въ занятіяхъ (даже въ медицинскихъ, которыхъ я не любилъ), мою жажду знанія, мои grübeln и осыпалъ его за это внѣшними невзгодами, какъ осыпанъ былъ ими я самъ. Сверхъ того въ Кирѣевѣ была моя дворянская, «свѣтская», такъ сказать, сторона; въ Рудневѣ—моя «труженическая».

Познакомившись съ началомъ романа «Булавинскій заводъ», Тургеневъ нашелъ, что это произведеніе еще лучше «Женитьбы по любви». «У васъ большой талантъ, сказалъ онъ Леонтьеву. Рудневъ другое лицо; это ужъ не больной ребенокъ, какъ Кирѣевъ, а человѣкъ физически болѣзненный, но сильный мыслью и духомъ; онъ преданъ наукѣ. Это лицо вовсе новое». Такая оцѣнка первыхъ произведеній К. Леонтьева и созданныхъ имъ типовъ изъ устъ Тургенева, пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что кому же, какъ не создателю, позднѣе, типа доктора Базарова, было лучше всего судить, насколько докторъ Рудневъ являлся «новымъ лицомъ» въ 1851 году, когда литература была занята изображеніемъ преимущественно «лишнихъ людей». Тургеневъ почувствовалъ въ новомъ своемъ знакомомъ большую литературную силу, искренне сочувствовалъ его молодому таланту и принялъ

въ немъ горячее участіе, называя себя «литературной бабушкой», которой суждено принимать его рождающихся дѣтей.

Успѣхъ литературныхъ начинаній оживилъ К. Н. настолько, что отъ прежнихъ его терзаній и отчаянія не осталось и слѣда. Ужъ послѣ того, какъ имъ были написаны два дѣйствія его комедіи, ему стало гораздо легче. Покуда онъ писалъ свой романъ «Булавинскій заводъ» и переживалъ вмѣстѣ съ его героемъ стремленіе къ дѣятельности, къ независимости «въ лѣсу», душа его все «веселѣла и смягчалась» и «на этихъ радостяхъ, говоритъ К. Н., захотѣлъ я еще добра и добра... Кого бы пожалѣть? Кого еще полюбить? Я придумалъ для Руднева сироту младшаго брата, юношу молодца и красавца, котораго онъ взялъ съ собой изъ Москвы въ свой «лѣсъ»... Литературное вдохновеніе въ эту зиму 1851 года вдругъ забило у Леонтьева ключемъ: помимо комедій и романа, къ тому же времени относится его первый и единственный опытъ стихотворенія, отрывокъ небольшой поэмы, писанной гекзаметрами.

Самымъ свѣтлымъ лучомъ въ его жизни этого періода было, конечно, знакомство съ Тургеневымъ. Личность его литературнаго покровителя ему очень нравилась. Онъ былъ очень радъ, что Тургеневъ оказался «гораздо героичнѣе своихъ героевъ». И наружность Ивана Сергѣевича, и даже его костюмъ всецѣло удовлетворяли эстетическую требовательность К. Н.

Лѣто 1851 года К. Н. провелъ въ Кудиновѣ. «Я помню это лѣто въ нашемъ Калужскомъ имѣніи. Карамзинъ сказалъ про свою первую молодость: «Я помню восторги, но не помню счастья». Мнѣ захотѣлось, говоря

объ этомъ лѣтѣ въ родной деревнѣ, привести эти слова Карамзина, только немного измѣняя порядокъ ихъ: «конечно я не помню счастья, но помню восторги». Да, я ихъ помню и обязанъ я былъ ими больше всего Тургеневу» [1]). Однимъ изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ благопріятныхъ, по признанію Леонтьева, послѣдствій его знакомства съ Тургеневымъ было рѣшеніе порвать всякія сношенія съ терзавшимъ его самолюбіе и желчнымъ другомъ, Алексѣемъ Георгіевскимъ. По мѣрѣ сближенія товарищей, Георгіевскій становился все несноснѣе, придирчивѣе, несправедливѣе и неделикатнѣе въ отношеніи къ К. Н. Послѣдняго, въ концѣ концовъ, привязывало къ Георгіевскому лишь преклоненіе предъ его умомъ и отсутствіе какого либо другого человѣка, въ общеніи съ которымъ К. Н—чъ могъ бы находить удовлетвореніе своимъ литературнымъ и другимъ высшимъ интересамъ. Въ лицѣ Тургенева Леонтьевъ встрѣтилъ человѣка, который хотя не имѣлъ на него и десятой доли умственнаго вліянія, сравнительно съ Георгіевскимъ, и никогда не подчинялъ себѣ его воли, — но въ глазахъ своего восторженнаго почитателя являлся авторитетомъ дарованій и литературнаго опыта. Леонтьевъ порвалъ отношенія съ Георгіевскимъ твердо и рѣзко. Осенью 1851 года они съѣхались въ Москвѣ. Георгіевскій пришелъ къ К. Н—чу и по обыкновенію желчно и рѣзко началъ вышучивать и самого Леонтьева и его добраго покровителя. Въ то время у К. Н—ча въ гостяхъ находился еще одинъ знакомый, въ присутствіи котораго онъ не сталъ объясняться съ Георгіевскимъ. Когда же послѣдній уходилъ отъ него, Леонтьевъ

---

[1]) «Тургеневъ въ Москвѣ».

предложилъ ему проводить его по двору до воротъ. «Мы шли по двору сначала молча,—разсказываетъ К. Н—чъ. Мнѣ было больно, очень больно... Георгіевскій наконецъ догадался, что это не спроста и полушутливо спросилъ, подходя къ калиткѣ: «Батюшки, что это значитъ?»...

— А то значитъ,—сказалъ я, протягивая ему руку,— что я прошу тебя никогда больше ко мнѣ не ходить и, встрѣчаясь, не заговаривать даже со мной, а оставить меня въ покоѣ.

Онъ тихо пожалъ мнѣ руку и молча ушелъ. Я вернулся къ себѣ и со вздохомъ опустился на диванъ. И больно, и легко!»

Послѣ этого бывшіе друзья очень рѣдко встрѣчались и въ концѣ концовъ перестали даже кланяться другъ другу. Съ 1854 года К. Н. совсѣмъ потерялъ Георгіевскаго изъ виду, а въ 1866 году послѣдній отравился. «Ненависть моя противъ него вначалѣ, послѣ разрыва, пишетъ Леонтьевъ [1]), была такъ велика, что я нѣсколько разъ на лекціяхъ, узнавши издали его голосъ или его какую то особо изысканную манеру покашливать, исполнялся злобою и съ наслажденіемъ воображалъ его убитымъ и лежащимъ передо мною на землѣ въ крови. Это было совершенно непроизвольное движеніе сердца и оно стало повторяться все рѣже и рѣже по мѣрѣ того, какъ я рѣже и рѣже встрѣчался. Я понемногу сталъ къ нему равнодушенъ».

«Жизнь моя текла съ тѣхъ поръ своимъ путемъ и мысль моя развивалась, какъ ей было предначертано развиваться, безъ всякаго его участія. И съ тѣхъ поръ

---

[1]) «Тургеневъ въ Москвѣ».

я никогда уже не отдавался никому душой и умомъ такъ безусловно... То сердечное и умственное рабство, въ которомъ я прожилъ около двухъ лѣтъ тогда, уже ни разу и ни въ какой формѣ не повторялось въ моей жизни и мнѣ впослѣдствіи времени нужно было дѣлать даже усилія ума, чтобы вообразить себя въ этомъ состояніи, чтобы понять, какъ это такъ могло со мной случиться и какъ это я могъ такъ покорно его любить!»..

Тургеневъ, ознакомившись съ продолженіемъ «Женитьбы по любви», не измѣнилъ своего мнѣнія о комедіи К. Н. «Это сюжетъ, не говорю сценическій, но антидраматическій — пишетъ онъ ему въ письмѣ отъ 12 іюня 1851 года [1]), интересъ въ немъ даже не психологическій, а патологическій. Но со всѣмъ тѣмъ это вещь замѣчательная и оригинальная».

27 іюля 1851 года Тургеневъ отправилъ комедію Краевскому въ «Отеч. Записки» при письмѣ, въ которомъ писалъ: «Посылаю Вамъ, любезный Андрей Алек — чъ, произведеніе одного молодого человѣка, весьма замѣчательное, хотя еще не совсѣмъ зрѣлое, да чортъ ли въ зрѣлыхъ талантахъ, и если цензура не поставитъ особыхъ затрудненій, помѣстите это произведеніе въ вашемъ журналѣ... Мнѣ кажется, что у г-на Леонтьева есть будущность... Самъ я ничего не дѣлаю: устарѣлъ, батюшка, и обрюзгъ и радъ, какъ старый солдатъ, просящійся въ отставку, поставить за себя молодого рекрута. Вы лично меня обяжете скорымъ исполненіемъ моей просьбы, да и

---

[1]) «Тургеневъ въ Москвѣ».

сами, надѣюсь, будете мнѣ благодарны» [1]). Въ редакціи «Отеч. Записокъ» съ «Женитьбой по любви» познакомился критикъ Дудышкинъ и не хотѣлъ вѣрить, что автору ея только 21-й годъ; комедія произвела на него сильное впечатлѣніе: «при всей давней привычкѣ своей къ подобнаго рода чтенію, онъ готовъ былъ прослезиться подъ конецъ надъ горькой участью Кирѣева» [2]).

Однако первое произведеніе Леонтьева имѣло печальную судьбу: строгая въ то николаевское время цензура не пропустила невинную вещь начинающаго автора.

Какъ же отнесся къ этой первой своей неудачѣ Леонтьевъ? «Я отнесся къ ней до такой степени равнодушно и вообще хорошо,—писалъ онъ послѣ [3]), что и самъ до сихъ поръ почти удивляюсь этому. Я такъ смѣло, весело и покойно сталъ тогда вдругъ смотрѣть на свою литературную будущность, что два и три запрещенія не могли бы меня поколебать и разстроить»... О продолженіи «Булавинскаго завода», послѣ этой неудачи, нечего было и думать: провести его черезъ цензуру не было никакой надежды.

Знакомство съ Тургеневымъ хотя вначалѣ не дало Леонтьеву никакихъ практическихъ результатовъ, однако было очень полезно въ другихъ отношеніяхъ, какъ отчасти мы указали раньше. Осенью 1851 г. К. Н—чъ нѣсколько разъ видѣлся въ Москвѣ съ Тургеневымъ. «Старый солдатъ» познакомилъ «молодого рекрута» съ В. П. Бот-

---

[1]) Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена къ А. А. Краевскому. Приложеніе къ отчету Имп. Публ Библ. за 1890 г., стр. 18.

[2]) «Тургеневъ въ Москвѣ».

[3]) Тамъ же.

кинымъ; плѣшивый, невзрачный авторъ «Писемъ» не понравился Леонтьеву. Познакомилъ также съ графиней Сальясъ, въ домѣ которой Л—евъ потомъ встрѣчалъ Кудрявцева, Грановскаго, М. Н. Каткова, гр. Ростопчину, Щербину, Сухово-Кобылина и др. «Старый солдатъ» не ограничивался этими внѣшними заботами о «молодомъ рекрутѣ»: въ долгихъ разговорахъ съ нимъ онъ развивалъ свои мысли о литературѣ вообще и о русскихъ писателяхъ, напутствовалъ его совѣтами, всячески ободрялъ и утѣшалъ.

«Конецъ 51 года и весь 52-й годъ, разсказываетъ К. Леонтьевъ [1]), это было въ моей юношеской жизни время вообще довольно хорошее: многое разомъ въ эти полтора года неожиданно улыбнулось, многое улучшилось, просвѣтлѣло, и самъ я почти внезапно сталъ какъ то крѣпнуть, мужать и смѣлѣть... И если не всему, то очень, очень многому въ этомъ просвѣтленіи моей жизни былъ главной причиной Тургеневъ. Онъ и наставилъ, и вознесъ меня; — именно вознесъ; меня нужно было тогда вознести, хотя бы только для того, чтобы поставить на ноги».

Въ январѣ 1853 года К. Н—чъ ѣздилъ въ село Спасское, гостилъ тамъ у Тургенева и передалъ ему новое свое произведеніе «Нѣмцы», впослѣдствіи напечатанное въ «Моск. Вѣд.» подъ заглавіемъ «Благодарность». Тургеневъ, желая устроить эту повѣсть въ «Отечеств. Запискахъ», 11 января 1853 года писалъ о ней А. Краевскому: «Это довольно большая повѣсть, совершенно цензурная и я надѣюсь, что она произведетъ эффектъ». И

---

[1]) «Тургеневъ въ Москвѣ».

затѣмъ въ письмѣ отъ 28 того же января ему же: «Я надѣюсь, что по прочтеніи этой вещи, вы согласитесь со мною, что немногіе такъ начинали. Тамъ, между прочимъ, есть одно лицо, Цвѣтковъ, которое заслуживаетъ названіе типа. Это много» [1]).

При Леонтьевѣ медицинскій факультетъ московскаго университета, кажется, не имѣлъ крупныхъ научныхъ силъ, за исключеніемъ профессора Иноземцева. Кромѣ него, пользовался въ то время извѣстностью какъ практическій врачъ еще Оберъ.

Занятія литературой нисколько не отвлекали Леонтьева отъ медицины: онъ по прежнему исправно посѣщалъ лекціи и работалъ въ университетѣ, хотя, правда, по какимъ то причинамъ осенью 1852-го года не сдалъ экзаменовъ и остался на второй годъ на третьемъ курсѣ. По собственному его свидѣтельству, онъ разрывался между медициной и поэзіей, и въ то же время ими обѣими равносильно развивался. Хотя К. Леонтьевъ поступилъ на медицинскій факультетъ вопреки личнымъ желаніямъ и вкусамъ, но медицинскія занятія во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствовали внутреннимъ склонностямъ его.

По пріемамъ мышленія, по реалистическимъ склонно-

---

[1]) Отчетъ Публ. Библ., стр. 22 и 23. Для болѣе полной характеристики отношенія Тургенева къ К. Н — чу приведемъ еще слѣдующее мѣсто изъ письма Ив. С — ча къ И. И. Панаеву отъ 6 — 18 февраля 1853 г. (См. И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія съ приложеніемъ писемъ. Изд. 3-е 1888 года, стр. 398): «А вотъ что я могу вамъ сказать, — у меня здѣсь гостилъ Леонтьевъ, и оставилъ мнѣ отличную вещь, которую непремѣнно желалъ отдать Краевскому — другую же начатую, еще лучше, обѣщалъ кончить для «Современника». Я ее долженъ получить въ теченіе нынѣшняго мѣсяца, но къ апрѣльской книжкѣ надѣюсь доставить ее вамъ. Повѣсть Леонтьева вѣроятно явится въ мартовской книжкѣ «От. Зап.». Рекомендую ее вамъ».

стямъ ума, даже въ пору позднѣйшихъ мистическихъ настроеній, — это былъ прирожденный натуралистъ. До университета онъ страстно мечталъ о занятіяхъ зоологіей, на медицинскомъ же факультетѣ, не смотря на сильныя религіозныя впечатлѣнія дѣтства, К. Н — чъ сдѣлался послѣдователемъ матеріалистическихъ ученій. Эстетическимъ требованіямъ его натуры не только не противорѣчили точныя объективныя знанія, но скорѣе одно дополнялось другимъ. Объясненіе такой, на первый взглядъ парадоксальной, мысли можно найти у самого Леонтьева. «Въ одаренномъ воображеніемъ молодомъ врачѣ, говоритъ онъ [1]), совмѣщаются два совершенно противоположныхъ научныхъ чувства. Ихъ можно назвать: одно — чувствомъ удовольствія клиническаго, прямой любознательности патолога, который, забывая въ данную минуту и состраданіе къ человѣку, и эстетическія требованія, и самую брезгливость, — веселится умственно разнообразіемъ болѣзней, любопытными и тонкими оттѣнками припадковъ, самымъ видомъ внутренностей какихъ нибудь, вынутыхъ изъ трупа и обезображенныхъ болѣзненнымъ процессомъ. Другое, если хотите, тоже научное чувство, или лучше назвать его естественно-эстетическимъ чувствомъ, поддержаннымъ и укрѣпленнымъ раціональнымъ идеаломъ науки. Представленіе здороваго, бодраго, сильнаго, красиваго и ловкаго человѣка вообще чрезвычайно пріятно воображенію физіолога». Такое совмѣщеніе эстетическихъ и натуралистическихъ склонностей навело К. Н — ча на мысль заняться френологіей. Съ раннихъ лѣтъ онъ внимательно присматривался къ внѣшности лю-

---

[1]) «Востокъ, Россія и Славянство», т. 2, стр. 331.

дей; на примѣрахъ Тургенева и Боткина мы уже видѣли, что по наружному виду человѣка онъ судилъ о внутреннихъ качествахъ. Въ университетѣ К. Н — чъ увлекся френологіей. Изучалъ онъ Галля, Шнурцгейма, Комба, затѣмъ перешелъ къ болѣе научнымъ трудамъ Каруса «Символика человѣческаго образа», приходилъ въ восторгъ отъ книги Гучке «Мозгъ, черепъ, и душа» и даже выписывалъ изъ Германіи брошюры Энгеля о развитіи костей черепа и лица и капитальный трудъ Вирхова «О лицевомъ углѣ». Не одна только простая любознательность влекла Леонтьева къ этимъ трудамъ: при помощи физіогномики онъ мечталъ произвести великое обновленіе человѣчества, устроить общество на прочныхъ физіогномическихъ основаніяхъ, «справедливыхъ и пріятныхъ». Такова соціологія этого оригинальнаго эстета-натуралиста.

Война. Врачемъ въ Крыму.

Полнаго курса медицинскаго факультета Леонтьеву пройти не пришлось. Возгорѣвшаяся тогда Крымская компанія потребовала на театръ военныхъ дѣйствій медицинскихъ силъ, и К. Н.—чъ, не прослушавъ пятаго курса, 18 мая 1854 года получилъ степень лѣкаря, какъ изъявившій желаніе поступить на военно-медицинскую службу [1]), а 20 іюня того же года Высочайшимъ приказомъ о гражданскихъ чинахъ по военному вѣдомству былъ опредѣленъ въ Бѣлевскій Егерскій полкъ батальоннымъ лѣкаремъ.

Поступленіе его на военную службу объясняется вліяніемъ разнообразныхъ причинъ. Прежде всего, конечно, и онъ былъ охваченъ патріотическимъ воодушевленіемъ подъ впечатлѣніемъ грозныхъ военныхъ событій, тѣмъ болѣе, что Московскій университетъ прежде другихъ отозвался на предложеніе поступить въ военно-медицинскую службу и три московскихъ студента, показавшіе первый тому примѣръ, получили Монаршее благоволеніе [2]). Но Леонтьевымъ, при поступленіи его на службу, руководило, главнымъ образомъ, не патріотическое чувство, а то фи-

---

[1]) Историч. записка, рѣчи, стихи и отчетъ Имп. Моск. Университета, читанные въ торжеств. собраніи 12 января 1885 года. М. 1855 г., стр. 22.

[2]) С. Шевыревъ. «Исторія Имп. Моск. Университета». Москва, 1855 г., стр. 575.

зическое и душевное состояніе, въ которомъ онъ находился предъ этимъ, въ послѣдній годъ жизни въ Москвѣ. Здоровье его, разстроившееся, какъ мы видѣли, еще въ началѣ университетской жизни, не возстанавливалось потомъ вполнѣ и дѣло дошло, наконецъ, до того, что К. Н — чъ сталъ кашлять кровью, физически очень обезсилѣлъ; не проходило мѣсяца, чтобы онъ не простуживался. При его мнительности, такое болѣзненное состояніе вызывало въ немъ тоскливое и полное отчаянія настроеніе духа. Послѣднее удручалось, къ тому же, тогдашней неудачей его сердечныхъ дѣлъ въ отношеніи извѣстной намъ Зинаиды К — ой. Она вышла замужъ за состоятельного нижегородского помѣщика [1]). Для К. Н—ча необходима была какая нибудь коренная перемѣна его жизни. Служить въ центральной Россіи онъ не хотѣлъ, такъ какъ боялся, при своей врачебной неопытности, создать себѣ какъ врачу дурную репутацію въ средѣ лицъ, болѣе или менѣе знавшихъ его. Главное же, Леонтьевъ полагалъ, что лишь южный климатъ можетъ помочь его здоровью, и желалъ, въ то же время, быть поближе къ театру военныхъ дѣйствій.

Онъ сталъ проситься въ Севастополь или Керчь и 1 августа того же 1854 года былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ въ Керчь-Еникальскій военный госпиталь. Мать его всячески противилась этому назначенію, боясь опасностей войны. На дорогу она ему дала семейный, родовой, золотой ковчежецъ съ мощами, который онъ долженъ былъ надѣвать на себя въ случаяхъ опасности,

---

[1]) Впослѣдствіи она состояла начальницей нижегородскаго института.

и позднѣе дѣйствительно надѣвалъ, относясь съ благоговѣніемъ къ этой святынѣ.

Жизнь въ Керчи, куда Леонтьевъ пріѣхалъ 23 сентября и затѣмъ въ Еникале, куда онъ вскорости перебрался и гдѣ прожилъ почти безвыѣздно около шести мѣсяцевъ, — не представляла, однако, ничего опаснаго со стороны непріятеля. Врагъ почти не оперировалъ въ этой части полуострова и почти ничѣмъ не возмущалъ мирной жизни тамошняго населенія. Это даже нѣсколько печалило К. Н — ча тѣмъ болѣе, что ему пришлось въ скучномъ маленькомъ городкѣ вести жизнь однообразную и довольно безцвѣтную.

Время уходило преимущественно на службу, такъ какъ много солдатъ простуживалось, въ особенности въ осеннее время. Въ иные мѣсяцы у него было до 200 больныхъ въ день, въ томъ числѣ и много раненыхъ изъ Севастополя. Трудъ въ госпиталѣ являлся, въ то же время, мало благодарнымъ занятіемъ: военная аптека, при скудости ея средствъ, доставляла такія лекарства, которымъ нельзя было довѣрять и о дѣйствіи которыхъ на больного нельзя было судить. Объ удовольствіяхъ въ жалкой крѣпости на уныломъ и безлѣсномъ берегу «Киммерійскаго Босфора», въ странѣ «Киммерійскаго мрака», конечно, и думать было нечего, да если бы они и были, то едва ли Леонтьевъ могъ ими пользоваться при 20 рубляхъ его жалованья въ мѣсяцъ, безъ всякой матеріальной поддержки отъ родныхъ и матери, которая сама еле-еле перебивалась, и при его щепетильной требовательности въ выборѣ развлеченій. Общество же въ Еникале составляли лишь сослуживцы Леонтьева, сѣрые, неинтересные и чуждые ему люди.

Вотъ какъ встрѣтила жизнь сошедшаго со школьной скамьи, романтически настроеннаго, мечтавшаго о литературной будущности 23-лѣтняго идеалиста! Но это первое испытаніе не сломило его силъ! Вотъ что говоритъ онъ о томъ времени въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ [1]). «Я самъ хотѣлъ быть тогда хорошимъ или по крайней мѣрѣ хоть сноснымъ военнымъ лѣкаремъ, и пока (разумѣется, пока) больше ничего! Тѣмъ лучше! Какъ прекрасно! Здорово! (Я былъ тогда помѣшанъ на здоровьѣ). Да! здорово и таинственно! Полезно и вовсе ново, не испытано... Правда, я скучалъ иногда или скорѣе идеально грустилъ въ теченіи этой трудной зимы, иногда, но очень рѣдко. Скорѣе, я былъ счастливъ; я былъ бодръ и дѣятеленъ въ этой «сѣрой» средѣ, вблизи отъ этой великой исторической драмы, которой отзывы постоянно доходили и до насъ; въ безпрестанномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ и мы всѣ здѣшніе — керченскіе — будемъ вовлечены въ потокъ этой кровавой борьбы... Когда мнѣ становилось на минуту тяжело и скучно, я съ ужасомъ (именно съ ужасомъ) вспоминалъ, какъ я пять лѣтъ подъ рядъ въ Москвѣ все грустилъ, все раздирался, все анализировалъ и себя, и другихъ, и содрогаясь, все подозрѣвалъ, что и меня другіе анализируютъ съ «язвительной улыбкой»; все учился и нестерпимо мыслилъ; мыслилъ и учился... Болѣзненно любилъ, болѣзненно мыслилъ, безпокойно страдалъ, все высокими и тонкими страданьями... Я вспоминалъ объ этомъ съ ужасомъ и почти со стыдомъ... Я вспоминалъ обо всемъ этомъ съ отвращеніемъ, глядѣлся въ зеркало, видѣлъ, до чего эта простая,

---

[1]) «Современныя извѣстія», 1887 г., № 54. «Сдача Керчи въ 55 году».

грубая и дѣятельная жизнь даже тѣлесно переродила меня: здѣсь я сталъ свѣжъ, румянъ и даже помолодѣлъ въ лицѣ до того, что мнѣ все давали не больше 20 лѣтъ, а иные даже не больше 19 лѣтъ... И я былъ отъ этого въ восторгѣ и начиналъ почти любить даже и взяточниковъ, сослуживцевъ моихъ, которые ничего «тонкаго» и «возвышеннаго» не знаютъ и знать не хотятъ! На радостяхъ я находилъ много въ нихъ «человѣческаго» и ничуть не враждовалъ съ ними... Я трудился, я нуждался, я уставалъ тѣломъ, но блаженно отдыхалъ «въ этой глуши и сердцемъ, и умомъ».

Однако спокойное теченіе жизни въ Еникале скоро было нарушено. Весной 1855 года Леонтьева «стало манить куда-то на волю», ему «захотѣлось иной дѣятельности, иной жизни, иной борьбы, не труда честнаго, а боевой опасности: захотѣлось въ лагерь, въ поле, въ полкъ куда-нибудь; въ самый Севастополь, если можно» [1]). Онъ сталъ просить перевода и 12 мая 1855 года, по распоряженію командовавшаго войсками въ восточной части Крыма, былъ командированъ къ Донскому казачьему № 45 полку. Но и безъ этого назначенія Леонтьеву все равно пришлось бы разстаться съ Еникале, такъ какъ именно того же 12 мая союзники высадили десантъ вблизи Керчи и послѣдняя, а также и Еникале были оставлены русскими войсками.

Случайно вышло такъ, что Леонтьевъ, получивъ извѣстіе о переводѣ въ полкъ, въ этотъ день 12 мая пріѣхалъ утромъ въ Керчь и былъ очевидцемъ того, какъ городъ былъ покинутъ нашими войсками и съ моря подходили

---

[1]) См. тамъ-же.

къ нему непріятельскія суда. Во время передряги К. Н. не могъ ни узнать, гдѣ находится его полкъ, ни даже найти какую либо подводу или лошадь для выѣзда изъ Керчи. Ему грозило остаться въ городѣ, т. е. попасть въ плѣнъ къ врагамъ. Но эта опасность, а также волнующееся у ногъ море съ непріятельскими кораблями вдали, дивная весенняя погода вызвала въ немъ такое настроеніе, о которомъ онъ послѣ говорилъ, что для него этотъ день военной неудачи нашей былъ однимъ изъ самыхъ веселыхъ дней его жизни. Изъ затруднительнаго положенія вывелъ его казакъ съ свободной лошадью. Они, вмѣстѣ съ другимъ присоединившимся къ нимъ казакомъ, отправились изъ Керчи по направленію къ приблизительному мѣсту нахожденія нашихъ войскъ, рискуя попасть въ руки высадившихся враговъ, суда которыхъ имъ видны были изъ степи. Леонтьевъ чувствовалъ себя прекрасно. «Я былъ въ упоеніи, — разсказываетъ онъ объ этой поѣздкѣ [1]). Нѣтъ, я не такъ говорю!.. Я былъ теперь еще въ несравненно большемъ упоеніи, чѣмъ давеча въ городѣ! Направо отъ насъ тянулась безконечно вдаль холмистая зеленая-презеленая степь... На синемъ небѣ не было ни облачка... Крымскіе жаворонки пѣли и пѣли, взлетая все выше и выше... Ихъ было множество, и трава на степи была очень свѣжа, майская трава, еще ничуть отъ жары не желтѣющая, — высокая, душистая, густая...

«Природа и война! Степь и казацкій конь верховой! Молодость моя, моя молодость и чистое небо!..

«Жаворонки, эти жаворонки, о Боже! и быть можетъ еще впереди — опасность и подвиги!..

---

[1]) См. тамъ же.

«Нѣтъ! Это былъ какой-то апоѳеозъ блаженства!..

«Здѣсь... въ этой простой, здоровой, первобытной жизни я буду счастливъ; я уже счастливъ и теперь до райскаго спокойствія. И самая боль отъ деревяннаго сѣдла безъ подушки, на которомъ я ѣхалъ сейчасъ рысью, только усиливаетъ мое тихое счастье. И я могу хоть сколько нибудь равняться съ этими сынами степей, съ этими донскими центаврами. Они оба даже на подушкахъ, а я безъ подушки! Я-ли? Я-ли это? И какъ я этого, даже дивлюсь, удостоился... Боже мой».

Такими жизненными впечатлѣніями росла и крѣпла душа будущаго проповѣдника жизни сильной, простой и красивой. Здѣсь не лишне будетъ сказать о двухъ эпизодахъ, происшедшихъ во время только что описанной поѣздки по степи. Леонтьевъ со своими спутниками присоединился къ казачьему отряду. Имъ на пути встрѣтилось стадо овецъ мѣстнаго помѣщика Багера. Казаки въ присутствіи своего начальника — офицера — не рѣшались воспользоваться этой легкой, но запрещенной добычей. Тогда Леонтьевъ, возбужденный впечатлѣніями дня, съ присущею ему рѣшительностью и смѣлостью неожиданно скомандовалъ:

— Ну, чего смотришь, братъ! Бери, чего зѣвать! У Багера много. Теперь война. Вѣдь намъ тоже ѣсть надо.

Почитатель Тургенева скоро повторилъ то же самое въ имѣніи одного помѣщика, гдѣ казаки нерѣшительно остановились передъ запертою дверью погреба съ хранившеюся тамъ простоквашею. По приказанію К. Н — ча, они взломали эту дверь и простокваша была съѣдена при его участіи.

По пріѣздѣ Леонтьева въ лагерь началась для него бивуачная жизнь въ степи, куда доносились отзвуки и страшнаго боя 6 іюня, и сдачи Севастополя въ концѣ августа. Но и въ этой степи «были рекогносцировки, не лишенныя занимательности, были кавалерійскія схватки съ убитыми, плѣнными и свѣжими ранами. Были бомбы однажды и даже разорванные люди, всего двое, но были». Вначалѣ долгое время приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, затѣмъ полкъ передвигали то въ Аргинъ, гдѣ Леонтьевъ пользовался комнатой въ обширномъ домѣ помѣщика Ладинскаго, то въ Пропачь и др. мѣста. Два раза К. Н. ѣздилъ въ Ѳеодосію, гдѣ въ первый разъ, въ іюлѣ, оставался около мѣсяца, приблизительно до середины августа, и пользовался морскими купаньями. Тутъ, повидимому, произошло первое его знакомство съ будущей женой, тогда красивой дѣвушкой греческаго происхожденія, дочерью мѣстнаго мелкаго торговца Политова. Ѳеодосія очень понравилась Леонтьеву, и 24 ноября 1855 года онъ былъ прикомандированъ къ Ѳеодосійскому военно-временному госпиталю, по протекціи мѣстнаго коменданта. 18 января 1856 года К. Н — ча командировали въ военно-временный госпиталь въ Карасу-Базаръ, грязный, восточнаго типа городъ, гдѣ онъ сильно заболѣлъ лихорадкой, тревожившей его иногда и раньше. Новая поѣздка въ Ѳеодосію избавила его отъ этой болѣзни.

Такая бродячая жизнь, наконецъ, стала въ большую тягость Леонтьеву, онъ началъ хлопотать объ отпускѣ, даже мечтать объ отставкѣ. «Съ истинной отрадой, пишетъ онъ матери 10 декабря 1855 года, пріѣхалъ бы я въ наше Кудиново, я высосалъ изъ Крыма, что могъ, больше надѣяться мнѣ здѣсь нечего». Сталъ онъ созна-

вать, что не только эта бродячая жизнь, но и дѣятельность военнаго врача совершенно не по его характеру и не по его склонностямъ. Что могла дать ему, обласканному Тургеневымъ, полному гордыхъ и смѣлыхъ плановъ на будущее, требовавшему отъ жизни красоты, блеска и силы, — жалкая карьера скромнаго труженика-доктора, въ какомъ нибудь полку, заброшенномъ въ скверный городишко или въ какой нибудь аулъ Біюкъ-Хаджиларъ! Конечно, онъ могъ и долженъ былъ сказать себѣ: «мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы!». Леонтьевъ сознавалъ, что его жизнь проходитъ здѣсь безслѣдно и безславно, что ничего имъ не сдѣлано, жизнь его какъ то остановилась и замерла. Въ сохранившихся его письмахъ къ матери, которой онъ писалъ изъ Крыма очень часто и регулярно, — это сознаніе прорывается часто, ярко и выразительно, иногда въ шутливой формѣ. «Мнѣ, — пишетъ онъ, минетъ 26 (!!!) лѣтъ, а я еще не женатъ! Боже мой!!!»... «Мнѣ уже 26-й годъ (ужасъ беретъ!!!), а я еще не носилъ хорошаго штатскаго платья, которое ко мнѣ такъ идетъ!! Не больно ли это?». Перебираетъ ли онъ свои бумаги, свои рукописи, и съ грустью замѣчаетъ: «видишь, исписанной бумаги много, много положено дорогого сердцу труда, а конченнаго ничего еще нѣтъ! Такъ, какъ вспомнишь, что уже 26 годъ пошелъ, какъ то словно страшно станетъ, что ничего капитальнаго еще не сдѣлано. Нѣтъ, надо, надо ѣхать домой, и посвятивши цѣлый годъ тишинѣ и свободѣ, написать что нибудь опредѣлительное, которое могло бы мнѣ самому открыть, до какой степени я силенъ и въ чемъ именно слабъ!! А тамъ что Господь Богъ дастъ»[1]).

[1]) Письмо отъ 6 марта 1856 года.

Но не только о тихомъ Кудиновѣ, даже о Южномъ берегѣ, куда Леонтьевъ стремился, мечтать ему еще было рано: вмѣсто отпуска онъ получилъ новое назначеніе, именно 31-го марта того же 1856 года его прикомандировали къ Симферопольскому военному госпиталю. Уже и раньше К. Н. пользовался иногда свободнымъ временемъ и работалъ надъ новой своей комедіей. Въ Симферополѣ же у него оказалось еще болѣе досуга, такъ какъ 18 марта былъ заключенъ миръ и госпитальной работы стало немного. Здѣсь Леонтьевъ продолжалъ свою комедію, начатую въ Крыму, еще въ Еникале, по всей вѣроятности — «Трудные дни», впослѣдствіи напечатанную въ «Отеч. Запискахъ». Кромѣ комедіи, онъ заканчивалъ здѣсь и какую-то повѣсть.

Наконецъ въ исходѣ сентября или въ самомъ началѣ октября 1856 года ему дали отпускъ на 6 мѣсяцевъ. Сдѣлавъ въ теченіи недѣли поѣздку по Южному берегу Крыма, побывавъ въ Алупкѣ, Севастополѣ, Бахчисараѣ, остальное время отпуска до апрѣля 1857 года прожилъ въ имѣніи радушнаго крымскаго помѣщика Іос. Ник. Шатилова, Тамакѣ. Жизнь тамъ текла очень спокойно, въ уютной и удобной обстановкѣ: К. Н. началъ здѣсь большой романъ, можетъ быть — впослѣдствіи напечатанный въ «Отеч. Зап.» «Подлипки». «Я всю зиму въ Тамакѣ бредилъ отрывками изъ этого романа», пишетъ онъ матери. Задумавъ совсѣмъ покинуть военную службу и надѣясь заработать денегъ, Леонтьевъ чуть-чуть не остался въ Тамакѣ надолго, на службѣ врачемъ у мѣстныхъ помѣщиковъ, но это дѣло разстроилось и въ началѣ апрѣля, по окончаніи отпуска, онъ снова вернулся къ своимъ прежнимъ служебнымъ обязанностямъ, перебравшись въ Ѳеодосію, куда мѣсяца

за три до того былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ въ военный госпиталь.

Отсюда, въ іюнѣ, онъ опять сдѣлалъ поѣздку къ Южному берегу, побывалъ въ Ялтѣ, въ Никитскомъ ботаническомъ саду, который желалъ осмотрѣть для одной своей статьи, предназначенной къ подачѣ Пирогову. Въ Ѳеодосіи ему жилось хорошо: удобная казенная квартира, незначительная работа въ госпиталѣ, чудная южная погода, любимыя литературныя занятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сердечныя увлеченія. «До 1-го іюля буду ѣсть, курить и пить кофе на счетъ одной весьма милой дѣвушки, съ которой мы всегда дѣлимся, какъ можемъ; когда у меня есть деньги, она беретъ отъ меня подарки, а теперь она взяла шить наволочки и чехлы на стулья у кого-то, чтобы я могъ ѣсть и курить табакъ до іюля», — признается онъ въ письмѣ къ матери.

Наконецъ, 10 августа 1857 года К. Н. получилъ увольненіе отъ службы по прошенію и въ сентябрѣ поѣхалъ съ юга въ Москву. Такимъ образомъ, закончился крымскій періодъ его жизни. Впослѣдствіи Леонтьевъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о времени своей военной службы. Она освободила его отъ тяжелыхъ московскихъ впечатлѣній и тутъ онъ впервые полной грудью дохнулъ жизни простой, свѣжей, безыскусственной. Это былъ первый опытъ провѣрки себя, своей пригодности къ медицинской дѣятельности и своего неодолимаго влеченія къ литературнымъ занятіямъ.

Въ имѣніи бар. Розенъ. К. Н. оставляетъ навсегда медицину. Женитьба. Неудачи въ Петербургѣ. Эстетъ — аморалистъ. Разрывъ съ либерализмомъ.

По пріѣздѣ въ Москву, Леонтьевъ началъ хлопотать о мѣстѣ, такъ какъ въ вопросѣ о матеріальномъ достаткѣ онъ могъ разсчитывать только на самого себя. Литература дала ему пока очень небольшой заработокъ. Къ тому времени, съ начала его литературной дѣятельности, появились въ печати лишь повѣсти «Благодарность», «Лѣто на хуторѣ», «Ночь на пчельникѣ» и еще готовились къ печати комедія «Тяжелые дни» и повѣсть «Сутки въ аулѣ Біюкъ-Дортэ» («обличительный пустякъ», по позднѣйшему его отзыву, разсказъ изъ военной жизни въ глухомъ мѣстечкѣ Крыма). Существовать на литературный заработокъ, конечно, и думать было нечего. Живя въ этотъ разъ въ Москвѣ, онъ уже испытывалъ крайнюю нужду.

Профессоръ Иноземцевъ, благоволившій къ К. Н., предлагалъ ему остаться у него. Но Леонтьевъ, подъ протекціей знаменитаго врача хотя могъ бы сдѣлать въ Москвѣ блестящую медицинскую карьеру, почему-то отказался отъ этого лестнаго предложенія и весной 1858 года взялъ

себѣ мѣсто домашняго врача въ имѣніи Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губ. у бар. Розенъ. 7 марта 1859 года, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, предписаніемъ нижегородскаго военнаго губернатора онъ былъ опредѣленъ врачемъ, съ правомъ государственной службы, тамъ же при имѣніяхъ полковницы баронессы Розенъ и дѣйств. стат. сов. Штевенъ.

Спокойно, разнообразно, весело протекли два года его жизни подъ кровомъ радушной и образованной баронессы Розенъ, съ которой онъ сблизился до горячей интимной дружбы. Леонтьевъ лѣчилъ крестьянъ, занимался науками съ сыновьями своей хозяйки, писалъ, много читалъ, особенно по естествознанію, философіи, русской и иностранной изящной литературѣ, участвовалъ въ веселыхъ кавалькадахъ и семейныхъ празднествахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подводилъ итоги выяснявшагося своего эстетическаго міросозерцанія, для котораго годы военной службы и затѣмъ тихой деревенской жизни прошли, конечно, не безслѣдно.

Весной 1860 года, томимый покойной, хотя и счастливой жизнью у бар. Розенъ, движимый жаждою новыхъ перемѣнъ и самолюбіемъ, не допускавшимъ безславнаго прозябанія въ должности сельскаго врача, онъ оставилъ и эту службу [1]) и переѣхалъ къ себѣ въ Кудиново.

Здѣсь у себя въ деревнѣ К. Н—чъ хотѣлъ окончательно обдумать свое положеніе и тутъ-то онъ рѣшилъ разъ навсегда бросить практическую медицину. Она уже давно его стѣсняла. Еще изъ Крыма онъ писалъ своей

---

[1]) Уволенъ былъ отъ службы по прошенію позднѣе, именно 13 февраля 1861 г.

матери о «нелюбви къ шарлатанству и заискиванію, которыми берутъ такъ часто многіе лѣкаря!!.» «Обречь себя навсегда на скачку практическаго врача я не хотѣлъ бы и подобная необходимость была бы истиннымъ несчастьемъ, потому что, зная себя, я убѣжденъ, что всегда на подобномъ поприщѣ буду затерянъ въ массѣ и особенно порядочнаго ничего не сдѣлаю, и денегъ даже наживу меньше другихъ!»

Онъ окончательно охладѣлъ къ медицинской дѣятельности, рѣшилъ отправиться изъ Кудинова въ Петербургъ и жить тамъ исключительно литературнымъ трудомъ.

Предъ тѣмъ въ апрѣлѣ имъ была написана небольшая, но богатая оригинальными мыслями замѣтка о романѣ Тургенева «Наканунѣ», озаглавленная «Письмо провинціала къ г. Тургеневу». Это письмо было передано самимъ Тургеневымъ въ редакцію «Отеч. Записокъ» съ просьбою напечатать его. Оно появилось въ майской книжкѣ «Отеч. Запис.» за 1860 годъ. Въ этомъ же году въ «Библ. для чт.», кн. 4, Леонтьевъ помѣстилъ свой «Второй бракъ», нѣсколько растянутую повѣсть о томъ, какъ безъ огня и страсти понемногу сближались другъ съ другомъ скучающая вдова Бобруйская и холодный самолюбивый Герцфельдъ, какъ она, боясь съ своей стороны уступчивости и слабости, вдругъ сдѣлала ему отпоръ, который чуть не повелъ сперва къ полному разрыву, но затѣмъ скоро вызвалъ у нихъ теплое взаимное чувство.

Какъ о повѣсти «Второй бракъ», такъ и о всѣхъ раньше того напечатанныхъ своихъ произведеніяхъ Леонтьевъ послѣ отзывается очень отрицательно... «Претензіи, слишкомъ яркія картины, слишкомъ замѣтно вліяніе

Тургенева и тому подобныхъ! Да и направленіе какое-то безсмысленное», — сказалъ онъ о нихъ въ одной своей замѣткѣ [1]).

Леонтьева влекло въ Петербургъ, въ этотъ центръ умственной жизни. Его убѣжденія къ этому времени уже рѣзко отличались отъ господствующихъ умственныхъ теченій той эпохи. Онъ самъ сознавалъ эту разницу и горѣлъ желаніемъ показать людямъ тамъ, въ Петербургѣ, какъ надо мыслить и какъ надо жить.

«Все хорошо, что прекрасно и сильно», думалъ онъ, собираясь въ Петербургъ: «будь это святость, будь это развратъ, будь это охраненіе, будь это революція, — все равно! Люди не поняли еще этого. Оттого они все на что-то жалуются и все что-то не такъ пишутъ. Я поѣду въ столицу и открою всѣмъ глаза — рѣчами, статьями, романами, лекціями — чѣмъ придется; но открою» [2]).

Спокойный, здоровый, веселый и самоувѣренный пріѣхалъ К. Н. въ концѣ 1860 года въ Петербургъ и поселился у своего брата Владиміра Николаевича. Матеріальная необезпеченность заставила его скоро прибѣгнуть къ урокамъ, къ переводамъ съ нѣмецкаго, вообще къ тому непроизводительному труду, которымъ онъ всегда тяготился. Въ домѣ брата онъ давалъ уроки юной его дочери, нынѣ здравствующей Маріи Владиміровнѣ Леонтьевой, до сего времени съ восторгомъ вспоминающей объ этихъ занятіяхъ, на которыхъ ея «дядя» увлекательно преподавалъ ей исторію, словесность и др. предметы на уровнѣ почти университетскихъ курсовъ.

---

[1]) «Гдѣ разыскать мои сочиненія послѣ моей смерти?» «Русс. Обозрѣн.» 1894 г. кн. 8.

[2]) См. ст. Александрова въ «Русск. Вѣстн.».

Въ Петербургѣ засталъ К. Н—ча манифестъ 19 февраля, который былъ встрѣченъ имъ съ восторгомъ. «Въ началѣ этихъ (60) годовъ я былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которымъ ужъ не нравились западное равенство и бездушное однообразіе демократическаго идеала; но я, подобно людямъ славянофильскаго оттѣнка, воображалъ почему то, что наша эмансипація совсѣмъ не то, что западная; я не мечталъ, а непоколебимо почему то вѣрилъ, что она сдѣлаетъ насъ сейчасъ или вскорѣ болѣе національными, гораздо болѣе русскими, чѣмъ мы были при Николаѣ Павловичѣ. Я думалъ, что мужики и мѣщане наши, теперь болѣе свободные, научатъ насъ жить хорошо по русски, укажутъ намъ, какими господами намъ быть слѣдуетъ, — представятъ намъ живые образцы русскихъ идей, русскихъ вкусовъ, русскихъ модъ даже; русскаго хорошаго хозяйства, наконецъ! Особенно въ хозяйство ихъ мы сначала слѣпо всѣ вѣрили! Вѣрили, кромѣ того, въ знаменитый, какой-то особливый «здравый смыслъ», въ могучую религіозность ихъ, въ благоразумное и почти дружеское отношеніе къ землевладѣльцамъ и т. д. О томъ, что пришлось во всемъ этомъ скоро разочароваться, я не нахожу даже и нужнымъ подробно говорить» [1]).

Ѳеодосія Петровна Леонтьева была очень консервативно настроена въ отношеніи реформы. К. Н—чу пришлось выдержать съ ней сильную борьбу, отстаивая интересы крестьянъ, среди которыхъ у него много было друзей, съ которыми онъ всегда любилъ запросто говорить.

---

[1]) «Гражданинъ», «Плоды національныхъ движеній на православномъ Востокѣ», 1888 г. № 311.

Выступать съ лекціями, рѣчами, статьями или романами, гдѣ развивались бы идеи о прекрасномъ, о цѣнности разнообразія въ жизни, о развитіи сильной личности, — Леонтьеву въ этотъ разъ не пришлось. Общество того времени слишкомъ было занято вопросомъ о реформѣ и ему, конечно, было не до теоріи Леонтьева. Не имѣя никакой возможности гдѣ бы то ни было печатать то, что онъ хотѣлъ, онъ долженъ былъ успокаивать себя немного лишь словесными изложеніями своихъ взглядовъ въ частныхъ бесѣдахъ. Въ печати же появилась за это время лишь его критическая статья «По поводу разсказовъ Марка Вовчка», гдѣ Леонтьевъ, защищая эстетическую точку зрѣнія, искуссно полемизируетъ съ Добролюбовымъ.

1861-й годъ имѣлъ большое значеніе въ личной жизни Леонтьева. Весною братъ Владимиръ Николаевичъ попросилъ его отвезти въ Кудиново на лѣто Марію Владиміровну. Пріѣхалъ К. Н. въ имѣніе, но не долго тамъ прожилъ. Однажды онъ какъ-то говоритъ своему слугѣ: «Ну, что же? Теперь, кажется, пора!» — и неожиданно уѣзжаетъ изъ деревни неизвѣстно куда. Оказывается, онъ отправился въ Крымъ, въ Ѳеодосію, и тамъ, не предупредивши никого изъ родныхъ, повѣнчался 19 іюля съ Елизаветой Павловной Политовой, той самой полуграмотной, простодушной и красивой мѣщанкой, о которой мы говорили раньше. Одинъ изъ друзей Леонтьева намъ передавалъ, что К. Н. считалъ себя обязаннымъ къ этому браку, въ силу тѣхъ отношеній, которыя существовали между нимъ и Елизаветой Павловной раньше, во время крымской кампаніи. Однако чувство долга совпало здѣсь съ личной симпатіей Л—ва. Онъ крѣпко полюбилъ эту дѣ-

вушку и память о ней не остывала въ немъ за время долгой разлуки послѣ крымской войны. Помимо того, онъ терпѣть не могъ образованныхъ, свѣтскихъ барышень, считая ихъ испорченными интеллигентною жизнью, и всегда мечталъ о женѣ изъ простого званія, наивной, не зараженной дурными привычками образованнаго круга.

Оставивъ жену въ Крыму, осенью 1861 года онъ снова вернулся въ Петербургъ. Въ это время въ 9, 10 и 12 кн. «Отеч. Зап.» появился первый большой его романъ «Подлипки».

Этотъ романъ представляетъ собою рядъ не всегда тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ картинъ, сценъ, съ массой главныхъ и второстепенныхъ лицъ. Въ немъ, какъ и въ жизни, предъ читателемъ быстро смѣняются одно другимъ и проходятъ самыя разнообразныя явленія. Поэтому представилось бы затруднительнымъ изобразить подробное содержаніе «Подлипокъ». Въ двухъ же трехъ словахъ содержаніе ихъ таково. Впечатлительный, задумчивый и нервный юноша Ладневъ, послѣ многихъ неглубокихъ увлеченій женщинами, послѣ ряда мелкихъ и крупныхъ душевныхъ бурь, встрѣчается съ Софьей Ржевской, холодной, самостоятельной и блестящей дѣвушкой; на его любовь она отвѣчаетъ лишь участливымъ вниманіемъ и дружбой. Отъ этой неудачи онъ успокаивается въ тишинѣ родной деревни, Подлипокъ, гдѣ скоро является новое увлеченіе: кроткая Паша, подарившая его «нѣсколькими днями самой чистой, самой глубокой нѣги и тоски». Ладневъ сталъ уже не шутя думать о томъ, какъ бы обольстить ее, но во время остановился, совершивъ надъ собою первый истинный опытъ воли, и упросилъ Пашу уѣхать изъ Подлипокъ.

Уже краткое содержаніе «Подлипокъ» показываетъ, насколько это произведеніе, лишенное какой бы то ни было тенденціи, мало отвѣчало литературнымъ вкусамъ тогдашняго общества, воспитаннаго на критическихъ статьяхъ радикальныхъ журналистовъ и требовавшаго отъ художественнаго произведенія общественной идеи или сочувствія низшимъ классамъ. Первый романъ Леонтьева прошелъ незамѣченнымъ критикой, о немъ не появилось ни одного ни хвалебнаго, ни отрицательнаго отзыва.

Здѣсь будетъ у мѣста сказать о второмъ большомъ романѣ Леонтьева «Въ своемъ краю», напечатанномъ въ «Отеч. Записк.» (1864). Содержаніемъ этого романа является также рядъ картинъ изъ помѣщичьей деревенской жизни, съ пирушками, веселыми пикниками, идейными спорами и разнообразными увлеченіями. На этомъ фонѣ изображена жизнь скромнаго доктора Руднева; прототипомъ его является Рудневъ «Булавинскаго завода», въ которомъ Леонтьевъ изобразилъ труженническую сторону своего духа. Гораздо интереснѣе другое лицо въ разсматриваемомъ романѣ, изящный, блестящій Милькѣевъ, въ лицѣ котораго авторъ представилъ свою идейную и свѣтскую сторону. Милькѣевъ своими взглядами оказывалъ «соблазняющее вліяніе» на окружающихъ.

Идеи же, которыя онъ проповѣдывалъ, таковы:

«Нравственность есть только уголокъ прекраснаго, одна изъ полосъ его... Иначе куда же дѣть Алкивіада, алмазъ, тигра и т. п.». «Мораль есть рессурсъ людей бездарныхъ». «Исполняютъ же люди долгъ честности, а я исполняю долгъ жизненной полноты». «А какъ же оправдать насиліе?» — спрашиваютъ Милькѣева. «Оправдайте прекраснымъ, отвѣчаетъ онъ, одно оно вѣрная мѣрка на все...»

«Что бояться борьбы и зла?.. Нація та велика, въ которой добро и зло велико. Дайте и злу, и добру свободно расширить крылья, дайте имъ просторъ... Не въ томъ дѣло, поймите, не въ томъ дѣло, чтобы отеческими заботами предупредить возможность всякаго зла... А въ томъ, чтобы усилить творчество добра. Отворяйте ворота: вотъ вамъ, создавайте; вольно и смѣло... Растопчутъ кого нибудь въ дверяхъ — туда и дорога! Меня — такъ меня, васъ — такъ васъ... Вотъ что нужно, что было во всѣ великія эпохи. Зла бояться? О Боже! Да зло на просторѣ родитъ добро! Не то нужно, чтобы никто не былъ раненъ, но чтобы были раненому койки, докторъ и сестра милосердія... Не въ томъ дѣло, чтобы никто не былъ обманутъ, но въ томъ, чтобы былъ защитникъ и судья для обманутаго; пусть и обманщикъ существуетъ, но чтобы онъ былъ молодецъ, да и по молодецки былъ бы наказанъ... Если для того, чтобы на одномъ концѣ существовала Корделія, необходима леди Макбетъ, давайте ее сюда, но избавьте насъ отъ безсилія, сна, равнодушія, пошлости и лавочной осторожности.

— А кровь, — сказала Катерина Николаевна. — Кровь, спросилъ съ жаромъ Милькѣевъ, и опять глаза его заблестѣли не злобой, а силой и вдохновеніемъ — кровь, повторилъ онъ: — кровь не мѣшаетъ небесному добродушію... Жанна д'Аркъ проливала кровь, а она развѣ не была добра, какъ ангелъ? И что за односторонняя гуманность, доходящая до слезливости, и что такое одно физіологическое существованіе наше? Оно не стоитъ ни гроша! Одно столѣтнее, величественное дерево дороже двухъ десятковъ безличныхъ людей и я не срублю его, чтобы купить мужикамъ лекарство отъ холеры!».

«Любить мирный и всемірный демократическій идеалъ, это значитъ любить пошлое равенство, не только политическое, но даже бытовое, почти психологическое... Идеалъ всемірнаго равенства, труда и покоя?.. Избави Боже! Необходимы страданія и широкое поле борьбы! Я самъ готовъ страдать, и страдалъ, и буду страдать... И не обязанъ жалѣть другихъ разсудкомъ.

«Уничтожая аристократію, мы оставляемъ только два начала: фрачное мѣщанство и народъ. Уничтожая въ свою очередь буржуазію, которая не допускаетъ до себя народъ, мы уничтожаемъ въ сущности не буржуазію, а народъ, потому что работникъ и безъ того съ ума сходитъ, какъ бы ему надѣть сюртукъ, хоть грязный и вонючій, но сюртукъ!.. Намъ есть указанія въ природѣ, которая обожаетъ разнообразіе, полезность формъ; наша жизнь по ея примѣру должна быть сложна, богата... Не въ томъ дѣло, чтобы не было страданій, но чтобы страданія были высшаго разбора, чтобы нарушеніе закона происходило не отъ вялости или грязнаго подкупа, а отъ страстныхъ требованій лица... Прекрасное — вотъ цѣль жизни, и добрая нравственность и самоотверженіе цѣнны только, какъ одно изъ проявленій прекраснаго, какъ свободное творчество добра».

Милькѣевъ написалъ статью, которую ему возвратили изъ редакціи съ отзывомъ, что ее нельзя напечатать, потому что «она вся пропитана равнодушіемъ къ злу и разврату».

Вотъ какая проповѣдь раздается со страницъ романа. Вотъ тѣ идеи, съ которыми пріѣхалъ въ Петербургъ Леонтьевъ, когда-то скромный юноша, съ благоговѣніемъ переступавшій порогъ Тургенева. Это ужъ не наивный

эстетизмъ, романтически влюбленный въ прекрасное, это цѣлая теорія обезцѣниванія нравственнаго, это проповѣдь эстетическаго аморализма.

Романъ «Въ своемъ краю» удостоился рецензіи, напечатанной въ «Современникѣ» (1864 г., кн. X) и принадлежащей перу Салтыкова-Щедрина. Авторъ рецензіи язвительно сравниваетъ этотъ романъ съ хрестоматіей, въ томъ смыслѣ, что онъ будто бы весь слитъ изъ кусковъ Тургенева, Л. Толстого, Писемскаго, Григоровича, говоритъ о какихъ-то «ядахъ», которые Леонтьевъ пособралъ и составилъ изъ разныхъ писателей, но любопытно, что рецензентъ совсѣмъ не примѣтилъ въ этомъ романѣ особаго яда, «Леонтьевскаго». Повидимому, и либеральныя «Отеч. Записки», давая у себя кровъ такому произведенію, не поняли «соблазняющаго вліянія» развиваемыхъ въ немъ идей.

Нѣтъ надобности подробно говорить о томъ, что это было за время, когда русское общество послѣ суроваго николаевскаго режима, потрясенное и взволнованное нашей крымской неудачей, готовилось и приступало къ великимъ реформамъ въ политической и экономической своей жизни, въ радостномъ волненіи переживало какъ-бы зарю новой эры. «Я помню это время, говоритъ Леонтьевъ [1]), — это, дѣйствительно, былъ какой-то разсвѣтъ, какая-то умственная весна. Это былъ порывъ, ничѣмъ неудержимый! Казалось, что всѣ силы Россіи удесятерились! За исключеніемъ немногихъ разсудительныхъ людей, которые намъ тогда казались сухими, ограниченными и «отсталыми», всѣ мы сочувствовали этому либераль-

---

[1]) «Плоды націон. двпжен. на Правосл. Востокѣ». «Гражданинъ» 1888 г., № 363.

ному движенію». Но у Леонтьева такое сочувствіе не заходило, конечно, глубоко, до корней этого движенія. Еще до 1861 года, въ провинціи, онъ вовсе не понималъ, чего хочетъ «Современникъ» и за что онъ всѣхъ и все бранитъ? «Я возненавидѣлъ его, говоритъ Леонтьевъ [1]), за это одно, не постигая еще его революціонныхъ замысловъ. Въ Петербургѣ мнѣ это объяснили. «Прямо нельзя еще у насъ проповѣдывать кровавую соціалистическую революцію, и потому надо все безусловно порицать и развѣнчивать. Будетъ ненависть къ современному строю жизни, будетъ и революція!» Но именно около этого-то времени я сталъ впервые понимать, что и мятежи народные мнѣ нравились не по цѣли, а развѣ по драматичности, и припомнилъ, почувствовалъ, что я и въ исторіи, и въ романахъ всегда бывалъ радъ усмиренію мятежей... Пусть они будутъ, но чтобы ихъ усмиряли! Цѣли же демократическія мнѣ ужасно не нравились, и чтеніе Герцена (не «Колокола», а другихъ статей) уже прежде подготовило во мнѣ поворотъ къ охраненію и реакціи».

Къ этому времени относится очень характерный разговоръ Леонтьева съ нѣкіимъ Піотровскимъ, 22 — 23 лѣтнимъ юношей, сотрудникомъ «Современника» и, въ то же время, ученикомъ и пламеннымъ поклонникомъ Чернышевскаго и Добролюбова. Леонтьевъ случайно познакомился съ Піотровскимъ и послѣдній ему очень понравился. «У Піотровскаго, казалось мнѣ, — разсказываетъ Леонтьевъ, — было воображеніе; глаза у него были такіе выразительные и задушевные. Мы часто спорили. И вотъ однажды шли мы вмѣстѣ по Невскому и приближались

---

[1]) См. статью А. Александрова въ «Русск. Вѣстн.».

къ Аничкину мосту. Я спросилъ у него такъ, стараясь выразиться какъ можно нагляднѣе:

— Желали бы вы, чтобы во всемъ мірѣ всѣ люди жили все въ одинаковыхъ маленькихъ, чистыхъ и удобныхъ домикахъ, — вотъ какъ въ нашихъ новороссійскихъ городахъ живутъ люди средняго состоянія?

«Піотровскій отвѣтилъ: — конечно; чего-же лучше?! Тогда я сказалъ: — Ну, такъ я не вашъ отнынѣ! Если къ такой ужасной прозѣ должны привести демократическія движенія, то я утрачиваю послѣднія симпатіи свои къ демократіи. Отнынѣ я ей врагъ! До сихъ поръ мнѣ было не ясно, чего прогрессисты и революціонеры хотятъ... Въ это время мы были уже на Аничкиномъ мосту или около него. Налѣво стоялъ домъ Бѣлосельскихъ, розоватаго цвѣта (съ какими-то, помню, сѣроватыми или блѣдно-оливковыми украшеніями), съ большими окнами, съ огромными каріатидами; за нимъ по набережной Фонтанки видно было Троицкое подворье, выкрашенное темно-коричневою краской съ золотымъ куполомъ надъ церковью, а направо, на самой Фонтанкѣ, стояли садки рыбные, съ ихъ желтыми домиками, и видны были рыбаки въ красныхъ рубашкахъ. Я указалъ Піотровскому на эти садки, на домъ Бѣлосельскихъ, и на подворье и сказалъ ему:

— Вотъ вамъ живая иллюстрація. Подворье во вкусѣ византійскомъ, — это церковь, религія; домъ Бѣлосельскихъ въ видѣ какого-то «рококо» — это знать, аристократія; желтые садки и красныя рубашки — это живописность простонароднаго быта. Какъ это все прекрасно и осмысленно! И все это надо уничтожить и сравнять для того, чтобы вездѣ были все маленькіе, одинаковые

домики, или вотъ — такія много-этажныя буржуазныя казармы, которыхъ такъ много на Невскомъ!

— Какъ вы любите картины!—воскликнулъ Піотровскій.

— Картины въ жизни, возразилъ я, — не просто картины для удовольствія зрителя; онѣ суть выраженіе какого-то внутренняго, высокаго закона жизни, — такого же нерушимаго, какъ и всѣ другіе законы природы»... [1])

По словамъ Александрова, уже около 1861 — 62 года, повидимому, Леонтьевъ сталъ понимать, что надо обращать вниманіе и на учрежденія (о которыхъ онъ до того времени совсѣмъ почти не думалъ) и вообще на политику внутреннюю и внѣшнюю. Понялъ и то, что нельзя оставаться и лично въ какомъ то безпристрастномъ созерцаніи и что надо рѣшиться быть на той или другой сторонѣ. Разъ догадавшись, что прекраснаго гораздо больше на сторонѣ церкви, монархіи, войска, дворянства, неравенства и т. д., чѣмъ на сторонѣ современнаго уравненія и средней буржуазности, онъ ужъ не колебался и рѣшился быть «консерваторомъ» [2]).

Романъ «Въ своемъ краю», въ которомъ рѣчи Милькѣева даютъ такое яркое и своеобразное сочетаніе охранительныхъ тенденцій съ эстетическими идеалами, появился въ 1864 году. Но поворотъ къ консерватизму совершился въ душѣ Леонтьева раньше. 1862-й годъ долженъ быть отмѣченъ въ біографіи его, какъ годъ крутого душевнаго перелома и рѣзкаго разрыва съ либеральнымъ прошлымъ.

---

1) Тамъ же.
2) См. ст. Александрова тамъ же.

Самъ К. Н. Леонтьевъ писалъ позднѣе объ этомъ переломѣ такъ: «по сравненію со многими другими людьми, пребывавшими, быть можетъ, на всю жизнь въ стремленіи къ мирному и деревянному преуспѣянію, я исправился скоро. Время счастливаго для меня перелома этого — была смутная эпоха польскаго возстанія; время господства ненавистнаго Добролюбова; пора европейскихъ нотъ и блестящихъ отвѣтовъ на нихъ кн. Горчакова. Были тутъ и личныя, случайныя, сердечныя вліянія, помимо гражданскихъ и умственныхъ.

«Да, я исправился скоро, хотя борьба идей въ умѣ моемъ была до того сильна въ 62 году, что я исхудалъ и почти цѣлыя петербургскія зимнія ночи проводилъ нерѣдко безъ сна, положивши голову и руки на столъ въ изнеможеніи страдальческаго раздумья. Я идеями не шутилъ и не легко мнѣ было «сжигать то», чему меня учили поклоняться и наши, и западные писатели... Наши — путемъ искуснаго и тонкаго отрицанія и ложнаго, односторонняго освѣщенія жизни (хотя бы и самъ Гоголь — «какъ все у насъ скверно»), а западные — открыто и прямо (хотя бы Ж. Сандъ: «какъ прекрасенъ демократическій прогрессъ!» [1]).

Неизвѣстно, о какихъ личныхъ сердечныхъ вліяніяхъ говоритъ здѣсь К. Н—чъ; все это пока скрыто для его біографа, за отсутствіемъ какихъ либо на то указаній въ имѣющихся скудныхъ данныхъ, относящихся къ этому важному моменту его жизни. О томъ, какъ дѣйствовало на Леонтьева крайне отрицательное направленіе «Современника» и вспыхнувшее польское возстаніе, мы имѣемъ

---

[1]) «Гражд.», 1888 г. № 15. «Записки отшельника».

положительныя данныя въ слѣдующихъ его личныхъ словахъ: «Нигилизмъ «Современника», — говоритъ К. Н—чъ [1]), пробудилъ въ однихъ задремавшія воспоминанія о церкви, столь родной семейнымъ радостямъ дѣтства и молодости; въ другихъ чувство государственное; въ третьихъ ужасъ за семью и т. д. «Современникъ» и нигилизмъ, стремясь къ крайней всегражданственности, насильно возвращали насъ къ «почвѣ».

«Наконецъ поднялась буря въ Польшѣ; полагая, что Россія потрясена крымскимъ пораженіемъ и крестьянскимъ переворотомъ, надѣялись на нигилистовъ и раскольниковъ, Поляки хотѣли посягнуть на цѣлость нашего государства!

«Не довольствуясь мечтой о свободѣ собственно польской земли, они надѣялись вырвать у насъ Бѣлоруссію и Украйну... Вы знаете, что было! Вы знаете, какой гнѣвъ, какой крикъ негодованія пронесся по всей Россіи при чтеніи нотъ нашихъ непрошенныхъ наставниковъ... Какой восторгъ привѣтствовалъ отвѣты князя Горчакова и адресы царю со всѣхъ сторонъ Державы.

«Съ тѣхъ поръ всѣ стали нѣсколько болѣе славянофилы... Ученіе это «въ раздробленномъ видѣ» пріобрѣло себѣ больше прежняго поклонниковъ. И если въ наше время трудно найти славянофиловъ совершенно строгихъ и полныхъ, то и грубыхъ европеистовъ стало все таки меньше, я думаю...»

Въ Петербургѣ Леонтьевъ въ широкихъ литературныхъ кругахъ имѣлъ много знакомствъ, сблизился тогда, между прочимъ, съ Н. Н. Страховымъ, съ которымъ

---

[1]) «Востокъ, Россія и славянство», т. II, стр. 12.

позднѣе нѣсколько лѣтъ былъ въ оживленной перепискѣ. Съ Хомяковымъ и Погодинымъ онъ встрѣчался еще въ началѣ 50-хъ годовъ, но тогда они оба ему вовсе не нравились лично и произведеніямъ ихъ онъ не находилъ въ то время ни малѣйшаго отголоска въ своей душѣ. Теперь же онъ ознакомился ближе, если не съ самими славянофилами, то съ ихъ ученіемъ: въ романѣ «Въ своемъ краю» въ рѣчахъ Лихачева замѣтно сочувственное отраженіе славянофильскихъ идей. Отъ славянофильства Леонтьевъ воспринялъ идею культурной самобытности Россіи, вполнѣ отвѣчавшую его эстетическимъ требованіямъ разнообразія, но надо замѣтить, что эта идея послѣ получила у него значительную переработку, такъ какъ въ саму Россію онъ впослѣдствіи въ значительной степени утратилъ вѣру.

Повидимому, душевный переворотъ 62-го года совершился у К. Н—ча подъ впечатлѣніемъ событій того времени, упомянутыхъ имъ самимъ въ приведенныхъ выше его словахъ, а также подъ вліяніемъ необходимаго роста его сознанія; эстетическій же складъ послѣдняго, самъ по себѣ былъ сроденъ охранительнымъ началамъ и неизбѣжно приводилъ къ нимъ.

Служба въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Критъ. Константинополь. Адріанополь. Тульча. «Рѣка временъ».

Время напряженной работы мысли въ эту зиму 62-го года совпало у Леоньева съ тяжелыми матеріальными испытаніями вслѣдствіе крайней нужды въ деньгахъ: средствъ къ жизни онъ не могъ добывать ни медициной, отъ которой навсегда отказался, ни литературой, такъ какъ мало его печатали. Эта нужда стала еще ощутительнѣе, когда пріѣхала къ нему въ Петербургъ жена. Отъ того состоянія бодрости, самоувѣренности и надеждъ на всевозможные успѣхи, въ которомъ онъ два года тому назадъ пріѣхалъ изъ провинціи въ Петербургъ, — теперь не осталось и слѣда. Это былъ одинъ изъ первыхъ могучихъ ударовъ жизни, которыхъ послѣ испытать ему пришлось не мало. Теперь ему ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ весной 62-го года уѣхать съ женой къ матери въ Кудиново.

Въ имѣніи онъ оставался почти до самаго конца года, но и здѣсь тотъ же недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ сказывался не въ меньшей степени, чѣмъ въ Петербургѣ. Такое положеніе вызывало у Леонтьева минуты

тяжелой тоски, доходившей до крайняго отчаянія. Тутъ онъ окончательно рѣшился поступить вновь на службу, именно въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

Этотъ важный шагъ сдѣланъ былъ благодаря одному случайному обстоятельству, рѣшившему судьбу дальнѣйшей практической жизни К. Н—ча и позднѣйшей его литературной дѣятельности. Первая мысль о службѣ на Востокѣ по дипломатической части зародилась у него въ 1861 г., благодаря случайному знакомству съ консуломъ Дубницкимъ. Все, что могъ знать и слышать К. Н. о Ближнемъ Востокѣ, должно было влечь его туда. Съ населеніемъ, еще нетронутымъ и неиспорченнымъ европейской уравнительной цивилизаціей, съ воспоминаніями о великомъ прошломъ Эллады, этотъ край, воспѣтый Байрономъ, гдѣ великій поэтъ боролся и погибъ, волновалъ воображеніе Леонтьева.

Попасть на службу помогъ К. Н. его братъ Владиміръ Николаевичъ, знакомый съ вице-директоромъ Азіатскаго департамента П. Н. Стремоуховымъ. Къ новому 1863 году К. Н—чъ пріѣхалъ въ Петербургъ, одинъ безъ жены, которая осталась въ Кудиновѣ, помѣстился въ меблированныхъ комнатахъ и сталъ готовиться къ дипломатическому экзамену. По сдачѣ послѣдняго, 11 февраля 1863 г. онъ былъ опредѣленъ въ Азіатскій департаментъ канцелярскимъ чиновникомъ, а вскорости затѣмъ, 22-го того же февраля — помощникомъ главнаго журналиста въ томъ же департаментѣ и наконецъ 1-го іюня 1863 года тамъ же помощникомъ столоначальника.

Служба Леонтьева въ центральномъ вѣдомствѣ продолжалась всего около девяти мѣсяцевъ. За это время онъ знакомился съ архивами министерства иностранныхъ

дѣлъ, читалъ консульскія донесенія, и всѣ эти занятія впервые открыли ему глаза на восточно-православныя дѣла, а по словамъ А. Александрова, даже стали постепенно, едва замѣтно, подготовлять въ немъ переворотъ и въ религіозныхъ убѣжденіяхъ [1]).

25 октября 1863 года Леонтьевъ получилъ назначеніе секретаремъ и драгоманомъ консульства въ Кандію на о. Критъ. Въ Петербургъ пріѣхала его жена и они вмѣстѣ отправились на Критъ, куда прибыли къ новому году. Критъ произвелъ на К. Н. чарующее впечатлѣніе и впослѣдствіи онъ посвятилъ ему свои прекрасные разсказы, какъ-то «Очерки Крита» (1866 г.), «Хризо» — повѣсть изъ критской жизни (1868 г.), «Хамидъ и Маноли» — разсказъ критской гречанки о событіяхъ 1858 г. (1869 г.). Эти разсказы передаютъ красоту патріархальнаго греческаго быта и критской природы.

Леонтьеву, по обязанностямъ службы въ консульствѣ, приходилось близко соприкасаться съ критскимъ населеніемъ, которое, большею частью, очень довѣрчиво и съ уваженіемъ относилось къ представителямъ великой сѣверной державы. К. Н—ча, какъ и другихъ членовъ русскаго консульства, часто приглашали мѣстные жители на свои пирушки, на свои празднества. Въ «Очеркахъ Крита» мы находимъ подробное описаніе греческой свадьбы, на которой въ качествѣ гостя присутствовалъ К. Н—чъ и съ террасы дома наблюдалъ мѣстные танцы и обрядъ вѣнчанія на дворѣ подъ открытымъ небомъ. «Надо видѣть, говоритъ онъ, прелесть этого и полуденнаго, и, вмѣстѣ, полурусскаго праздника, въ ясный и теплый зимній день,

---

[1]) См. его статью въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

надо видѣть это синее море съ бѣлой пѣной, эти сады передъ опрятными домами, людей цвѣтущихъ, добрыхъ и красивыхъ; надо знать, что эти люди намъ братья по исторіи, что священникъ, который вѣнчаетъ молодца и красотку, не итальянецъ, а нашъ православный священникъ, что онъ молился въ церкви за Россію во время Крымской войны и былъ за это запертъ въ тюрьму; надо слышать эти выстрѣлы во время вѣнчанія (изъ ружей холостыми зарядами), чтобы понять, какъ рѣдки въ мірѣ такія картины, которыя пришлось намъ этотъ день видѣть, и такія чувства, какія послалъ намъ Богъ въ этотъ день испытать».

Занятія въ консульствѣ были тогда не сложны и не трудны, хотя очень отвѣтственны въ томъ отношеніи, что требовали отъ консульскаго состава ловкости и осторожности, чтобы не уронить чѣмъ-либо престижъ Россіи. На эти посты на Ближнемъ Востокѣ необходимы были смѣлые, боевые люди, съ темпераментомъ и искусные. Леонтьевъ не проявлялъ особеннаго желанія заниматься судебными, торговыми вопросами, что также лежало на его обязанности, но въ другихъ отношеніяхъ сумѣлъ себя зарекомендовать съ прекрасной стороны на первыхъ шагахъ своей дѣятельности. На Критѣ онъ пробылъ не болѣе полугода: лѣтомъ 1864 года произошелъ тамъ съ нимъ случай, заставившій его покинуть Критъ. Онъ поссорился на какой-то политической почвѣ съ французскимъ консуломъ Дерше, — кажется, послѣдній оскорбительно отозвался о Россіи. Въ Константинѣ Николаевичѣ заговорила кровь его вспыльчиваго и отважнаго дѣда Петра Матвѣевича Карабанова. Онъ радъ былъ оскорбить забывшагося француза, къ тому же представителя ненавистной ему націи,

и въ канцеляріи французскаго консульства нанесъ Дерше ударъ хлыстомъ. Дерше былъ неправъ въ этой исторіи, его начальство за него не заступилось, но нашъ посолъ, хотя ему и понравился поступокъ Леонтьева, вынужденъ былъ отозвать послѣдняго съ Крита въ Константинополь.

Въ Константинополѣ К. Н—чъ пробылъ около 4-хъ мѣсяцевъ и 27 августа получилъ новое назначеніе секретаремъ и драгоманомъ консульства въ Адріанополь. Адріанопольскій консулъ Золотаревъ получилъ продолжительный отпускъ, почему за время его отсутствія Леонтьеву пришлось самостоятельно управлять консульствомъ. Вскорѣ, 3 декабря 1865 года, К. Н—ча назначили было секретаремъ и драгоманомъ генеральнаго консульства въ Бѣлградъ, но менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ его вновь опредѣлили на прежнюю должность въ адріанопольское консульство. Въ концѣ 1866 года онъ получилъ 4-хъ мѣсячный отпускъ и уѣхалъ въ Константинополь.

Такимъ образомъ, въ Адріанополѣ К. Н—чъ пробылъ въ общемъ два слишкомъ года. Жизнью въ этомъ «смрадномъ», какъ онъ говорилъ, городѣ Л. очень тяготился, хотя находилъ этотъ восточный городъ, съ его турецкими кварталами, мечетями, мусульманскими кладбищами, банями — поэтичнымъ; но его до крайности раздражали мѣстные «приматы», т. е. высшій классъ общества, буржуазный, скучный. Леонтьеву, при его служебномъ положеніи, приходилось по необходимости поддерживать съ нимъ связь и даже дружбу. Будь приматы врагами, онъ чувствовалъ бы себя гораздо лучше, всячески бы ихъ изводилъ, глумился надъ ними въ лицо и за глаза. Отводилъ онъ свою душу лишь среди простого народа и простые люди понимали и цѣнили Леонтьева. На

Востокѣ онъ выучился говорить по гречески и вотъ, во время своихъ прогулокъ по городу, онъ не стѣснялся остановить какого-нибудь бѣднаго прохожаго, не гнушался запросто заговорить съ нимъ, подробно о всемъ разспросить его, благодаря чему пріобрѣлъ хорошее знаніе мѣстной жизни. Его охотно приглашали въ Адріанополѣ на мѣстныя празднества, гдѣ онъ подъ турецкую музыку танцовалъ съ хорошенькими дѣвушками предмѣстій, хотя не любилъ танцевъ, предпочитая имъ вообще общество, гдѣ царитъ молодое оживленіе и веселіе.

На востокѣ одно изъ любимыхъ зрѣлищъ—борьба атлетовъ. Леонтьевъ былъ тонкимъ цѣнителемъ физической красоты, почему и предпочиталъ скульптуру живописи. И вотъ онъ забиралъ съ собою каваса, служителя при консульствѣ, отправлялся въ его сопровожденіи куда нибудь, напр. къ мечети Баязета, нанималъ тамъ борцовъ, какихъ нибудь молодыхъ турокъ и они подъ звуки барабана услаждали своей борьбой секретаря русскаго консульства и другихъ случайныхъ зрителей. Было у К. Н-ча въ эту пору, какъ и раньше, не мало сердечныхъ увлеченій. Жену свою онъ продолжалъ любить, но это не препятствовало ему сплошь и рядомъ измѣнять ей. Человѣкъ онъ былъ по натурѣ страстный, несдержанный, очень любилъ молодыхъ, красивыхъ женщинъ. Со многими туземками на Востокѣ онъ былъ въ связи. Въ одномъ изъ писемъ къ Губастову онъ и ему рекомендуетъ завести себѣ любовницу изъ простенькихъ болгарокъ или гречанокъ. Его увлеченія вообще слѣдовали одно за другимъ, на свои любовныя связи онъ смотрѣлъ тогда очень легко и не признавалъ въ этомъ отношеніи никакихъ преградъ и запретовъ. Л. исповѣдывалъ тогда прямо-таки культъ сла-

дострастія и его необузданной фантазіи въ этомъ отношеніи не было ни удержу, ни предѣловъ. Герой его Милькѣевъ въ одномъ мѣстѣ романа говоритъ: «Въ сторону все серьезное; давайте намъ женщинъ, вина, лошадей и музыку!» Самъ Леонтьевъ проводилъ эту идею теперь не только на бумагѣ, но и въ жизни. Зная прямолинейность и смѣлую рѣшительность въ характерѣ К. Н — ча, надо было ожидать, что его эстетическая теорія съ проповѣдью «долга жизненной полноты», съ его вѣрой, что все дозволено, при страстной и порывистой его натурѣ, — будетъ проведена имъ въ своей личной жизни. Онъ любилъ жизнь, всѣ сильныя и красивыя стороны ея, и, какъ язычникъ, этой жизни не боялся и хотѣлъ ею пользоваться безъ границъ. Это не былъ простой пошлый развратъ, которому предаются многіе и средніе, и мелкіе люди, здѣсь былъ развратъ возведенный въ поэзію, это были по своему идеалу тѣ вершины красоты, вѣчной, сіяющей, которыя не только не доступны многимъ другимъ людямъ, но они ихъ и не замѣчаютъ. Онъ любилъ Алкивіада, завидовалъ Калигулѣ во всѣхъ его красивыхъ порокахъ и распутствахъ и самъ лишь жалѣлъ, что ограниченный кругъ его жизни не дозволялъ ему испить чашу красивыхъ наслажденій до дна. Въ то же время это не было только данью молодости, потому что и раньше, и послѣ эстетическій инстинктъ оставался навсегда дѣйствующимъ и живымъ началомъ въ сложной до мозаичности и многогранной до противорѣчій душѣ Леонтьева. Если вдуматься въ личность и характеръ Леонтьева за этотъ періодъ его жизни, то надо поражаться, откуда въ нашъ христіанскій вѣкъ, да еще въ Россіи въ тѣ шестидесятые годы, могъ явиться такой человѣкъ, откуда онъ почерпалъ силы для стойкости на

своей особенной, имъ только найденной позиціи? Это тѣмъ болѣе удивительно, если вспомнить, что воспитаніе свое онъ получилъ подъ руководствомъ обожаемой имъ пуританки матери, если знать, что впечатлѣнія дѣтства со всенощными, чтеніемъ псалмовъ, со всѣмъ этимъ міромъ тихихъ молитвъ и безплотныхъ радостей, — жили въ немъ и теперь.

Жить въ Адріанополѣ приходилось К. Н — чу на полторы тысячи рублей жалованья въ годъ при готовой квартирѣ. Такихъ денегъ — при его барскихъ, широкихъ замашкахъ, при томъ образѣ его жизни, когда приходилось тратиться и на женщинъ и на слугъ, которыхъ онъ всегда любилъ держать при себѣ сверхъ всякой дѣйствительной надобности, — конечно ему было не достаточно. Приходилось запутываться въ долги; такъ, много онъ задолжалъ мѣстному ростовщику, очень популярному и любимому въ русской консульской средѣ — еврею Соломону Нардеа. Да въ его годы (Л. тогда было около 36 лѣтъ) и не пристало оставаться на маленькой должности секретаря консульства. Онъ рѣшилъ воспользоваться отпускомъ въ Константинополь, чтобы тамъ выхлопотать себѣ мѣсто куда-нибудь вице-консуломъ.

Послѣ четырехъ-мѣсячной жизни въ Константинополѣ, о которой онъ вспоминалъ впослѣдствіи съ наслажденіемъ, 15 апрѣля 1867 года его назначили на самостоятельный постъ вице-консула въ Тульчу, небольшой городъ на берегу Дуная въ нижней его части.

Благодаря этому переводу, обстоятельства Леонтьева измѣнились значительно къ лучшему. И жалованье его повысилось до 3.500 руб. въ годъ, и Соломону Нардеа онъ могъ выплатить часть своего долга, хотя въ Тульчѣ при-

ходилось также прибѣгать къ старымъ, знакомымъ ему финансовымъ операціямъ, т. е. къ новымъ займамъ. Жизнь въ этомъ по внѣшности сѣренькомъ, но бойкомъ городѣ давала обильную пищу для поучительныхъ наблюденій!

Въ этой турецкой провинціи подъ однимъ управленіемъ жили бокъ-о-бокъ: Турки, Татары, Черкесы, Молдаване, Болгары, Греки, Цыгане, Евреи, нѣмецкіе колонисты и русскіе. Во время своихъ частыхъ поѣздокъ въ Галацъ, Сулину, Добруджу и др. мѣста, Леонтьеву приходилось сталкиваться на пароходахъ и разговаривать съ разнообразными людьми не только всевозможныхъ національностей, но и положеній, отъ болгарскаго крестьянина вплоть до министра.

Консульскія занятія не были тогда обременительны: ежедневно часа $1^1/_2$ — 2 уходило на засвидѣтельствованіе бумагъ и пріемъ просителей — остальное время было свободно. Правда, консулъ долженъ былъ писать начальству донесенія о положеніи мѣстныхъ дѣлъ, совершать дѣловыя поѣздки по окружнымъ мѣстамъ, но это не являлось строго обязательнымъ или доставляло одно удовольствіе. Въ Тульчѣ дѣятельность консула была преимущественно наблюдательная.

Все это вмѣстѣ взятое дѣлало жизнь въ Тульчѣ для Л. не только спокойной, но и очень пріятной. При своемъ скромномъ бюджетѣ онъ затратилъ рублей 600 на отдѣлку занимаемаго имъ дома, расположеннаго на берегу Дуная съ видомъ на рѣку и бѣгущія по ней суда. К. Н. старательно занимался службой и заслужилъ себѣ лестное одобреніе со стороны нашего посла въ Константинополѣ — Игнатьева. При массѣ свободнаго времени, К. Н — чъ вновь

съ напряженіемъ обратился къ литературной дѣятельности.

До этого времени появились въ печати лишь упомянутые выше «Очерки Крита». Въ Тульчѣ, вскорѣ по пріѣздѣ туда, Л. написалъ нѣсколько пространныхъ корреспонденцій въ «Одесс. Вѣстникъ» подъ псевдонимомъ Ивана Руссопетова, приготовилъ къ печати свою повѣсть «Хризо», которую хотѣлъ издать съ благотворительною цѣлью въ пользу Критянъ, возставшихъ тогда противъ Турокъ. Въ 1868 году была написана статья «Грамотность и народность», съ которою ознакомился въ рукописи и одобрилъ посолъ Н. П. Игнатьевъ, извѣстный славянофилъ. Эту статью Леонтьевъ отправилъ въ «Славянскую зарю», издававшуюся на русскомъ языкѣ въ Вѣнѣ, но она тамъ не была напечатана по случаю прекращенія этого изданія и, впослѣдствіи, лишь въ 1870 году появилась въ «Зарѣ».

Статья эта написана подъ вліяніемъ славянофильскихъ идей, но въ то же время Л. развиваетъ въ ней, хотя и осторожно, свои собственныя мысли о томъ, что съ просвѣщеніемъ и грамотностью народа надо подождать, пока наши высшіе классы не освободились окончательно отъ космополитизма, чтобы эти классы своимъ западничествомъ не испортили роскошную народную почву.

Больше всего работалъ К. Н. за это время надъ серіей романовъ подъ общимъ заглавіемъ «Рѣка временъ», состоявшей изъ 6-ти крупныхъ произведеній. Эти романы являлись связнымъ повѣствованіемъ изъ русской жизни съ 1811 года по 1862 годы. Они были задуманы К. Н. лѣтъ десять тому назадъ. Затѣмъ, за два, за три года предъ Тульчей онъ окончательно выяснилъ себѣ планъ и

подробности этой большой работы. Идея — написать рядъ романовъ, связанныхъ другъ съ другомъ по содержанію и по изображаемымъ лицамъ, — зародилась у Леонтьева задолго до аналогичной работы Эмиля Золя, чѣмъ К. Н. очень гордился. Въ эти романы входило, навѣрно, много изъ личной жизни Леонтьева, а также изъ біографіи матери. Первый романъ серіи долженъ былъ имѣть заглавіе «Заря и Полдень», обнимать время 1812 — 1830 гг. Въ немъ являлась героиней мать Андрея и Дмитрія Львовыхъ. Вторая часть именовалась «Записки херувима» (1848—1853 гг.): герой (херувимъ) юноша Андрей Львовъ. Въ третьемъ романѣ «Мужская женщина» (1853 — 1857 гг.): Андрей Львовъ — военнымъ докторомъ, кромѣ него выступаетъ рядъ лицъ изъ предыдущихъ частей, главнымъ же героемъ романа является новое особое лицо. Часть четвертая: «Въ дорогѣ». Здѣсь герой — русскій консулъ (1859—1862 гг.). Въ пятомъ романѣ: «Отъ осени до осени», героемъ третій братъ Львовыхъ Николай, и, наконецъ, въ послѣдней части, шестой, оглавленной «Глинскій» или «Два полковника» (1861 — 1865 гг.), Леонтьевъ хотѣлъ изобразить двухъ полковниковъ, гусарскаго Вейслингена и артиллерійскаго, публициста Дм. Львова. Такова грандіозная работа задуманная К. Н — чемъ! Часть ея (повидимому, «Въ дорогѣ») была исполнена еще до Тульчи. «Отъ осени до осени» была написана года за два раньше, но сожжена самимъ Леонтьевымъ. Въ Тульчѣ онъ эту часть вновь началъ и окончилъ недѣли въ полторы, тамъ же навѣрное — во всякомъ случаѣ не позднѣе — написанъ романъ «Глинскій». О печальной судьбѣ этой серіи романовъ мы скажемъ послѣ.

Дѣятельная жизнь Леонтьева въ Тульчѣ омрачилась

однимъ очень печальнымъ событіемъ. Сюда онъ выписалъ жившую послѣднее время въ Петербургѣ свою жену. Пріѣхала она въ Тульчу уже не совсѣмъ здоровою; а тутъ лѣтомъ 1868 года у нея открылись первые признаки умственнаго помѣшательства — какъ передаютъ, на почвѣ ревности вслѣдствіе измѣнъ мужа, который, надо замѣтить, всегда съ полной откровенностью признавался ей въ своихъ любовныхъ связяхъ. Эта болѣзнь жены впослѣдствіи то усиливалась, то ослаблялась и навсегда сдѣлалась для К. Н — ча источникомъ тяжелыхъ жизненныхъ испытаній. Въ своемъ бракѣ Л. никогда не раскаивался и приписывалъ это тому обстоятельству, что женился безъ очарованія. Если выпадали тяжелыя минуты въ его супружеской жизни, онъ по добротѣ сердца терпѣливо ихъ выносилъ, а пріятныя минуты считалъ за «даръ судьбы».

Въ октябрѣ 1868 года К. Н. выхлопоталъ себѣ отпускъ въ Россію, для своихъ литературныхъ цѣлей, и отправился въ Петербургъ, который оставилъ за пять лѣтъ до этого.

Четыре мѣсяца въ Петербургѣ. Янина, Салоники. Душевный переломъ. Аѳонъ. Константинополь. «Византизмъ и славянство».

По пріѣздѣ въ Петербургъ 10 октября, Леонтьевъ остановился у своего брата Владимира Николаевича. Въ Россію онъ привезъ съ собою «Рѣку временъ» и читалъ ее Анненкову и Страхову, которому она очень понравилась.

Въ романахъ изъ этой серіи было много незаконченнаго и К. Н. для работы надъ ними не разъ даже уѣзжалъ въ Царское Село. За эту поѣздку онъ видѣлся съ Катковымъ въ Москвѣ, познакомился съ О. А. Новиковой. Вообще этотъ пріѣздъ въ Россію оказался очень удачнымъ. К. Н. чувствовалъ себя въ Петербургѣ прекрасно. Помимо разныхъ дѣлъ, были здѣсь и сердечныя увлеченія. Онъ располагалъ уже остаться въ Петербургѣ до лѣта, но его внезапно назначили 7 января 1869 года консуломъ въ Янину, куда мѣсяцъ спустя онъ отправился, черезъ Вѣну, Тріестъ, Болонью, о. Корфу.

Янина совершенно турецкій городъ внутри Албаніи, окруженный безлѣсными горами съ снѣжными вершинами и расположенный на берегу громаднаго озера съ островомъ, на которомъ былъ убитъ знаменитый въ свое время и отличавшійся крайней жестокостью Али-Паша. Надъ

городомъ высятся старинныя крѣпости, минареты. Въ разстояніи двухъ часовъ ѣзды отъ Янины расположенъ оставленный греческій монастырь Перистера, собственно большое зданіе, служившее теперь скорѣе пунктомъ для прогулокъ и пикниковъ.

Чисто восточная Янина, гдѣ даже греки восприняли нѣкоторые турецкіе обычаи, понравилась Леонтьеву. Онъ и здѣсь сдѣлалъ затрату, и значительную, на отдѣлку консульскаго трехъ-этажнаго дома, въ которомъ внизу помѣщалась канцелярія и комнаты для кавасовъ, а два верхніе этажа отходили подъ помѣщеніе самого консула. К. Н. пріобрѣлъ турецкіе диваны, цыновки, стѣнные шкапики съ рѣзными дверцами, устроилъ рѣзные деревянные потолки и рѣзныя же двери, одѣлъ своихъ кавасовъ и слугу въ албанское цвѣтное платье, красивое и яркое. Все это придало помѣщенію очень уютный и веселый видъ.

Знакомствъ среди мѣстныхъ жителей у Леонтьева было мало. Сблизился онъ лишь съ однимъ докторомъ-грекомъ и Янинскимъ губернаторомъ Ахметъ-Расимъ-Пашой. Послѣдній и К. Н — чъ часто бывали другъ у друга за-просто. Въ Янину пріѣхала къ К. Н — чу его племянница Марія Владиміровна и прожила тамъ довольно долгое время.

Часть лѣта 1869 года Леонтьевъ съ семьей провелъ въ монастырѣ Зицѣ, расположенномъ невдалекѣ отъ Янины на высокой горѣ въ прекрасной и здоровой мѣстности. Тамъ они заняли прекрасное помѣщеніе, совершали пріятныя прогулки по окрестностямъ. Столѣтній игуменъ, лично знавшій и помнившій Байрона, разсказывалъ К. Н. о пребываніи поэта въ этой обители.

Подъ впечатлѣніемъ окружающихъ картинъ Албаніи К. Н — чъ отложилъ пока обработку «Рѣки временъ» и занялся своими восточными повѣстями «Пембе» изъ эпироалбанской жизни (дѣйствіе происходитъ въ Янинѣ), «Хамидъ и Маноли», затѣмъ «Паликаръ Костаки» и начало дивной повѣсти «Аспазія Ламприди». Помимо литературныхъ работъ, Леонтьевъ ревностно исполнялъ и консульскія обязанности. Такъ, онъ составилъ обширнѣйшее донесеніе о мѣстной турецкой промышленности и торговлѣ, собравъ для этого всевозможные обращики мѣстнаго производства.

Спокойная жизнь въ Янинѣ скоро опять была нарушена. Слабый организмъ Л. не выдержалъ мѣстныхъ климатическихъ условій. Лихорадка заставила К. Н. къ новому 1870 году переѣхать въ городъ Арту, расположенную южнѣе. Лѣтомъ 1870 года стряслась новая бѣда. Вновь заболѣла Елизавета Павловна и К. Н. вынужденъ былъ отправить ее въ Одессу. Самъ онъ перебрался мѣсяца на четыре на о. Корфу.

Конецъ 1870 года и начало 1871 года К. Н. опять въ Янинѣ. Но судьба готовила ударъ за ударомъ: въ концѣ февраля 1871 года въ Петербургѣ, въ семьѣ Влад. Нпк. Леонтьева, скончалась его любимая, его обожаемая мать.

Лихорадка изнуряла его до крайности, свалившіяся на голову несчастья мѣшали ему заниматься не только литературой, но и вообще чѣмъ либо.

Насколько въ общемъ радостно и легко складывалась у него жизнь въ Тульчѣ и въ Янинѣ, въ началѣ по пріѣздѣ сюда, настолько дальнѣйшее пребываніе здѣсь становилось несноснѣе и несноснѣе. Въ какой степени,

подъ вліяніемъ этихъ несчастій, измѣнилось душевное состояніе Л., можно видѣть по слѣдующему письму его къ Губастову отъ 15 октября 1869 года: «А главное — тоска такая на сердцѣ, которую я еще въ жизни не испытывалъ. Это какая-то новая тоска — спокойная.... Главною виною моя внутренняя жизнь. Я съ ужасомъ вижу, что въ первый разъ въ жизни начинаю ничего не желать, кромѣ вещественныхъ удобствъ». Это уже не тотъ Леонтьевъ, который совѣтывалъ въ письмахъ своему другу завести себѣ любовницъ — гречанокъ и болгарокъ. Здѣсь слышенъ другой голосъ, здѣсь чувствуются первые удары, предвозвѣстники той бури, которая разразится въ душѣ его въ 71-мъ году. Періодъ страстнаго упоенія жизнью проходитъ, на смѣну ему является не только утомленіе, но можетъ быть и сомнѣнія, и разочарованія въ своемъ грѣховномъ прошломъ, въ постигшихъ же испытаніяхъ видится какъ-бы карающая рука. Подъ вліяніемъ такихъ настроеній, въ Янинѣ у Л. явилась первая мысль о монастырѣ.

Посолъ Н. П. Игнатьевъ, узнавъ о болѣзни К. Н., въ началѣ 1871 года предложилъ ему занять временно мѣсто консула въ болѣе здоровомъ городѣ — Салоникахъ.

Временно потому, что ему хотѣли дать значительное повышеніе, т. е. мѣсто генеральнаго консула. Карьера Леонтьева была вообще исключительная. Рѣдко у кого проходила служба съ такимъ успѣхомъ, какъ у него. Онъ былъ на прекрасномъ счету у начальства, пользовался благоволеніемъ не только Игнатьева, но и Стремоухова, и канцлера Горчакова. Въ Министерствѣ многіе его знали и цѣнили. Нашъ посолъ въ Вѣнѣ Новиковъ обѣщалъ К. Н — чу первое, какъ освободится, мѣсто генеральнаго кон-

сула въ Богеміи. Консуломъ Л. пробылъ всего два года; при такихъ условіяхъ безъ связей обыкновенно и думать было нечего о мѣстѣ генеральнаго консула. У Леонтьева же никакихъ связей не было, онъ выдвигался впередъ благодаря исключительно своимъ способностямъ и исполнительности.

9 апрѣля 1871 года Леонтьевъ былъ назначенъ консуломъ въ Салоники, куда онъ отправился изъ Янины сухимъ путемъ черезъ Ѳессалію и Македонію. Совершилъ эту поѣздку онъ одинъ, жена его все еще оставалась въ Одессѣ.

Салоники — значительный городъ на берегу Эгейскаго моря. Восточныхъ кварталовъ въ немъ мало, общій видъ города — европейскій. Въ климатическомъ отношеніи Салоники лишь немногимъ лучше Янины. Новое мѣсто службы пришлось не по душѣ К. Н — чу и съ самаго пріѣзда въ Салоники онъ возненавидѣлъ этотъ городъ.

Консульскія занятія тамъ были крайне скучны, вся работа сводилась преимущественно къ торговымъ дѣламъ, безконечной визитаціи русскихъ паломниковъ, пріему пожертвованій на Аѳонъ.

Къ Л. пріѣзжали греческіе и русскіе монахи съ Аѳона, приглашали къ себѣ въ монастырь. К. Н — чъ почему то все откладывалъ поѣздку туда. Однажды онъ было собрался и отправился туда, но по дорогѣ заболѣлъ лихорадкой и вернулся обратно.

Въ Салоникахъ къ нему лѣтомъ вновь пріѣхала изъ Петербурга Марія Владиміровна. Они съ нею помѣстились на дачѣ близъ города.

1871 годъ имѣлъ величайшее значеніе въ жизни К. Н. Въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ внезапно заболѣваетъ силь-

нымъ желудочнымъ разстройствомъ, которое счелъ за холеру. Пользовавшій докторъ мало ему помогъ. К. Н—чъ рѣшилъ, что не выздоровѣетъ, что теперь ему конецъ. Онъ съ ужасомъ помышлялъ о смерти въ такой прозаической обстановкѣ. Ночей онъ настолько страшился, что заперся въ темной комнатѣ, чтобъ не знать, когда день и когда ночь. И вотъ въ одинъ изъ ужасныхъ моментовъ онъ вдругъ поднимается на диванѣ, гдѣ лежалъ, и, смотря на образъ Божіей матери, подарокъ греческихъ монаховъ съ Аѳона, съ сжатыми въ кулаки руками обращается съ краткой молитвой къ Богородицѣ о спасеніи. Онъ далъ при этомъ клятву, въ случаѣ выздоровленія, принять монашество. Черезъ два часа К. Н. почувствовалъ облегченіе и всталъ съ одра болѣзни новымъ человѣкомъ.

К. Н. позднѣе часто вспоминалъ объ этомъ событіи, но всегда въ его словахъ о немъ сквозитъ недосказанность. Одно изъ наиболѣе полныхъ объясненій этого душевнаго переворота мы находимъ въ письмѣ къ В. В. Розанову отъ 14 августа 1891 года[1]):

«Причинъ было много разомъ, и сердечныхъ, и умственныхъ, и, наконецъ, тѣхъ внѣшнихъ и повидимому (только) случайныхъ, въ которыхъ нерѣдко гораздо больше открывается Высшая Телеологія, чѣмъ въ ясныхъ самому человѣку внутреннихъ перерожденіяхъ. Думаю, впрочемъ, что въ основѣ всего лежитъ съ одной стороны, уже и тогда въ 1870 — 71 году: давняя (съ 1861 — 62 г.) философская ненависть къ формамъ и духу новѣйшей европейской жизни (Петербургъ, литературная пошлость, желѣзныя дороги, пиджаки, цилиндры, раціона-

---

[1]) «Русск. Вѣстн.», 1903 г., № 6.

лизмъ и т. п.); а съ другой — эстетическая и дѣтская какая-то приверженность къ внѣшнимъ формамъ Православія; прибавьте къ этому сильный и неожиданный толчекъ сильнѣйшихъ глубочайшпхъ потрясеній (слыхали вы французскую поговорку: «Cherchez la femme!», т. е. во всякомъ серьезномъ дѣлѣ жизни «ищите женщину»); и наконецъ, внѣшнюю случайность опаснѣйшей и неожпданной болѣзни (въ 1871 году) и ужасъ умереть въ ту минуту, когда только что были задуманы и не написаны еще: и гипотеза тріединаго процесса, и Одиссей Полихроніадесъ (лучшее, по мнѣнію многихъ, произведеніе мое), и, наконецъ, не были еще высказаны о «юго-славянахъ» всѣ тѣ обличенія въ европеизмѣ и безвѣріи, которыя я самъ признаю рѣшительно исторической заслугой моей. Однимъ словомъ все главное мною сдѣлано послѣ 1872 — 73, т. е. послѣ поѣздки на Аѳонъ и послѣ страстнаго обращенія къ личному православію... Личная вѣра почему то вдругъ докончила въ 40 лѣтъ и политическое, и художественное воспитаніе мое. Это и до сихъ поръ удивляетъ меня и остается для меня таинственнымъ и непонятнымъ. Но въ лѣто 1871 года, когда консуломъ въ Салоникахъ, лежа на диванѣ въ страхѣ неожиданной смерти (отъ сильнѣйшаго приступа холеры) я смотрѣлъ на образъ Божіей Матери (только что привезенный мнѣ монахомъ съ Аѳона) я ничего этого предвидѣть еще не могъ и всѣ литературные планы мои еще были даже очень смутны. Я думалъ въ ту минуту не о спасеніи души (ибо вѣра въ Личнаго Бога давно далась мнѣ гораздо легче, чѣмъ вѣра въ мое собственное безсмертіе), я обыкновенно вовсе не боязливый, пришелъ

въ ужасъ просто отъ мысли о тѣлесной смерти и, будучи уже заранѣе подготовленъ (какъ я уже сказалъ) цѣлымъ рядомъ другихъ психологическихъ превращеній, симпатій и отвращеній, я вдругъ, въ одну минуту, повѣрилъ въ существованіе и могущество этой Божіей Матери; повѣрилъ такъ ощутительно и твердо, какъ еслибы видѣлъ передъ собою живую, знакомую, дѣйствительную женщину, очень добрую и очень могущественную и воскликнулъ; «Матерь Божія! Рано! Рано умирать мнѣ!.. Я еще ничего не сдѣлалъ достойнаго моихъ способностей и велъ въ высшей степени развратную, утонченно грѣшную жизнь! Подними меня съ этого одра смерти. Я поѣду на Аѳонъ, поклонюсь старцамъ, чтобы они обратили меня въ простого и настоящаго православнаго, вѣрующаго въ среду и въ пятницу и въ чудеса, и даже постригусь въ монахи»...

Немедленно же, оправившись отъ болѣзни, Леонтьевъ черезъ горы, верхомъ, отправился на Аѳонъ, куда прибылъ 24 іюля. Въ этотъ разъ онъ пробылъ тамъ немного: въ первой половинѣ августа неожиданно вернулся въ Салоники, объясняя свое возвращеніе тѣмъ, будто бы ему необходимо найти какой то важный документъ, касающійся Аѳона. Искалъ онъ его очень долго, перерылъ все, гдѣ только могъ, но документъ не находился. Вдругъ К. Н — чъ случайно заглядываетъ въ чемоданчикъ, наполненный рукописями его романа «Рѣка временъ». Документъ оказался тамъ. Тогда Леонтьевъ беретъ всѣ эти рукописи, плодъ многолѣтней, такъ увлекавшей его работы, и неожиданно бросаетъ ихъ въ пылающій каминъ, гдѣ они безвозвратно погибаютъ. Въ Салоникахъ Леонтьевъ произ-

водилъ на другихъ странное впечатлѣніе и въ городѣ рѣшили, что русскій консулъ помѣшался.

Въ началѣ сентября К. Н—чъ извѣстилъ посла, что не можетъ управлять консульствомъ по нездоровью, вновь уѣхалъ на Аѳонъ, бросивъ консульство на произволъ судьбы. На этотъ разъ пребываніе его на Аѳонѣ было продолжительнымъ, онъ оставался тамъ до августа 1872 г., т. е. безъ малаго годъ, если не считать двухъ отдаленныхъ поѣздокъ, одна въ Салоники для сдачи должности битолійскому консулу Якобовскому и другая въ городъ Кавалу (черезъ Серресъ).

Знаменитая Аѳонская гора насчитывала въ то время до 8 — 10 тысячъ монашескаго населенія, преимущественно греческаго. Это былъ и есть особый міръ, проникнутый особыми стремленіями, такъ мало похожій на все окружающее и, въ то же время, полный разнообразія и массы различныхъ поучительныхъ примѣровъ. Тутъ безчисленное количество оттѣнковъ монашества: монастыри и общежительные и т. наз. своеобычные, греческіе, болгарскіе, сербскіе, русскіе и др. Здѣсь можно встрѣтить ученаго богатаго монаха — проэстоса, который ходитъ въ шелковой рясѣ и куритъ наргилэ, и уединеннаго аскета, скрывающагося въ недоступной пещерѣ или въ шалашѣ въ лѣсу. Леонтьевъ имѣлъ общеніе и съ греками, бесѣдовалъ и съ пустынножителями, но больше всего онъ сблизился съ монахами русскаго монастыря св. Пантелеймона, прозваннаго Руссикомъ.

Этотъ монастырь одно время очень бѣдствовалъ и нужда тамъ доходила до того, что едва хватало хлѣба на пропитаніе инокамъ. Тогда вспомнили объ одномъ умномъ суровомъ іеродіаконѣ Іеронимѣ, жившемъ уединенно

на Аѳонѣ у моря въ пустынной кельѣ, и просили его переселиться въ Руссикъ. О. Іеронимъ сталъ духовникомъ и старцемъ немногочисленной тогда русской братіи и, съ его поселеніемъ въ монастырѣ, послѣдній сталъ богатѣть, обстраиваться и наполняться русскими. Ко времени пріѣзда К. Н — ча на Аѳонъ въ Руссикѣ было до 500 человѣкъ монаховъ и о. Іеронимъ въ ту пору находился въ очень преклонномъ возрастѣ. О томъ, что это былъ за человѣкъ, можно судить по слѣдующей характеристикѣ его, сдѣланной Леонтьевымъ [1]):

«Это былъ не только инокъ высокой жизни, это былъ человѣкъ болѣе чѣмъ замѣчательный. Не мнѣ признавать его святымъ — это право церкви, а не частнаго лица; но я назову его прямо великимъ человѣкомъ съ великою душою и необычайнымъ умомъ. Родомъ изъ неособенно важныхъ старооскольскихъ купцовъ, не получившій почти никакого образованія, онъ чтеніемъ развилъ свой сильный природный умъ и до способности понимать прекрасно самыя отвлеченныя богословскія сочиненія, и до умѣнья проникаться въ удаленіи своемъ всѣми самыми живыми современными интересами. Твердый, непоколебимый, безстрашный и предпріимчивый; смѣлый и осторожный въ одно и то же время; глубокій идеалистъ и дѣловой до нельзя; физически столь же сильный, какъ и душевно; собою и въ преклонныхъ годахъ еще поразительно красивый — отецъ Іеронимъ безъ труда подчинялъ себѣ людей, и даже я замѣчалъ, что на тѣхъ, которые сами были выше умственно и нравственно, онъ вліялъ еще сильнѣе, чѣмъ на людей обыкновенныхъ. Оно и понятно.

---

[1]) «Воспомпнанія объ архимандритѣ Макаріи». «Гражданинъ» 1889 г. № 196.

Эти послѣдніе, быть можетъ, только боялись его; люди умные, самобытные, умѣющіе разбирать характеры, отдавались ему съ изумленіемъ и любовью. Я на самомъ себѣ, въ 40 лѣтъ, испыталъ эту непонятную даже его притягательную силу. Видѣлъ его дѣйствіе и на другихъ».

Кромѣ отца Іеронима, былъ въ Руссикѣ еще другой замѣчательный человѣкъ, архимандритъ Макарій, родомъ изъ тульскихъ купцовъ, изъ богатой семьи Сушкиныхъ. Когда-то это былъ красивый, веселый и въ то же время лирически настроенный юноша. Пріѣхалъ онъ на поклоненіе на Аѳонъ, заболѣлъ здѣсь и, ожидая смерти, постригся въ монахи. Леонтьевъ засталъ его въ Руссикѣ 48-лѣтнимъ подвижникомъ, неустанно дѣятельнымъ и полнымъ ко всѣмъ любви и благоволенія. «Это былъ, описываетъ архимандрита Макарія К. Н., великій истинный подвижникъ, и тѣлесный и духовный, достойный древнихъ временъ монашества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ современный, живой, привлекательный, скажу даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти свѣтскій человѣкъ, въ самомъ хорошемъ смыслѣ слова, т. е. съ виду изящный, любезный, веселый и общительный». Вотъ подъ чьимъ руководствомъ началъ свою новую жизнь К. Н. Для того, чтобы наглядно представить, какими примѣрами воспитывался Л — евъ на Аѳонѣ, чѣмъ онъ привязывался къ монашеской жизни и чѣмъ привлекали его къ себѣ о. Іеронимъ и о. Макарій, приведемъ слѣдующій случай, имъ разсказанный [1]):

«Однажды пришлось арх. Макарію по особому случаю

---

[1]) «Восп. объ архим. Макаріи». «Гражд.» 1889 г., № 246.

служить (не помню въ какой праздникъ) обѣдню за чертой Аѳона на Ватопедской башнѣ. Башня эта, служившая когда то крѣпостью для защиты монашескихъ береговъ, теперь имѣетъ значеніе простого хутора или подворья какого-то, принадлежащаго богатому греческому монастырю Ватопедъ.

«Въ башнѣ есть очень маленькая и бѣдная церковь. Въ ней-то и совершилъ о. Макарій литургію, въ сослуженіи молодого приходскаго греческаго священника изъ ближайшаго селенія Ериссо. Жители этого селенія ненавидятъ аѳонцевъ, по древнему преданію, за то, что когда-то и какой-то изъ византійскихъ императоровъ отнялъ у нихъ землю и отдалъ святогорцамъ. Судя по тому, что сербскій монастырь, Хилендарь — самый близкій изъ всѣхъ монастырей въ чертѣ Аѳона со стороны перешейка, вѣроятно (если преданіе вѣрно), земля эта досталась ему. Незадолго до моего пріѣзда на св. гору, сгорѣла у этого монастыря, и безъ того бѣднаго, значительная часть прекраснаго хвойнаго лѣса, и всѣ подозрѣвали, что жители села Ериссо нарочно подожгли его. Была ли какая нибудь тяжба по этому поводу — не знаю; но помню, что самъ о. Макарій разсказывалъ мнѣ объ этихъ враждебныхъ отношеніяхъ сосѣднихъ селянъ. Тѣмъ не менѣе онъ съ молодымъ священникомъ, приглашеннымъ для совмѣстнаго съ нимъ служенія, не только обошелся какъ нельзя ласковѣе, но даже на прощаніе подарилъ ему для его приходской церкви очень красивые и совсѣмъ новые воздухи бѣлаго глазета съ пестрымъ шитьемъ. (о. Макарій привезъ ихъ съ собою, зная, до чего убога церковь на этой заброшенной башнѣ).

«Когда по окончаніи обѣдни мы сѣли — онъ на мула,

я на лошадь свою — и поѣхали обратно въ Руссикъ, о. Макарій самъ сознался мнѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ своемъ, небольшомъ, конечно, по вещественной цѣнности, но очень значительномъ по нравственному смыслу (ибо это былъ даръ святогорца представителю враждебнаго святогорцамъ селенія).

«О. Макарій сказалъ мнѣ съ тѣмъ веселымъ и сіяющимъ умомъ и добротою выраженіемъ лица, которое я такъ любилъ.

— Мнѣ ужъ и его бѣднаго (т. е. молодого священника) захотѣлось утѣшить. Пусть и онъ повеселѣе уѣдетъ домой... Отецъ Макарій сказалъ «и онъ», потому что онъ зналъ, какъ я былъ въ этотъ день нѣкоторыми обстоятельствами обрадованъ и утѣшенъ.

«Онъ зналъ также, до чего я доброту и щедрость люблю по природѣ моей, и какъ я въ то время къ монашеству привязался. Другому, быть можетъ, онъ бы и не нашелъ нужнымъ объ этомъ самъ говорить; но онъ угадывалъ, до чего мнѣ это будетъ пріятно слышать. Доброта глубокая часто гораздо важнѣе въ мелочахъ жизни, тонкостяхъ сердца, чѣмъ въ случаяхъ крупныхъ...

«Такъ и въ этомъ неважномъ, казалось бы, дѣлѣ, въ которомъ я былъ вовсе въ сторонѣ, въ дѣлѣ красивыхъ, но недорогихъ воздуховъ, подаренныхъ почти что врагу, и въ улыбкѣ, и въ словахъ о. Макарія, обращенныхъ ко мнѣ, когда мы тронулись въ путь, — мое и безъ того такъ сильно расположенное къ нему сердце прочло столько живой и тонкой любви, что мнѣ тотчасъ же захотѣлось поцѣловать его благородную руку! И будь мы одни, безъ свиты, я навѣрно и сидя верхомъ сдѣлалъ бы это. Да, меня восхитило это трогательное движеніе его сердца: но

не такъ взглянулъ на дѣло, общій намъ обоимъ, суровый и великій наставникъ.

«Когда, вернувшись въ Руссикъ, я пришелъ въ келью къ о. Іерониму, онъ сказалъ мнѣ, при самомъ архимандритѣ:

— О. Макарій-то видѣли? Воздухи подарилъ священнику!.. Съ какой стати раздавать такъ ужъ щедро монастырское добро — и кому же: врагу аѳонскаго монастыря!

«О. Макарій сначала молчалъ и улыбался только, а потомъ сказалъ что-то, не помню, до этого дѣла вовсе не касающееся, и ушелъ.

«Оставшись со мной наединѣ, о. Іеронимъ вздохнулъ глубоко и сказалъ:

— Боюсь я, что онъ безъ меня все истратитъ. Онъ такъ ужъ добръ, что дай ему волю, такъ онъ все «тятенькино наслѣдство въ орѣшекъ сведетъ!!!»

«Я, разумѣется, сталъ защищать о. Макарія и мнѣ было немножко досадно на старца, что онъ вмѣсто того, чтобы разглядѣть нашу небольшую духовную радость, охлаждаетъ ее практическими соображеніями.

«На возраженія мои о. Іеронимъ отвѣчалъ мнѣ кротко и серьезно съ одной изъ тѣхъ небесно-свѣтлыхъ улыбокъ, которыя чрезвычайно рѣдко озаряли его мощное и строгое лицо и дѣйствовали на людей съ неотразимымъ обаяніемъ. — Онъ сказалъ мнѣ такъ:

— Чадочко Божіе, не бойся! Его сердца мы не испортимъ, онъ уже слишкомъ милосердъ и благъ. Но вѣдь игумну сто лѣтъ; я тоже приближаюсь къ разрѣшенію моему — ему скоро придется быть начальникомъ, пасти все это стадо... И гдѣ-же? Здѣсь, на чужбинѣ! — Само по

себѣ оно и хорошо, что онъ эти воздухи подарилъ, и вы видите по жизни нашихъ монаховъ, что имъ самимъ ничего не нужно. Но монастырю средства нужны. И отца Макарія надо безпрестанно воздерживать и пріучать къ строгости. Онъ у насъ «увлекательный» человѣкъ...

«Такъ сказалъ старецъ.

«При видѣ этой неожиданной и неизобразимой улыбки на прекрасномъ величественномъ лицѣ, при еще менѣе ожиданной для меня рѣчи на «ты» со мной, — при этомъ отеческомъ воззваніи — «Чадочко Божіе» — ко мнѣ, сорокалѣтнему и столь грѣшному, — мнѣ захотѣлось уже не руку поцѣловать, а упасть къ нему въ ноги и поцѣловать валеную старую туфлю на ногѣ его. Даже и эта ошибка «увлекательный» вмѣсто «увлекающійся» человѣкъ, — эта маленькая «немощь образованія» въ связи съ столькими великими силами духа, и она восхитила меня!»

На Аѳонѣ К. Н. усердно молился, читалъ много книгъ духовнаго содержанія, постился, ревностно посѣщалъ продолжительныя и частыя церковныя службы. Особенное впечатлѣніе на него произвела пасха на Аѳонѣ, описанная имъ въ одномъ изъ воспоминаній [1]).

Во исполненіе клятвеннаго обѣщанія, Леонтьевъ просилъ своихъ наставниковъ тайно постричь его въ монахи. Но они отклоняли его просьбу, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ еще на государственной службѣ, скорѣе же всего по той причинѣ, что видѣли въ Леонтьевѣ страстный, порывистый характеръ, сознавали тѣ невѣроятныя трудности, которыя ему пришлось бы въ монастырѣ преодо-

---

[1]) «Пасха на Аѳонѣ» въ сборникѣ: «Востокъ, Россія и славянство».

лѣвать. Кромѣ того, и здоровье К. Н — ча, вслѣдствіе двухлѣтней изнурительной лихорадки и строгаго монашескаго режима, было очень разстроено. Отъ одной ложки сливокъ въ кофе, отъ самой незамѣтной простуды, отъ небольшой прогулки по сырому или низменному мѣсту, у него возвращались пароксизмы, доводившіе его до отчаянія. Перенося такія физическія страданія, Леонтьевъ все же не рѣшался оставить Аѳонъ безъ пострига. Однако старцы убѣдили и благословили его переѣхать въ Константинополь.

Осенью 72 года отправился онъ туда длиннымъ путемъ. Морского путешествія К. Н. не выносилъ, и потому купилъ большой покойный фургонъ и, въ сопровожденіи двухъ слугъ, отправился въ немъ изъ Салоникъ сперва на сѣверъ черезъ Балканы на Филипополь и Адріанополь, а затѣмъ на югъ къ Царьграду. Такой крюкъ пришлось ему сдѣлать, потому что прямой колесной дороги вдоль берега Архипелага и Мраморнаго моря не было. Этотъ переѣздъ, главнымъ образомъ, черезъ Болгарію, былъ скученъ и однообразенъ, и длился тридцать три дня.

По пріѣздѣ въ Константинополь, Леонтьевъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, которую ему дали 1 января 1873 года съ пенсіей 600 руб. въ годъ. Выйти въ отставку Леонтьевъ рѣшилъ еще на Аѳонѣ. Въ виду послѣднихъ, описанныхъ нами, обстоятельствъ его жизни, и болѣзней и душевныхъ потрясеній, онъ не находилъ въ себѣ силъ продолжать службу.

Но были еще и другія причины ухода со службы, между прочимъ — его разногласіе съ нашимъ посломъ Игнатьевымъ по поводу возгорѣвшейся къ тому времени греко-болгарской церковной распри. Сущность послѣдней

вкратцѣ заключалась въ томъ, что болгары, завися въ церковномъ отношеніи отъ греческаго патріарха въ Константинополѣ, захотѣли самостоятельности и самовольно отдѣлились отъ патріарха; засѣдавшій въ 72 году въ Константинополѣ помѣстный соборъ объявилъ ихъ отщепенцами, «схизматиками». Нашъ посолъ, генералъ Игнатьевъ, сталъ на сторону Болгаръ. Леонтьевъ же, и раньше не сочувствовавшій имъ въ этомъ вопросѣ, по пріѣздѣ въ Константинополь окончательно убѣдился въ томъ, что болгары не только своевольно отложились отъ Патріарха, но искали этого раскола преднамѣренно, во имя своихъ политическихъ цѣлей, что они рѣшились потрясти саму церковь для достиженія своихъ національныхъ, племенныхъ цѣлей. Эти свои мысли Л. не разъ высказывалъ Игнатьеву и даже въ глаза укорялъ его за потворство болгарамъ, но тотъ оставался при своей точкѣ зрѣнія, Л. же ничего не оставалось больше, какъ уйти со службы. Но, конечно, не будь этого разногласія во взглядахъ съ посломъ, онъ все равно не остался бы на службѣ.

Въ третій разъ поселился теперь К. Н. въ Константинополѣ на продолжительный срокъ. Съ каждымъ разомъ онъ все больше и больше привыкалъ къ турецкой столицѣ, больше и больше жизнь въ ней ему нравилась. Денегъ ему хватало. Пенсія, правда, была ничтожна, но Катковъ сталъ регулярно высылать ему по сто руб. въ мѣсяцъ за сотрудничество въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Леонтьевъ вращался въ посольскомъ кругу, гдѣ нѣкоторые считали его мечтателемъ и человѣкомъ неосновательнымъ, но тамъ онъ имѣлъ и много друзей, съ которыми умѣлъ и любилъ поговорить о волнующихъ политическихъ вопросахъ. Посольскимъ дамамъ онъ читалъ наставленія и увѣ-

рялъ ихъ, что онѣ для него больше ужъ не женщины. Литературныя занятія, молитвы, собранія и обѣды въ посольствѣ — смѣнялись одно другимъ и дѣлали его жизнь въ Константинополѣ полной, живой и разнообразной.

Вообще это было время, о которомъ К. Н. вспоминалъ впослѣдствіи всегда съ удовольствіемъ. Такъ года два спустя онъ писалъ Губастову изъ своего Кудинова [1]): «Помимо того удовольствія, которое можетъ доставлять сердцу моему расположеніе, заслуженное мною въ константинопольскомъ посольствѣ, я люблю самую жизнь этого посольства, его интересы, мнѣ родственны тамъ всѣ занятія, и въ средѣ этого общества мало есть лицъ, о которыхъ я вспоминаю безъ удовольствія, пріязни (и гораздо больше даже) и благодарности. Я люблю самый городъ, острова, Грековъ, Турокъ... все люблю тамъ и будьте увѣрены, что я ежедневно терзаюсь мыслію о томъ, что не могу придумать средства переселиться туда навсегда. Ни Москва, ни Петербургъ, ни Кудиново, ни самая выгодная должность, гдѣ попало, ни даже монастырь самый хорошій — не могутъ удовлетворить меня такъ, какъ Константинополь... только разнообразная жизнь Константинополя (гдѣ есть и отшельники на о. Халки, въ лѣсу, и гостиная Игнатьевыхъ, и политическая жизнь, и поздняя обѣдня, и безконечный матеріалъ для литературы...) только эта сложная жизнь могла удовлетворять моимъ нестерпимо сложнымъ потребностямъ»...

Внѣшностью къ тому времени К. Н. очень измѣнился. Это уже не былъ безпечный, блестящій жуиръ, которымъ его знали до Аѳона. Та душевная буря, которая проне-

---

[1]) Письмо отъ 12 августа 1875 года.

слась надъ нимъ, оставила глубокій слѣдъ въ этомъ когда-то жизнерадостномъ человѣкѣ. Во всей его фигурѣ было что-то осунувшееся, понурое, сосредоточенное. Здоровье его, однако, въ Константинополѣ значительно поправилось.

Чтобы сократить расходы на жизнь, очень дорогую въ Константинополѣ, Леонтьевъ весною 1873 года поселился, вмѣстѣ со своей женой, на лежащій невдалекѣ о. Халки, нѣчто въ родѣ дачнаго мѣста. Тамъ онъ снялъ съ себя ненавистный ему сюртукъ и сталъ носить что-то среднее между поддевкой и подрясникомъ, кафтанъ, съ которымъ не разставался уже до конца жизни, конечно, за исключеніемъ какихъ нибудь рѣдкихъ, крайнихъ случаевъ. Съ о. Халки онъ появлялся въ Константинополѣ, останавливался у своего друга К. А. Губастова.

Тихая и независимая жизнь на островѣ вблизи помѣщающейся тамъ греческой духовной академіи, близость Константинополя, гдѣ Леонтьевъ отдыхалъ душой среди друзей, въ кругу интересовавшихъ его политическихъ вопросовъ — все это было ему очень по душѣ и такъ онъ провелъ около году, до весны 1874 года, когда навсегда покинулъ и Константинополь, и такъ ему близкій и полюбившійся Востокъ.

Періодъ жизни въ Константинополѣ и на о. Халки былъ очень плодотворенъ у Леонтьева въ литературномъ отношеніи. Прежде всего, въ это время онъ впервые выступилъ публицистомъ, именно по вопросу о греко-болгарской распрѣ [1]), въ которомъ онъ склонился на сторону грековъ и предостерегалъ русское общество отъ увлеченія

---

[1]) Ст. «Панславизмъ и греки» и «Панславизмъ на Аѳонѣ» въ «Русскомъ Вѣстн.» за 1873 годъ.

болгарами, которымъ, по его мнѣнію, не надо было довѣрять. Но наше общество тогда было одержимо «болгаробѣсіемъ» и на его статью никто не обратилъ вниманія. Лишь 10 — 12 лѣтъ спустя открылись карты въ болгарскомъ вопросѣ и пророчества Леонтьева сбылись. Но къ тому времени никто уже не помнилъ и не зналъ его проницательныхъ мыслей, высказанныхъ въ 73 году. Такая судьба постигла Леонтьева на первыхъ уже шагахъ его публицистической дѣятельности.

Къ этому же періоду жизни Леонтьева относится замѣчательная статья «Византизмъ и славянство».

Еще въ началѣ 60-хъ годовъ, какъ мы видѣли, Леонтьевъ сблизился съ славянофилами и воспринялъ отъ нихъ идею культурной самобытности Россіи. Но всецѣло оставаться на славянофильской почвѣ онъ не могъ, уже въ силу своихъ эстетическихъ принциповъ. Послѣдніе не позволяли Леонтьеву категорически утверждать вмѣстѣ съ славянофилами, что цѣль развитія всемірной исторіи должна, послѣ несовершенныхъ предыдущихъ звеньевъ, завершиться въ совершенномъ конечномъ явленіи самобытной русской культуры, т. е. Леонтьевъ, изъ-за своего эстетическаго принципа, не былъ способенъ, вмѣстѣ съ славянофилами, унижать прежнюю роскошную западную культуру и смотрѣть на нее свысока. Вскорѣ онъ нашелъ для своихъ взглядовъ и опору, именно въ лицѣ Данилевскаго, въ его изслѣдованіи «Россія и Европа», напечатанномъ впервые въ «Зарѣ» за 1869 годъ [1]) и сдѣлавшемся настольною книгою Леонтьева.

Развитая Данилевскимъ теорія смѣны культурно-исто-

---

[1]) Вышло отдѣльнымъ изд. въ 1871 году.

рическихъ типовъ исправила ошибку славянофиловъ, оправдала въ глазахъ Леонтьева красоту формъ старой западной культуры. Данилевскій въ своемъ сочиненіи доказалъ, что славяне не предназначены обновить весь міръ, найти для всего человѣчества рѣшеніе исторической задачи; они представляютъ собою только культурно-историческій типъ, рядомъ съ которымъ можетъ имѣть мѣсто существованіе и развитіе другихъ типовъ.

Послѣ Данилевскаго для Леонтьева являлось дальнѣйшей задачей найти: каковы же законы развитія этихъ культурно-историческихъ типовъ, чѣмъ является славянство, въ частности Россія, въ ряду другихъ національныхъ и племенныхъ единицъ, на какой стадіи развитія находится теперь Россія, и каковы ея начала и ея судьба. Всѣ эти вопросы Леонтьевъ совершенно самостоятельно разрѣшилъ въ своей обширной и блестящей по языку и мыслямъ статьѣ «Византизмъ и Славянство».

Написана она подъ вліяніемъ двухъ началъ, владѣвшихъ всецѣло и мыслью, и чувствомъ Леонтьева къ тому времени. Одно изъ этихъ началъ — это давняя его ненависть къ демократическому мѣщанскому прогрессу, все обезличивающему, все нивеллирующему, сводящему пышное разнообразіе къ скучному и жалкому единству. Другое же — воспитанное и дѣтскими годами, а, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ аѳонскихъ подвижниковъ, его личное православное (византійское) чувство.

Подъ вліяніемъ перваго начала, Леонтьевъ открылъ періодическій процессъ развитія, наблюдаемый въ исторіи, какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльныхъ его частей. Этотъ процессъ заключается въ томъ, что каждая народность проходитъ три послѣдовательныя степени развитія:

1) первоначальной простоты, подобно организму въ зачаточномъ и незрѣломъ, младенческомъ періодѣ; 2) расчлененія на элементы и цвѣтущей сложности, подобно развитому возрасту организма, и 3) вторичнаго смѣсительнаго упрощенія и уравненія (дряхлость, умираніе и разложеніе организма). Этотъ законъ Леонтьевъ иллюстрируетъ массой примѣровъ изъ жизни человѣческаго организма (развитіе болѣзни pneumonia), исторіи философіи, искусства, вообще исторіи и пр. Такъ, германцы въ эпоху переселенія народовъ представляли первичную простоту быта, Европа среднихъ и начала новыхъ вѣковъ — цвѣтущее расчлененіе жизненныхъ формъ, а съ просвѣтительнаго движенія XVIII в. и великой французской революціи европейское человѣчество рѣшительно входитъ въ эпоху смѣсительнаго упрощенія и разложенія.

«Славянство», согласно ученію Леонтьева, есть терминъ безъ всякаго опредѣленнаго культурнаго содержанія, славянскіе народы жили и живутъ чужими началами. Въ южномъ и западномъ славянствѣ уже преобладаютъ усвоенные ими разлагающіе элементы прогрессивнаго европеизма. Въ самой Россіи общественный организмъ проникнутъ не самобытными какими-либо началами, а византійскимъ духомъ, византійскими вліяніями, какъ бы «сложною тканью нервной системы».

Опредѣляя наибольшую долговѣчность государственныхъ организмовъ въ 1.000 или много 1.200 съ небольшимъ лѣтъ и примѣняя эту мѣрку къ русской исторіи, Леонтьевъ приходитъ къ пессимистическому выводу: «мы прожили много, сотворили духомъ мало, и стоимъ у какого-то страшнаго предѣла»...

Таково, въ самыхъ краткихъ словахъ, содержаніе статьи

Леонтьева. Уже по этому изложенію его мыслей видно, что эстетизмъ Л. вступилъ въ новую стадію развитія. Это уже не ученіе, паѳосомъ котораго являлось отрицаніе нравственнаго. Это — теорія, стремящаяся въ спокойномъ изученіи явленій найти ихъ законы. Міровоззрѣніе Л. вступило въ третью и окончательную стадію своего развитія: догматическій эстетизмъ.

Начало своей статьи «Византизмъ и Славянство» Л. читалъ посольскимъ друзьямъ въ Константинополѣ уже въ концѣ 1872 года, по переѣздѣ туда съ Аѳона. Напечатана же она была лишь въ 1875 году. Катковъ ее не принялъ въ свой «Русскій Вѣстникъ» и лишь Бодянскій оцѣнилъ ея содержаніе и помѣстилъ въ своихъ мало кому извѣстныхъ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ».

Наконецъ, на островѣ же Халки Леонтьевъ началъ свою обширную прекрасную повѣсть «Одиссей Полихроніадесъ», которая впослѣдствіи появилась и печаталась въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Николо-Угрѣшскій монастырь. Душевная борьба и волненія. Литературныя и другія неудачи. О. Климентъ.

Возвращеніе Леонтьева въ Россію объясняется разными причинами. Прежде всего, оставивъ службу, онъ единственно думалъ о своей литературной будущности. До сего времени Л. все еще мечтаетъ лишь о томъ, чтобы сдѣлаться выдающимся русскимъ писателемъ, создать такое художественное произведеніе, которое сдѣлало бы его извѣстнымъ и дало бы ему славу. Вдали же отъ редакцій, отъ литературныхъ и умственныхъ центровъ Россіи, ему трудно было и печатать свои произведенія, и завязать литературныя связи, и возбуждать въ обществѣ интересъ къ своимъ сочиненіямъ.

Къ тому же, у него вышли какія-то недоразумѣнія съ Катковымъ, задерживавшимъ высылку ежемѣсячныхъ 100 руб., отъ которыхъ, главнымъ образомъ, зависѣло матеріальное существованіе Л. Надо было личными переговорами уладить дѣло. Наконецъ, въ 1874 году умеръ братъ К. Н — ча, Вл. Ник., съ которымъ онъ владѣлъ нераздѣльно, по завѣщанію матери, имѣніемъ Кудиново.

Утрата этого брата была тяжела для К. Н. Вл. Ник. былъ единственнымъ изъ братьевъ, съ которымъ онъ

поддерживалъ хорошія отношенія. Влад. Леонтьевъ былъ одно время помощникомъ редактора либеральнаго «Голоса». Въ 70-мъ году принялъ на себя изданіе «Искры», но въ слѣдующемъ году денежныя неудачи заставили его бѣжать за границу, гдѣ онъ и умеръ. Его перу принадлежитъ изданная въ 1867 г. книга: «Оправданные, осужденные и укрывшіеся отъ суда». Не смотря на разность убѣжденій, братья любили и уважали другъ друга.

Въ сопровожденіи своего слуги грека, оставивъ жену на о. Халки, весною 1874 года отправляется К. Н. въ Россію, прямо въ Москву. Тутъ онъ объяснился съ Катковымъ и между прочимъ познакомился съ архимандр. Пименомъ, настоятелемъ Николо-Угрѣшскаго монастыря [1]).

Въ началѣ іюня 1874-го года Леонтьевъ пріѣхалъ въ Кудиново и нашелъ его, послѣ 12-ти лѣтняго отсутствія, въ большомъ запустѣніи. Когда-то это имѣніе славилось образцовымъ хозяйствомъ, но вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ Ѳеодосія Петровна сдала землю въ аренду. Старый большой домъ, съ очаровательнымъ «Эрмитажемъ», пришелъ въ такое ветхое состояніе, что его сломали и продали на свозъ. Остались лишь два флигеля, изъ которыхъ въ одномъ сохранялась обстановка, принадлежавшая Ѳеодосіи Петровнѣ.

Видъ опустошеннаго роднаго имѣнія и многихъ близкихъ могилъ подѣйствовалъ удручающе на К. Н. Около мѣсяца провелъ онъ въ Кудиновѣ, а въ августѣ съѣздилъ въ Оптину пустынь, которая находилась верстахъ въ 60-ти отъ его имѣнія. Здѣсь онъ впервые познако-

---

[1]) Этотъ монастырь находится верст. въ 15 отъ Москвы по ж. д. на Рязань.

мился со старцемъ о. Амвросіемъ, къ которому имѣлъ письмо отъ аѳонскихъ монаховъ, и съ о. Климентомъ Зедергольмомъ, съ которымъ быстро очень сблизился и котораго описалъ позднѣе въ своихъ воспоминаніяхъ.

Въ этотъ разъ пребываніе въ Оптиной пустыни было непродолжительно. Побывавъ въ Калугѣ и помѣстивъ въ Кудиновѣ свою жену, пріѣхавшую съ юга, К. Н. въ началѣ ноября 74 года отправился въ Николо-Угрѣшскій монастырь, надѣясь тамъ, вблизи Москвы, пожить нѣкоторое время въ гостиницѣ. Но вскорѣ по пріѣздѣ въ монастырь, онъ, по совѣту архимандрита Пимена, перешелъ въ келью и надѣлъ подрясникъ.

Въ качествѣ послушника К. Н. исполнялъ, по назначенію игумена, тяжелыя монастырскія работы, носилъ воду, дежурилъ зимою у воротъ; на поѣздки въ Москву онъ долженъ былъ испрашивать разрѣшеніе у о. игумена. Онъ назывался ужъ не К. Н — чемъ, а братомъ Константиномъ. Л. задумалъ серьезно готовиться къ монашеской жизни и въ письмѣ къ другу К. А. Губастову, остававшемуся еще въ Константинополѣ, прощался съ нимъ и съ другими цареградскими друзьями. Своей монастырской жизнью Л. на первыхъ порахъ былъ очень доволенъ: она ему дала возможность успокоиться отъ тяжелыхъ хлопотъ изъ за имѣнія по банкамъ, нотаріусамъ, міровымъ судьямъ, заботъ о судьбѣ жены, тяжкихъ для него сношеній съ Катковымъ и пр.

Однако этотъ первый опытъ монастырскаго послушанія продолжался у Леонтьева недолго, около полугода, до мая 1875 года.

Почему оставилъ К. Н — чъ Николо-Угрѣшскую обитель, представляется не вполнѣ яснымъ. Можетъ быть,

у него были какіе либо случайные поводы для этого. Но, безъ сомнѣнія, главныя причины кроются въ общемъ душевномъ состояніи Леонтьева за это время. Въ этомъ отношеніи очень цѣнны его признанія въ письмахъ къ Губастову отъ того-же 1875 года. Такъ, 12 августа онъ писалъ другу изъ Кудинова, гдѣ поселился послѣ Николо-Угрѣшскаго монастыря: «Съ отчаяніемъ я вижу, что Богу не угодно, видно, удостоить меня возвратиться туда (въ Константинополь). Только тамъ я понимаю, что живу: въ другихъ мѣстахъ я только смиренно покоряюсь и учусь насильственно благодарить Бога за боль и скуку». Едва ли К. Ник. испытывалъ эту боль и скуку только въ Кудиновѣ: онъ не могъ бы мечтать о свѣтлой жизни въ Константинополѣ, если бы пребываніе въ монастырѣ избавило его отъ тяжелыхъ чувствъ.

Въ октябрѣ того-же года онъ ѣздилъ изъ своего имѣнія въ лежащій невдалекѣ (верстахъ въ 35-ти) мещовскій монастырь св. Георгія, помолиться тамъ и попоститься, познакомиться съ монахами и «погрустить какъ-нибудь на новый ладъ» [1]).

Самая поѣздка въ этотъ монастырь вызвана была, скорѣе всего, желаніемъ развлечься послѣ Кудиновской жизни, гдѣ «все пріятное, и все непріятное слишкомъ ужъ правильно и однообразно». Характерное признаніе встрѣчаемъ мы въ письмѣ все къ тому же Губастову изъ этого монастыря: «Я все рвусь мечтой то къ вамъ на Босфоръ, то въ Герцеговину или Бѣлградъ, то въ Москву и въ Петербургъ, и мнѣ иногда очень тяжело въ этой тишинѣ и въ этомъ мирѣ. Оттого я и сюда помолиться пріѣхалъ

---

[1]) Письмо къ Губастову отъ 1 окт. 1875 г.

на недѣлю, чтобы заглушить эту тоску по жизни и блестящей борьбѣ. Именно заглушить»....

Не здѣсь ли кроется разгадка, отчего аѳонскіе монахи отговаривали Леонтьева отъ поступленія въ монастырь и почему онъ уѣхалъ изъ Николо-Угрѣшскаго монастыря, пробывъ тамъ всего около полугода.

Не трудно себѣ представить, что долженъ былъ испытать Леонтьевъ, связанный обѣтомъ принять монашество и, въ то же время, безсильный и въ монастырѣ «заглушить» свою тоску «по жизни и блестящей борьбѣ». Этими противорѣчіями душа его была раздираема, и не могъ онъ отъ нихъ вполнѣ освободиться до конца своей жизни.

Мы уже видѣли, что, не находя успокоенія отъ боли и скуки, онъ переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто. Такъ будетъ и далѣе, особенно до переѣзда въ концѣ 1879 года въ Варшаву. Къ Новому 1876 году онъ — въ Москвѣ, гдѣ живетъ до весны; лѣто и осень проводитъ въ Кудиновѣ, потомъ отправляется опять въ Москву. Въ 1877 году весною покидаетъ ее и три мѣсяца живетъ въ Оптиной пустынѣ. На зиму 77—78 г. снова въ Москвѣ, оттуда въ Кудиново. Съ Новаго 1879 года до мая живетъ въ Оптиной, въ скиту, затѣмъ Кудиново. Таковы главные этапы его передвиженій, не говоря о кратковременныхъ поѣздкахъ въ Петербургъ, Калугу и др. мѣста.

Внѣшнія обстоятельства его жизни за этотъ періодъ были далеко не блестящи, скорѣе даже очень плачевны.

Тѣ гордыя мечты сдѣлаться большимъ писателемъ, съ которыми онъ ѣхалъ изъ Константинополя, пришлось скоро оставить. Правда, повѣсти его изъ восточной жизни Катковъ охотно печаталъ въ своемъ «Русскомъ Вѣстникѣ» и, мало того, выпустилъ ихъ въ 1876 году отдѣльнымъ

изданіемъ въ трехъ томахъ. Но можно ли сказать, что онѣ имѣли успѣхъ?! Его повѣсти, написанныя спокойнымъ, эпическимъ языкомъ, изображаютъ въ яркой художественной формѣ, на основаніи многочисленныхъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній, жизнь современнаго ближняго Востока, рисуютъ передъ читателемъ картины его нетронутаго культурой, почти гомеровскаго быта, типы или мѣстныхъ незатѣйливыхъ политическихъ дѣятелей, или людей совсѣмъ далекихъ отъ всякой политики и всякихъ «передовыхъ» идей нашего времени. Но вѣдь такія небольшія вещи, какъ «Хризо», «Пембе», едва ли могли укрѣпить въ памяти читателя фамилію подписавшагося подъ ними автора. Впечатлѣніе же отъ длинныхъ его повѣстей «Аспазія Ламприди», «Одиссей Полихроніадесъ», конечно, разбивалось вслѣдствіе печатанія ихъ отрывками въ книжкахъ журнала. Но изданныя и въ цѣльномъ видѣ (въ 70-хъ годахъ) онѣ могли врядъ ли кого заинтересовать! Можно ли было ожидать отъ русскаго общества, готоваго и Пушкина «промѣнять на сапоги», — какого либо интереса къ Леонтьеву съ его восточными повѣстями!

Художественныя произведенія Л. не затрогивали никакихъ «вопросовъ», оттого и критика того времени не находила нужнымъ затрогивать сами эти произведенія и предпочитала, большею частію, о нихъ молчать. Трехтомное изданіе повѣстей удостоилось пяти-шести критическихъ замѣтокъ, но изъ нихъ четыре появились въ одномъ «Русскомъ мірѣ» и принадлежали всего двумъ лицамъ: Вс. Соловьеву и Авсѣенкѣ.

Конечно, отдѣльные лица цѣнили художественный талантъ Леонтьева и его разсказы. Но что была за особая

радость ему слышать отзывъ совѣтника Мин. Иностр. Дѣлъ Жомини, что изъ его «Аспазіи» онъ узналъ о греческой политикѣ больше, чѣмъ изъ двадцати консульскихъ донесеній. Или чѣмъ было утѣшительно мнѣніе Ив. Аксакова, что не надо ѣхать на Востокъ, достаточно прочитать повѣсти Леонтьева. К. Н. ждалъ шумнаго успѣха, а не отдѣльныхъ поощрительныхъ замѣчаній.

Отозвался на появленіе повѣстей Леонтьева и его старинный другъ Тургеневъ, съ которымъ послѣ 1861 года, когда пути ихъ рѣзко разошлись, прекратилась у нихъ всякая переписка. Насколько Тургеневъ поощрялъ первые шаги Л., настолько онъ отнесся съ осужденіемъ къ окрѣпшему таланту своего бывшаго ученика. 16 (4) мая 1876 года Тургеневъ пишетъ Леонтьеву изъ Парижа: «Я сожалѣю, что, пользуясь вашимъ положеніемъ на Востокѣ и близкимъ знакомствомъ съ чуждою намъ жизнью, вы не обратили вашихъ замѣчательныхъ способностей на составленіе ученыхъ, этнографическихъ и историческихъ сочиненій (!), которыя доставили бы вамъ видное и почетное мѣсто въ нашей словесности». Здѣсь не мѣсто намъ говорить, въ какой мѣрѣ былъ ошибоченъ и даже необъяснимо страненъ этотъ взглядъ и совѣтъ Тургенева. Приводимъ выдержку изъ его письма лишь для того, чтобы показать, какое крушеніе потерпѣли надежды Л. на литературный успѣхъ.

Точно также и замѣчательная статья «Византизмъ и Славянство», попавъ въ мало читаемыя и мало кому извѣстныя «Чтенія» Бодянскаго, прошла совсѣмъ незамѣченной, если не считать небольшой статьи о ней Н. Страхова въ газетѣ «Русс. міръ» за 1876-й годъ.

Леонтьевъ объяснялъ, и вполнѣ справедливо, такой

неуспѣхъ тѣмъ, что онъ не принадлежалъ ни къ одной изъ партій и не былъ близокъ ни съ одной редакціей.

Не въ лучшемъ положеніи находились и его денежныя дѣла. По возвращеніи съ Востока, онъ оказался въ долгу у Каткова на 4.000 руб., которые долженъ былъ погашать своимъ «Одиссеемъ Полихроніадесомъ». Доставшееся ему имѣніе не только не приносило никакого дохода, но даже поглощало часть литературнаго его заработка. Сдано въ аренду оно было за 400 руб. въ годъ, по залогу же въ калужскомъ банкѣ приходилось ежегодно вносить процентовъ 360 руб., да, кромѣ того, уплачивать разныя повинности. Было, затѣмъ, у Леонтьева не мало крупныхъ и мелкихъ долговъ, съ которыми, хоть понемногу, а надо было расплачиваться. Жена въ это время жила отъ него отдѣльно и онъ долженъ былъ ей выдавать деньги на содержаніе. Въ Кудиновѣ на его иждивеніи находились нѣкоторые старики изъ крѣпостныхъ, которыхъ онъ не рѣшался бросить и старался поддержать ихъ существованіе.

Помимо того, Л — въ держалъ при себѣ всегда нѣсколько человѣкъ слугъ. Живя въ Кудиновѣ, онъ лѣчилъ крестьянъ и на свой счетъ покупалъ для нихъ лѣкарства. Такая жизнь на широкую ногу требовала большихъ расходовъ, особенно, если прибавить сюда многія барскія его привычки, какъ напр. всенощная на дому, хорошая сигара послѣ обѣда и многое др. Надо только удивляться, какъ онъ могъ выпутываться изъ такихъ тяжелыхъ матеріальныхъ затрудненій. И вполнѣ понятно, насколько удручали его разныя мелкія соображенія о хлѣбѣ насущномъ и въ какіе тиски острой нужды онъ часто попадалъ.

Чтобы выйти изъ стѣсненнаго матеріальнаго положе-

нія, К. Н. предпринималъ порой рѣшительныя мѣры. Такъ, весной 1878 года Катковъ предложилъ ему ѣхать въ Константинополь въ качествѣ корреспондента на условіи 500 руб. за дорогу туда, 500 руб. обратно черезъ годъ и ежемѣсячно не меньше 200 руб. Леонтьевъ, несмотря на болѣзнь, не могъ отказаться отъ перспективы такого хорошаго заработка; онъ быстро собрался и отправился на Одессу. Однако, ему пришлось доѣхать только до Кіева. Дорогой, отъ мелкой тряски въ вагонѣ и плохо проведенныхъ ночей, ему становилось все хуже и хуже, и въ Кіевѣ стало такъ плохо, что онъ побоялся продолжать путь, чтобы тѣмъ самымъ не запутаться въ долгахъ Каткову еще болѣе, и вернулся въ Кудиново.

Тотъ же недостатокъ въ средствахъ заставилъ Леонтьева искать какого-нибудь мѣста по вѣдомству, наиболѣе близкому по его прежней службѣ, именно при Минист. Иностр. Дѣлъ. Онъ просился на какое либо консульское мѣсто: больше всего ему, конечно, хотѣлось въ Константинополь. Однако, хлопоты его самого и многихъ его друзей не привели ни къ чему. Съ одной стороны, въ Министерствѣ знали о разстроенномъ здоровьѣ Л. и колебались ему дать какой-либо дѣятельный постъ. Съ другой — ему просто не везло: не смотря на отличную служебную репутацію Л., на его всѣми признанныя способности и энергію, сами обстоятельства складывались какъ то противъ него.

Напр., бывшій его начальникъ ген. Игнатьевъ собирался рекомендовать К. Н — ча губернаторомъ въ Тырново или Филипополь. Но на слѣдующій день Государь отправляетъ Игнатьева въ Вѣну, гдѣ переговоры его не достигаютъ цѣли и онъ удаляется въ Кіевъ. Безконечно и безнадежно писалъ Л. разнымъ лицамъ письма, хлопо-

талъ, въ концѣ концовъ, хоть о зачисленіи его въ вѣдомствѣ... Весной 1878 года ѣздилъ онъ въ Петербургъ, надѣясь личными свиданіями и визитами скорѣе подвинуть дѣло. Но эта поѣздка лишь разстроила его здоровье и ввела въ большіе и напрасные расходы, отчего онъ вынужденъ былъ даже перебраться на жительство изъ Петербурга въ Любань. Въ концѣ концовъ, ничто, ни хлопоты Т. И. Филиппова, ни обѣщанія кн. Горчакова, ни заботы друзей, Губастова, Ю. Карцова, Ону и мн. др. не привели ни къ какимъ результатамъ.

Ничего не дали хлопоты и въ другихъ направленіяхъ, не смотря на сочувствія, содѣйствія, помощь многихъ лицъ. Такъ, губернаторъ Шевичъ очень хотѣлъ видѣть его у себя въ Калугѣ вице-губернаторомъ. Т. И. Филипповъ предлагалъ ему въ 1876 году ѣхать въ Варшаву въ качествѣ помощника редактора «Варш. Дневника» за время редакторства тамъ нерадиваго Н. В. Берга. Одно время Л. не прочь былъ взять даже мѣсто земскаго врача въ своемъ уѣздѣ, для чего ѣздилъ на выборы гласныхъ въ мещовское земство, чтобы познакомиться съ вліятельными въ уѣздѣ лицами.

Несмотря на тяжелыя матеріальныя условія, несмотря на литературныя неудачи, Леонтьевъ не падалъ окончательно духомъ и не отчаявался. «Благодарю искренно Бога за многое, почти за все, — писалъ онъ Губастову 20 августа 1877 г., — особенно за то великое мужество, которое Онъ во мнѣ, при такихъ запутанныхъ обстоятельствахъ, поддерживаетъ». Въ «Русск. Вѣстникѣ» онъ печатаетъ новую повѣсть «Камень Спзифа», продолженіе «Одиссея Полихроніадеса». Во второй половинѣ 78 года начинаетъ съ жаромъ писать романъ «Противъ теченія»,

оставшійся неоконченнымъ. Дѣйствіе въ этомъ романѣ происходитъ въ 70-хъ гг. въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. «Будетъ тамъ, сообщалъ онъ Губастову, спиритизмъ, православіе, немного (вдали) нигилизмъ, Гартманъ, Шопенгауеръ, Ц — евъ и многое другое». Герой этого романа является проповѣдникомъ пессимизма; самый романъ, по замыслу Леонтьева, долженъ быть въ антилиберальномъ и тоже пессимистическомъ духѣ.

Сколько бы внѣшнія обстоятельства не давили Леонтьева, его впечатлительная душа легко отзывалась на явленія далеко не мрачнаго порядка. Сосѣдями К. Н—ча по имѣнію были Р—іе. Въ этой семьѣ была молодая дѣвушка Л., къ которой онъ почувствовалъ, при своихъ 47 — 48 годахъ, болѣе чѣмъ простую симпатію. Аѳонъ не подавилъ въ немъ расположенія къ женщинамъ, къ которымъ онъ и теперь могъ относиться съ юношескимъ увлеченіемъ. Конечно, теперь эти увлеченія сопровождались и угрызеніями совѣсти, и страхомъ загробнаго наказанія. Терзаемый такими угрызеніями, иногда онъ былъ все-таки не въ силахъ устоять предъ желаніемъ видѣть любимую женщину, цѣловать ее...

Если Леонтьевъ не отказывался отъ нѣкоторыхъ радостей жизни, то это не значитъ, чтобы въ немъ остыли тѣ порывы, которыми онъ былъ охваченъ на Аѳонѣ. Душевный переломъ, который произошелъ въ немъ въ 71 г., оставилъ глубочайшій слѣдъ на всю его жизнь, и этотъ слѣдъ съ годами внѣдрялся у него въ душу все болѣе и болѣе. Въ этомъ отношеніи большую роль сыграла Оптина пустынь и ея монахи, сперва, главнымъ образомъ, о. Климентъ Зедергольмъ и затѣмъ старецъ о. Амвросій.

Въ глуши Калужской губерніи, въ верстахъ двухъ отъ

города Козельска, стоитъ эта обитель на краю огромнаго бора и на берегу рѣчки Жиздры. «Видъ со всѣхъ сторонъ чрезвычайно красивъ и какъ то успокоительно-величавъ. Сзади эта безконечная синева вѣкового бора, теряющаяся вдали. Вблизи эти исполинскія сосны и ели, перемѣшанныя съ чернолѣсьемъ; спереди обширные луга, рѣка, рощицы вдали, этотъ городокъ въ сторонѣ, какъ-то кстати напоминающій и о «мірской жизни» [1]).

Издавна привлекаетъ въ свою ограду толпы богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи эта пустынь, знаменитая высокимъ духомъ своего подвижничества и особымъ устроеніемъ монашеской жизни, старчествомъ.

Въ Оптиной пустыни старчеству положилъ начало въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія о. Леонидъ и послѣ него преемственно продолжали это дѣло о. Макарій (сконч. 1860 г.) и о. Амвросій (сконч. 1891 г.).

Сущность старчества арх. Григорій (Борисоглѣбскій) въ своемъ «Сказаніи о житіи опт. старца о. іеромонаха Амвросія», опредѣляетъ такъ: «Въ монастырѣ (гдѣ введено старчество) волей Божіей и голосомъ братіи поставляется одинъ благочестивый и опытный въ духовно-аскетической жизни инокъ, пользующійся полнымъ довѣріемъ всѣхъ, какъ общій духовный отецъ и руководитель. Къ нему не только идутъ исповѣдываться въ положенное время, но приходятъ всѣ, всегда, ежедневно и раскрываютъ ему всю свою душу, объявляютъ всѣ свои грѣховные поступки, мысли, желанія. Что бы ни задумалъ духовный сынъ старца — обо всемъ идетъ онъ совѣтываться со старцемъ и просить его благословенія. У ду-

---

[1]) «О. Климентъ Зедергольмъ». Изд. 3-е, 1908 г., стр. 7.

ховныхъ чадъ старца нѣтъ своей воли, нѣтъ своего образа мыслей, нѣтъ своихъ разсужденій. Про всѣхъ старецъ знаетъ все. Самъ старецъ не несетъ оффиціально-начальническихъ обязанностей, но на дѣлѣ, обителью, братіями и вообще монастырскою жизнью управляетъ онъ; все въ обители дѣлается съ его благословенія; за благословеніемъ приходитъ къ нему и самъ настоятель, и всѣ прочія должностныя лица обители. Такимъ образомъ, въ общемъ старецъ есть лицо, которое производитъ то живое и дѣятельное отсѣченіе воли у братій, которое требуется иноческими обѣтами отъ каждаго монаха».

Благодаря такому строю своей жизни, благодаря своимъ подвижникамъ, Оптина пустынь привлекала множество не только простого народа, но и лицъ интеллигентныхъ. Въ ея стѣнахъ побывалъ и великій нашъ сатирикъ Гоголь, бесѣдовавшій со старцемъ о. Макаріемъ, и основоположникъ славянофильства И. В. Кирѣевскій, тамъ даже похороненный, и Ѳ. М. Достоевскій, воспроизведшій Оптину пустынь въ своихъ «Братьяхъ Карамазовыхъ», и Левъ Толстой, посѣтившій ее четыре раза и Влад. Соловьевъ, и гр. Алексѣй Толстой, и Н. Страховъ и мн. другіе. Но сильнѣе ихъ всѣхъ былъ связанъ съ Оптиной К. Н. Леонтьевъ.

Хотя онъ познакомился съ о. Амвросіемъ въ первый свой пріѣздъ въ Оптину послѣ Аѳона, но сблизился со старцемъ и всецѣло подчинился его руководству позднѣе. Пока ему, еще обвѣянному «мірскими» впечатлѣніями, было трудно отказаться отъ своего строя мыслей, своихъ разсужденій, отъ своей воли, дать ее старцу «на отсѣченіе». Сблизилъ его съ о. Амвросіемъ, по собственному признанію Леонтьева, о. Климентъ Зедергольмъ.

Это былъ рѣдкій инокъ и рѣдкій человѣкъ. Сынъ ре-

форматскаго пастора въ Москвѣ, Конст. Карл. Зедергольмъ, окончилъ историко-филологическій факультетъ, въ 1853 г. присоединился къ православію въ Оптиномъ скиту и поступилъ на службу въ Синодъ. Защитивъ диссертацію на званіе магистра филологіи и побывавъ въ командировкѣ на Ближнемъ Востокѣ, гдѣ посѣтилъ, между прочимъ, Аѳонъ, онъ поселился въ Оптиной пустыни и принялъ монашество съ именемъ Климента.

Съ перваго же знакомства, какъ только заговорили о дорогомъ для нихъ обоихъ Аѳонѣ, о. Климентъ и Леонтьевъ сдѣлались почти друзьями. Въ лицѣ этого инока К. Н. встрѣтилъ человѣка, который, будучи облеченъ въ монашескую рясу, въ то же время былъ глубоко и тонко образованъ по свѣтски. Онъ понималъ одинаково вопросы, касающіеся какъ богословской области, такъ и свѣтской литературы. Отсюда и понятно сближеніе съ нимъ Леонтьева.

О. Климентъ являлся не только интереснымъ собесѣдникомъ для К. Н., онъ былъ въ то же время его наставникомъ. О характерѣ этого вліянія много и прекрасно говоритъ К. Н. въ своемъ жизнеописаніи о. Климента. Сущность вліянія о. Климента заключалась въ томъ, что въ основу всего онъ ставилъ личное спасеніе души. Заходитъ ли, напр., рѣчь о мусульманствѣ, о. Климентъ стремится привлечь вниманіе Л. на нѣкоторую безбоязненность его ума, который не опасается даже и мусульманство хвалить и коранъ читать съ удовольствіемъ. Возникаетъ ли между ними споръ о католичествѣ, апологетомъ котораго, какъ охранительнаго начала, выступаетъ Леонтьевъ, о. Климентъ старается утвердить въ его сознаніи мысль, что разница въ догматахъ православной и католической церкви важнѣе всего для нашей души и что всѣ ереси, и въ томъ

числѣ католическая, отъ діавола. Приходитъ ли К. Н. къ Зедергольму, расположенный поговорить, тотъ останавливаетъ его, предлагаетъ вмѣстѣ стать на молитву и лишь затѣмъ, убѣдившись, что посѣщеніе его друга не вредно для нихъ обоихъ, вступаетъ съ нимъ въ бесѣду. О. Климентъ сблизкалъ Леонтьева съ монастыремъ своимъ искреннимъ смиреніемъ духа и горячей ревностью къ вѣрѣ и готовилъ изъ К. Н—ча о. Амвросію преданнаго и покорнаго духовнаго сына своими бесѣдами и своимъ духовнымъ съ нимъ общеніемъ.

Къ великому огорченію Леонтьева, его другъ и наставникъ недолго прожилъ при немъ и умеръ весной 1878 года. К. Н. такъ говоритъ о вліяніи о. Климента: «бесѣдами онъ заставлялъ меня нерѣдко разсматривать предметы вѣры и жизни съ новыхъ сторонъ и привлекалъ мое вниманіе на то, на что оно еще ни разу не обращалось... Этимъ онъ сдѣлалъ мнѣ много добра» [1]). О. Климентъ и Оптина съ новой силой послѣ Аѳона утвердили въ Леонтьевѣ вѣру въ положительную истину христіанства въ смыслѣ личнаго спасенія.

Оптина и гнетущія обстоятельства жизни понемногу ломали и усмиряли неукротимый боевой духъ Леонтьева. «Кажется, что для меня все живое кончено..., пишетъ онъ Губастову (5 дек. 76 г.). Все вокругъ меня таетъ... Впрочемъ не думайте, что я тоскую или рвусь; я какъ то тихо и благодушно скучаю — больше ничего. Ждать больше нечего; оплакивать нечего, ибо все уже оплакано давно; восхищаться нечѣмъ, а терять что???». Въ письмѣ отъ 2 августа 1877 года: «Событія, мой другъ, все ра-

---

[1]) «О. Климентъ Зедергольмъ». Стр. 95.

стутъ и вы растете; а я все умаляюсь, смиряюсь, все гасну для міра». Или въ письмѣ отъ 4 сент. того же года: «Богатство мыслей все то же; но я уже вовсе не мечтаю и пріятныхъ плановъ не дѣлаю, а живу, какъ птицы небесныя, день за день... И благодарю, благодарю за это Бога...». «Поймете ли вы, напримѣръ, что я радъ, что всѣ, всѣ мои привязанности остыли»... «Я теперь сталъ болѣе въ сердцѣ монахъ, чѣмъ даже тогда, когда носилъ подрясникъ на Угрѣшѣ»... Сравниваетъ свою жизнь съ «той тихой и нѣмой борьбой за существованіе, которую ведутъ между собой растенія подземными частями своими».

Весь 1877 годъ онъ почему-то ожидалъ своей смерти. Какія-то предчувствія тѣснили его сердце еще раньше того. «77-й годъ близко, пишетъ онъ тому же Губастову, и я все готовлюсь умереть; впрочемъ безъ прежняго отчаянія и ужаса. Не желаю, но и не чувствую особаго страха, а все надѣюсь на милосердіе Божіе, что Онъ въ непзмѣримой милости своей не попуститъ умереть мнѣ неприготовленнымъ и предстать безъ покаянія передъ страшное судилище Христово, передъ которое, это будьте покойны, придется предстать всѣмъ намъ!» Едва ли причиной ожиданія смерти было его нездоровье. Правда, его физическія силы были надломлены еще на Востокѣ трехлѣтней лихорадкой, которая оставила послѣ себя десятки мелкихъ невралгическихъ болей, иногда очень непріятныхъ. Но этими болями онъ страдалъ не только въ 1877 году, но и гораздо раньше и, затѣмъ, онѣ были не настолько опасны и мучительны, чтобы думать о смерти. Эта боязнь умереть въ 77 году была вызвана, скорѣе всего, какими либо другими, болѣе глубокими

причинами. Насколько мысль о смерти была у К. Н. сильна и неотступна, можно судить потому, что задумавъ, вслѣдствіе извѣстныхъ матеріальныхъ условій, искать себѣ мѣста, онъ отложилъ хлопоты въ 1877-мъ году, если пройдетъ благополучно «роковой», по его выраженію, годъ. Эти предчувствія и ожиданія смерти подавляли въ немъ и гражданскія чувства. Кровавая борьба на Балканахъ заставляла горячо биться и его русское сердце, но хотя въ этой войнѣ была поставлена на карту судьба Царьграда, о взятіи котораго русскими войсками Леонтьевъ мечталъ, — военныя событія, тѣмъ не менѣе, отходили на второй планъ въ его душѣ, потрясенной своей личной борьбой и тревогой.

Прошло много времени съ той поры, когда Леонтьевъ юношей рыдалъ надъ «Лишнимъ человѣкомъ» Тургенева, много перемѣнилъ онъ жизненныхъ положеній, но ни на чемъ не останавливался и шелъ впередъ и впередъ. Если бы онъ согласился остаться у Иноземцева, могъ бы создать себѣ положеніе обезпеченнаго и знаменитаго врача. Если бы продолжалъ службу въ Мин. Иностр. Дѣлъ, можетъ быть, въ его рукахъ, въ концѣ концовъ, было бы высшее руководительство нашей иностранной политикой. Примкни онъ къ какой нибудь партіи или сблизься съ какой либо редакціей, его повѣсти и статьи были бы оцѣнены по достоинству. Но ни одно изъ этихъ благопріятныхъ положеній Леонтьевъ не использовалъ: не шелъ онъ по наѣзженнымъ колеямъ, а искалъ свой жизненный путь. Но этотъ путь его былъ не легокъ. Въ 1878 году онъ писалъ о себѣ Губастову, что у него «рѣдко бываетъ середина» и что его «голова постоянно увѣнчана либо терніями, либо розами».

«Варшавскій дневникъ». Леонтьевъ какъ политическій мыслитель. Леонтьевъ цензоръ въ Москвѣ. «Востокъ, Россія и Славянство». Тяжелыя болѣзни. Друзья и недоброжелатели. Отношеніе молодежи. Личность Леонтьева. «Внутреннее постриженіе».

Конецъ 1879 года принесъ Леонтьеву перемѣну въ его жизни. Въ декабрѣ этого года онъ получилъ одновременно два предложенія: одно — отъ Т. И. Филиппова, мѣсто цензора въ Москвѣ съ 3.000 руб. содержанія; другое — отъ только что вступившаго въ редактированіе «Варш. Дневн.» князя Н. Н. Голицына. Послѣдній черезъ К. А. Губастова предложилъ К. Н. быть сотрудникомъ этой газеты и своимъ помощникомъ. Такъ какъ мѣсто цензора открывалось еще не сразу, Леонтьевъ согласился на послѣднее предложеніе и на Рождество 1879 г. явился въ Варшаву.

Сейчасъ же по пріѣздѣ онъ всецѣло погрузился въ газетную работу. Въ Варшавѣ онъ пробылъ недолго, всего около 4-хъ мѣсяцевъ, но полная матеріальная обезпеченность (жалованье 350 р. въ мѣсяцъ и построчная плата) и самостоятельное положеніе при газетѣ, возможность пи-

сать о чемъ угодно — создали прекрасныя условія для работы. Въ эти четыре мѣсяца Л. было очень много написано. Въ своихъ статьяхъ Л. разрабатывалъ преимущественно политическія и общественныя темы. При этомъ онъ обнаружилъ пламенный темпераментъ политическаго агитатора. Леонтьевъ въ теченіе долгихъ предыдущихъ лѣтъ какъ бы таилъ въ себѣ жаръ, чтобы теперь, попавъ въ свободную атмосферу и «почуя роковой огонь», разразиться снопомъ яркихъ полемическихъ искръ.

Къ этому времени уже вполнѣ опредѣлилось консервативное міросозерцаніе К. Н. Леонтьева. Съ давняго времени главнымъ мотивомъ его писаній была ненависть къ «безбожно-праведному и плоско-блаженному человѣчеству» и къ уравнительному демократическому прогрессу. Исходя изъ этого мотива, Л. развилъ свой культурно-политическій идеалъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«1) Государство должно быть пестро, сложно, крѣпко, сословно и съ осторожностью подвижно. Вообще сурово, иногда и до свирѣпости.

«2) Церковь должна независимѣе нынѣшней. Іерархія должна быть смѣлѣе, властнѣе, сосредоточеннѣе. Церковь должна смягчать государственность, а не наоборотъ.

«3) Бытъ долженъ быть поэтиченъ, разнообразенъ въ національномъ, обособленномъ отъ запада, единствѣ (или совсѣмъ, напримѣръ, не танцовать, а молиться Богу, а если танцовать — то по своему: выдумать или развить народное до изящной утонченности и т. п.).

«4) Законы, принципы власти должны быть строже; люди должны стараться быть лично добрѣе; одно уравновѣситъ другое.

«5) Наука должна развиваться въ духѣ глубокаго презрѣнія къ своей п о л ь з ѣ» [1]).

Чтобы воспрепятствовать разложенію и смѣсительному уравненію, общественныя отношенія должны, по мнѣнію Леонтьева, сдерживаться суровымъ принудительнымъ началомъ. Дорогими, требующими и достойными охраненія началами онъ считалъ, главнымъ образомъ: 1) реально-мистическое, строго церковное и монашеское христіанство византійскаго и отчасти римскаго типа; 2) крѣпкую, сосредоточенную монархическую государственность и 3) красоту жизни въ самобытныхъ національныхъ формахъ [2]).

Въ краткихъ формулахъ не передать всего богатства мыслей Л. въ его политическихъ и др. статьяхъ. Эти крайне-консервативныя мысли высказывались съ рыцарской прямотой и откровенностью; Л. выходилъ въ открытый бой съ поднятымъ забраломъ, за что противный либеральный лагерь обвинялъ его въ грубости и цинизмѣ. «Свойственное намъ, — признавался Леонтьевъ, — соединеніе простоты и ясности съ неловкостью мы сами видимъ на каждомъ шагу... Напримѣръ: говоримъ о православной вѣрѣ и заговорятъ другіе — великая разница. Мы скажемъ все это такъ, что многіе отвернутся и пожмутъ плечами; ибо п и щ а к р у т а...» [3]).

Талантливость изложенія, рѣзкость выраженій и оригинальность мыслей въ статьяхъ Леонтьева обратили на

---

[1]) Свящ. Фудель «Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева». «Русское Обозрѣніе». 1895 годъ.

[2]) Эта формулировка идей Л. взята изъ статьи Вл. Соловьева о немъ въ Энц. Слов. Брок. и Эфр.

[3]) «Востокъ, Россія и Славянство», т. II, стр. 72 — 73.

него вниманіе и столичныхъ газетъ, несмотря на то, что онъ работалъ въ крайне нераспространенномъ провинціальномъ органѣ.

Мѣстнаго вліянія Л., какъ публицистъ, не могъ имѣть: польскаго вопроса онъ совсѣмъ не зналъ, нисколько имъ не интересовался.

Саму Варшаву, городъ европейскаго типа, онъ не полюбилъ. Поляки же ему нравились нѣкоторыми чертами рыцарства въ ихъ характерѣ, приверженностью къ католицизму, національными испытаніями въ ихъ несчастной исторической судьбѣ, но связей съ ними онъ не завязалъ.

Все время у Леонтьева уходило преимущественно на газетную работу, для него мало привычную по своему срочному характеру. Газета съ новымъ редакторомъ и его помощникомъ имѣла относительный успѣхъ: при прежнемъ редакторѣ, лѣнивомъ и безучастномъ къ своему дѣлу Н. Бергѣ, число подписчиковъ едва доходило до ста человѣкъ, теперь же оно поднялось до тысячи.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы, К. Н. отпросился у кн. Голицына въ отпускъ, чтобы нѣсколько отдохнуть, предполагая посылать въ «Варш. Дневн.» свои статьи по почтѣ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ покинулъ Варшаву и отправился сперва въ Петербургъ, гдѣ пробылъ недѣли двѣ, оттуда въ Кудиново.

Лѣто 1880 года сдѣлалось для К. Н. опять временемъ тяжелыхъ испытаній. Вернулся онъ въ Кудиново больной и простуженный до того, что до половины іюля почти не выходилъ изъ своего флигеля. Затѣмъ, денежныя дѣла «Варш. Дневника» оказались настолько плохи, что пришлось оставить работу при немъ. Эти обстоятель-

ства въ связи съ личными денежными затрудненіями вызвали у Л. острую тоску и раздраженіе, тоску вслѣдствіе своихъ новыхъ неудачъ, раздраженіе противъ петербургскихъ единомышленниковъ, имѣвшихъ деньги, власть, обѣщавшихъ на словахъ всячески поддержать «Варш. Дн.», а на дѣлѣ ничѣмъ не помогшихъ газетѣ.

Неудача «Варш. Дневн.» произвела на Леонтьева очень удручающее впечатлѣніе и послѣ онъ долго не могъ освободиться отъ горькаго чувства при воспоминаніи о ней, называя ее «неизцѣлимой раной», которая его «пожираетъ».

Послѣ этой неудачи съ газетой, Л. находился въ такомъ подавленномъ состояніи духа, что на него нисколько не подѣйствовали ободряюще утѣшительныя извѣстія о назначеніи его на службу въ Моск. Цензурный Комитетъ, о предполагавшемся изданіи большой столичной газеты, правительственнаго органа съ Лорисъ-Меликовымъ, Т. Филипповымъ и Побѣдоносцевымъ во главѣ, въ которой первенствующее мѣсто хотѣли предоставить К. Н. «Вы пишете, — отвѣчаетъ онъ 10 октября 1880 г. Тертію Ивановичу Филиппову изъ Оптиной пустыни, — что назначеніе мое на службу состоится на дняхъ; вы ищете капиталъ для большой газеты, а я что думаю? — Я сижу въ скиту, въ кельѣ покойнаго Климента, смотрю изъ окна на большія сосны бора, курю на диванѣ и думаю: дай Богъ газету съ большимъ капиталомъ, а цензорство — повѣрнѣе и попроще, а еще лучше цензорства и 3.000 р. въ Москвѣ, здѣсь какихъ-нибудь 75 руб. серебр. въ мѣсяцъ до гроба и ровно ничего не дѣлать. — Вотъ блаженство!.. Вотъ счастье!.. ни газетъ не читать, ни сочинять ничего самому къ сроку и за деньги. Ни мона-

шескаго послушанія, ни борьбы, ни честолюбія мірского. Въ субботу всенощная, въ воскресный день поздняя обѣдня; изрѣдка въ Козельскомъ трактирѣ закусить чего нибудь получше; не знать почти, что дѣлается на свѣтѣ (какъ я съ іюля почти не знаю, потому что даже и «Моск. Вѣд.» не читаю и даже племянницѣ, которая за меня ихъ получаетъ, не велю ничего мнѣ разсказывать: скучно! что мнѣ за дѣло!) И цензорствомъ я дорожу лишь по нуждѣ, потому что нѣтъ этихъ 75 даровыхъ рублей. Вы пишете: «будьте бодрѣе!» Вотъ моя бодрость! Недавно въ отвѣтѣ Побѣдоносцеву у меня сорвалось слово о скорби моей, объ унынiи и т. п. Конечно, есть дни, въ которые скорбь и унынiе велики, но это скорбь о кофеѣ въ ноябрѣ, о теплой шапкѣ новой; о старыхъ слугахъ оставшихся въ имѣнiи, которымъ тоже надо ѣсть и которыхъ бросить я не могу!.. Но какъ скоро жалованье послано, табакъ, свѣчи и кофей есть на 15 дней и никто ко мнѣ цѣлое утро нейдетъ и не зоветъ никуда, и ни къ чему не принуждаетъ, такъ я и доволенъ! Разъ въ недѣлю $^1/_2$ часа бесѣды съ духовникомъ, ни газетъ, ни мірского чтенія, ни духовнаго; вечеромъ поиграть въ бирюльки (изъ сѣрныхъ спичекъ) съ мальчикомъ, который мнѣ давно служитъ, и послушать разсказы о томъ, какъ кто въ Козельскѣ подрался, и какъ кто женился, и какой монахъ чѣмъ проштрафился, и что сдѣлалъ о. игуменъ и т. д. Отлично! Иногда горло болитъ, иногда мучаетъ; разложенiе организма идетъ, идетъ своимъ чередомъ, но медленно и съ роздыхами... Одинъ день скорбный почему то, а другой ничего; и хотя я на молитву такъ же сталъ ретивъ, какъ и на все другое (кромѣ куренiя табаку и бирюлекъ), но совѣсть шепчетъ, что Господь проститъ мнѣ и

помилуетъ въ день Страшнаго Суда. И отлично! Бѣда въ томъ, что эта восхитительная Нирвана, болѣе животная, однако, чѣмъ аскетическая, — есть лишь одинъ волшебный мигъ забвенія... И дѣйствительность вопіетъ громко: «Смотри! ты лишенъ и того, что имѣютъ многіе скотоподобные люди и у тебя нѣтъ и не будетъ ни 75, ни 50 руб. въ мѣсяцъ вѣрныхъ и обезпеченныхъ. У тебя есть лишь 49 руб. пенсіи, которые ты долженъ отдавать своей доброй и убогой (умомъ убогой) женѣ и ея служанкѣ на содержаніе въ Козельскѣ; а ты долженъ что-то мыслить, что-то воображать, что-то писать и печатать, чтобы ѣсть, пить, спать, курить и т. д.». И вотъ начинается скорбь: беру тетрадь, повѣсть для Каткова; слышалъ, что она хороша; попробую... — Ни съ мѣста! Ни зги Божіей не вижу; ни строки... Кладу назадъ и на диванъ и опять радъ. Вчера молодой служитель заболѣлъ. Я радъ случаю; пошелъ самъ съ утра хлопотать о провизіи къ обѣду, о томъ, о другомъ — чтобы только не писать. Вотъ моя бодрость, вотъ моя мечта, вотъ мое счастье — ничего, кромѣ тѣлеснаго спокойствія».

19 ноября 1880 года, послѣ усиленныхъ хлопотъ Т. Филиппова и др., состоялось опредѣленіе Леонтьева исправляющимъ должность цензора Московскаго Цензурнаго Комитета.

Назначеніе это для него не было особенно радостнымъ событіемъ. Покойная служба съ 3.000 руб. содержанія являлась для него лишь неизбѣжной необходимостью: «хотя, разумѣется, жизнь цензора, пишетъ онъ Губастову, я считаю тоже чѣмъ то вродѣ жизни той свиньи, которая обезпечена и чешется объ уголъ сруба; но тѣмъ то она и хороша... Покойнѣе, чѣмъ положеніе литературнаго

Икара (вы знаете миѣъ о Дедалѣ и Икарѣ, летѣвшихъ съ острова Крита черезъ море?)».

Но крылья Икара не переставали ему грезиться и посейчасъ. Т. И. Филипповъ продолжалъ энергично искать капитала для газеты, при которой было бы обезпечено мѣсто Леонтьеву, и послѣдній готовъ былъ отказаться отъ своей покойной службы цензора, чтобы опять пойти на литературныя скитанія. Къ его благополучію, эта газета не осуществилась.

Служба цензоромъ была для Леонтьева легка и неотяготительна. Изрѣдка приходилось ему ѣздить на собранія въ цензурный комитетъ, гдѣ онъ любилъ бывать и называлъ его своимъ «Эльдорадо». Остальное же время можно было работать на дому. Хотя другіе цензоры жаловались и увѣряли, что дѣла много, что оно очень трудно, но Леонтьевъ быстро справлялся съ работой и тяготился лишь ея характеромъ. Онъ съ презрѣніемъ отзывался о своихъ цензорскихъ занятіяхъ, какъ о «стиркѣ и ассенизаціи чужого, большею частью грязнаго, бѣлья». О дѣятельности К. Н—ча въ качествѣ цензора нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Можно сказать только, что иногда онъ былъ очень строгъ, иногда очень снисходителенъ, часто ради шутки переиначивалъ чужую мысль. Напр., какой-то поэтъ написалъ въ одномъ стихотвореніи что-то вродѣ слѣдующаго: «воруютъ даже генералы». К. Н. вмѣсто послѣдняго слова написалъ «либералы» и въ такомъ видѣ стихотвореніе попало въ печать. Будучи цензоромъ, онъ какъ-то получилъ анонимное письмо, состоявшее изъ двухъ словъ: «г...., братъ». Это письмо онъ хранилъ на столѣ въ особомъ конвертѣ, чтобы «не зазнаваться».

Приведемъ здѣсь разсказъ Н. Миляева [1]) объ одномъ незначительномъ, но нѣсколько характерномъ случаѣ. Однажды часовъ въ 10 вечера является къ Леонтьеву какой-то московскій купецъ съ женой. Къ нимъ въ переднюю вышелъ Леонтьевъ. Изъ несвязной рѣчи купца онъ выяснилъ, что появился романъ, описывающій съ слишкомъ ясными именами любовную ошибку его дочери. Авторъ указалъ купцу на это и за прекращеніе печатанія просилъ съ купца 2000 руб. Леонтьевъ возмутился, успокоилъ старика, что все будетъ сдѣлано. Но когда купецъ, вынувъ 300 руб., хотѣлъ предложить ихъ Леонтьеву, тотъ крикнулъ: «Если ты еще разъ осмѣлишься сказать мнѣ это, я вышвырну тебя вонъ. Иди... Все будетъ сдѣлано»... Со слѣдующаго дня романъ въ газеткѣ оборвался.

Въ должности цензора Л. прослужилъ шесть съ небольшимъ лѣтъ. Въ общемъ это было спокойное время его жизни. По крайней мѣрѣ, матеріально онъ былъ обезпеченъ достаточнымъ жалованьемъ съ небольшою прибавкою отъ его литературныхъ работъ.

Но переѣздъ его въ Москву былъ сопряженъ съ большими расходами на первоначальное обзаведеніе въ столицѣ, почему весной 1881 года ему пришлось вновь испытать денежное затрудненіе. «Позвольте мнѣ не входить ни въ какія подробности, пишетъ онъ 23 апрѣля 1881 года Т. И. Филиппову, позвольте мнѣ надѣяться, что вы мнѣ повѣрите на слово — невозможно!! Пріѣздъ жены въ извѣстномъ Вамъ положеніи разсудка и необходимость внезапнаго переѣзда въ столицу безъ всякаго денежнаго за-

---

[1]) «Русское Обозр.» 98 г., № 1.

паса привели, наконецъ, къ тому, что... я просто у м а не приложу, что напр. даже ѣсть завтра. Знакомые постоянно Христа ради (безъ прибавленія!) помогаютъ, кто 10, кто 5, кто 20 — вотъ уже 3-й мѣсяцъ. Ужъ я и стыдиться пересталъ»... За неплатежъ денегъ ему грозили выселеніемъ изъ квартиры съ семьей, въ банкъ требовали процентовъ за имѣніе. Всѣ эти денежныя затрудненія впервые дали ему почувствовать, что Кудинова не спасти; и дѣйствительно, въ слѣдующемъ году ему пришлось разстаться съ своимъ «зеленымъ уголкомъ» и продать его одному крестьянину. Конечно, это для него было тяжелымъ ударомъ и невознаградимой утратой.

Спокойная, по внѣшности, московская жизнь Леонтьева почти все время была омрачена и постоянными тяжелыми недугами. Онъ страдалъ одновременно нѣсколькими мучительными болѣзнями, большею частью — имѣвшими хроническій характеръ. Эти болѣзни давали себя знать и раньше, но въ Москвѣ онѣ усилились. Такъ, по зимамъ застарѣлый катарръ гортани не позволялъ ему мѣсяцами выходить изъ квартиры, а постоянно прибѣгать къ респиратору. Въ 1882 году онъ заболѣлъ органическимъ съуженіемъ мочевого канала до такой степени, что доктора угрожали кровавой операціей uretrotomia interna (внутреннее разсѣченіе съуженія мочевого канала), при которой процентъ смертности очень великъ. Если прибавить ко всему этому болѣзнь спинного мозга, то физическое состояніе К. Н — ча уже въ 1880—83 годахъ представляется крайне тяжелымъ. Въ 1884 году онъ заболѣлъ хронической катарральной дизентеріей, настолько тяжелой и изнурительной, что окружающіе и друзья ожидали его смерти. К. Н — чъ, самъ врачъ, не надѣясь на

выздоровленіе, написалъ даже завѣщаніе. Хотя онъ поправился отъ этой болѣзни, но не совсѣмъ, такъ какъ она возобновлялась и послѣ того, хотя не въ рѣзкой формѣ. Эти повторенія дизентеріи стали ему въ концѣ концовъ даже пріятны, такъ какъ, отвлекая раздраженіе на кишки, они облегчали другіе худшіе его недуги, страданія мочевого пузыря и гортани.

Безсонницы, мигрени, поносы, рѣзи въ животѣ, раздраженія мочевого пузыря, кашель и больная гортань, вмѣстѣ съ появившимися трещинами и сыпями на ногахъ и рукахъ и съ отеками ихъ — вотъ ужасная картина физическаго состоянія Леонтьева за 84, 85 и слѣд. годы. Въ 1886 году Леонтьевъ опять былъ близокъ къ смерти. Великимъ постомъ этого года онъ заболѣлъ гнойнымъ зараженіемъ крови и воспаленіемъ лимфатическихъ сосудовъ въ правой рукѣ, но благодаря принятымъ рѣшительнымъ мѣрамъ печальный конецъ былъ скоро отвращенъ. Едва только К. Н. поправился отъ этой болѣзни, какъ у него появился острый гриппъ, принявшій такой злокачественный характеръ, что опять онъ былъ около четырехъ недѣль на краю могилы. Послѣ этихъ изнурительныхъ и тяжелыхъ болѣзней его обычные хроническіе недуги, конечно, выступили съ новой, удвоенной силой. Весною этого года Т. И. Филипповъ въ особомъ вагонѣ довезъ его въ лежачемъ положеніи до Калуги, откуда онъ лежа доѣхалъ до Оптиной пустыни и тамъ кое-какъ поправился. Передаютъ, что въ этотъ пріѣздъ въ Оптину онъ намѣревался постричься въ монахи.

Одному человѣку приходилось переносить всѣ эти болѣзни, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности способна отравить жизнь. Но Леонтьевъ переносилъ ихъ съ хри-

стіанскимъ терпѣніемъ. Такъ, напримѣръ, вспоминая о своей опасной болѣзни въ 84 году, именно дизентеріи, онъ въ письмѣ къ Т. Филиппову впослѣдствіи писалъ, что знакомые потомъ говорили ему: «удивляемся, какъ вы были «свѣтлы» тогда»; «и это правда, прибавляетъ онъ, я былъ почти счастливъ! Въ домѣ у меня царствовалъ миръ; родъ смерти отъ постепеннаго изнуренія и отъ язвъ въ кишкахъ мнѣ былъ очень хорошо знакомъ еще изъ моей медицинской практики въ севастопольскую годину. Прекрасная смерть! Итакъ я, видитъ Богъ, благодарилъ Его промыселъ тогда!»

Писалъ К. Н. за время своего цензорства сравнительно мало и, большею частію, неохотно. Такъ, началъ онъ романъ «Египетскій голубь» (въ «Русс. Вѣстн.») и оставилъ его незаконченнымъ. Писалъ онъ его изъ денежныхъ видовъ, вначалѣ даже питалъ отвращеніе къ легкому и слишкомъ пустому, по теперешнимъ его настроеніямъ, сюжету этого произведенія. Затѣмъ, печаталъ незначительные по размѣрамъ разсказы въ «Нивѣ» (1885 г.), рядъ воспоминаній и др. отрывковъ. Наряду съ этимъ онъ написалъ небольшую, но прекрасную по языку и очень важную и отвѣтственную по содержанію статью о «Страхѣ Божіемъ и любви къ человѣчеству» (по поводу одного разсказа Л. Толстого), которая вмѣстѣ съ напечатанной предъ тѣмъ статьей «О всемірной любви» (по поводу рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ), выражаетъ основной взглядъ Л-ва на сущность христіанства. Въ этихъ статьяхъ, изданныхъ затѣмъ отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «Наши новые христіане», Л. указываетъ, что сущность христіанства нельзя сводить къ гуманности, что цѣль христіанства не есть всеобщая

гармонія и благоденствіе на землѣ, которыхъ человѣчество никогда не достигнетъ, и что основаніе христіанской жизни и дѣятельности заключается прежде всего не въ любви, а въ страхѣ Божіемъ.

Эта брошюра была замѣчена критикой и по поводу ея появилось значительное количество замѣтокъ въ различныхъ періодическихъ органахъ. Еще съ большимъ вниманіемъ отнеслась пресса къ собранію статей Леонтьева, появившемуся въ свѣтъ въ 1885 и 1886 гг. въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ «Востокъ, Россія и Славянство».

Но эти книги все таки не снискали Леонтьеву ни значительнаго вліянія въ литературной средѣ, ни славы, не говоря уже о сочувствіи или всеобщемъ признаніи. За исключеніемъ Т. И. Филиппова и Влад. Соловьева, Вс. Крестовскаго, Ѳ. Н. Берга, Н. Я. Соловьева и немногихъ другихъ друзей, едва ли были лица, которые признавали за нимъ крупный талантъ и цѣнили его идеи.

Т. Филипповъ вступилъ съ Леонтьевымъ въ переписку въ 1875 г. и эта переписка продолжалась до конца жизни К. Н. Сближеніе ихъ объясняется единомысліемъ по вопросу о греко-болгарской распрѣ, въ которомъ они стояли одиноко среди своихъ современниковъ. Затѣмъ Филипповъ сталъ энергично хлопотать для Леонтьева о мѣстѣ въ цензурномъ комитетѣ и благодаря, главнымъ образомъ, его же усиліямъ К. Н — чу впослѣдствіи дали повышенную пенсію. Вообще, Филипповъ являлся для Л. не на словахъ только, а и на дѣлѣ тѣмъ доброжелателемъ, который, пользуясь вліяніемъ въ высшихъ сферахъ, всегда и всячески старался облегчить положеніе Леонтьева во многія тяжелыя минуты его жизни, неусыпно слѣдилъ за его вещественными и слу-

жебными интересами. Благодарный К. Н. въ знакъ невыразимой признательности Филиппову, «за его неизмѣнную поддержку въ долгіе годы умственнаго одиночества», посвятилъ ему свой первый томъ «Востокъ, Россія и Славянство».

Съ Вл. Соловьевымъ Л. познакомился, повидимому, въ 1883 году и скоро они стали на дружескую ногу. Соловьевъ, посѣщая Москву, всегда бывалъ у К. Н. и даже заѣзжалъ къ нему на дачу близъ Кунцева. Леонтьевъ былъ очень высокаго мнѣнія объ учености и философскомъ умѣ своего друга, въ вопросахъ церковныхъ считалъ себя «недостойнымъ развязать ремень обуви его». Позднѣе, когда Соловьевъ сталъ сотрудничать въ лѣвыхъ органахъ печати, дружба ихъ нѣсколько охладѣла, но взаимное уваженіе сохранялось до конца.

Знаменательно то обстоятельство, что представители консервативнаго направленія относились въ общемъ равнодушно, а нѣкоторые даже отрицательно къ Леонтьеву. Такъ, въ наиболѣе близкой ему по убѣжденіямъ редакціи «Русск. Вѣстн.» его считали какимъ то «художникомъ» въ нелестномъ смыслѣ этого слова. Катковъ хотя и печаталъ художественныя произведенія Л. въ своемъ журналѣ, но разойдясь съ нимъ во взглядахъ на греко-болгарскій вопросъ, считалъ К. Н. чуть ли не врагомъ своимъ, по поводу же статьи «Византизмъ и Славянство» высказывался, что Леонтьевъ договаривается «до чертиковъ». В. А. Грингмуту, вполнѣ зависѣвшему отъ Каткова, пришлось секретно отъ него напечатать въ «Гражданинѣ» сочувственную Леонтьеву статью.

И. С. Аксаковъ былъ очень нерасположенъ къ К. Н., вѣроятно, за неожиданные и рѣзкіе для него выводы изъ

стараго славянофильства. О. А. Новикова издала при его газетѣ «Русь» книжку объ Эмерсонѣ, гдѣ вкратцѣ сочувственно упоминала о греческихъ повѣстяхъ Леонтьева. И. С. Аксаковъ, несмотря на то, что частнымъ образомъ очень восхвалялъ эти повѣсти, согласился на это упоминаніе лишь послѣ настоятельнаго требованія О. Новиковой.

Въ редакціи «Современ. Извѣстій», руководимыхъ Ник. Петр. Гиляровымъ, считали Леонтьева «черезъчуръ православнымъ». Въ томъ же смыслѣ высказывался Н. Н. Страховъ. С. А. Рачинскій, товарищъ Леонтьева по университету, съ давнихъ поръ питалъ къ нему почти отвращеніе за проповѣдь аморализма. К. П. Побѣдоносцевъ, хотя цѣнилъ Леонтьева, какъ мыслителя, и даже купилъ для семинарій 60 экземпляровъ его «Востока, Россіи и Славянства», но отъ самого автора этой книги держался далеко, благодаря близости К. Н. съ Т. Филипповымъ, съ которымъ Побѣдоносцевъ былъ въ постоянной враждѣ. Интересно отношеніе К. Н. къ К. Побѣдоносцеву, этому столпу нашего практическаго и идейнаго консерватизма. Въ одномъ изъ писемъ къ Филиппову имѣется такая его характеристика: «Человѣкъ онъ очень полезный; но какъ? Онъ какъ морозъ; препятствуетъ дальнѣйшему гніенію; но растн при немъ ничто не будетъ. Онъ не только не творецъ; онъ даже не реакціонеръ, не возстановитель, не реставраторъ, онъ только консерваторъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова; морозъ, я говорю, сторожъ; безвоздушная гробница; старая «невинная» дѣвушка и больше ничего!!»

Такъ разошелся Леонтьевъ съ возможными единомышленниками, съ одними — благодаря своимъ крайнимъ религіознымъ убѣжденіямъ, съ другими — благодаря рѣз-

кости своихъ консервативныхъ взглядовъ, со многими, наконецъ, — вслѣдствіе своеобразныхъ эстетическихъ наклонностей. Все, что онъ совмѣщалъ въ себѣ, не входило въ узкія рамки, для всѣхъ пріемлемыя, не мѣрилось на какой либо всѣми признанный аршинъ. Одиноко стоялъ Л. и вдали не только отъ «либераловъ», которыхъ онъ ненавидѣлъ и громилъ, но и отъ представителей консервативнаго направленія. Этимъ, скорѣе всего, и объясняется то замалчиванье его идей, которое самъ онъ приписывалъ десницѣ Божіей, карающей его за грѣхи.

Къ сказанному добавимъ, что измѣненіе въ направленіи нашей внутренней политикѣ въ царствованіе Александра III совершилось безъ всякаго вліянія со стороны Леонтьева, да и послѣ того онъ никогда не былъ вліятелень въ правящихъ сферахъ: тамъ имѣли вѣсъ практическія и близко осуществимыя идеи, но кто изъ государственныхъ людей того времени могъ взяться за проведеніе въ жизнь, напр., мысли и мечты Леонтьева о взятіи Константинополя и устроеніи тамъ патріаршаго престола надъ всѣми православными странами, независимаго ни отъ какой свѣтской власти?!

Поскольку Л. встрѣтилъ мало лицъ, сочувствующихъ ему и его идеямъ, въ старшемъ поколѣніи своего времени, постольку нашелъ онъ себѣ восторженныхъ почитателей среди молодежи, главнымъ образомъ изъ студентовъ Катковскаго лицея. Помимо воспріимчивости молодежи къ новымъ идеямъ, это вліяніе объясняется нѣкоторыми обаятельными сторонами его личности.

К. Н. былъ человѣкъ рѣдкой доброты, съ отзывчивой душой. Можно было бы привести тому массу примѣровъ, но ограничимся немногими. Такъ, пріѣхалъ изъ деревни

въ Москву пятнадцатилѣтній парень, самый простой деревенскій юноша, въ огромныхъ смазныхъ сапогахъ съ растрепанными и выгорѣвшими отъ солнца волосами. Привезъ онъ съ собой свою рукопись и, послѣ скитаній, попалъ къ Л. Послѣдній, хотя и забраковалъ его сочиненіе, но оставилъ этого «Ломоносова» у себя въ квартирѣ ночевать и далъ ему денегъ на проѣздъ домой по желѣзной дорогѣ. Съ сердечнымъ участіемъ отнесся Л. къ извѣстному автору «Дикарки», «Женитьбы Бѣлугина» Н. Я. Соловьеву. Послѣдній одно время жилъ въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ и очень бѣдствовалъ. К. Н. отыскалъ тамъ молодого драматурга и сталъ энергично хлопотать о немъ: нѣсколько разъ ѣздилъ къ артисту Самарину, для чего нарочно вставалъ раньше обыкновеннаго, устроилъ знакомство Н. Соловьева съ Островскимъ, съ которымъ самъ не былъ знакомъ. Послѣ этого, благодаря сотрудничеству съ Островскимъ, начались успѣхи Н. Соловьева. Познакомился К. Н. черезъ Вл. Соловьева съ нѣкіимъ Э-номъ, который въ Москвѣ еле-еле перебивался то корректорской работой, то случайными занятіями при газетѣ, а иногда оставался безъ куска хлѣба съ женой и тремя дѣтьми. Леонтьевъ и Влад. Соловьевъ часто помогали ему деньгами, устроили въ одной аристократической гостиной литературный вечеръ и собрали для него около 200 руб. К. Н. кромѣ того уговорился съ Э-номъ, чтобы тотъ хлопоталъ за него по редакціямъ, типографіямъ и др. мѣстамъ, за что платилъ ему 10% изъ своего литературнаго заработка.

Многіе люди видѣли не мало добра отъ этого больного, измученнаго жизнью и очень занятого человѣка: съ однимъ онъ дѣлится изъ послѣдняго деньгами, для дру-

гого хлопочетъ о мѣстѣ; или за свой счетъ устраиваетъ свадьбу своихъ слугъ, или помогаетъ изобрѣтателю греческаго огня, не имѣвшему никакихъ связей, добиться вниманія въ высшихъ сферахъ и мн., мн. другое. Это была жизнь по истинѣ дѣятельной любви; на доброе дѣло Л. поднимался безкорыстно и безъ всякихъ усилій, смотрѣлъ на это дѣло, какъ на свое собственное, за «ближняго» своего волновался, мучился, гнѣвался и радовался.

Помимо добраго сердца въ характерѣ Л. было много и другихъ привлекательныхъ чертъ. І. Колышко такъ описываетъ впечатлѣніе, которое К. Н. производилъ на окружающихъ:

«Мнѣ было едва 20 лѣтъ и я былъ свѣжеиспеченнымъ корнетомъ, когда я впервые встрѣтилъ этого блестящаго оригинала. Сухой, жилистый, нервный, съ искрящимися, какъ у юноши глазами, онъ обращалъ вниманіе и этой внѣшностью своею и молодымъ, звонкимъ голосомъ и рѣзкими, не всегда граціозными движеніями. Ему никакъ нельзя было дать его 50 лѣтъ. Онъ говорилъ, или вѣрнѣе импровизировалъ, о чемъ — не помню. Вслушиваясь въ музыку его красиваго, ораторскаго слога и увлекаясь его увлеченіемъ, я едва успѣвалъ слѣдить за скачками его безпокойной, какъ молнія, сверкавшей и извивавшейся мысли. Она какъ бы не вмѣщалась въ немъ, не слушалась его, загораясь пожаромъ то тамъ, то сямъ, и освѣщая далекіе темные горизонты въ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего ее можно было ожидать. Это была цѣлая буря, ураганъ, порабощавшій слушателей.

«Мнѣ даже казалось, что онъ рисуется, играетъ своимъ обаяніемъ; но не слушать его я не могъ, какъ не могъ не поражаться его огромной силой логики, огнен-

ностью воображенія и чѣмъ то еще особеннымъ, что не зависѣло ни отъ ума, ни отъ краснорѣчія, но что было, пожалуй, труднѣе того и другого. Много позже, когда я сталъ серьезнѣе и познакомился съ нимъ ближе, я понялъ, что это что-то составляло именно ту черту покойнаго, которая дѣлала его въ глазахъ однихъ — оригиналомъ, другихъ — чудакомъ, третьихъ — обаятельнымъ и даже импонирующимъ. Къ числу послѣднихъ принадлежу и я. Это что-то я иначе не могу назвать, какъ — благородной воинственностью его духа и блестящей храбростью ума» [1]).

Съ студентами лицея Л. сблизился черезъ своего друга приватъ-доцента П. Е. Астафьева. Среди нихъ онъ скоро навербовалъ себѣ многихъ послѣдователей, какъ напримѣръ А. А. Александрова, впослѣдствіи приватъ-доцента Московскаго университета, Уманова и Денисова, совмѣстно напечатавшихъ въ «Русс. Дѣлѣ» подъ псевдонимомъ П. Волженскаго статью съ изложеніемъ взглядовъ Леонтьева, И. И. Кристи, чистой и свѣтлой души юношу, рано сошедшаго въ могилу и писавшаго въ «Гражданинѣ» статьи подъ псевдонимомъ Сергіевскаго, и др.

Помимо означенныхъ студентовъ, Леонтьевъ пріобрѣлъ въ Москвѣ много знакомыхъ, иногда выѣзжалъ на частныя собранія, напримѣръ къ Астафьеву «по пятницамъ». Затѣмъ онъ самъ сталъ устраивать у себя въ квартирѣ [2]) собранія «избранныхъ».

Перейдемъ теперь къ изображенію того настроенія,

---

[1]) Колышко. «Маленькія мысли» 1898 — 99 г.г.

[2]) Жилъ К. Н. сперва у Новинскаго бульвара, затѣмъ на Арбатѣ, въ Мало-Песковскомъ пер., д. барона Боде, и послѣ въ Денежномъ пер., домъ Авдѣевой.

которое владѣло душой К. Н. во время его жизни въ Москвѣ. Если вспомнить, какъ на него подѣйствовало сравнительно такое ничтожное обстоятельство, какъ неудача «Варш. Дневн.», то станетъ понятно, что долженъ былъ чувствовать этотъ человѣкъ, почти старикъ, терзаемый и непрерывными физическими недугами, и сознаніемъ полнаго краха его надеждъ на литературные успѣхи, и умственнымъ одиночествомъ, и непріятной службой, и многими другими крупными и мелкими невзгодами его жизни. Время его цензорства характеризуется усталостью и упадкомъ его духа и силъ. Конечно, какая нибудь встрѣча, бесѣда или какое нибудь изъ ряда вонъ выходящее обстоятельство вызывали въ немъ умственное и нравственное возбужденіе, но въ глубинѣ его души таилась апатія ко всему, кромѣ личнаго загробнаго спасенія.

Для характеристики этого настроенія, позволимъ себѣ привести слѣдующія выдержки изъ писемъ его къ Т. И. Филиппову. 8 марта 1882 года онъ ему пишетъ: «Но если бы вы только знали, до чего мнѣ все тошно и все скучно! Я и объ Россіи очень мало теперь думаю и благодаря тому, что цензура кое-какъ меня кормитъ, только и думаю (какъ слабый и худой монахъ): «Какъ бы пОѣсть, пОспать и вздОхнувши о грѣсѣхъ (очень искренно) Опять пОспать...» Скучно! Очень скучно! Задушили!».

Или изъ письма отъ 18 апрѣля 1886 года: «Я скоро стану «невмѣняемъ» съ точки зрѣнія общественной и дружеской... «Пострадахъ и слякохся до конца; весь день сѣтуя хождахъ». «Яко лядвія моя исполнишася поруганій и нѣсть исцѣленія въ плоти моей», «нѣсть мира въ костѣхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ!». Мо-

жетъ быть, въ этихъ словахъ псалмовъ что нибудь и не вѣрно, но они до того соотвѣтствуютъ и тѣлесному состоянію моему, и сердечнымъ чувствамъ, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи написать ихъ на память, не справляясь съ книгой (которая и лежитъ-то всего въ пяти шагахъ!).

«Да! Т. И., — заслуженное наказаніе за ужасную прежнюю жизнь! — Утѣшеніе одно; это то, что одинъ старецъ сказалъ духовному сыну на вопросъ: «когда можно надѣяться что грѣхи прежней жизни прощены?» «Тогда, когда человѣкъ начинаетъ ихъ ненавидѣть»! — И вотъ я послѣ двухъ послѣднихъ острыхъ болѣзней, придя въ себя, наконецъ (недѣли съ три тому назадъ), отъ жестокихъ и разнообразныхъ страданій до того нестерпимо возненавидѣлъ все свое прошедшее, не только давнее полубезбожное и блудное, и гордое, самодовольное, но и ближайшее, когда уже (лѣтъ 15 тому назадъ) я на Аѳонѣ сталъ мало по малу озаряться свѣтомъ истины, но вѣра и страхъ Божій и любовь къ церкви не могли по гнусному непотребству моему искоренить вдругъ всѣ тонкіе и глубочайшіе корни пороковъ, легкомыслія, тщеславія, гнѣвливости, самооправданія и литературнаго празднословія.

«Только развѣ на послѣдніе два года, — обернувшись съ невыразимымъ ужасомъ на ложно пройденный жизненный путь, на эти два года упадка силъ и возрастанія тѣлесныхъ мукъ — смотришь лучше. Пусть не своими усиліями, да хоть карающей десницей немного и невольно какъ будто поочистился... «Блаженъ мужъ, его же накажеши, Господи»! Не смѣю даже и рѣшительно молиться о полномъ исцѣленіи, напримѣръ

хоть главнаго недуга моего (сыпи и язвъ); боюсь, не сталъ бы я, окаянный, опять прежнимъ въ неблагодарности моей»...

Губастову К. Н. въ письмѣ отъ 2 февраля 1887 года говоритъ о семи годахъ службы въ Москвѣ, что они доконали его. «Вотъ гдѣ былъ «скитъ»!—пишетъ онъ, вотъ гдѣ произошло «внутреннее постриженіе» души въ незримое монашество! Примиреніе со всѣмъ, кромѣ своихъ грѣховъ и своего страстнаго прошедшаго; равнодушіе; ровная и лишь о покоѣ и прощеніи грѣховъ страстная молитва»...

Переселеніе въ Оптину. Мысли и «записки отшельника». Тайный постригъ. Смерть.

Этотъ покой онъ скоро обрѣлъ въ Оптиной пустынѣ. Безпрерывныя болѣзни, обязательная жизнь въ Москвѣ большую часть года, непріятная служба давно уже заставили Л. не только мечтать, но и хлопотать объ отставкѣ съ достаточной пенсіей. Онъ могъ бы быстро уйти со службы съ пенсіей въ 1.000 руб. въ годъ, но этой суммы для его жизни было недостаточно. Поэтому разрѣшеніе вопроса объ усиленіи пенсіи очень затянулось и разрѣшилось въ концѣ концовъ благодаря помощи Филиппова, Товарища Министра Внутрен. Дѣлъ кн. Гагарина, Министра Народнаго Просвѣщенія Делянова, благоволившихъ къ Леонтьеву. Прежде всего, Т. Филипповъ вступилъ въ соглашеніе съ Деляновымъ, послѣдній вошелъ съ отношеніемъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Толстому, у котораго поддерживалъ Леонтьева кн. Гагаринъ. Затѣмъ гр. Толстой и Деляновъ вмѣстѣ вошли съ предложеніемъ къ Министру Финансовъ Бунге, который согласился лишь на 1.800 руб. пенсіи. Когда на мѣсто Бунге назначенъ былъ Вышнеградскій, тутъ только хлопоты увѣнчались, наконецъ, полнымъ успѣхомъ. 10 февраля 1887 года

К. Н. былъ уволенъ въ отставку съ пенсіей въ 2.500 р. въ годъ, изъ коихъ 1.500 руб. было ему прибавлено за литературные труды.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ увольненіе отъ службы, я впалъ въ какой-то блаженный квіетизмъ и сталъ точно Турокъ, который только молится, куритъ и созерцаетъ что-то», — пишетъ Л — въ Филиппову въ мартѣ 1887 года. Когда же наступила весна и въ маѣ мѣсяцѣ К. Н. переѣхалъ въ Оптину пустынь, онъ окончательно пріободрился духомъ.

Не одно только пскаиіе «покоя» влекло Л. въ эту обитель. Тотъ обѣтъ, который имъ былъ данъ во время болѣзни въ 1871 году, навсегда связалъ его духовно съ монастыремъ. Затѣмъ идейное убѣжденіе въ значеніи монашества вмѣстѣ съ личной привычкой къ монастырскому обиходу — все это дѣйствовало въ одномъ направленіи. Кромѣ того, для людей такого душевнаго склада, какъ Леонтьевъ, монастырь долженъ былъ являться чѣмъ-то магически притягивающимъ. К. Н. былъ натурой, въ которой соединялось и сочеталось многое разнородное и страстно устремляющееся въ различныя стороны. Это дѣлало его въ нѣкоторомъ отношеніи женственно-слабымъ, не всегда самоутверждающимся. А для такихъ натуръ есть что-то притягивающее въ противоположномъ имъ, въ одно-волевомъ, едино-цѣлевомъ, мужественно-замкнутомъ. Монастырь и былъ для Л. такимъ выдержаннымъ въ одномъ строгомъ стилѣ центромъ, черезъ все существо котораго проходитъ одна идея, развиваемая съ непреклонной послѣдовательностью. Для души Л., съ ея многоразличными устремленіями, монастырь являлся, такъ сказать, регуляторомъ, упорядочивающимъ ея движенія.

Что больше всего притягивало Л. къ Оптиной пустыни, такъ это общеніе со старцемъ Амвросіемъ. Лишь послѣ смерти о. Климента Зедергольма онъ окончательно отдался вліянію этого знаменитаго подвижника. «Когда Климентъ умеръ, пишетъ Л. [1]), — и я сидѣлъ въ залѣ о. Амвросія, ожидая, чтобы меня позвали, я помолился на образъ Спаса и сказалъ про себя: «Господи! наставь же старца такъ, чтобы онъ былъ опорой и утѣшеніемъ! Ты знаешь мою борьбу! (она была тогда ужасна, ибо тогда я еще могъ влюбляться, а въ меня еще больше!)

«И вотъ о. Амвросій на этотъ разъ продержалъ меня долго, успокоилъ, наставилъ, и съ той минуты все пошло совсѣмъ иначе. Я сталъ съ любовью его слушаться, — и онъ видимо очень меня любилъ и всячески меня утѣшалъ». За время жизни въ Москвѣ, Л. письменно во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ обращался за совѣтомъ къ о. Амвросію. «Скучно безъ хорошаго старца! — говоритъ онъ.—Томно. Чего-то не достаетъ!» По переѣздѣ же въ пустынь, онъ находился подъ постояннымъ и непосредственнымъ его руководствомъ.

Въ Оптиной К. Н. рѣшилъ прочно обосноваться и осенью 1887 года снялъ у ограды монастыря двухъ-этажный домъ, — сохранившійся до сего времени и извѣстный подъ названіемъ «консульскаго дома». Въ этомъ домѣ онъ устроился до нѣкоторой степени комфортабельно, перевезя сюда сохранившуюся старинную мебель матери и свою библіотеку. Въ Оптиной Леонтьевъ принималъ пріѣзжавшихъ къ нему друзей, нѣкоторымъ изъ нихъ даже высылалъ впередъ на дорогу деньги. Въ началѣ 1890 г. былъ

---

[1]) «Русское Обозр.» 1894 г. № 9.

въ Оптиной Л. Н. Толстой, посѣтилъ К. Н — ча и все время часа два слишкомъ они спорили о вѣрѣ [1]). Прощаясь Леонтьевъ сказалъ Толстому: — «Жаль, Левъ Николаевичъ, что у меня мало фанатизма. А надо бы написать въ Петербургъ, гдѣ у меня есть связи, чтобы васъ сослали въ Томскъ и чтобы не позволили ни графинѣ, ни дочерямъ вашимъ даже и посѣщать васъ, и чтобы денегъ вамъ высылали мало. А то вы положительно вредны!» На это Левъ Николаевичъ съ жаромъ воскликнулъ: «Голубчикъ, Константинъ Николаевичъ! Напишите, ради Бога, чтобъ меня сослали. Это моя мечта. Я дѣлаю все возможное, чтобы компрометировать себя въ глазахъ правительства, и все сходитъ мнѣ съ рукъ. Прошу васъ, напишите!» Съ Толстымъ К. Н. познакомился въ Москвѣ въ 1884 году. Толстой его называлъ «разбивателемъ стеколъ» и добавлялъ, что любитъ такихъ людей.

Большіе досуги, матеріальная обезпеченность благодаря хорошей пенсіи, спокойная жизнь около Оптиной и любимаго старца — все это вносило успокоеніе въ измученную душу Леонтьева и пробуждало въ немъ множество чувствъ и идей, заснувшихъ за 7 лѣтъ его мирной и тихой, но во многихъ отношеніяхъ давящей жизни въ Москвѣ.

Въ № 33 «Гражданина» за 1887 годъ онъ помѣщаетъ статью подъ заглавіемъ «Невольное пробужденіе старыхъ мыслей и чувствъ», гдѣ пишетъ:

«Предъ окномъ моимъ безконечныя осеннія поля.

«Я счастливъ, что изъ кабинета этого такой дальній и покоющій видъ.

---

[1]) Это свиданіе подробно описано Л — вымъ въ письмѣ къ Т. Филиппову.

«Laudatur domus longuos, quae prospicit agros.. — Я не знаю, какому древнему поэту принадлежитъ этотъ стихъ; но мнѣ онъ понравился и я выписалъ его изъ одной чужой статьи... Прекрасенъ тотъ домъ, изъ котораго видъ на широкія поля, и въ этомъ домѣ я, давно больной и усталый, но сердцемъ веселый и покойный, хотѣлъ бы подъ звонъ колоколовъ монастырскихъ, напоминающихъ мнѣ безпрестанно о близкой уже вѣчности, стать равнодушнымъ ко всему на свѣтѣ, кромѣ собственной души и заботъ о ея очищеніи...»

«Но жизнь и здѣсь напоминаетъ о себѣ! И здѣсь просыпаются забытыя думы и снова чувствуешь себя живою частью того великаго и до сихъ поръ неразгаданнаго цѣлаго, которое зовется «Россія»...

За этой статьей послѣдовалъ рядъ другихъ статей въ «Гражданинѣ» подъ общимъ заглавіемъ: «Записки отшельника». Оптинскій періодъ жизни Л. былъ однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ въ литературномъ отношеніи. Изъ лучшихъ статей этого періода укажемъ слѣдующія: «Тургеневъ въ Москвѣ», «Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи», «Анализъ, стиль и вѣяніе» — критическій этюдъ о романахъ гр. Л. Н. Толстого. Помимо напечатаннаго, у него тогда было много литературныхъ замысловъ, такъ и оставшихся или незаконченными или совсѣмъ неосуществленными. Такъ, К. Н. хотѣлъ написать два романа: одинъ — «Святогорскіе отшельники» — съ изображеніемъ обращенія современнаго человѣка къ православной вѣрѣ; другой — «Пророкъ въ отчизнѣ», начатый еще въ 1879 году, съ описаніемъ душевной драмы человѣка, у котораго трагедія сердца идетъ въ перемежку, съ проповѣдью морали. Въ послѣдніе годы жизни К. Н. очень интересовался соціа-

лизмомъ, много читалъ по этому вопросу, изучалъ Маркса, Лассаля, Луи Блана, Прудона и др. Въ будущность соціализма онъ вѣрилъ, но не демократическаго соціализма, а монархическаго: царь на верху и община внизу съ суровымъ укладомъ, въ родѣ монастырскаго. Думая написать о соціализмѣ обширную статью, онъ собралъ много для нея матеріала, но этимъ дѣло и ограничилось, дальнѣйшей обработкѣ помѣшала смерть К. Н. Помимо указанныхъ, у него была масса и другихъ литературныхъ замысловъ.

Въ послѣдніе годы жизни міровоззрѣніе Л. приняло вполнѣ законченную форму. Онъ остался на своей эстетической почвѣ, лишь полнѣе ее обосновавъ. Эстетика, по его мнѣнію, какъ критерій, приложима ко всему. Въ этомъ отношеніи онъ ставитъ ее наравнѣ съ физикой. Подчиненную роль при нихъ играетъ біологія, какъ критерій для органическаго міра, и далѣе по той же лѣстницѣ подчиненности слѣдуютъ — этика и политика (критерій для человѣчества) и, наконецъ, мистика (для единовѣрцевъ). Монастырь не подавилъ въ Л. его индивидуальности, а скорѣе раздвинулъ ея рамки: Леонтьевъ по прежнему грезитъ о пышной и богатой разнообразіемъ жизни, гдѣ силы божественныя (религіозныя) борются съ силами страстно эстетическими (демоническими). «Когда страстную эстетику побѣждаетъ духовное (мистическое) чувство, пишетъ онъ [1]), — я благоговѣю, я склоняюсь, чту и люблю; когда эту таинственную, необходимую для полноты жизненнаго развитія, поэзію побѣждаетъ утилитарная этика — я негодую и отъ того общества, гдѣ послѣднее случается слишкомъ часто, уже не жду ничего!»

---

[1]) «Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева», ст. свящ. Фуделя.

Въ окружающемъ Л. желалъ видѣть жизнь пышную, богатую и разнообразную, для себя же лично, послѣ того какъ онъ переселился въ Оптину пустынь, онъ ничего теперь не хотѣлъ. «Я отказался отъ городской жизни и не скучаю (я предвидѣлъ, что скучать не буду); я отказался около года тому назадъ отъ мяса и не горюю; отказался отъ выѣздовъ на воздухъ вторую зиму и не тягощусь этимъ безмолвіемъ по 6-ти мѣсяцевъ подъ рядъ. Откажусь, быть можетъ (съ Божіей помощью, конечно), и отъ той незатѣйливой семейной жизни, за которую пока держусь, т. е. буду тутъ гдѣ нибудь жить одинъ; откажусь, если Господь по милосердію своему поддержитъ меня и отъ того, что я назвалъ «текущей» литературой... Аминь! Аминь! Аминь!», — пишетъ онъ въ январѣ 1890 года Т. И. Филиппову. Мы видѣли, незадолго передъ тѣмъ Л. совершилъ надъ собою «внутреннее постриженіе» въ монашество. Отсюда былъ лишь одинъ шагъ къ внѣшнему постриженію и шагъ этотъ онъ совершилъ 23 августа 1891 года. Въ этотъ день въ Предтечевомъ скиту Оптиной пустыни, въ келіи старца Варсонофія, онъ принялъ тайный постригъ съ именемъ Климента.

Послѣ постриженія, по благословенію и совѣту старца Амвросія, К. Н. долженъ былъ навсегда покинуть Оптину и переселиться въ Троице-Сергіеву Лавру. О. Амвросій тогда былъ очень слабъ и находился почти при смерти. Когда К. Н. вошелъ къ старцу проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ, тотъ приподнялся на постели и еле слышнымъ голосомъ сказалъ ему: «Скоро увидимся, скоро увидимся!», и благословилъ его въ путь. Въ глубокомъ смущеніи вышелъ Л. изъ кельи прозорливаго старца. Слова о. Амвросія въ его глазахъ имѣли связь съ

однимъ его наблюденіемъ. К. Н. замѣтилъ, что всѣ болѣе важныя событія его жизни произошли въ годы, которыми начинаются десятилѣтія. Въ 1831 году онъ родился, въ 1851 г. — первое серьезное разстройство здоровья, знакомство съ Тургеневымъ и первое рѣшеніе быть писателемъ; 1861 г. — женитьба, нужда; въ 1871 г. — душевный переворотъ; въ 1881 г. — первое убѣжденіе, что Кудиново потеряно, цензорство. Что же ожидало его въ этомъ 1891 году? Смерть старца Амвросія была близка: гдѣ же они увидятся?! Пророчество старца сбылось: черезъ два съ небольшимъ мѣсяца К. Н. сошелъ въ могилу, получивъ не задолго предъ тѣмъ извѣстіе о кончинѣ о. Амвросія.

30 августа К. Н. пріѣхалъ въ Троице-Сергіевъ посадъ. Послѣ Оптиной это было единственное мѣсто въ Россіи, гдѣ теперь ему не казалось противнымъ жить. Онъ занялъ въ Лаврской гостиницѣ сперва номеръ, а затѣмъ переселился въ просторную со сводами, тихую и съ виду очень монашескую квартиру, внизу той же гостиницы, извѣстную подъ названіемъ «графскихъ» номеровъ. Въ Лаврѣ К. Н. очень скучалъ по Оптиной пустыни.

Тамъ его встрѣтила очень дурная погода, онъ не поберегся и простудился. Разсказываютъ, что однажды утромъ онъ сидѣлъ, легко одѣтый, близъ окна съ открытой форточкой и что-то писалъ. Такая неосторожность была очень удивительна при его мнительности и общей слабости здоровья. Заболѣлъ онъ воспаленіемъ легкихъ, pneumonia, той самой болѣзнью, которая была имъ подробно описана для изображенія тріединаго процесса развитія. Она оказалась роковой для К. Н — ча.

Θ. Ч. такъ описываетъ послѣдніе дни и смерть Ле-

онтьева («Гражд.» 1891 г.,» № 392): «Вечеромъ 9 ноября у К. Н., уже больного, былъ о. ректоръ Московской духовной академіи, съ которымъ больной свободно разговаривалъ и благодарилъ за посѣщавшихъ его студентовъ, особенно «за молодыхъ монаховъ студентовъ», безъ которыхъ онъ, «пожалуй, пропалъ бы со скуки», какъ выразился больной. Въ тотъ же день, раньше, у него былъ духовникъ его, о. Варнава, изъ Геѳсиманскаго скита, которому больной имѣлъ сообщить что-то весьма важное, что очень безпокоило и смущало больного. О. Варнава былъ у него около 2 часовъ и совершенно его успокоилъ. За время болѣзни больной два раза исповѣдывался и два раза пріобщался Святыхъ Таинъ. Но мысль о смерти ему не приходила. Чаще другихъ посѣщалъ его іеромонахъ Т., студентъ академіи, которому больной выражалъ свое неудовольствіе всякій разъ, когда тотъ наводилъ его на мысль о смерти, возможную во всякую минуту, потому что все въ рукахъ Божіихъ. По поводу этого больной шутливо даже жаловался на о. Т. отцу-ректору. 11 числа больному стало окончательно плохо. Часто онъ терялъ сознаніе. Страданія начались ужасныя. Въ половинѣ дня увеличились страданія настолько, что подавленное ими сознаніе уже рѣдко возвращалось къ нему. Отецъ Т. разослалъ телеграммы ближайшимъ друзьямъ больного о томъ, что «Леонтьевъ умираетъ». Больной изрѣдка узналъ и Т., и въ такихъ случаяхъ, какъ бы съ недоумѣніемъ, говорилъ иногда «это вы?» — «Ахъ это — вы, отецъ Т.» А потомъ пристально, уставившись на него, вдругъ проговорилъ: «Т—нъ, Т—нъ! Спасите Т—на! Спасите Т—на!..»

«Начался почти безпрерывный бредъ, продолжавшійся

всю ночь на 12 ноября. Видно было, что страданія нестерпимы. Стоны рѣзко раздавались всю ночь. «Батюшка! Батюшки! Господи! Охъ, Боже мой!» вырывалось у него. Время отъ времени больной и теперь все-таки приходилъ какъ будто въ сознаніе, иногда вскакивалъ, или вдругъ перевертывался на другой бокъ, иногда очень быстро самъ бралъ стаканъ со стола и глоталъ приготовленное питье. Къ утру онъ совершенно впалъ въ безпамятство...

«12-го въ 9-мъ часу утра я вошелъ къ больному. Онъ лежалъ на широкомъ диванѣ, безъ одѣяла, руки сжавши въ кулаки и прижимая ихъ у плечъ; одна нога вытянута, другая согнута въ колѣнѣ; глаза открыты и зрачки подведены вверхъ къ самымъ вѣкамъ; больной тяжело дышалъ и всякое его дыханіе сопровождалось громкимъ стономъ. Я увидѣлъ ужасную картину. Больной былъ въ безпамятствѣ. Замѣтно было, что начинается агонія. Доктора не было; послали за нимъ. Около больного никого не было, кромѣ его воспитанницы и прислуги. Вошелъ священникъ Веригинъ (студентъ академіи), и рѣшено было сейчасъ особоровать больного (отходную молитву прочитали прежде), что мы и сдѣлали съ нимъ вдвоемъ. Посреди совершенія таинства пріѣхалъ изъ Москвы еще одинъ изъ молодыхъ друзей больного, вошелъ и отецъ Т., которые помогли окончить таинство. Состояніе больного не измѣнилось. Но по окончаніи дѣла таинства тотчасъ же пришлось наблюдать послѣднія колебанія жизни, и черезъ нѣсколько минутъ К. Н. Леонтьева не стало».

Погребенъ К. Н. Леонтьевъ въ Геѳсиманскомъ скиту лавры близъ храма Черниговской Божіей Матери.

Анатолій Александровъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О

К. Н. ЛЕОНТЬЕВѢ.

Изъ воспоминаній о К. Н. Леонтьевѣ.

Знакомство мое съ покойнымъ Константиномъ Николаевичемъ Леонтьевымъ относится къ семи послѣднимъ годамъ его жизни (1884—1891 г.г.).

Въ первый разъ встрѣтилъ я его зимой 1884 года на одной изъ «пятницъ» теперь тоже давно уже покойнаго П. Е. Астафьева, завѣдывавшаго въ то время университетскимъ отдѣленіемъ московскаго лицея. Я былъ тогда студентомъ этого лицея. Астафьевъ читалъ намъ философію. Это былъ въ высшей степени живой, сердечный, удивительно чуткій и отзывчивый человѣкъ, истинно просвѣщенный и многосторонне образованный, и притомъ человѣкъ русскаго склада ума и характера. Вліялъ онъ на насъ, студентовъ, не столько, впрочемъ, лекціями своими, сколько внѣ-лекціонными бесѣдами вообще, и между прочимъ, этими своими «пятницами».

На «пятницахъ» у Астафьева, кромѣ насъ, студентовъ, бывалъ кое-кто, по его приглашенію и строгому подбору, изъ профессорскаго, писательскаго и артистическаго міра.

К. Н. Леонтьевъ служилъ въ то время цензоромъ въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ и время отъ времени

печаталъ свои статьи и повѣсти въ нѣкоторыхъ изъ періодическихъ изданій. Познакомившись съ Астафьевымъ, онъ скоро подружился съ нимъ и сталъ нерѣдкимъ посѣтителемъ его пятницъ.

Своеобразная наружность Леонтьева, его самобытный, оригинальный, сильный и смѣлый умъ и пламенная, увлекательная рѣчь произвели на меня, какъ и на всѣхъ почти товарищей моихъ, студентовъ, съ первой же встрѣчи съ нимъ чарующее впечатлѣніе, вылившееся въ посвященное ему мною стихотвореніе «Чародѣй».

Черезъ Астафьева стихотвореніе это дошло до Леонтьева, понравилось ему, и онъ пригласилъ меня бывать у него.

Съ тѣхъ поръ, я сталъ частымъ его гостемъ. Иногда и онъ самъ, преодолѣвая свои все усиливавшіеся физическіе недуги, поднимался на четвертый этажъ лицея, или, чтобы не подниматься ко мнѣ по лѣстницѣ, вызывалъ меня для бесѣды съ собой въ лицейскій садъ.

Его же квартира въ Денежномъ переулкѣ Пречистенки, въ двухъ-этажномъ деревянномъ темно-коричневомъ домѣ Авдѣевой, сдѣлалась скоро настоящей аудиторіей, куда въ долгіе осенніе и зимніе вечера спѣшили мы послушать этого удивительнаго, ни на кого другого не похожаго старика съ сильнымъ, острымъ, гибкимъ умомъ, чуткимъ, добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ и огненною, смѣлою, своеобразною рѣчью. Живая, чуткая молодежь интересовалась имъ, и понимала его гораздо больше, чѣмъ его сверстники, — и это очень радовало его и занимало.

Не любилъ онъ когда кто-либо изъ насъ, въ первую пору нашего знакомства съ нимъ, боясь утомить его долгимъ визитомъ, начиналъ поглядывать на часы, собираясь встать и проститься.

— Оставьте вы въ покоѣ эту вашу европейскую машинку, — говорилъ онъ. — Я скажу самъ, когда вамъ надо будетъ уходить.

Такъ это впослѣдствіи и наладилось у насъ: мы сидѣли у него, ловя каждое его слово, и совершенно не замѣчая времени, пока онъ самъ не объявлялъ намъ (часовъ въ 10, въ 11 вечера), что намъ пора уходить.

Принималъ онъ только по вечерамъ. На парадной двери его квартиры была даже надпись, что звонить съ этого хода можно только съ 7 часовъ вечера. Въ утренніе часы онъ никому не позволялъ его безпокоить: это были часы неприкосновенные, — часы полнаго одиночества и работы; даже никто изъ домашнихъ не могъ входить къ нему безъ его зова.

Зато ни по вечерамъ, ни по ночамъ онъ никогда не работалъ: ночь отдавалась имъ сну, вечеръ — общенію съ людьми. Если онъ, самъ никуда не уѣзжалъ и никого у него не было, то онъ проводилъ вечера въ кругу своихъ домашнихъ.

Домашніе эти состояли изъ жены и слугъ. Дѣтей у него никогда не было.

Послѣ 4 лѣтъ пребыванія на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета К. Н — чъ уѣхалъ военнымъ врачемъ въ Крымъ, на мѣсто военныхъ дѣйствій, во время Севастопольской кампаніи, гдѣ оставался врачемъ нѣкоторое время и по окончаніи ея. Тамъ онъ и женился на крымской гречанкѣ, дочери мелкаго торговца, дѣвушкѣ очень красивой, необыкновенно милой, доброй, жизнерадостной, полной природной поэзіи и граціи. Узнавъ ее въ позднѣйшіе годы ея жизни, когда у нея, послѣ перенесенной ею психической болѣзни, оставался лишь

слабый слѣдъ всего прежняго, я храню о ней тѣмъ не менѣе самое пріятное воспоминаніе, какъ о милomъ, добромъ, взрослomъ, больномъ ребенкѣ, какою я ее зналъ. Елизавета Павловна Леонтьева, вдова К. Н — ча, жива и до сихъ поръ. Она живетъ въ Орлѣ, при женскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ племянницей покойнаго мужа Маріей Владиміровной Леонтьевой, на оставшуюся имъ послѣ него пенсію.

Слугъ у Леонтьева въ періодъ моего знакомства съ нимъ въ Москвѣ было трое: кухарка Таиса Семеновна, пожилая женщина, бывшая дворовая его матери, вывезенная имъ изъ имѣнія его, с. Кудинова, Калужской губ., большую часть времени проводившая въ своей кухнѣ; горничная, молодая женщина Варя и молодой мужъ ея Александръ, служившій К. Н — чу главнымъ образомъ для посылокъ по разнаго рода порученіямъ; оба они по вечерамъ большую часть времени проводили въ комнатахъ и прислуживали при гостяхъ.

Слуги его были не столько «слугами» въ нашемъ современномъ смыслѣ, сколько «домочадцами» въ старорусскомъ домостроевскомъ пониманіи этого слова. Варю еще 12-лѣтней дѣвочкой привела къ нему, когда онъ жилъ еще у себя въ Кудиновѣ (вскорѣ послѣ того имъ проданномъ), ея мать, бывшая крѣпостная его матери, прося его полечить ея больные глаза. Глаза ея онъ вылѣчилъ, и затѣмъ оставилъ ее у себя въ домѣ для услугъ. Такъ она у него въ домѣ и выросла, переѣхала съ нимъ въ Москву и отдана была имъ замужъ за приглянувшагося ей красиваго молодого парня Александра изъ подмосковной деревни Мазилова, гдѣ К. Н — чъ жилъ на дачѣ.

Отношенія его къ слугамъ (вообще къ простонародью) были въ высшей степени своеобразны: они были какъ-то особенно, на свой манеръ, патріархальны, строго-любовны, отечески-добродушны, барственно-человѣчны (если можно такъ выразиться). Онъ былъ очень требователенъ къ нимъ, пріучая ихъ къ строгому и аккуратному исполненію своихъ обязанностей, внимательному отношенію къ его привычкамъ и всему укладу его жизни, а также и усвоенію «хорошихъ манеръ» (которымъ онъ училъ даже нищихъ, обращавшихся къ нему за подаяніемъ и обыкновенно не встрѣчавшихъ отказа). Но строгія замѣчанія его были въ то же время такъ отечески-добродушны и такъ остроумны, что положительно занимали ихъ, оживляли, подбодряли; къ тому же онъ съ такою сердечностью и добротой входилъ въ нужды ихъ собственной жизни, матеріальной и духовной, что окончательно плѣнялъ и покорялъ ихъ: они очень любили его, любовались имъ, гордились и были ему искренно преданы.

Къ сожалѣнію, интереснымъ и живымъ бесѣдамъ нашего молодого, студенческаго кружка съ К. Н. Леонтьевымъ и своеобразнымъ вдохновеннымъ лекціямъ его намъ, или, точнѣе, горячей личной проповѣди и завѣтамъ его молодежи скоро пришелъ конецъ. Разстроенное здоровье заставило К. Н. Леонтьева въ 1887 г. выйти въ отставку и удалиться изъ Москвы на покой въ Оптину Пустынь родной ему Калужской губерніи. Онъ перевезъ туда съ собой и всѣхъ домашнихъ своихъ, всю «сборную», какъ онъ ее называлъ, семью свою.

Сначала онъ уѣхалъ въ Оптину Пустынь одинъ и поселился на первое время въ скиту ея; затѣмъ перебрался изъ него въ небольшой двухъ-этажный домъ-особнякъ съ

садомъ, расположенный за монастырской оградой, который арендовалъ у монастыря до конца пребыванія своего въ Оптиной Пустыни. Сюда выписалъ онъ и супругу свою Елизавету Павловну, и Варю съ Сашей, принанялъ повара не изъ дорогихъ, Николая, взамѣнъ Таисы Семеновны, оставшейся въ Москвѣ и поступившей тамъ въ богадѣльню, и мальчика изъ сосѣдней деревни Петрушу, въ помощь Варѣ, у которой пошли уже дѣти, и Сашѣ, которому прибавилось работы въ саду и по уходу за купленною недорогою лошадкой для катанья и рѣдкихъ поѣздокъ къ сосѣднимъ помѣщикамъ, и зажилъ здѣсь совершенно своеобразною, какою-то полу-монашескою, полу-помѣщичьею жизнью, полною религіозно-трогательной, милой и тихой поэзіи и плѣнительной красоты патріархальнаго, стариннаго православно-русскаго уклада, добродушно-барскаго и въ то же время удивительно изящнаго и очень чуткаго къ движенію современной мысли.

Почти каждое лѣто, хоть не надолго, ѣздилъ я въ Оптину Пустынь, пока тамъ жилъ К. Н—чъ, чтобы повидаться съ нимъ, а одно изъ нихъ (1889 г.) провелъ тамъ даже все цѣликомъ, остановившись съ женой въ монастырской гостиницѣ и цѣлые дни проводя у него. Хорошее это было время въ моей жизни, и свѣтлыя, незабвенныя воспоминанія сохранились у меня о немъ. Я кончилъ уже тогда курсъ университета, былъ оставленъ для подготовленія къ каѳедрѣ русскаго языка и словесности и только что женился. Поступленіе подъ духовное руководство знаменитаго оптинскаго старца о. Амвросія, одобрившаго мой выборъ и благословившаго мой бракъ, дружба и частныя бесѣды съ такимъ человѣкомъ, какъ К. Н. Леонтьевъ, жизнь въ Москвѣ въ домѣ гр.

Л. Н. Толстого, одного изъ сыновей котораго я подготовлялъ тогда къ поступленію въ гимназію, занятія любимою наукой и первыя, юношески-благоговѣйныя выступленія на литературномъ поприщѣ — все это вносило въ мою жизнь яркое, цѣнное, богатое разнообразіемъ содержаніе, слѣды котораго неизгладимы и незабвенны.

Лѣтомъ 1891 года К. Н. Леонтьевъ принялъ тайный постригъ съ именемъ Климента, и въ концѣ августа этого года, съ благословенія о. Амвросія, переселился изъ Оптиной Пустыни въ Троице-Сергіевскую Лавру. Замѣчательно, что, при разставаніи съ нимъ, на его грустное замѣчаніе: «Когда-то мы теперь увидимся?» о. Амвросій сказалъ ему, что они с к о р о, о ч е н ь с к о р о у в и д я т с я. Этимъ старецъ предрекъ скорую свою и его кончину: 10 октября 1891 г. скончался о Амвросій, а 12 ноября того же года не стало К. Н. Леонтьева.

Да и самъ К. Н — чъ, предчувствовалъ свою кончину въ этомъ году. Вѣдь, это былъ 1891 годъ, т. е. н а ч а л о н о в а г о д е с я т и л ѣ т і я, а всѣ начала новыхъ десятилѣтій, съ самаго рожденія его въ 1831 г., были, по его наблюденію, ознаменованы неизмѣнно и непреложно въ высшей степени важными для него, многозначительными и роковыми перемѣнами и переворотами въ его жизни. Но чего ждать ему теперь, отставному, постоянно больному, жившему на покоѣ? Какого переворота? Какой перемѣны? Конечно, с м е р т и, — одной только с м е р т и... И онъ ждалъ ее. Мысль о ней въ этотъ послѣдній годъ его жизни была съ нимъ неразлучна. Не разъ высказывалъ онъ ее и мнѣ. Но, видя его постоянно оживленнымъ и всѣмъ интересующимся, интереснымъ и остроумнымъ, какъ всегда, даже и физически чувствовавшимъ себя, по-

видимому, лучше, чѣмъ когда-либо въ послѣдніе годы, не хотѣлось вѣрить, что смерть у него уже за спиной.

Да и ему самому не хотѣлось этому вѣрить, потому что не хотѣлось еще умирать. Въ высшей степени живой и общительный, всегда любившій жизнь и людей, не только какъ человѣкъ вообще, но и какъ мыслитель, находившій въ нихъ интересный матеріалъ для неустанной работы своей мысли, и какъ чуткій художникъ и тонкій эстетикъ, умѣвшій видѣть прекрасныя стороны въ явленіяхъ жизни и наслаждаться ими, онъ въ послѣдніе годы свои имѣлъ еще и особыя причины интересоваться жизнью и желать хоть нѣсколько продлить ее.

Поворотъ «кормы родного корабля», исходившій отъ мощной руки Державнаго Кормчаго, Императора Александра III, стоявшаго тогда у этой кормы, нѣкоторыя вѣянія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, которымъ онъ не могъ не сочувствовать, нѣкоторыя теченія въ обществѣ, въ которыхъ онъ не могъ не видѣть «добрыхъ признаковъ», и, наконецъ, этотъ интересъ, это вниманіе къ его рѣчамъ столпившейся около него плеяды молодежи, кончавшей курсъ ученія и готовившейся вступать въ жизнь или уже вступившей въ нее и дѣлавшей въ ней первые шаги, — все это занимало, интересовало и радовало его, такъ долго раньше почти совершенно одиноко плывшаго «противъ теченія» и «вопіявшаго въ пустынѣ».

Вотъ почему именно теперь, въ этотъ, какъ онъ предчувствовалъ, роковой для него годъ, ему особенно не хотѣлось умирать, и онъ страстно, порывисто хватался за всякій предлогъ, за всякую возможность пережить его — и тогда пожить, можетъ быть, до начала слѣдующаго десятилѣтія...

Десять лѣтъ, цѣлыя десять лѣтъ! Какъ много можно въ нихъ увидѣть, передумать, перечувствовать, пережить, а главное — сдѣлать, — особенно при столь благопріятныхъ, повидимому, обстоятельствахъ! И сколько накопилось драгоцѣннаго матеріала въ опытѣ пережитыхъ годовъ, передуманнаго, перечувствованнаго, что безплодно, безъ пользы для другихъ придется унести въ могилу, и чѣмъ можно было бы еще сослужить службу Богу, Царю и Россіи, въ лицѣ ея молодежи, ея грядущихъ поколѣній, въ рукахъ которыхъ ея будущее.

— Если я переживу этотъ годъ, — говорилъ онъ мнѣ, — я буду много работать, писать; а теперь, пока онъ не прошелъ, не могу; подождите.

Не даромъ именно въ этомъ году онъ принялъ тайный постригъ: это было слѣдствіемъ частію предчувствія близкой смерти, частію желанія создать себѣ въ началѣ этого десятилѣтія крупный переворотъ въ жизни, въ надеждѣ на возможность отсрочки на будущее самаго послѣдняго, неизбѣжнаго переворота ея, который онъ предчувствовалъ. Переѣздъ послѣ того изъ Оптиной пустыни въ Троицкую лавру объясняется также, главнымъ образомъ, попыткой устроить себѣ возможность надежды на отсрочку.

Но отсрочкѣ этой не суждено было быть. Умеръ К. Н-чъ отъ воспаленія легкихъ, — отъ той самой болѣзни, отъ которой, въ разговорѣ со мной, выражалъ желаніе умереть, предпочитая смерть отъ нея смерти отъ одной изъ старыхъ, затяжныхъ своихъ болѣзней, мучительность смерти отъ которыхъ онъ, какъ врачъ, хорошо зналъ.

Переѣхавъ изъ Оптиной пустыни въ Троицкую лавру, онъ, имѣя въ виду, не торопясь, подыскать удобную квартиру въ посадѣ, остановился пока въ Старой

Лаврской гостиницѣ. Видя, что подходящей квартиры долго не находится, онъ рѣшилъ перезимовать въ гостиницѣ, и перешелъ внизъ, въ «графскіе» номера (названные такъ потому, что въ нихъ долго жилъ графъ М. В. Толстой, писатель по церковнымъ вопросамъ). Номера эти находились въ сторонкѣ, налѣво отъ лѣстницы, когда входишь въ гостиницу, и представляли нѣчто въ родѣ отдѣльной квартиры. На него, всегда осторожнаго и предусмотрительнаго, нашло какое-то странное затменіе, и онъ поставилъ свой письменный столъ такъ, что кресло передъ нимъ пришлось довольно близко къ окну. И вотъ, сидя однажды передъ столомъ на этомъ креслѣ въ жарко натопленной комнатѣ, онъ (странная для него неосторожность!), почувствовавъ, что ему очень жарко, снялъ съ себя свой обычный суконный кафтанъ — и остался одѣтымъ очень легко. Слѣдствіемъ было воспаленіе легкихъ, отъ котораго онъ очень быстро сгорѣлъ.

Когда онъ лежалъ больной на своемъ предсмертномъ ложѣ, въ душѣ его шла страстная, полная трагизма борьба между жаждой жизни и необходимостью покориться неизбѣжному, шелъ кипучій, неустанный, немолчный прибой и отбой, приливъ и отливъ набѣгавшихъ другъ на друга, другъ друга смѣнявшихъ волнъ надежды и покорности. Проводившая эту ночь у его постели, преданная Варя разсказывала мнѣ, что, мечась въ жару, въ полусознаніи, въ полу-бреду, онъ то и дѣло повторялъ: «Еще поборемся!» и потомъ: «Нѣтъ, надо покориться!» и опять: «Нѣтъ, еще поборемся!» и снова: «Нѣтъ, надо покориться!»

Въ концѣ концовъ ему пришлось таки покориться. Предчувствіе не обмануло его: этотъ роковой годъ унесъ его изъ жизни.

Не выходя изъ области смутныхъ чувствъ и таинственныхъ предчувствій и предзнаменованій, разскажу здѣсь, кстати, еще объ одной маленькой, касавшейся его, подробности. Странное ли это совпаденіе или таинственное предзнаменованіе, не знаю. Я разскажу лишь то, что было, — пусть каждый судитъ самъ.

Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ писемъ своихъ ко мнѣ изъ Троицкой лавры, гдѣ я незадолго предъ тѣмъ былъ у него и куда вскорѣ собирался опять, онъ даетъ мнѣ послѣднее свое порученіе на землѣ, послѣднюю «Комиссію» свою, какъ онъ любилъ выражаться. Рѣшивъ остаться на зиму въ лаврской гостиницѣ, онъ приступилъ къ устройству и отдѣлкѣ своего помѣщенія по своему вкусу. Но это былъ вкусъ строгаго художника и тонкаго эстетика, въ глазахъ котораго подборъ въ сочетаніи цвѣтовъ, красокъ игралъ весьма важную роль. На нижнюю часть оконъ ему нужно было повѣсить занавѣсочки, и занавѣсочки эти должны были быть непремѣнно нѣжно-голубого цвѣта, только этого и никакого другого. Онъ просилъ меня достать ему этой марли въ Москвѣ — и или привезти ее, или, если отъѣздъ замедлится, переслать ему. Порученіе его я исполнилъ, но съ исполненіемъ этимъ случилась нѣкоторая странность, нѣсколько меня озадачившая и смутившая. Захвативъ съ собой жену, лучше меня знавшую толкъ въ этихъ вещахъ, я обѣгалъ съ нею чуть не половину Москвы, и нигдѣ такой марли найти не могъ. Наконецъ, въ одномъ магазинѣ на Петровкѣ намъ сказали, что марлю эту мы можемъ достать въ лавкѣ напротивъ. Мы вышли изъ магазина, взглянули по направленію указанной намъ лавки, — и остановились въ смущеніи: то была... гробовая лавка. Словно по

инерціи, мы вошли въ эту лавку, спросили нужную намъ марлю, и намъ ее подали. Дѣлать нечего, пришлось взять. Марля была послана К. Н — чу, но повѣсить ее на окна лаврской гостиницы ему уже не пришлось; она могла пригодиться ему развѣ лишь для украшенія самаго послѣдняго на землѣ тѣснаго убѣжища, которое почти сейчасъ же вслѣдъ за полученіемъ ея пришлось заказывать. Получивъ отъ Вари, совершенно неожиданно, письмо съ безнадежнымъ приговоромъ доктора, мы съ женой, знавшіе лишь о небольшой лихорадкѣ К. Н — ча, на которую онъ въ письмѣ своемъ, незадолго предъ тѣмъ, слегка жаловался, бросились къ нему въ Троицкую лавру...

Когда я подходилъ къ К. Н — чу, онъ уже былъ безъ сознанія. Но мнѣ показалось, что во взглядѣ, который онъ остановилъ на мнѣ, когда я къ нему подошелъ, на мгновеніе вспыхнуло сознаніе, и онъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но уже не могъ. Мнѣ пришлось присутствовать лишь при послѣднемъ вздохѣ его. Когда этотъ вздохъ вылетѣлъ изъ груди его, лицо его успокоилось и просвѣтлѣло. Съ него слетѣли послѣднія тѣни земныхъ заботъ и тревогъ. Онъ понялъ теперь окончательно, что «надо покориться». Онъ радъ былъ, что покорился. Онъ успокоился.

Похоронили его на кладбищѣ Геѳсиманскаго скита, у храма Черниговской Божіей Матери, близъ Троице-Сергіевской лавры.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

посвященныя К. Н. Леонтьеву.

I.

ЧАРОДѢЙ [1]).

Вокругъ него внимательной толпою
Стояли мы... Глаголъ его звучалъ,
Лился широкой, бурной рѣкою
И громомъ грохоталъ.

Громилъ онъ духъ мельчающаго вѣка
И отживающей Европы торжество,
И рабство русскаго предъ нею человѣка,
Холопство давнее его.

Но онъ любилъ родимую Россію,
Онъ вѣрить ей умѣлъ и зналъ, что въ ней любить, —
Онъ видѣлъ въ ней великаго Мессію,
Грядущаго народы обновить.

Поклонникъ красоты, — всего другого прежде
За прозу пошлую онъ съ вѣкомъ враждовалъ,
Въ религіи, въ характерахъ, въ одеждѣ,
Въ исторіи — прекраснаго искалъ.

---

[1]) Стихотвореніе это написано подъ впечатлѣніемъ перваго знакомства съ К. Н — мъ. Напечатано въ 1891 г., сейчасъ же послѣ его смерти въ «Гражданинѣ» и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Послѣдняя строфа — переложеніе его собственныхъ словъ, примѣненіе къ себѣ извѣстнаго народнаго повѣрія о колдунѣ.

Глаголъ его могучій, непокорный
Былъ чуждъ погрязшей въ пошлости толпѣ,
Но чуткихъ юношей привлекъ сердца къ себѣ
Онъ силой животворной.

И думалъ онъ: «Какъ старый чародѣй
«Передаетъ свое завѣтное искусство,
«Такъ я въ нихъ перелью мои мечты и чувства
«Предъ смертью близкою своей!»

Москва. 1884.

II.

АКРОСТИХЪ ДЛЯ РОМАНА «ДВѢ ИЗБРАННИЦЫ [1]).

Сліянье странное и мрака, и лазури,
Отваги дерзостной съ печалью молодой,
Надломленный цвѣтокъ порывомъ ранней бури,
Я съ грустью нѣжною любуюся тобой.

Москва. 18 марта 1887 г.

III.

ОРЕЛЪ [2]).

Я видѣлъ стараго, могучаго орла...
Сидѣлъ онъ за рѣшеткою желѣзной;
Два сѣрыя огромныя крыла
Не бились въ тревогѣ безполезной.

---

[1]) Акростихъ этотъ написанъ, по просьбѣ К. Н — ча, для романа его «Двѣ избранницы», первая часть котораго была напечатана въ московскомъ еженедѣльномъ иллюстрированномъ журналѣ «Россія» г. Уманца въ 1886 г. Остальныя двѣ части остались не напечатанными. Главный герой романа посвящаетъ этотъ акростихъ одной изъ главныхъ героинь, одной изъ «двухъ избранницъ», нигилисткѣ Сонѣ.

[2]) Стихотвореніе это написано на орла, сидѣвшаго въ клѣткѣ московскаго Зоологическаго сада и подарено авторомъ К. Н — чу въ день его именинъ 21 мая 1887 г. Было кое что и въ немъ этой поры, напоминавшее стараго, измученнаго орла. Напечатано въ сборн. «Нивы». 1892 г. № 4.

Ослабшія висѣли эти крылья,
И силы не было ни въ клювѣ, ни въ когтяхъ,
И — слѣдъ неволи долгой и безсилья —
Повытерлися перья на бокахъ.

Но взоръ его и огненный, и дикій
Вдаль за рѣшетку крѣпкую глядѣлъ...
Тоской и воли жаждою великой
И жаждой подвиговъ отважныхъ онъ горѣлъ.

Онъ жаждалъ необъятнаго простора,
Упорно въ даль безмѣрную глядѣлъ...
Огнемъ, казалось, царственнаго взора
Испепелить рѣшетку онъ хотѣлъ.

Москва. 27 апрѣля 1887 г.

IV.

«ОТШЕЛЬНИКУ» [1]).

«Отшельникъ» нашъ уединенный,
О, чародѣй-анахоретъ!
Обласканный и уязвленный,
Вамъ бью челомъ и шлю отвѣтъ.
Вы дразните стихомъ небрежнымъ

---

[1]) Написано въ отвѣтѣ на письмо К. Н — ча изъ Оптиной Пустыни, куда онъ лѣтомъ 1887 г. переселился, выйдя въ отставку. Письмо было полно упрековъ за долгое молчаніе и начиналось такъ:

9 ноября 1887 г.
Оптина Пустынь.

«О, мой поэтъ, угрюмый и безмолвный!
«Люблю тебя... Мечтой любовной
«Стремлюсь къ тебѣ... А т ы м о л ч и ш ь...

«Больше ничего не могъ придумать, — но за то спѣшу васъ увѣдомить» и т. д. Въ «Г р а ж д а н и н ѣ» въ это время печатался рядъ статей К. Н — ча подъ общимъ заглавіемъ «Записки отшельника».

Поэта... Внявъ упрекамъ нѣжнымъ
И сбросивъ бремя всѣхъ суетъ,
Спѣшитъ откликнуться поэтъ.
Душой воспрянувъ въ мигъ единый,
Сѣдыя нити паутины
Съ дремавшихъ струнъ стряхаетъ онъ,—
И позабытой лиры звонъ
Волной пѣвучей плавно льется,
Звучитъ все шире и громчѣй.
Онъ слуха Вашего коснется,
Напомнивъ звуки прежнихъ дней...

Москва. 20 ноября 1887 г.

V.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ [1]).

Среди лѣсовъ, въ странѣ далекой и глухой
Обитель мирная издавна пріютилась,
Стѣною бѣлою отъ міра оградилась,—
И въ небо шлетъ мольбу за пламенной мольбой.

Обитель мирная — пріютъ больныхъ сердецъ,
Разбитыхъ жизнію, обиженныхъ судьбою,
Иль чистыхъ сердцемъ душъ, предъизбранныхъ Тобою,
О, всемогущій и всевѣдущій Отецъ!

Пусть буря тамъ вдали, немолчный гулъ валовъ,
Пусть пѣнится, кипитъ страстей житейскихъ море,
Пусть волны грозныя бушуютъ на просторѣ,—
Здѣсь пристань тихая у вѣрныхъ береговъ...

Здѣсь такъ молитвенно и ласково шумитъ
Вершинами деревъ сосновый лѣсъ, душистый,

---

[1]) Написано по совѣту К. Н — ча, когда авторъ гостилъ у него въ Оптиной Пустыни. Напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ октябрѣ 1891 г., когда получено было извѣстіе о смерти о. Амвросія Оптинскаго.

И, близъ стѣны вiясь, здѣсь лентой серебристой
Рѣка между кустовъ задумчиво бѣжитъ...

Здѣсь храмы... иноки... и много лѣтъ живетъ
Въ лѣсу, въ скиту святомъ здѣсь старецъ прозорливый;
Но міръ о немъ узналъ: рукой нетерпѣливой
Стучитъ ужъ въ дверь къ нему и просится народъ...

Имъ принятъ всякій здѣсь: и баринъ, и мужикъ,
Богатый и бѣднякъ, — всѣмъ нуженъ старецъ чудный:
Струей цѣлительной въ волненьяхъ жизни трудной
Здѣсь утѣшенья бьетъ духовнаго родникъ.

Сюда, боецъ прискорбныхъ нашихъ дней!
Въ обитель мирную на отдыхъ и молитву:
Какъ древній мужъ, гигантъ-боецъ Антей,
Здѣсь силой укрѣпясь, опять пойдешь на битву.

Здѣсь хорошо. Здѣсь можно отдохнуть
Душой усталою въ борьбѣ за правду Божью,
И свѣжихъ силъ здѣсь можно почерпнуть
На новый, грозный бой съ безвѣріемъ и ложью.

Оптина Пустынь.
23 іюля 1889 г.

VI.

АКРОСТИХЪ КНЯГИНѢ М. ВЛ. ВЯЗЕМСКОЙ

(отъ лица К. Н. Леонтьева) [1]).

Мой другъ! Вы молоды, богаты красотою,
А я — старикъ... Мой путь ужъ недалекъ...

---

[1]) Объясненіемъ происхожденія этого акростиха можетъ служить слѣдующая страничка изъ дневника К. Н — ча:

«1 августа 1889 г. Оптина Пустынь. 30 іюля неожиданно въ 1/2 10-го вечера собралось у меня большое общество: кн. Ал. Ал. Вяземскій

Ребенокъ милый Вы, ласкаемый судьбою,
Іюньскихъ дней душистый Вы цвѣтокъ;
Я — бѣдный, старый дубъ, надломленный грозою:
Вамъ отъ меня не стыдно взять урокъ.
Я знаю жизнь давно! Я видѣлъ скоротечность
Земной красы, кипѣнья юныхъ силъ...
Ему я самъ дань сердца заплатилъ...
Минуетъ все, мой другъ, и юность, и безпечность!
Сіяніе померкнетъ красоты,
Какъ облетаютъ пышные цвѣты...
А въ жизни есть одно, что прочно, неизмѣнно.—
Я вамъ скажу его: то вѣры свѣтъ нетлѣнной...

31 іюля 1889 г.
Оптина Пустынь.

Анатолій Александровъ.

и его княгиня Марія Владиміровна (урожд. Блохина), два брата Оболенскихъ — Алексѣй и Николай Дмитріевичи, Александръ Петровичъ и Евгенія Владиміровна Соломонъ, Влад. Вас. Якунчиковъ (молодой фабрикантъ и бывшій товарищъ Ал. Дмитр. по гусарскому полку), нѣкто Павловъ (дотолѣ вовсе мнѣ незнакомый, гвардейскій артиллеристъ и родственникъ Козельскимъ Данибековымъ), начальникъ ремесленной школы молчаливый Валерій Фелиціановичъ Мейсснеръ и Юноша Коля Кашкинъ (сынъ Прысковскаго Николая Сергѣевича Кашкина). Просидѣли до 12. Было очень весело. Ал. Петр. Соломонъ явился хиромантомъ, и особенно занялся рукой княгини Вяземской. Онъ, какъ всегда, былъ очень любезенъ и уменъ.

«Незадолго до этого Мейсснеръ снялъ съ меня фотографію, и княгиня Вяземская просила у меня одинъ портретъ съ какою-нибудь надписью.

«Я предложилъ Александрову написать вмѣсто меня акростихъ на ея имя и фамилію — въ такомъ духѣ: хотя ты и очень мила, но лучше всего то, что ты молишься. Не забывай же Бога никогда.

На другой день Александровъ принесъ мнѣ слѣдующее прекрасное стихотвореніе, которое я и послалъ сегодня съ нарочнымъ княгинѣ Марьѣ Владиміровнѣ»

Далѣе слѣдуетъ выписка акростиха.

В. Розановъ.

НЕУЗНАННЫЙ ФЕНОМЕНЪ.

Письмо Леонтьева Губастову.

Май, 1867

Адрiанополь.

Ваше письмо меня еще-бы более порадовало, если-бы Вы не употребляли гадкихъ словъ натуральной школы. — Къ чему это слово «грузить»? — Когда Вы при мнѣ пріѣдете въ Адріанополь, я Вамъ покажу письмо Проспера Mérimée, въ которомъ онъ обвиняетъ меня въ излишнемъ реализмѣ; я ему отвѣчалъ, что это правда. Но я не знаю пока избавиться отъ этой скверной привычки. Вдругъ нельзя; — посмотрѣли-бы Вы „наши́хъ"! Такъ я бы вамъ показалъ чище (и изящнее) Платона въ вихрѣ вдохновенія!..

Неузнанный феноменъ...

Идя въ циркъ и проходя мимо ложи императора, гладіаторы восклицали: Ave, Caesar, morituri te salutant... Здѣсь я хочу говорить о писателѣ, который прошелъ мимо «Цезаря», потупя взоръ, и ничего не сказалъ. «Цезарь» — общество, толпа, «всеобщее признаніе»; гладіаторъ передъ ареной — Леонтьевъ. Онъ былъ-бы даже «избавленъ отъ смерти», наконецъ даже былъ-бы посаженъ рядомъ съ «Цезаремъ», скажи „Ave Caesar! Salve, plebs!“. Но онъ промолчалъ. И умеръ въ мукѣ, растянутой на тридцать лѣтъ.

К. Н. Леонтьева я зналъ всего лишь неполный годъ, послѣдній, предсмертный его. Но отношенія между нами, поддерживавшіяся только черезъ переписку, сразу поднялись такимъ высокимъ пламенемъ, что и не успѣвши свидѣться, мы съ нимъ сдѣлались горячими, вполнѣ довѣрчивыми друзьями. Правда, почва была хорошо подготовлена: я зналъ не только всѣ его политическіе труды (собранные въ сборникѣ «Востокъ, Россія и Славянство», 2 т.), но и самъ проходилъ тотъ фазисъ угрюмаго отшельничества, въ которомъ уже много лѣтъ жилъ К. Н. Л—въ. Самое мѣсто его жительства, — Оптина пустынь, гдѣ жилъ

чтимый глубоко мною старецъ от. Амвросій, — привлекало меня. И я помню, что когда случалось, въ праздничный вечеръ, играть съ юношествомъ и подростками «въ почту» (каждый себя называетъ городомъ и получаетъ по своему адресу, какъ и отсылаетъ отъ себя, шутливыя записочки), — то всегда при этомъ выбиралъ (= называлъ себя) «Оптина Пустынь». Она мнѣ казалась самымъ поэтичнымъ и самымъ глубокомысленнымъ мѣстомъ, среди прозрачныхъ и скучно-либеральныхъ «Петербурга» и «Москвы», не говоря уже о «Лондонѣ» или «Берлинѣ». Строй тогдашнихъ мыслей Леонтьева до такой степени совпадалъ съ моимъ, что намъ не надо было сговариваться, не надо было договаривать до конца своихъ мыслей: все было съ полуслова и до конца, до глубины, понятно другъ въ другѣ. Мною, кромѣ большой книги «О пониманіи» (1886 г.) было написано къ этому времени «Мѣсто христіанства въ исторіи», двѣ статьи въ «Вопросахъ философіи и психологіи» и «Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго» (въ «Русск. Вѣстн.» за 1891 годъ). Съ временемъ окончанія этой послѣдней статьи совпадаетъ и начало моего знакомства съ Леонтьевымъ. Прочтя, — какъ сейчасъ помню, въ Елецкомъ лѣтнемъ клубѣ — его «Анализъ, стиль и вѣяніе въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого» въ «Русск. Вѣстн. за тотъ же 1891 годъ, я былъ пораженъ самою личностью автора, до такой степени не сходною съ обычными «литературными физіогноміями», и выписалъ его «Востокъ, Россія и Славянство» черезъ Говоруху-Отрока, писавшаго подъ псевдонимомъ «Ю. Николаевъ». А когда Леонтьевъ узналъ (черезъ говоруху-Отрока) о моемъ интересѣ къ нему, то прислалъ мнѣ, въ Елецъ, книгу свою

«Отецъ Климентъ Зедергольмъ, іеромонахъ Оптиной пустыни». На другой день послѣ этого я получилъ и первое письмо... Дружба наша, столь краткая и горячая, не имѣла въ себѣ прослойковъ, задоринокъ. Только, — можно сказать въ послѣдній день его жизни, — мы разошлись. Именно, я какъ бы всталъ на дыбы при его предложеніи восхититься и Вронскимъ (изъ «Анны Карениной»), а онъ еще выше поднялся на дыбы, изъ-за моего прямо отвращенія къ этому болвану, мясистому герою. Все было страстно, пылко въ нашемъ противорѣчіи. Совершенно я понималъ его восхищеніе передъ героями жизни, дѣла (полководецъ, политикъ), послѣ того какъ литература, не только въ ея невысокихъ слояхъ, но и въ очень высокихъ, пріучила всѣхъ рамоликовъ, и нашихъ и иностранныхъ, восхищаться исключительно героями письменности, кабинета: учеными, поэтами, филантропами, философами. Гамлетомъ, а не Цезаремъ; Маркизомъ Позою, а не Валленштейномъ, не Альбою, не Брутомъ. Но понимая эту односторонность и сочувствуя бунту противъ нея, я все-таки хотѣлъ преклониться — ну, передъ Кромвелемъ, ну, наконецъ, даже хотя передъ Фридрихомъ Великимъ, но ужъ никакъ не передъ юбочникомъ Вронскимъ, съ его «жирными ляжками», и т. п. Вронскій не былъ для меня героемъ, не былъ представителемъ героическаго, т. е. эстетическимъ лицомъ; а для Леонтьева — былъ. Притомъ я недаромъ любилъ от. Амвросія Оптинскаго: самъ сынъ очень бѣдныхъ людей и видѣвъ много въ своей жизни бѣдности, я никогда отъ нея не хотѣлъ отдѣляться, какъ отъ родного, какъ медвѣженокъ отъ своей берлоги. (Переходъ на сторону богатыхъ и сильныхъ

мнѣ казался измѣною маленькому домику матери въ Костромѣ; и я этого также органически не могъ, какъ Леонтьевъ не могъ и не хотѣлъ никогда «предать» свое барское, старое Кудиново (въ идеяхъ, въ сочувствіяхъ). Наконецъ, бѣдность я зналъ какъ трудность и страданіе, всегда возбуждавшее во мнѣ и навсегда воспитавшее сострадаиіе, — почему все сытое и самодовольное, физически и духовно, разъ и навсегда имѣло во мнѣ себѣ недруга. Итакъ, я былъ съ Леонтьевымъ согласенъ на эстетику, но не въ признаніи ея у богатыхъ, а у бѣдныхъ; согласенъ съ религіознымъ его устроеніемъ души, но нуждаясь въ религіи, какъ утѣшеніи, а не какъ въ источникѣ квіетизма (его точка зрѣнія); я былъ готовъ на борьбу, движеніе, «походы» (какіе можно и докуда можно), но въ защиту пролетаріата, а не противъ пролетаріата. Такимъ образомъ, точекъ расхожденія было множество; но насъ соединило единство темпераментовъ и общность (одинаковость) положенія. Обнищавшій дворянинъ-помѣщикъ былъ то-же, что учитель уѣздной гимназіи; а кружокъ монаховъ въ Оптиной пустыни очень напоминалъ нѣкоторые, идеально высокіе типы изъ бѣлаго духовенства, какіе мнѣ пришлось встрѣтить въ Ельцѣ. Такова была общая почва. Но главное, насъ соединила одинаковость темперамента. Не могу ее лучше очертить, какъ оттѣнивъ отношеніемъ къ Рачинскому. Рачинскій всегда былъ разсудителенъ, словъ до конца не договаривалъ, ни изъ какого одного принципа мыслей своихъ не выводилъ. У него все были «середочки» сужденій, благоразумныя «общія мѣста», съ которыми легко прожить; и самъ онъ былъ преданъ такому благоразумному и добродѣтельному дѣлу, около котораго похо-

дивъ, надо было снять шапку и сказать: «благодарю васъ, Серіѣй Александровичъ, за то, что вы существуете». Безразсуднаго не было ничего у Рачинскаго, — безразсу́днаго и страстнаго! А мы роднимся только на страстяхъ. Я и Вронскому оттого не умѣлъ симпатизировать, что онъ мнѣ казался тѣмъ-же мелкимъ чиновникомъ или литераторомъ, только на военной почвѣ, т. е. съ тѣмъ же темпераментомъ, мелочностью души и жизни. Съ Леонтьевымъ чувствовалось, что вступаешь въ «мать-кормилицу-широку-степь», во что-то дикое и царственное (все пишу въ идейномъ смыслѣ), гдѣ или «голову положить», или «царскій вѣнецъ взять». Еще не разобравъ, кто и что онъ, да и не интересуясь особенно этимъ, я по всему циклу его идей, да и по темпераменту, по «мѣтамъ» безбрежнаго отрицанія и нескончаемо далекихъ утвержденій (чаяній) увидѣлъ, что это человѣкъ пустыни, конь безъ узды; и невольно потянулись съ нимъ рѣчи, какъ у «братьевъ-разбойниковъ» за костромъ. Цитадель ближайшихъ штурмовъ былъ самодовольный либерализмъ нашъ, литературный, но затѣмъ также общественный и государственный. Въ тѣ дни онъ былъ всесиленъ, и рѣшительно каждый нелибералъ былъ «какъ бы изгой безъ княжества»: ни умъ, ни талантъ, ни богатое сердце не давало того, что всякій тупица имѣлъ въ жизни, въ печати, если во лбу его свѣтилась мѣдная бляха съ надписью: «я либералъ». Вотъ эта-то несправедливость, такъ сказать, міровая, что люди расцѣнивались не «по душамъ», а прямо «по кастовымъ признакамъ» такихъ-то убѣжденій, подняла, и на много лѣтъ подняла, всю силу моего негодованія противъ нея; какъ мы волнуемся же противъ «привиллегированныхъ высшихъ учебныхъ заве-

деній», откуда выходя и безъ знанія, и безъ сердца, люди уже по одной своей заштампованности получаютъ сразу «IX классный чинъ» должности. Такимъ образомъ источникомъ моего анти-либеральнаго настроенія было общее христіанское чувство и вмѣстѣ демократическое (= всѣ люди равны по душамъ, и добрякъ-консерваторъ выше прижимистаго либерала); а у Леонтьева этимъ источникомъ былъ эстетическій страхъ, что либерализмъ своимъ уравнительнымъ и освободительнымъ движеніемъ подкашиваетъ разнообразіе и, слѣдовательно, красоту вещей, соціальнаго строя и природы. Но въ краткіе мѣсяцы нашей дружбы этой разницы побужденій нельзя (некогда) было разсмотрѣть. Мы только оба кипѣли негодованіемъ къ либерализму. Такимъ образомъ «братья разбойники» были вовсе «не братья», — и это сказалось удивленнымъ и какъ бы болящимъ его восклицаніемъ въ послѣднихъ письмахъ, почти наканунѣ заболѣванія и смерти. Но если бы мы и окончательно разсмотрѣли другъ друга, я убѣжденъ, ничего бы собственно изъ горячности дружбы мы не утратили. Болѣе всего меня приковывало къ Леонтьеву его изумительно чистое сердце: отсутствіе всякаго притворства въ человѣкѣ, малѣйшаго скрадыванія своихъ мыслей. Человѣкъ былъ въ словахъ — весь, какъ Адамъ безъ одеждъ. Среди масокъ литературныхъ, всяческой трафаретности въ бездарныхъ и всяческой изломанности въ даровитыхъ, онъ мнѣ представился чистою жемчужиной, въ своей Оптиной пустыни, какъ на днѣ моря. И до сихъ поръ, не имѣя ничего общаго ни съ его сословнымъ аристократизмомъ, ни съ его чаяніями «открыть вторую Америку» въ византизмѣ и основать новую разбойническую республику (новую Венецію) на

полуразрушенныхъ камняхъ Аѳона, я тѣмъ не менѣе сохраняю всю глубокую привязанность къ этому человѣку, котораго позволяю себѣ назвать великимъ умомъ и великимъ темпераментомъ. Въ его умѣ, въ его судьбѣ, въ его сердцѣ жили запутанности, гораздо болѣе занимательныя, чѣмъ вся ученость Данилевскаго или Страхова.

Разсматривая по смерти этого монаха его библіотеку[1]), я увидѣлъ толстый томъ съ надписью: „Alcibiade“. — французская монографія о знаменитомъ аѳинянинѣ. Такого воскрешенія аѳинизма (употреблю необыкновенный терминъ), шумныхъ «агора» аѳинянъ, страстной борьбы партій и чуднаго эллинскаго «на ты» къ богамъ и къ людямъ, — этого я никогда еще не видѣлъ ни у кого, какъ у Леонтьева. Всѣ Филельфо и Петрарки проваливаются какъ поддѣльныя куклы, въ попыткахъ подражать грекамъ, сравнительно съ этимъ калужскимъ помѣщикомъ, который и не хотѣлъ никому подражать, но былъ въ точности какъ бы вернувшимся съ азіатскихъ береговъ Алкивіадомъ, котораго не догнали стрѣлы враговъ, когда онъ выбѣжалъ изъ зажженаго дома возлюбленной. Умъ Леонтьева, — скажу, геній его, — былъ какой-то особенный. Нужно бы приложить снимки съ почерка его, — этого женскаго почерка, съ едва выраженнымъ нажимомъ пера, лежачаго (очень отлого поставленныя буквы), съ тонкими, почти острыми загибами буквъ, съ подчеркиваніями словъ или иногда въ словѣ только слоговъ, которыя будто слышались, какъ произноситъ онъ рѣзкимъ отрывающимъ голосомъ, будто женщина чешетъ косу,

---

[1]) Она находилась, въ отдѣльномъ шкафѣ, у редактора «Русск. Обозрѣнія» Ан. Ал. Александрова, жившаго въ Москвѣ, на Тверской ул.

откидывая далеко гребень. Этотъ почеркъ былъ очень похожъ на стиль его (каллиграфически изображалъ его), нервный и острый, страстный и мучительный... Идеи его были исключительны, и неудивительно, что не принялись. Но вполнѣ удивительно, что онъ не былъ оцѣненъ и какъ писатель, какъ «калибръ ума», какъ «портретъ литературный» въ галлереѣ нашей словесности. Здѣсь онъ занимаетъ, можно сказать, отдѣльный кабинетъ, „cabinet noir“, безъ ходовъ къ нему, безъ выходовъ отъ него. Ибо, по существу, онъ какъ не имѣлъ предшественниковъ (всѣ славянофилы не суть его предшественники), такъ и не имѣлъ школы. Я впрочемъ наблюдалъ, что вполнѣ изолированный Леонтьевъ имѣетъ сейчасъ и, вѣроятно, всегда имѣлъ и будетъ постоянно (до скончанія вѣковъ) имѣть 2 — 3, много 20 — 30 въ странѣ, въ цивилизаціи, въ культурѣ настоящихъ «поклонниковъ», хранящихъ «культъ Леонтьева», понимающихъ до послѣдней строчки его творенія и предпочитающихъ его «литературный портретъ» (сумму литературныхъ и темпераментныхъ качествъ) всѣмъ остальнымъ въ родной и въ неродныхъ литературахъ. Давно, давно слѣдовало бы издать «opera omnia» Леонтьева, но, къ сожалѣнію, между его личными друзьями, изъ которыхъ нѣкоторые обладаютъ значительными средствами, и денежными, и типографскими, очевидно, онъ имѣлъ лишь пріятелей, или заимствователей «нужныхъ для времени» (царствованіе Импер. Александра III) идей, но не имѣлъ настоящаго, въ излагаемомъ выше смыслѣ, «поклонника». Къ несчастію, въ личной жизни онъ, кажется, самъ больше любилъ людей, нежели ими былъ любимъ. Это тѣмъ болѣе печально, что наслѣдники литературныхъ

правъ его уже сейчасъ не очень ясны: онъ не имѣлъ прямыхъ потомковъ, а жена его, если не ошибаюсь, или не жива, или не можетъ распорядиться своими правами литературной собственности по болѣзни. Такимъ образомъ можно опасаться, что изданные въ 1885 — 86 году два тома его сочиненій, и еще ранѣе этого изданные «Разсказы изъ жизни христіанъ въ Турціи», не дождавшись переизданія теперь, попадутъ въ фатальный циклъ «пятидесятилѣтія литературной собственности» и не будутъ вообще никогда переизданы, ни собраны въ фундаментальное «opera omnia». «Fatum» неизвѣстности, на который онъ мнѣ горько жаловался въ письмахъ, очевидно, дѣйствительно тяготѣетъ надъ нимъ. Точно надъ нимъ стоитъ ангелъ смерти и мѣшаетъ ему ожить...

Идеи Леонтьева и сложны, и просты. Это былъ паталогъ (Л — въ былъ медикъ по образованію, ученикъ еще Иноземцева), приложившій спеціально патологическія наблюденія и наблюдательность къ явленіямъ міровой жизни, но преимущественно соціально-политической; онъ отличался вкусами, позывами гигантски-напряженными къ ultra-біологическому, къ жизненно-напряженному. Я зналъ одного очень стараго (и немного циничнаго) доктора, котораго во всякую свободную минуту находилъ за Майнъ-Ридомъ (дѣтскія книги). На мое удивленіе, этотъ докторъ-полякъ, въ свое время «потерпѣвшій» и доживавшій жизнь въ уѣздномъ городкѣ — отвѣтилъ: «Знаете, за день такъ навозишься съ больными, что взять къ вечеру разсказъ о томъ, какъ лошадь возила по преріямъ всадника безъ головы (заглавіе одного изъ сочиненій Майнъ-Рида), есть истинное наслажденіе: точно откроешь въ душѣ форточку». И о Леонтьевѣ

можно сказать, что его «эстетизмъ» былъ синонимиченъ, или пожалуй, вытекалъ, или коренился на анти-смертности, или, пожалуй, на безсмертіи красоты, прекраснаго, прекрасныхъ формъ. Въ «эстетику» онъ «открывалъ форточку» изъ анатомическаго театра своихъ грустныхъ до черноты политическихъ и культурныхъ наблюденій, соображеній. Старый, какъ Сатурнъ (по политикѣ), онъ начиналъ прыгать, какъ молодой козленокъ, при видѣ всякой цвѣтной ленточки (въ переносномъ смыслѣ), всякой эстетической черточки въ окружающемъ (любовь его къ Вронскому, восхищенность при видѣ красивыхъ и стройныхъ русскихъ полковъ въ Варшавѣ, при видѣ старыхъ сенаторовъ, склонявшихся въ Оптиной передъ монахомъ-старцемъ). Тутъ нашъ Алкивіадъ пѣлъ свою побѣдную пѣснь; клобукъ монаха (Леонтьевъ былъ тайно постриженъ на Аѳонской горѣ [1]), что не возлагало на него никакого мундира монашества въ міру и мірской жизни) становился прозраченъ, невидимъ. Но вотъ эстетическая, его радовавшая, ленточка кончалась: на фонѣ появлялся либералъ-земецъ, либералъ-адвокатъ, либералъ-журналистъ. Алкивіадъ совершенно исчезалъ: мы имѣли передъ собой чернаго-чернаго монаха, въ куколѣ до облаковъ, съ посохомъ въ версту, который дико и свирѣпо, «интеллигентно»-убѣжденно начиналъ дубасить этимъ посохомъ по головѣ либерала, большею частью дѣйствительно по головѣ пустой, приговаривая: «негодяй! развѣ я не читалъ Вольтера (Л—въ именно въ монастырской своей жизни любилъ перечитывать французскихъ

---

[1]) Таковы были слухи о Леонтьевѣ въ ближайшіе послѣ его смерти годы; но позднѣе точно установилось, что К. Н. Л—въ принялъ монашескій постригъ въ Оптиной пустыни въ 1891-мъ году.

esprits forts, даже не безъ особеннаго тонкаго сочувствія); читалъ все, что ты читалъ, и даже больше, — и лучше твоего понялъ; но какъ могучій конь любитъ узду могучаго господина, — и я возлюбилъ власть надъ собою Господа и цѣлую каждый день руку у этого невѣжественнаго и нечистоплотнаго монаха (не объ Амвросіѣ), тогда какъ ты всего только смердъ и рабъ, ползающій неэстетично у ногъ поганой твоей публики, собранія такихъ же смердовъ, какъ самъ ты. За что все вотъ тебѣ ударъ палкою, тебѣ и твоей публикѣ». И Леонтьевъ писалъ пламенно-негодующую статью... въ порицаніе болгарскихъ политикановъ, «честныхъ учителей» (либераловъ) тамошнихъ, или въ защиту игумены Митрофаніи, «которая все-таки была монахиня, а не либералка, да къ тому же еще изъ дворянскаго рода». «Честные либералы», которые, нужно замѣтить, всегда были довольно тупоголовы, такъ и принимали его рѣчи въ прямомъ смыслѣ, докладывая о замѣчательномъ и странномъ публицистѣ своимъ читателямъ, что «вотъ онъ выступаетъ защитникомъ такихъ личностей, какъ Митрофанія, и противникомъ освобожденія Болгаріи отъ турецкихъ звѣрствъ». Либераламъ-докладчикамъ (или доносчикамъ) и въ голову не приходило, что публицистъ въ куколѣ есть самое свободомыслящее явленіе, можетъ быть за все существованіе русской литературы, что безбрежность его скептицизма и сердечной и идейной свободы (независимости, вытеканія только изъ субъективнаго «я») оставляетъ позади себя свободу Вл. Соловьева, Герцена, Радищева, Новикова. Позволяю себѣ назвать всѣ эти имена. Всѣ они гораздо болѣе были подчинены давленію окружающихъ обстоятельствъ, идей, сословія или воспитанія

и пр., всѣ гораздо болѣе «сообразовались» съ обстоятельствами внѣшними, давая мѣсто и житейски, и литературно все-же нѣкоторой дипломатической игрѣ. Ея и тѣни не было въ Леонтьевѣ, который былъ въ трудахъ своихъ свободенъ, капризенъ, деспотиченъ, какъ царственная женщина въ безпорядкѣ своей уборной, среди черныхъ невольницъ.

Но я все отклоняюсь въ сторону характеристики отъ спокойнаго изложенія его идей. Онъ поступилъ въ монашество, сталъ изъ невѣрующаго естествовѣда христіаниномъ, потому что въ небесномъ и абсолютномъ авторитетѣ положительныхъ церковныхъ доктринъ, во-первыхъ, нашелъ границу для своего философскаго скепсиса и пессимизма, упоръ для волнъ своего ума, которыя рѣшительно катились въ безконечность; а, во вторыхъ, въ недвижимости и консерватизмѣ церковнаго строя онъ нашелъ опору противъ «разрушительнаго уравнительнаго процесса», который его пугалъ въ Европѣ и Россіи. «О стѣны монастыря разобьется всякій либерализмъ; монастырь же — отъ Бога, и если тоже мѣстами крушится, то лишь повидимому: на самомъ же дѣлѣ, какъ небесное учрежденіе, до свѣтопреставленія, до Антихриста устоитъ; и если устоитъ — а не устоять не можетъ, — монастырь, то около него и за нимъ и вслѣдствіе его устоятъ и красивые варшавскіе, особенно конные, полки, гдѣ служитъ Вронскій или его собратья, и на которые я, старый монахъ и медикъ, полюбуюсь изъ далекаго окошечка, изъ кельи Оптиной пустыни, уже съ чисто медицинской жизнерадостностью». Вотъ собственно и весь кругъ идей Леонтьева, въ сущности монотонныхъ; но разберите, чита-

тель, не болѣе ли въ смѣсь этихъ началъ входитъ разнообразія, чѣмъ, напр., въ summa idearum Соловьева или Герцена? Именно Соловьевъ и Герценъ были монотонны, при необозримомъ разнообразіи ихъ дѣятельности, ихъ литературнаго выраженія. Всѣ «подѣлки» Герцена и Соловьева — изъ одной породы камня. Въ Леонтьевѣ поражаетъ насъ разнопородность состава, при бѣдности и монотонности линіи тезисовъ. Ну, какъ вы сочетаете Алкивіада и Амвросія Оптинскаго, вкусъ къ аѳонской кельѣ и къ строю кавалерійскихъ полковъ, медицину и дипломатику; да и еще больше, какъ узналъ я, прочтя всего года два назадъ его турецко-славянскія повѣсти. Леонтьевъ былъ первый изъ русскихъ и, можетъ быть, европейцевъ, который говоря языкомъ Бѣлинскаго, открылъ «паѳосъ» (живую душу, настоящій смыслъ, поэзію) туретчины, ея воинственности и женолюбія, религіозной наивности и фанатизма, преданности Богу и своеобразнаго уваженія къ человѣку. «Ахъ ты, турецкій игуменъ», — не могъ я не ахнуть, перечитавъ у него разговоръ одного муллы съ молодымъ туркомъ, полюбившимъ христіанку. «Три есть столба, на которыхъ держится міръ», — толковалъ шопотомъ мулла. — «Первый столбъ золотой и идетъ до неба: это наше святое и праведное мусульманство. Второй столбъ поменьше и сдѣланъ изъ серебра: онъ также хорошъ. Это — вѣра Авраама, которую исповѣдуютъ собаки-жиды, но Авраамъ черезъ Измаила былъ и нашъ праотецъ: только жиды не приняли праведнаго Корана. Третій столбъ тоже къ небу идетъ и тоже истинный, только покороче тѣхъ обоихъ и сдѣланъ изъ мѣди. Это христіанство». И т. п. И съ такимъ вкусомъ и знаніемъ, съ такимъ любованіемъ на наивность турка это разсказано;

какъ русскій вообще никогда не найдетъ въ себѣ подобныхъ словъ для мусульманина. Наконецъ, онъ разсказываетъ случаи влюбленія и житейскіе нравы турковъ, и они вездѣ почти выходятъ мужественнѣе и героичнѣе славянскихъ, болѣе, такъ сказать, похожи на конныхъ солдатъ въ Варшавѣ, тогда какъ балканскіе славяне всѣ похожи на петербургскихъ адвокатовъ, что для Леонтьева было до послѣдней степени несносно. Тонкими, пластическими штрихами онъ набросалъ то, что я назвалъ бы «закономъ гарема», т. е. тайну внутренней и теплой, даже горячей-горячей привязанности другъ къ другу членовъ семьи въ этомъ, столь непонятномъ для насъ, типѣ семейнаго сложенія. Онъ показалъ здѣсь матерей и женъ, умирающихъ за дѣтей и мужей; влюбленность, которая держится до старости; и все это при правилѣ (и обычаѣ), когда старая турчанка сама копитъ и откладываетъ деньги, чтобы купить на нихъ молодую невольницу крѣпкому, нестарому своему мужу: «Я смотрѣла на базарѣ ея ногу, и выбрала съ самой маленькой ступней: ибо красивость ступни есть первое условіе красоты женской». И всѣ эти подробности подбираетъ аѳонскій монахъ; — это гораздо свободнѣе, чѣмъ прпзнаніе нѣкоторыхъ правъ за консерватизмомъ со стороны Герцена, чѣмъ обличенія печальнаго состоянія крестьянства при Екатеринѣ Второй (Радищевъ). Это вообще такъ свободно, какъ никогда и ни у кого не было въ литературѣ. Духъ Леонтьева не зналъ, такъ сказать, внутреннихъ задвижекъ; въ душѣ его было окно, откуда открывалась безконечность. Древнія Аѳины, современная Турція, Оптина пустынь — все одинаково, какъ бы въ лунномъ мерцаніи, проносилось подъ ногами этого въ своемъ родѣ кіевскаго бурсака Хомы, на которомъ сидѣ-

ла чародѣйка-красавица («Вій» Гоголя). Не умѣю лучше, какъ съ этимъ страннымъ полетомъ вѣдьмы и семинариста, сравнить фантастическое (и вмѣстѣ гармоничное) по составу творчество Леонтьева. «Фу, какъ пляшетъ казакъ, фу, чортъ, какъ онъ пляшетъ», — дивился Бульба на перваго попавшагося въ Сѣчи казака-танцора. Танецъ запорожца былъ, правда, великолѣпенъ, естественъ, цѣлостенъ, «гармониченъ» по задачамъ своимъ и особливому смыслу. Вполнѣ удивительно, что среди современныхъ критиковъ никого не нашлось со слухомъ, глазомъ и словомъ стараго Тараса: никто-то, никто изъ нихъ не поразился и не понялъ своеобразныхъ качествъ въ подобномъ же словесномъ танцѣ, — я готовъ сказать, танцѣ небесной свободы и прелести, — Леонтьева. Это была одинокая и единственная въ своемъ родѣ душа. «Стиль моего письма недоступенъ никому», — могъ бы сказать этотъ мастеръ, бросивъ предсмертно кисть. «Ни повторить моихъ картинъ, ни продолжать моихъ картинъ — никто не сможетъ».

Мнѣ пріятно вспомнить, что посмертно я оказалъ одну услугу Леонтьеву. Именно, когда въ словарѣ Брокгауза и Ефрона статьи дошли до буквы «К», то Вл. Соловьевъ сообщилъ мнѣ, что статья о Леонтьевѣ поручена ему. Я сталъ неотступно просить Соловьева написать какъ можно больше, страницъ шесть; написать основательную статью, ибо вѣдь это, въ такомъ монументальномъ словарѣ, будетъ увѣковѣченіемъ бѣднаго Леонтьева, который при жизни не дождался и сносной критической статьи о себѣ. Въ этомъ духѣ и очень настойчиво я послалъ нѣсколько записокъ Соловьеву. Соловьевъ былъ прекрасная по податливости и мягкости душа, да и Леонтьева онъ

самъ любилъ, но все стѣснялся «либеральныхъ» редакторовъ изданія, которые могутъ подняться на дыбы противъ большой статьи о «мракобѣсцѣ» — Леонтьевѣ. Наши либералы никогда не были остроумны и, имѣя большею частью въ сердцѣ «пять съ плюсомъ за поведеніе», имѣютъ въ головѣ обыкновенно плачевную «единицу за успѣхи» (въ наукахъ, въ пониманіи, въ идейности). Наши либералы — это самая безъидейная часть общества, до грусти, до отчаянія. Отъ Южакова до Михайловскаго — это стѣна Петрушекъ за алгеброй. Но оставимъ ихъ. Въ коротенькой записочкѣ Соловьевъ меня извѣстилъ съ восторгомъ, что ему удалось провести въ «Словарѣ» характеристику что-то около 6 столбцовъ, и при убористой, компактной печати и чрезвычайной («словарной») сжатости изложенія, это выходило цѣльною литературной характеристикой. Статья эта о Леонтьевѣ мастерски написана Соловьевымъ и есть прекрасное общее введеніе въ систему его мышленія. Наконецъ, я считаю полезнымъ упомянуть, что къ Леонтьеву всегда чувствовалъ смѣсь антипатіи и уваженія, смѣшаннаго съ подозрительностью, Н. Н. Страховъ, бывшій въ душѣ «честнѣйшимъ либераломъ», свободолюбцемъ и гуманистомъ; но еще болѣе, чѣмъ Страховъ, его не любилъ Рачинскій. Послѣднему, въ устныхъ бесѣдахъ, я все навязывалъ Леонтьева, но встрѣчалъ упорное молчаніе. Мнѣ извѣстно было, что Рачинскій былъ консерваторъ, и религіозный, церковный человѣкъ; поэтому его молчаніе приводило меня въ недоумѣніе. Наконецъ, онъ сказалъ: «да, — Константина Николаевича Леонтьева я еще по университету помню, и тогда же мы съ нимъ были знакомы, не близко, но какъ товарищи; онъ былъ на медицинскомъ факультетѣ, когда я

былъ на философскомъ (прежнее смѣшеніе естественнаго и филологическаго факультетовъ). Но онъ сразу же меня оттолкнулъ нѣкоторыми своими мыслями, пріемами, нравственно-смѣлыми взглядами. Я отъ него отскочилъ (эти слова Р-го буквальны), какъ ужаленный отъ гадюки. Я не спорю, что онъ отлично пишетъ и вообще очень талантливъ; но я чувствую къ нему непобѣдимое отвращеніе (онъ сказалъ съ удареніемъ), которое отъ годовъ молодости до старости ни въ чемъ не ослабилось». Тихій, незамутимый и незамутненный, Рачинскій чувствовалъ въ Леонтьевѣ какъ бы Мальштремъ (ревущій водоворотъ въ Ледовитомъ океанѣ), и отводилъ отъ него въ сторону свою благоразумную лодочку. Леонтьевъ былъ несравненно геніальнѣе его, какъ и Страхова. Они не любили и почти боялись Леонтьева. Какъ Хома-философъ (въ «Віѣ»), спокойно улегшійся на незнакомомъ ночлегѣ, испугался при входѣ вѣдьмы-старухи (она же оборотень-красавица), они защищались отъ Леонтьева почти его словами: «нѣтъ, голубушка, теперь постъ и я скоромиться не хочу». То же отвращеніе, негодованіе, до отказа просто что-нибудь прочесть. Въ самомъ дѣлѣ, и тихая библіотека-квартира Страхова, и прелестное Татево, — ото всего этого и щепокъ не сохранилось бы, попади они въ Мальштремъ Леонтьева, эту ревущую встрѣчу эллинскаго эстетизма съ монашескими словами о строгомъ загробномъ идеалѣ.

Еще одно слово. Когда я въ первый разъ узналъ объ имени Ницше изъ прекраснѣйшей о немъ статьи Преображенскаго въ «Вопросахъ философіи и психологіи», которая едва ли не первая познакомила русское читающее общество съ своеобразными идеями нѣмецкаго мыслителя, то я удивился: «да это — Леонтьевъ, безъ вся-

кой перемѣны». Дѣйствительно, слитность Леонтьева и Ницше до того поразительна, что это (какъ случается) — какъ бы комета, распавшаяся на двѣ, и вотъ одна ея половина проходитъ по Германіи, а другая — въ Россіи. Но какъ различна судьба, въ смыслѣ признанія. Однимъ шумитъ Европа, другой — какъ бы нѣморожденный, точно ничего не сказавшій даже въ своемъ отечествѣ. Иногда сравниваютъ Ницше съ Достоевскимъ; но гдѣ же родство эллиниста Ницше, «свирѣпаго», съ авторомъ «Бѣдныхъ людей» и «Униженныхъ и оскорбленныхъ». Во всякомъ случаѣ здѣсь аналогія не до конца доходитъ. Напротивъ, съ Леонтьевымъ она именно до послѣдней точки доходитъ: Леонтьевъ имѣлъ неслыханную дерзость, какъ никто ранѣе его изъ христіанъ, выразиться принципіально противъ коренного, самаго главнаго начала, Христомъ принесеннаго на землю, — противъ кротости. Леонтьевъ сознательно, гордо, дерзко и богохульно сказалъ, что онъ не хочетъ кротости и что земля не нуждается въ ней; «ибо кротость» эта (съ оттѣнкомъ презрѣнія въ устахъ Л-ва) ведетъ къ духовному мѣщанству, изъ этой «любви» и «прощенія» вытекаетъ «эгалитарный процессъ», при коемъ всѣ становятся курицами — либералами, не эстетичными Плюшкиными; и что этого не надо, и до конца земли не надо, до выворота внутренностей отъ негодованія. Такимъ образомъ Леонтьевъ былъ plus Nitzsche que Nitzsche même; у того его антиморализмъ, антихристіанство все-же были лишь краткой идейкой, нѣкоторой литературной вещицей, только помазавшей по губамъ европейскаго человѣчества. Напротивъ, кто знаетъ и чувствуетъ Леонтьева, не можетъ не согласиться, что въ немъ это, въ сущности, «ницшеанство», было не-

посредственнымъ, чудовищнымъ аппетитомъ, и что дай-ка ему волю и власть (съ которыми бы Ницше ничего не сдѣлалъ), онъ залилъ бы Европу огнями и кровью въ чудовищномъ поворотѣ политики. Кроткій въ личной біографіи, у себя дома въ квартирѣ (я слышалъ объ этомъ удивительной прелести, идиличности разсказы), сей Сулейманъ въ куколѣ, за порогомъ дома, въ дипломатической службѣ, въ цензурѣ, но главное, въ политическихъ аппетитахъ (на практикѣ ему даны были въ руки только мелочи) становился безпощаденъ, суровъ — до черточки, до конца. Разъ онъ ѣхалъ по Москвѣ на извощикѣ. «Куда ѣдешь», — спросилъ возницу полицейскій и направилъ на другой путь; лѣнивый возница пробормоталъ что-то съ неудовольствіемъ. Вдругъ кроткій Леонтьевъ, гнѣвно ударилъ его въ спину. «Что вы, баринъ?» — спросилъ тотъ политическаго Торквемаду. — «Какъ же, ты видишь мундиръ: и ты смѣешь не повиноваться ему или роптать на него, когда онъ поставленъ... (тѣмъ-то, а тотъ-то) губернаторомъ, а губернаторъ — царемъ. Ты мужикъ и дуракъ — и возстаешь, какъ петербургскій адвокатъ, противъ своего отечества». Пусть это было на извозчикѣ и въ Москвѣ: но важно вездѣприсутствіе и, такъ сказать, вѣчноприсутствіе idée fixe Леонтьева, изъ которой онъ ничего не сумѣлъ бы забыть и не воплотить, будь онъ цензоромъ, посланникомъ, министромъ, диктаторомъ. Это былъ Кромвель безъ меча, безъ тоги, безъ обстоятельствъ: въ лачугѣ за городомъ, въ лохмотьяхъ нищаго, но точный, въ полномъ ростѣ Кромвель. Былъ диктаторъ безъ диктатуры, такъ сказать, всю жизнь проигравшій въ карты въ провинціальномъ городишкѣ, да еще «въ дураки». Но человѣческое достоинство мы

должны оцѣнивать не по судьбѣ, а по залогамъ души. И по такой оцѣнкѣ достоинство Леонтьева — чрезмѣрно, удивительно. Прошелъ великій мужъ по Руси — и легъ въ могилу. Ни звука при немъ о немъ; карканьемъ воронъ онъ встрѣченъ и провоженъ. И легъ, и умеръ, въ отчаяніи, съ талантами необыкновенными. Теперь очевидно, что никакія идеи Леонтьева не привьются, и что онъ вообще есть феноменъ, а не сила; такъ сказать, fata-morgana Мальштрема, а не онъ въ дѣйствительности. Богъ одолѣлъ человѣка, но человѣкъ этотъ былъ сильный богоборецъ. Это объ Іаковѣ записано, что онъ «боролся съ Богомъ» въ ночи и охромѣлъ, ибо Богъ, не могши его побороть, напослѣдокъ повредилъ ему «жилу въ составѣ бедра».

В. Розановъ.

К. Губастовъ.

ИЗЪ ЛИЧНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О

К. Н. ЛЕОНТЬЕВѢ.

1867 г.

Изъ личныхъ воспоминаній о К. Н. Леонтьевѣ.

I.

Въ числѣ лицъ нашего консульскаго персонала въ Турціи, съ которыми я познакомился въ Константинополѣ въ 1867 г. былъ Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ, секретарь Консульства въ Адріанополѣ. Я встрѣтился съ нимъ у Михаила Александровича Хитрово, его друга дѣтства. Блестящій секретарь посольства и родственникъ генерала Игнатьева (по женѣ), Хитрово обращался со своимъ другомъ провинціаломъ немного покровительственно и свысока. Леонтьевъ, начавъ службу въ 1863 г. на о. Критѣ, былъ перемѣщенъ въ Адріанополь за свою исторію съ французскимъ консуломъ Дерше, котораго онъ ударилъ, въ пылу спора, хлыстомъ. Не потребовавъ за нанесенное ему оскорбленіе никакого удовлетворенія, Дерше скомпрометировалъ себя въ глазахъ своего начальства, и русскому посольству легко было уладить эту исторію. Леонтьевъ отдѣлался за свою излишнюю горячность лишь переводомъ въ другое консульство. Онъ любилъ впослѣдствіе вспоминать объ этомъ, и видимо доволенъ былъ, что оказался побѣдителемъ надъ ненавистнымъ ему французскимъ буржуа, котораго онъ, въ лицѣ Дерше, унизилъ.

Леонтьевъ былъ если не красивый, то очень привлекательный человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ прекрасными, немного старо-дворянскими, манерами и привычками. Онъ не могъ обходиться безъ помощи многочисленныхъ слугъ, съ которыми любилъ подолгу болтать, и которыхъ особенно любилъ отечески журить и поучать. Онъ причесывался à la Гоголь, и въ профиль имѣлъ отдаленное сходство съ великимъ писателемъ. Но Боже упаси, было, замѣтить ему это сходство, — оно приводило его въ сильрое раздраженіе — такъ не нравилась ему наружность Гоголя, и настолько считалъ онъ себя привлекательнѣе и благообразнѣе его.

Находясь заграницею и на службѣ, онъ не могъ, конечно, не носить ненавистнаго ему европейскаго платья. Онъ одѣтъ былъ просто, въ довольно длинный сюртукъ; вмѣсто обычнаго пальто носилъ такъ называемый макферланъ и мягкую, съ широкими полями, шляпу. Впослѣдствіи, когда, по выходѣ въ отставку, онъ прожилъ нѣкоторое время на О. Халки, онъ носилъ верхнюю одежду русскаго покроя.

Леонтьевъ пріѣхалъ въ Константинополь просить самостоятельнаго поста, находя, что въ его возрастѣ уже не подобаетъ занимать секретарскую должность.

Въ посольствѣ знали, что онъ подвизается на литературномъ поприщѣ, но никто не читалъ его романовъ, появившихся въ 1861 — 1864 годахъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Первые разсказы его изъ жизни христіанъ въ Турціи появились позднѣе.

За это непродолжительное пребываніе въ Константинополѣ, онъ сошелся болѣе близко съ семействомъ втораго драгомана Н. В. Тимофеева и со мною, несмотря на

значительную разницу нашихъ лѣтъ — ему было 36, а мнѣ 22. Екатерина Дмитріевна Тимофеева, рожденная Озерецкая, очень простая, вполнѣ русская, умная и радушная женщина, относившаяся всегда участливо къ проѣзжимъ товарищамъ, звала часто Константина Николаевича на чашку чая, послушать его интересные разсказы о Крымской войнѣ, побесѣдовать о современной русской литературѣ и была съ своей стороны ему полезна, знакомя его съ закулисною жизнью посольскаго персонала.

Гуляя со мною почти ежедневно по Константинополю, и посвящая меня въ свои личныя дѣла, онъ разсказалъ также какъ оригинально поступилъ онъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Покинувъ въ 1860 г. мѣсто домашняго доктора въ нижегородскомъ имѣніи барона Розена, и получивъ гонораръ за романъ «Подлипки», Леонтьевъ отправился въ Крымъ, повидать въ Ѳеодосіи плѣнившую его дѣвушку — полурусскую, полугречанку Лизу. Онъ ѣхалъ отъ Москвы до Харькова въ почтовой каретѣ (дилижансѣ); спутникомъ его оказался харьковскій помѣщикъ Дубницкій, консулъ нашъ на о. Сирѣ. Леонтьевъ до тѣхъ поръ смутно зналъ о дѣятельности консуловъ и воображалъ, что всѣ служащіе заграницею люди необыкновенно тонкіе, хитрые и говорятъ только иносказательно или притчами *). Спутники разговорились. Леонтьевъ жадно слушалъ разсказы Дубницкаго о жизни и службѣ на Востокѣ. Дубницкій былъ самый заурядный агентъ и весьма ограниченный человѣкъ, въ чемъ Леонтьевъ очень скоро убѣдился. Тогда онъ сказалъ себѣ: если такой добродушный хохолъ и совершенный простякъ можетъ быть кон-

*) Объ этой встрѣчѣ кратко упоминаетъ А. Александровъ, въ своей статьѣ «К. Н. Леонтьевъ». «Р. Вѣстн.» 1892, IV, стр. 268.

суломъ, то почему же я не могу имъ быть? Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Ѳеодосіи и отыскавъ свою Лизу, онъ на ней женился въ іюлѣ 1861 года. Къ медицинѣ между тѣмъ онъ охладѣлъ, и потому, пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ разсказалъ о своемъ намѣреніи сдѣлаться дипломатомъ старшему брату своему, Владиміру Николаевичу, который случайно былъ знакомъ съ вице-директоромъ азіатскаго департамента, Петромъ Николаевичемъ Стремоуховымъ. Владиміръ Николаевичъ пошелъ къ нему, и безъ труда получилъ его согласіе на принятіе брата въ департаментъ, куда онъ и поступилъ въ февралѣ 1863 г. Въ октябрѣ того же года состоялось его назначеніе секретаремъ консульства на о. Критъ. Вотъ какъ просто пополнялся у насъ тогда консульскій персоналъ! По счастію для министерства врачъ и начинающій беллетристъ оказался хорошимъ для него пріобрѣтеніемъ. Если Константинъ Николаевичъ и не былъ настоящимъ дѣятельнымъ консуломъ, не интересуясь напримѣръ вовсе ни торговыми, ни судебными вопросами (а въ Тульчѣ и Солунѣ напримѣръ эти вопросы имѣли значеніе), то покрайней мѣрѣ онъ изучилъ и объяснилъ какъ никто духовный міръ жителей Балканскаго Полуострова.

Донесенія его отличались правдивостью, но онъ въ нихъ рисовалъ общія картины и развивалъ высшія соображенія, а не давалъ фактическаго матеріала въ экономическомъ или статистическомъ отношеніи, очень важнаго въ Турціи за отсутствіемъ тамъ подобныхъ свѣдѣній. Собираніемъ точныхъ цифръ объ урожаѣ, о вывозѣ и привозѣ товаровъ и пр. онъ не любилъ заниматься, не желая тратить время на подобный скучный и неблагодарный трудъ, который его вовсе не интересовалъ.

Пробывъ въ Константинополѣ мѣсяца два, въ мартѣ Леонтьевъ вернулся къ своему посту, обнадеженный посломъ получить вскорѣ вице-консульство.

Тотчасъ же началась между нами переписка, которая, хотя иногда и съ промежутками, но безъ перерыва, продолжалась до конца 1891 г., т. е. до смерти Константина Николаевича.

Настроеніе его было хорошее, и онъ въ письмѣ отъ 19 апрѣля 1867, писалъ:

«Сегодня я въ предмѣстіи Кыикъ танцовалъ подъ турецкую музыку съ Гречанками, не смотря на фанатизмъ кыикскихъ мусульманъ. А сейчасъ иду къ M-me Блонтъ [1]) читать громко Милля. Завтра доканчиваю почту и танцую еще въ другомъ предмѣстіи съ недурными дѣвицами (руки у нихъ только очень толсты и грубы); а на дняхъ у меня собраніе болгаръ для совѣщанія объ учителяхъ и объ отпорѣ пропагандѣ.

Во время танцовъ въ предмѣстіяхъ я немного похожъ на уѣзднаго льва, передъ которымъ жеманятся плохія барышни, и который какъ «Свѣтлякъ сіяетъ только въ темномъ мѣстѣ» (изъ Соллогуба). Но чтоже дѣлать? Такая тоска! Все бы это и службу самую отдалъ бы за возможность писать... Рѣшительно нѣтъ времени».

Въ маѣ 1867 г. Леонтьева назначили вице-консуломъ въ Тульчу, а меня на его мѣсто въ Адріанополь, но я поѣхалъ туда только въ декабрѣ. Посолъ задержалъ меня въ Константинополѣ. Это дало мнѣ возможность видѣться съ Леонтьевымъ еще разъ въ томъ же году, при проѣздѣ его къ новому посту.

---

[1]) Жена Англійскаго Вице-Консула въ Адріанополѣ.

О жизни и дѣятельности его въ Тульчѣ лучше всего говорятъ печатаемыя здѣсь его письма, въ которыхъ я сдѣлалъ самые незначительные пропуски, касающіеся коммиссій, порученій или дѣлъ личнаго, интимнаго характера.

12 Августа 1876 г.

.... Я здѣсь точно русскій помѣщикъ. Сижу съ утра въ чистомъ бѣльѣ, въ брусскомъ бурнусѣ, которымъ обязанъ Вамъ, усы подкручены, лицо какъ у Павла Петровича Кирсанова («Отцы и Дѣти») вымыто душистымъ снадобьемъ, туфли новыя, комната простая, но хорошая, кухарка русская, трудъ такъ сказать на поприщѣ отчизны... Все у меня есть... и романъ пишу...

Въ торопяхъ я забылъ взять у Н. П. Игнатьева его фотографіи. Возьмите у него и отдайте отъ меня когда поѣдете (въ Адріанополь) Манулаки, Алеко, Х. Кіріаджи и Найденову [1]). Да для меня одну попросите. Главное чтобы въ мундирѣ, а статскаго не желаю.

Гончаровъ [2]) въ восторгѣ отъ К. Д. Тимофеевой. Говоритъ: «да начетчица тоже она, Катерина»!

Вашъ Л.

23 Августа 1867.

.... Тутъ ходятъ (и въ газетахъ есть) странные слухи, что Россія заключаетъ союзъ съ Турціею для преграды Греческому стремленію. Что за чушь?! Будто Фуадъ для

---

1) Зажиточные греки и болгары адріанопольскіе (приматы).

2) Оспнъ Гончаровъ или Гончаръ, старшина русскихъ раскольниковъ казаковъ въ Добруджѣ.

этого въ Крымъ поѣхалъ [1]). Объ этомъ напишите не иначе какъ по русской почтѣ. Я пишу утромъ и ночью. По службѣ тоже много занимаюсь. Время есть на все. И я желаю одно — свить на вѣкъ мое гнѣздо въ Тульчѣ. Я Вамъ объясню почему. Гдѣ жить? Въ Россіи вообще — для сердца, для привычекъ хорошо, но нѣтъ той живой, политической дѣятельности. Заграницею — въ Европѣ спаси Боже, тошно подумать. Въ Петербургѣ хорошо для литературы, но нездорово, дорого, буржуазно, прозаично. Въ Москвѣ — поэтичнѣе, но все же нѣтъ той службы, что здѣсь. Въ нашемъ Кудиновѣ — здорово, есть поэзія, нѣтъ доходовъ и службы. Внутри Турціи? Нѣтъ, другой разъ калачемъ не заманишь. Я ужасно раскаяваюсь, что не зная Дуная, сказалъ Игнатьеву, что желалъ бы вернуться въ Адріанополь. Ни за что! Лучше вице-консуломъ останусь, если Тульчу не захотятъ повысить въ консульство. Здѣсь есть и движеніе, и покой, и востокъ, и западъ, и сѣверъ, и югъ; встрѣчи безпрестанны на Дунайскихъ пароходахъ; можно устроиться помѣщикомъ какъ въ деревнѣ; здѣсь и Россія, и Молдавія, и Турція и Австрія, и просторъ деревенскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы въ центрѣ Европы. Прелесть!

Прощайте другъ мой. Дѣятельность моя изумительна. Да еще не то бы было, еслибы «Исповѣдь мужа» [2]) имѣла бы успѣхъ.

Вашъ Л.

Напишите заранѣе когда Вы въ смрадный Адріанополь.

---

[1]) Фуадъ ѣздилъ въ Крымъ привѣтствовать Императора Александра II, по случаю его пребыванія въ Ливадіи.

[2]) «Исповѣдь мужа» появилась въ «Отеч. Запискахъ» 1867, VII, подъ названіемъ «Ай-Бурунъ».

29 Сентября 1867.

.... Ахъ, какъ я вспоминаю зиму, проведенную въ Константинополѣ. Какъ бы я былъ счастливъ еслибы могъ прожить такъ опять года два! Да, Г-въ, поэзіи еще много въ жизни, но она какъ грибы въ лѣсу, — ее надо искать съ лукошкомъ, а такъ вмѣстѣ все на столъ не подаютъ готовымъ. Въ полторы недѣли началъ и почти уже кончилъ особый романъ «Отъ осени до осени» (5 часть «Рѣки временъ», между «Глинскимъ» и «Въ Дорогѣ»). На дняхъ отправляю его къ племянницѣ, чтобы она его переписала къ моему пріѣзду въ Петербургъ. Онъ былъ уже готовъ 2 года тому назадъ, но тогда я его сжегъ. «Въ Дорогѣ» за исключеніемъ двухъ, трехъ вставокъ, конченъ весь и серетарь мой его уже переписываетъ. «Глинскій» отдыхалъ около мѣсяца въ ящикѣ; послѣ отправки «Отъ осени до осени» я возьмусь за него; въ немъ написано почти все, но многимъ я не доволенъ и хочу перемѣнить. Самъ романъ будетъ называться не «Глинскій», а «Два Полковника» (гусарскій Вейслингенъ и артиллерійскій, публицистъ Дмитрій Львовъ). Такъ какъ я думаю о «Рѣкѣ Временъ» уже 10 лѣтъ тому назадъ, а теперь эти 2 — 3 года день и ночь, — то планъ и подробности его совсѣмъ уже созрѣли [1]).

1-я часть (1812 — 1830 г.) будетъ зваться «Заря и Полдень». Героиня мать Андрея и Дмитрія Львовыхъ.

2-я часть (1848 — 1853 г.) «Записки Херувима». Герой (Херувимъ) Андрей Львовъ юношею.

---

[1]) Въ письмѣ къ В. В. Розанову отъ 13 іюня 1891 г., въ примѣчаніяхъ къ его статьѣ «Эстетическое пониманіе исторіи» Леонтьевъ заявилъ, что онъ сжегъ въ Салоникахъ 8-милѣтній трудъ — 5 — 6 романовъ въ связи изъ русской жизни (1811 — 1812) подъ общимъ заглавіемъ «Рѣка Временъ».

3-я часть (1853 — 1857) «Мужская Женщина». Герой совершенно особое лицо. Нѣкоторыя изъ лицъ 1-й и 2-й части будутъ являться здѣсь на второмъ планѣ, въ томъ числѣ Андрей Львовъ военнымъ докторомъ.

Часть 4-я «Въ Дорогѣ». — Герой Консулъ русскій (1859 — 1862).

Часть 5-я «Отъ осени до осени», герой третій братъ Львовыхъ Николай.

Часть 6-я «Глинскій». (1861 — 1865 г.)

Сверхъ того я телеграфировалъ Краевскому ультиматумъ — хочетъ ли онъ по 100 р. съ листа небольшой романъ изъ Критской жизни. Такъ что Вы видите я приготовился къ войнѣ какъ Пруссія. Довольны ли Вы мною или нѣтъ?

Что Вамъ еще сказать? Жизнь моя, какъ Вы видите, также какъ всѣхъ, идетъ сложно: то хорошо, то дурно. Игнатьевъ хвалитъ, романы кончаются, жена тоскуетъ страшно, въ Адріанополѣ долги уплачиваются, а долженъ занять, чтобы ѣхать въ Россію.

Прощайте. Завтра ѣду въ Сулину, тамъ случилась аварія русскаго судна, а потомъ проѣду въ Галацъ.

Вашъ Л.

Эти письма я получилъ въ Константинополѣ, а слѣдующія за ними были мнѣ адресованы уже въ Адріанополь, куда я прибылъ въ концѣ Декабря 1867 года, и вступилъ въ управленіе Консульствомъ за отъѣздомъ моего начальника Михаила Игнатьевича Золотарева въ отпускъ.

29 Февраля 1868 г.

Мы ужинаемъ въ 10 часовъ, а теперь ровно 8. Со-

образно предписанію Вашему пишу мелко и буду писать до ужина. Письмо Ваше я получилъ сегодня и уже отвѣчаю. Не вижу я во 1-хъ чтобы мое вліяніе на Васъ было сильно, уже потому что Вамъ Courtois [1]) не претитъ, а мнѣ претитъ всякій французъ. Потомъ, вѣроятно вы не ѣдите постнаго, а я ѣмъ весь постъ, конечно съ рыбою, кромѣ Средъ и Пятницъ, и Лизу, которая только что пріѣхала усталая и больная, посадилъ за постное, и это не помѣшало ей въ 20 дней изъ изнуренной петербургской чиновницы стать здоровою и толстою Лизою.

Доволенъ я не только постомъ моимъ, но и по́стомъ и боюсь одного, чтобы меня на будущій годъ не услали бы съ Дуная внутрь; главное боюсь Адріанополя какъ огня. Конечно я противъ этого приму всѣ мѣры. Я очень хорошо знаю, что и въ Адріанополѣ есть много поэзіи, но ею можно было бы спокойно наслаждаться если бы приматы были наши не друзья, а враги. Поэзія Адріанополя въ простомъ народѣ, въ турецкихъ кварталахъ, въ мечетяхъ, въ кладбищахъ мусульманскихъ, въ баняхъ, въ хорошенькихъ дѣвочкахъ предмѣстій и въ madame Blont. Вы можете находить, что mademoiselle Blont краснѣе ея, я готовъ это допустить, но только ухаживая за madame Blont и пользуясь хоть сколько нибудь ея благосклонностью можно постичь вполнѣ всѣ силы и всѣ дарованія, которыя въ ней кроются. А ея царственный видъ и оболочка мнимой холодности? А ея патріархальное обращеніе и доброта съ прислугою? и т. д.

Чтобы вполнѣ постичь поэзію Адріанополя послушайте моихъ совѣтовъ: 1, не откладывая заведите себѣ любов-

---

[1]) Французскій Вице-Консулъ въ Адріанополѣ.

ницу простенькую болгарку или гречанку; 2, ходите почаще въ турецкія бани; 3, постарайтесь добыть турчанку, это ужъ не такъ трудно; 4, не радуйтесь вниманіямъ франковъ и не хвалите madame Badetti[1]); 5, гуляйте почаще по берегу Тунджи и вспоминайте меня; 6, подите когда нибудь съ кавасомъ къ мечети Султанъ Баязета и устройте тамъ на лужайкѣ, около кіоска, борьбу молодыхъ турокъ (пехлевановъ), подъ звуки барабана; это прелесть! Я все это помню и понимаю. Но рядомъ съ этимъ Адріанополь оставилъ во мнѣ и другія воспоминанія, о которыхъ лучше и не думать. Желаю, чтобы съ Вами не случилось того же.

Вы желаете подробности объ мнѣ и о моей жизни. Вы спрашиваете объ Яни и о Юсуфѣ. Яни все также честенъ и благороденъ, но съ тѣхъ поръ какъ одѣлся á la franca сталъ какъ то безцвѣтенъ и слишкомъ смиренъ. Юсуфъ все также красивъ, и такой же Делибашъ какъ былъ; недавно просидѣлъ у меня въ тюрьмѣ 8 дней за то что подрался безъ нужды въ кофейнѣ. Жена моя отъ него въ восторгѣ, и изо всѣхъ сюрпризовъ, которые я ей приготовилъ здѣсь, онъ ей болѣе всѣхъ понравился. О женѣ? Она очень поумнѣла въ Петербургѣ и начинаетъ почти всѣ мои взгляды раздѣлять. Жаль, что я долженъ такъ много!.. Мнѣ кажется, что жена беременна... Вотъ будетъ сюрпризъ! Если такъ дай Богъ дочь, а не сына.

Домъ нашъ очень удобенъ, и я отдѣлалъ его, кажется, на сколько позволили средства, хорошо. Онъ на берегу Дуная и передъ окнами ежеминутное движеніе судовъ. Дѣятельность здѣсь болѣе наблюдательная, но она очень

---

[1]) Жена одного зажиточнаго Адріанопольскаго торговца католика.

интересна. Еще что сказать? Отправилъ въ Петербургъ романъ изъ критской жизни, который будетъ продаваться въ пользу критскихъ семействъ, и будетъ вѣроятно переведенъ по гречески [1]). Мѣры приняты хорошія. Не знаю что будетъ. Вы спрашиваете о моихъ планахъ. Позвольте пока о нихъ умолчать, но по мѣрѣ исполненія ихъ или неудачъ я буду писать о нихъ.

Въ Россію не поѣхалъ не столько по безденежью, сколько по другимъ причинамъ, и я рѣшеніемъ моимъ очень доволенъ. Жаль только бѣдной матери, которая нарочно для меня пріѣхала въ Петербургъ.

А знаете кто, сдается мнѣ, будетъ Вашимъ Начальникомъ? Мюльфельдъ. Онъ давно ждалъ вакантнаго Консульства. Что же, Вы и съ нимъ уживетесь. А Консуломъ онъ будетъ хорошимъ; будетъ всѣмъ иностранцамъ грубить и язвить ихъ [2]).

Теперь половина десятаго. Писалъ бы еще, да матеріала нѣтъ. Ну прощайте.

Вашъ Л.

26 Апрѣля 1868. г.

Вотъ видите, Г-въ, какъ я держу обѣщанія — сказалъ въ Маѣ пришлю Соломону [3]) 300 р., еще Апрѣль на дворѣ, а я уже 150 р. посылаю, остальные 150 конечно

---

[1]) «Хризо» появился въ «Русск. Вѣстникѣ» 1868, кн. VII. Въ это время происходило на О. Критѣ возстаніе.

[2]) Серг. Карл. Мюльфельдъ, третій Секретарь Посольства въ Константинополѣ. Былъ впослѣдствіи Генер. Консуломъ въ Буда-Пештѣ и весьма плохимъ. † 1889.

[3]) Соломонъ Нардеа, старикъ еврей ростовщикъ въ Адріанополѣ, главный кредиторъ Леонтьева.

тоже онъ въ свое время получитъ. Какъ я ихъ достаю — это другой вопросъ. Кручусь на одномъ и томъ же мѣстѣ: у одного займу — другому въ срокъ отдаю. Это было бы еще не бѣда, еслибы пріѣздъ жены и скромная отдѣлка дома не прибавили къ моему дефициту еще рублей 600. Но оставимъ этотъ унылый сюжетъ. Вы угадали: наградныя деньги обратились въ Станислава 2-й степени, но я его еще осязательно не получилъ. Стремоуховъ недавно выразилъ мнѣ благодарность за то что я не поѣхалъ въ отпускъ. Вотъ видите кто знаетъ гдѣ выиграешь, гдѣ проиграешь. Дѣла теперь здѣсь довольно, даже болѣе чѣмъ бы я желалъ. Вотъ уже три мѣсяца муза моя умолкла. Пріѣздъ Лизы, мелкія заботы; къ тому же она больна серьезно, и если корень зла не уничтожится, то болѣзнь ея можетъ переродиться̀ся въ помѣшательство. Можете судить легко ли мнѣ все это время. Но я покоенъ, потому что убѣжденъ въ возможности излеченія. Здѣсь приписываютъ ея болѣзнь ревности, но это неправда, — она пріѣхала изъ Петербурга уже больная. Много поумнѣла но и подурнѣла. Не думайте, чтобы моя личная жизнь была безцвѣтна. Къ сожалѣнію она очень бурна. Вы говорите зачѣмъ я все думаю о страждущемъ человѣчествѣ (т. е. Критянахъ), а не о себѣ. Во 1-хъ я думаю не столько о страждущемъ, сколько о поэтическомъ человѣчествѣ, а во 2-хъ тутъ и я не забытъ. Что выйдетъ не знаю, но мѣры взяты хорошія для успѣха.

Вы спрашиваете о «Глинскомъ». Онъ давно уже почти конченъ — двѣ, три поправки и если оторвать его отъ «Рѣки временъ» — можно сейчасъ въ печать, но корни его такъ далеки и я боюсь его печатать, пока все не будетъ кончено. Однако быть можетъ обстоятельства вынудятъ.

Если Вы разсчитываете, мой милый, видѣть меня здѣсь въ Октябрѣ или Ноябрѣ, то Вы ошибаетесь. Я постараюсь непремѣнно осенью уѣхать въ Петербургъ; пора же! Слишкомъ многое меня туда призываетъ многое, о ч е н о м н о г о е! Потому постарайтесь быть ранѣе.

Знайте если не согласятся сдѣлать здѣсь Консульство я буду проситься въ Адріанополь, хотя мнѣ Вице-Консульство въ Тульчѣ пріятнѣе. Но что же дѣлать? Безъ этого я съ долгами не справлюсь, ибо писать насильно какъ дѣлала Ж. Зандъ рѣшительно не могу. Я въ этомъ болѣе похожъ на А. Мюссе.

Вашъ Л.

Іюнь 1868 г.

Изъ прилагаемыхъ двухъ моихъ писемъ и изъ отвѣта на нихъ Игнатьева, Вы увидите, что дѣла мои не въ слишкомъ худомъ положеніи, и что надежды мои быть въ Тульчѣ Консуломъ не лишены основанія.

Я бы еще болѣе похвастался Вамъ моими бюрократическими успѣхами если бы не лѣнь и усталость отъ жары.

Все что Вы пишете объ Адріанополѣ правда; именно жители Адріанополя (là societé) способны, какъ Вы выразились, распространять вокругъ себя особую скуку. Я бы даже сказалъ у ж а с н у ю. Начиная съ Манулаки, котораго я обожалъ пока говорилъ о дѣлахъ и ненавидѣлъ какъ только дѣла кончились [1]). Слава Богу туча эта вѣроятно минуетъ меня, послѣ письма Игнатьева и моего къ нему отвѣта.

---

[1]) Еманулъ (Манулаки) Сакелариди, нештатный драгоманъ русскаго Консульства въ Адріанополѣ.

Если Соломонъ въ восторгѣ, то я его утѣшу еще скоро. Пусть будетъ покоенъ, и пускай не надоѣдаетъ.

Лиза въ Галацѣ лечится; она очень серьезно больна. Я часто ѣзжу къ ней. Работы всякой много. Извините ради Бога нѣтъ силъ отъ жары! Больше не могу.

Когда увидимся? Очень просто — будемъ осенью вмѣстѣ въ Россіи. Проситесь и я буду непремѣнно проситься въ концѣ Сентября. Пріѣзжайте сюда и вмѣстѣ черезъ Вѣну.

Обнимаю Васъ и прошу простить сухость письма.

Сегодня прохладнѣе и поэтому захотѣлось сказать Вамъ еще нѣсколько словъ.

Вы правы — избави Боже меня отъ Адріанополя. Одна Madame Блонтъ не можетъ на столько украсить этотъ городъ, чтобы простить ему все. Главная язва это наши буржуа единовѣрцы. Въ Тульчѣ, слава Богу, мало съ ними дѣла. Но для холостого, молодого и сравнительно богатаго, Адріанополь могъ бы быть пріятенъ, если бы Вы умѣли пользоваться. Боюсь что не умѣете. И куда Вы проживаете столько денегъ безъ поэзіи? Изъ Вашего письма я не вижу какъ Вы живете. Неужели греческіе глаголы одни наполняютъ вашу жизнь? Не одобряю также Вашего выбора учителя.

Письма мои и Игнатьева я раздумалъ Вамъ посылать по нѣкоторымъ причинамъ, но вотъ Вамъ выписки изъ его письма:

«Я чрезвычайно цѣню въ сотрудникахъ моихъ глубину этихъ (русскихъ) чувствъ и искренность народныхъ русскихъ убѣжденій»...

«Вы не ошиблись также, полагая, что Тульчинскій постъ имѣетъ особый политическій характеръ. Онъ важенъ въ настоящее время»:

«Понимаю Ваше матеріальное положеніе и желаніе Ваше не потеряю изъ виду.

«Продолжайте служить добросовѣстно и усердно какъ прежде, и конечно трудъ Вашъ не пропадетъ. Вамъ нельзя сомнѣваться въ расположеніи моемъ цѣнить Ваши способности и усилія, ибо Вы постоянно имѣли доказательства неизмѣнности моихъ къ Вамъ чувствъ. Расположеніе мое личное основано на убѣжденіи, что Вы готовы всѣми силами служить Россіи, можете и желаете быть полезными отечеству. При случаѣ снесусь съ Министерствомъ о желаніяхъ Вашихъ, но теперь ничего положительнаго обѣщать не могу».

Что можетъ быть лучше этого письма, тѣмъ болѣе что оно собственноручное!

Спасибо за Вашу дружбу. Неужели только Чернышевскій и Станкевичъ были такъ счастливы, что могли быть окружены друзьями и единомышленниками? А меня любитъ молодежь, и внимаетъ моимъ рѣчамъ. Но гдѣ одинъ, гдѣ другой, гдѣ третій?...

26 іюня. Не жалуйтесь на то что письма мои идутъ къ Вамъ долго. Иногда они, начатыя лежатъ у меня по мѣсяцу. Вотъ и это я началъ въ первыхъ числахъ, а кончаю лишь теперь.

Недавно я получилъ отъ Каткова телеграмму о томъ что мой критскій романъ уже печатается; онъ послалъ мнѣ также письмо съ объясненіями на счетъ отдѣльнаго его изданія, но я его еще не получилъ. Я не думаю, чтобы эти объясненія были отрицательныя. Если же онъ не издастъ отдѣльно, то въ Одессѣ издадутъ въ Греческомъ братствѣ.

«Глинскій» уѣхалъ въ Петербургъ для переписки на

бѣло къ племянницѣ, для изготовленія къ моему пріѣзду. Отправлена еще статья въ Вѣну въ «Славянскую Зарю». О грамотности русскаго народа — не въ пользу спѣшной грамотности. Кончается статья о женщинѣ въ Россіи; пишутся огромныя донесенія. Стремоуховъ присылаетъ одобренія.

И такъ мы не спимъ; боюсь, что Вы не бодрствуете какъ могли бы. Вы и не проснетесь вполнѣ пока не возненавидите европейцевъ такъ какъ я, ибо личное и общественное творчество въ Россіи возможно лишь исходя изъ этой ненависти. Безъ нея все сухо и мертво. Если Вы не понимаете этого теперь, то поймете позднѣе, если не отринете меня.

Обнимаю Васъ сто разъ и остаюсь

Вашъ Л.

18 Августа 1868 г.

.... Катковъ напечалъ Критскую повѣсть, но отдѣльно издать затрудняется. Еще примѣръ моихъ блестящихъ успѣховъ: послалъ статьи въ «Славянскую зарю», которая на русскомъ языкѣ издавалась въ Вѣнѣ; статья прошла черезъ руки Николая Павловича [1]), и была оцѣнена имъ выгодно съ политической стороны. Пока я не принималъ участія въ «Зарѣ» она держалась, — какъ только я послалъ статью «Зарю» запретили.

Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ какъ ее не получаетъ здѣсь тотъ кто выписывалъ. Сколько работы, сколько чувства потрачено даромъ! И повѣрите-ли здѣсь каждую недѣлю изъ Одессы и въ Одессу проходитъ русскій па-

---

[1]) Н. П. Игнатьевъ.

роходъ «Таврида»; я часто на немъ ѣзжу въ Галацъ и встрѣчаю русскихъ всякаго рода, начиная отъ Министровъ до мужиковъ. Я часто говорю съ разными людьми и безпрестанно слышу вопросы почему я съ моими способностями живу въ глуши (?), и почему я въ литературѣ и на службѣ стою на такой невысокой степени. Случилось тоже и съ однимъ французскимъ туристомъ, который записалъ мое имя и все кричалъ: Qui étes vous donc? Qui étes vous donc? Не знаю былъ ли онъ искренень или нѣтъ. Я ему доказывалъ, что Россія богаче духовными началами чѣмъ Франція.

Вы думаете, что это меня радуетъ? Боже какъ вы ошибаетесь. Это только меня больше огорчаетъ... Одно спасеніе ѣхать въ Россію.

К. Л.

Это было послѣднее письмо Леонтьева изъ Тульчи. Въ Октябрѣ онъ отправился въ Петербургъ, и отъ 20 Октября писалъ мнѣ:

Ну, Губастовъ, если Васъ точно радуетъ мысль жить со мною вмѣстѣ долго такъ радуйтесь. Едва только поздоровался со мною Петръ Николаевичъ Стремоуховъ, какъ съ первыхъ словъ осыпалъ меня похвалами отъ своего лица и отъ лица Министра и объявилъ, что я къ 1-му Января буду Консуломъ, и вѣроятнѣе всего въ Адріанополѣ. Изъ Министерства написали уже Игнатьеву, одни говорятъ, двухъ, а другіе — четырехъ кандидатовъ; во всякомъ случаѣ всѣ здѣсь увѣрены, что даже изъ 4-хъ предложенныхъ для Адріанополя Игнатьевъ выберетъ меня. О повышеніи Тульчи въ Консульство нечего думать. Стремоуховъ отказалъ на отрѣзъ. А такъ какъ всѣ кон-

сульства внутри Турціи очень скучны, то я и предпочитаю Адріанополь во 1-хъ ради Васъ, а во 2-хъ какъ зло уже привычное, которое при отпускахъ не слишкомъ пугаетъ меня.

Не знаю получили ли Вы отъ Каткова вексель для уплаты Соломону? Повѣсть имѣетъ три листа съ половиною, значитъ 175 руб., по той жалкой цѣнѣ, которую я получаю. Замѣтьте, что объ Ай-Бурунѣ критики ни слова, а здѣсь и особенно въ Одессѣ читали на расхватъ. Что это такое?

Вообще что касается до Соломона — то пусть молитъ Іегову о моемъ возвращеніи въ Адріанополь. Тогда дѣла его пойдутъ какъ по маслу.

Не сердитесь за сухость и краткость письма. Вспомните, что я въ Россіи послѣ 5 лѣтней отлучки. Вотъ отчего Вы въ послѣднее время умолкли?

Обнимаю Васъ.

К. Л.

Слѣдующее Петербургское письмо его было отъ 15 Ноября:

.... Я на волоскѣ по обыкновенію. Если послѣ Святокъ я не буду Консуломъ въ Янинѣ или въ Смирнѣ, (Мострасъ умеръ, а въ Адріанополь ѣдетъ Иванъ Александровичъ Ивановъ) и если не устроюсь на дняхъ выгодно съ редакціею новаго журнала «Заря» — такъ просто бѣги съ этого свѣта! Хоть я въ Адріанополѣ уже заслужилъ медленною, но систематическою уплатою репутацію честнаго человѣка, но за то задолжалъ на Дунаѣ, для уплаты Адріанопольскихъ долговъ и для путешествія сюда.

Есть сердечныя дѣла; и еще какія! Все спѣшу, вездѣ опаздываю, не успѣваю ни читать, ни писать, ни бывать въ Департаментѣ, не успѣваю, вотъ уже мѣсяцъ, сдѣлать визиты знакомымъ, которыхъ отъ души хочу видѣть. И не смотря на это, какъ только сѣлъ къ столу писать разнымъ лицамъ, и преодолѣлъ лѣнь, такъ и вспомнилъ о моемъ тезкѣ!..

Вы хотя и любите Иванова, но все таки Вы ждали меня въ Адріанополь. А я то? Развѣ меня не утѣшала мысль быть съ Вами? Уже я думалъ какъ мы будемъ гулять зимою по утрамъ, а лѣтомъ по вечерамъ въ Эски Сараѣ и около мечети Баязета, какъ Вы будете подстрекать къ окончанію моихъ литературныхъ трудовъ... Ну, что дѣлать — не пришлось жить вмѣстѣ.

Что предпочесть Янину или Смирну — не знаю. Можетъ случиться, что я буду мировымъ судьею въ Константинополѣ [1]). Я не прошусь, но Жадовскій говорилъ мнѣ, что Игнатьевъ думаетъ обо мнѣ и объ Ивановѣ.

О литературныхъ дѣлахъ не пишу пока не войду въ соглашеніе съ «Зарею».

Я хочу пробыть здѣсь до Марта. Ну прощайте. Обнимаю Васъ 1000 разъ.

Вашъ К. Л.

II.

Въ началѣ 1869 г. Леонтьева дѣйствительно назначили Консуломъ въ Янину, куда онъ пріѣхалъ въ Апрѣлѣ.

---

[1]) Такой должности не существовало. Игнатьевъ вѣроятно думалъ о ея учрежденіи.

Между тѣмъ, по прибытіи Иванова въ Адріанополь я получилъ отпускъ, и, сдавъ ему дѣла Консульства, уѣхалъ въ Россію; въ Адріанополь я уже не вернулся, а отправился въ Августѣ того же года къ новому моему посту Вице-Консула въ Виддинѣ. Въ перепискѣ нашей наступилъ временный перерывъ. У меня сохранилось только одно письмо его изъ Янины, отъ 15 Октября 1869 г. Оно очень важно для установленія первыхъ признаковъ, зародившагося разочарованія изъ бодраго, жизнерадостнаго настроенія, въ которомъ онъ былъ въ Тульчѣ, несмотря на долги, литературный неуспѣхъ и семейныя невзгоды.

«Все это время, писалъ Константинъ Николаевичъ, я часто вспоминалъ о Васъ, добрый Г — въ, и вотъ пришло ваше милое письмо. Переписку мы не прерывали, но сначала я былъ въ разъѣздахъ, потомъ Вы, поэтому мы долго не знали куда намъ писать. Вы жалуетесь на Виддинъ, но отчего вы не пишете что вы тамъ такое — Вице-Консулъ или только управляющій. Во всякомъ случаѣ это изгнаніе есть шагъ впередъ. Что Вы испытываете въ Виддинѣ, то я испытываю въ Янинѣ. Общество здѣсь еще хуже адріанопольскаго. Греки приматы нестерпимы. Я только и жду когда я отсюда уѣду и отряхну прахъ съ моихъ подошвъ. Вотъ Тульча городокъ другого рода! Я рѣшительно не хочу служить внутри Турціи, а только на Дунаѣ или, если возможно, въ Константинополѣ. Кромѣ Галаца, Яссы или Одессы (мѣсто Агента М-ва Иностр. Дѣлъ) мнѣ не предстоитъ выбора. Во всякомъ случаѣ я пишу объ этомъ Игнатьеву. Если весною я не спасусь отсюда, я буду опять проситься въ Тульчу. Здѣсь нестерпимо! Я не юноша. Вотъ, другъ мой, каковы дѣла. Вѣдь въ Янину я не просился. П. Н. Стре-

моуховъ предложилъ и кончено. А главное тоска такая на сердцѣ, которую я еще въ жизни не испытывалъ. Это какая-то новая тоска спокойная. Я боюсь не вхожу-ли я въ тотъ періодъ, про который Вы въ Цареградѣ говорили мнѣ: не хочу я васъ видѣть когда Вы постарѣете и все вамъ будетъ противно; вы будете ухаживать за женщинами, что совсѣмъ старикамъ нейдетъ. Вспоминая это я вздыхаю... Ахъ какъ я вздыхаю! Повѣрьте мнѣ это нестерпимо больно. Не думаю даже чтобы Янина была въ этомъ главною виною. Главною виною моя внутренняя жизнь. Я съ ужасомъ вижу, что въ первый разъ въ жизни начинаю ничего не желать, кромѣ вещественныхъ удобствъ. Они меня радуютъ только сознаніемъ, что безъ нихъ было бы еще хуже, какъ безъ руки или безъ ноги. Но можетъ ли радовать то что у меня есть нога и рука. Вы скажете пройдетъ! Дай Богъ, дай Богъ!

Отъ всей души и отъ всего сердца обнимаю вѣрнаго друга. Прощайте.

К. Л.

Я знаю, что къ нему, въ Янину, пріѣзжала гостить его племянница Марія Владиміровна Леонтьева, и прогостила довольно долго. Здѣсь написалъ онъ «Пембе», «Хамида и Маноли», «Паликара Костаки» и началъ «Аспазію Ламприди».

Послѣ ухода Лаговскаго изъ Солуня, Леонтьева перевели въ Апрѣлѣ 1871 г. туда. Консульство въ этомъ городѣ по дѣятельности своей значительнѣе Янинскаго. Въ его округѣ находится Св. Гора. Константинъ Николаевичъ по дѣламъ службы ѣздилъ на Аѳонъ, и съ пер-

ваго же знакомства съ знаменитыми старцами Пантелеймоновскаго Монастыря, Архимандритомъ Макаріемъ и іеромонахомъ и духовникомъ Іеронимомъ, подпалъ подъ обаяніе этихъ умныхъ и сильныхъ подвижниковъ-аскетовъ.

Вся обстановка въ Солунѣ совершенно не соотвѣтствовала натурѣ и вкусамъ Леонтьева. Онъ попалъ въ зной-ный, неживописный, нездоровый по климату Солунь, нравственно угнетенный домашними драмами, происходившими въ Янинѣ, изъ которыхъ онъ не вышелъ полнымъ побѣдителемъ. Напечатанныя повѣсти славы ему не создали. Ихъ не хвалили, и не бранили; о нихъ ничего не писали. Не только близкихъ ему, но даже почему нибудь интересныхъ для него людей — въ Солунѣ не было; яркихъ событій, которыя требовали бы отъ него напряженной дѣятельности, въ это время тамъ не происходило. Кромѣ Аѳонскихъ монаховъ другихъ русскихъ, какъ въ Тульчѣ, онъ не видѣлъ. Съ иностранными коллегами своими онъ поддерживалъ, конечно, только офиціальныя отношенія. Между женами ихъ онъ не нашелъ второй Madame Блонтъ, которая могла бы разсѣивать его мрачныя думы и услаждать его одиночество. Будничная, консульская дѣятельность удовлетворять его не могла. Содержаніе получалъ онъ хорошее, или по крайней мѣрѣ достаточное, но какъ русскій неразсчетливый баринъ, онъ не умѣлъ сдерживать себя и, живя съ женою врозь, вынужденъ былъ тратить болѣе чѣмъ получалъ, т. е. продолжалъ дѣлать долги, которые его раздражали и угнетали.

Долго продолжавшаяся и разрѣшившаяся въ 1871 г. въ пользу Болгаръ — греко-болгарская церковная распря привела его въ разногласіе съ Генераломъ Игнатьевымъ.

Будучи сторонникомъ въ церковномъ спорѣ Грековъ, Леонтьевъ, какъ подчиненный Посольству Агентъ, долженъ былъ не выказывать своихъ греческихъ симпатій, и это, для его экспансивной натуры, было очень тяжелою обязанностью.

При такихъ-то самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, одинокій, нравственно и душевно подавленный, онъ, зимою 1871 г. заболѣлъ сильнымъ желудочнымъ растройствомъ и былъ нѣсколько дней въ большой опасности. Болѣзнь возмутила его болѣе всего съ эстетической стороны. Онъ мнѣ часто говорилъ потомъ о его ужасѣ умереть при такой прозаической обстановкѣ. Какъ всѣ больные онъ былъ конечно раздражителенъ и нетерпѣливъ. Не найдя скораго облегченія страданіямъ отъ медицинской помощи, онъ принесъ глубокое покаяніе въ своихъ грѣхахъ въ жаркой молитвѣ Богородицѣ, покровительницѣ Аѳона, и почувствовалъ черезъ часъ или два наступившее выздоровленіе. Съ той минуты онъ увѣровалъ въ чудесное дѣйствіе молитвы и въ силу защиты свыше. Это духовное перерожденіе, крупнѣйшее событіе въ жизни Леонтьева, совершилось почти внезапно. Какъ только онъ оправился отъ болѣзни, онъ, съ пыломъ неофита, поѣхалъ на Аѳонъ съ цѣлью постричься въ монахи, но мудрый старецъ и опытный психологъ, о. Іеронимъ, не далъ на это своего благословенія, убѣдивъ Леонтьева оставаться въ міру и продолжать, пока можно, службу.

Хотя Леонтьевъ въ письмѣ отъ 14 Августа 1891 г. къ В. В. Розанову, не объясняя ему всѣхъ причинъ, побудившихъ его думать о монашествѣ и оставить службу, прибавляетъ, что причинъ на это было много разомъ

и сердечныхъ и умственныхъ но я, припоминая все мною не одинъ разъ отъ него слышанное, убѣжденъ, что главнѣйшія причины были внѣшнія, т. е. всѣ неблагопріятныя условія жизни въ Солунѣ. Съ сердечными и умственными угнетеніями, будь онъ въ Тульчѣ или въ Константинополѣ, онъ бы справился!..

Монастырскій духовникъ понялъ вѣроятно, что изъ Леонтьева, съ его барскою избалованною и капризною натурою, при всей пламенности и искренности его религіозной экзальтаціи и преклоненія предъ византійско-аскетическимъ идеаломъ, настоящаго, стойкаго, покорнаго, немудрствующаго по своему, монаха и подвижника никогда не выйдетъ. Когда у него пройдетъ пылъ, восторгъ, боязнь смерти, то къ нему вернется его барство, его непокорность и желаніе заниматься мірскими вопросами и ихъ рѣшать. Въ такомъ строго общежительномъ монастырѣ какъ Пантелеймоновскій, онъ могъ бы сдѣлаться соблазномъ для другихъ. Старецъ оказался правъ. Константинъ Николаевичъ пытался, по возвращеніи въ Россію, основаться въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ и въ Оптиной Пустыни; пребыванія его въ обителяхъ были кратковременны и онъ съ легкимъ сердцемъ покидалъ ихъ, мѣняя ихъ на Москву, Кудиново, Варшаву и только послѣдніе 4 года жизни, также не безъ внѣшнихъ, на этотъ разъ, домашнихъ причинъ, провелъ почти безвыѣздно въ Оптиной Пустыни и у Троицы.

Одиночество, котораго Леонтьевъ не переносилъ, уныніе, хандра, охлажденіе къ нему Игнатьева, надежда, что на свободѣ и въ симпатичной ему обстановкѣ, напримѣръ въ Константинополѣ или въ Москвѣ, онъ будетъ болѣе писать и скорѣе сдѣлается, какъ онъ шутя говорилъ —

«Генераломъ въ литературѣ», побудили его покинуть въ Январѣ 1873 г. службу. Надеждамъ эти, увы, не удалось сбыться...

1871 годъ и 1872 до Августа я провелъ въ Петербургѣ, занимая должность дѣлопроизводителя въ Азіатскомъ Департаментѣ. Я познакомился и сблизился съ братомъ Леонтьева, Владиміромъ Николаевичемъ и его семьею. Поэтому мы давали о себѣ другъ другу вѣсти черезъ Марію Владиміровну, и въ непосредственной переписк̀ѣ не были.

Въ Сентябрѣ 1872 г. я отправился въ Константинополь вторымъ секретаремъ Посольства, и получилъ отъ Леонтьева, изъ Солуня письмо отъ 16 Января 1873 г. «Нѣтъ! видно еще искра прежняго сочувствія есть въ нашихъ сердцахъ! Только что я написалъ Вамъ, какъ получилъ Ваше милое, и менѣе обычнаго казенное письмо.

Не могу понять чувствъ, обуревавшихъ П — ва[1]), и потому при всей искренности моей къ нему пріязни, какъ то не могу его жалѣть душевно. Вообще я этимъ бракамъ, отъ которыхъ много ждутъ, не сочувствую. Бракъ есть раздѣленіе труда, тяжкій долгъ, святой и неизбѣжный, но тяжелый, налагаемый обществомъ, какъ подати, работа, война и пр. Работа и война имѣютъ свои поэтическія и сладкія минуты, ими можно восхищаться, но надо помнить, что одна большею частью нестерпимо скучна, а другая очень опасна и тяжела. Отчего же на бракъ не хотятъ смотрѣть какъ на общественное тягло, которое иногда не лишено поэзіи, но отъ войны и тяжелой работы отличается тѣмъ, что война опасна, но не

---

[1]) Открыть фамилію этого лица, хотя давно уже умершаго, я не считаю возможнымъ.

скучна, а работа большею частью скучна, но не опасна физическп. Бракъ же для женщины опасенъ физически, а для мущины — скученъ большею частью, крайне. Я согласенъ съ тѣмъ французомъ, который сказалъ l'amour n'a rien á faire avec les devoirs pénibles et sevères du mariage.

Если я ни разу не каялся, что женился, и если моя брачная жизнь дала мнѣ много хорошихъ минутъ, то это оттого, что я шелъ въ церковь безъ очарованія, и кромѣ худа для себя отъ брака ничего не ждалъ и все мало мальски хорошее принималъ за даръ судьбы. Когда П — въ написалъ мнѣ лѣтомъ свое восторженное письмо, гдѣ онъ называлъ жену ангеломъ (!), тогда какъ она гораздо болѣе похожа на бойкаго крѣпостного форейтора, то меня всего перевернуло, и я почти предсказалъ ему, что добра тутъ не будетъ. Не понимаю и ревности къ законной женѣ. Это что-то черезчуръ первобытное...

Ну, обнимаю Васъ 1000 разъ.

Вашъ когда-то Л.

Игнатьевъ... Но оставимъ этотъ грустный сюжетъ».

Пребываніе въ Салоникахъ сдѣлалось для Леонтьева невыносимо, и онъ большую часть 1872 г. провелъ на Аѳонѣ; молился тамъ, постился, говѣлъ и началъ читать богословскія сочиненія, до тѣхъ поръ ему мало извѣстныя. На Св. Горѣ или въ Солунѣ задумалъ онъ и написалъ свою крупную статью «Византизмъ и Славянство», надъ которою много работалъ, передѣлывая ее нѣсколько разъ. По пріѣздѣ въ Константинополь, въ концѣ того же года, онъ читалъ ее много разъ въ посольскихъ кружкахъ и надѣялся, что его гипотеза о вторичномъ упрощеніи,

чрезъ которое проходятъ всѣ государства, и о долговѣчности ихъ не болѣе 10 — 12 вѣковъ, окажется вполнѣ истинною, обратится въ признанную всѣми аксіому, или по крайней мѣрѣ привлечетъ на себя настолько же вниманія какъ развитое Н. Я. Данилевскимъ, въ его извѣстной книгѣ «Россія и Европа», ученіе о культурно-историческихъ типахъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Гипотеза Леонтьева извѣстна только немногочисленнымъ его читателямъ и почитателямъ, и о ней сдѣланы лишь комментаріи В. В. Розановымъ («Рус. Вѣстн.» 1892, кн. 1 — 3) и одобрительный отзывъ Астафьева въ его публичныхъ лекціяхъ въ Москвѣ въ 1885 году.

Въ письмѣ отъ 13 Іюня 1891 г. къ В. В. Розанову, въ 23 примѣчаніи къ его статьѣ «Эстетическое Пониманіе Исторіи», Леонтьевъ говоритъ: «Справедливо Ваше указаніе, что по части фактическихъ иллюстрацій у меня блѣдно, кратко. Источники для справокъ (въ Константинополѣ въ 74 г.) были до нельзя скудны. Но я не горевалъ и писалъ въ надеждѣ, что найдется когда нибудь человѣкъ по исторіи болѣе меня спеціальный, который оцѣнитъ мою теорію и разовьетъ ее подробнѣе и доказательнѣе. Это не разъ бывало. Гете первый высказалъ предположеніе, что кости головы и лица суть ничто иное какъ рядъ болѣе развитыхъ позвонковъ, Окенъ и Карусъ подтвердили его взглядъ».

Катковъ статью эту не принялъ и Константину Николаевичу пришлось долго искать для нея пристанища, пока старикъ Бодянскій не помѣстилъ ее въ 3-й книжкѣ «Чтеній Общ. Ист. и Древн. Рос.» за 1875 г.

Перебравшись въ Константинополь полубольной, онъ

поселился на О. Халки и пріѣзжалъ въ городъ раза два, три въ мѣсяцъ, останавливаясь у меня. Все вниманіе его было поглощено происходившею въ то время развязкою греко-болгарской распри. Въ 1872 г. состоялся въ Константинополѣ помѣстный Соборъ, осудившій Болгаръ за ихъ филетизмъ, т. е. племенное стремленіе освободиться изъ подъ владычества Греческой Церкви.

Разногласіе его съ Игнатьевымъ еще болѣе усилилось, но Леонтьевъ, внутренно негодуя на него, держалъ себя корректно, посѣщалъ его, появлялся у него на обѣдахъ и избѣгалъ заводить на О. Халки, гдѣ находится Греческая Духовная Академія, знакомства съ греческими богословами, чтобы не высказывать имъ своихъ симпатій и неодобренія русской дипломатіи. Написанную имъ въ это время статью «Панславизмъ и Греки» онъ напечаталъ въ «Русск. Вѣстникѣ», подъ именемъ Константинова.

За время пребыванія на Халки, онъ написалъ еще «Панславизмъ на Аѳонѣ» и началъ «Воспоминанія Одиссея Полихрониди».

Не умѣя, какъ онъ самъ сознавался, работать á la G. Sand ежедневно и акуратно извѣстное число часовъ въ день, ему нужно было ждать вдохновенія или внѣшняго толчка. Будучи литераторомъ съ юности, онъ однако, по свойству своего характера, никогда не далъ себѣ труда ознакомиться съ редакціонными порядками. Онъ знать не хотѣлъ, что Редакціи ежемѣсячныхъ журналовъ, заготовляютъ матеріалъ заранѣе и распредѣляютъ его впередъ по отдѣламъ для каждой книжки. Поэтому приступить къ печатанію рукописи, тотчасъ послѣ полученія, ни одна Редакція не можетъ. Быть можетъ Катковъ, снисходя къ нему, и печаталъ иногда его

статьи не въ очередь, но во всякомъ случаѣ нужно было ждать появленія статьи въ Вѣстникѣ, чтобы сдѣлать разсчетъ гонорара. Это его раздражало и стѣсняло также матеріально, потому что приходилось жить исключительно на ничтожную пенсію въ 600 руб., данную ему, за его кратковременную Государственную службу. Увидавъ, что работать издали на московскіе журналы дѣло трудное, онъ принялъ геропческое рѣшеніе, и весною 1874 г., какъ ему ни жаль было разставаться съ Константинополькою природою, съ греческимъ духовенствомъ и съ Посольскими друзьями, онъ перебрался въ Россію. Онъ разсчитывалъ, что живя въ Москвѣ, онъ съумѣетъ ускорывать печатаніе своихъ произведеній, и завяжетъ знакомство съ литераторами, съ учеными и съ духовными лицами, а благодаря этимъ связямъ возбудитъ въ обществѣ интересъ къ своимъ сочиненіямъ.

Бѣдный Константинъ Николаевичъ! Много пришлось ему перенести въ теченіе послѣднихъ 17 лѣтъ жизни невзгодъ, разочарованій и мытарствъ!.. Но онъ остался, несмотря на все, твердъ и вѣренъ своимъ убѣжденіямъ религіознымъ и политическимъ и неизмѣнчивъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ избраннымъ имъ лицамъ.

Въ Ноябрѣ 1874 года онъ поступилъ на послушаніе въ Николо-Угрѣшскій монастырь и извѣщалъ меня, что онъ наконецъ у пристани и уже болѣе не Константинъ Николаевичъ, а братъ Константинъ... Лѣтомъ слѣдующаго года онъ однако вновь сталъ Кудиновскій помѣщикъ!

Если не ошибаюсь зимою 1875 г., будучи въ отпуску и проѣздомъ черезъ Москву, я случайно узналъ отъ общаго нашего знакомаго Ѳ. Н. Берга, что Леонтьевъ тамъ въ Ласкутной Гостиницѣ. Я тотчасъ же бросился къ

нему, и мы провели нѣсколько дней вмѣстѣ. Онъ носилъ полумонашеское одѣяніе; я его нашелъ похудѣвшимъ и постарѣвшимъ за полтора года. Онъ много говорилъ и разсказывалъ мнѣ подробности перенесеннаго имъ монашескаго послушанія. Архимандритъ назначалъ его носить воду, дежурить зимою у воротъ и онъ все исполнялъ покорно. Но смиренія этого хватило не надолго. Произошла изъ за чего-то размолвка съ настоятелемъ, и впечатлительный и раздражительный братъ Константинъ, довольный тѣмъ, что перенесъ разъ въ жизни, христіанства ради, тяжелыя послушанія, перебрался въ Кудиново и подвергнулъ тамъ послушанію себѣ другихъ.

Годы 1876 и 77-й онъ провелъ въ деревнѣ, продолжая печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» свои повѣсти «Дитя Души», «Сфакіоты» и «Камень Сизифа». Развлеченіемъ ему служили поѣздки въ Оптину Пустынь и къ сосѣдкамъ Раевскимъ и Княгинѣ Даріи Петровнѣ Оболенской, которая, какъ набожная женщина, находила большое удовольствіе слушать разсказы мастерскаго повѣствователя объ Аѳонѣ, о монашествѣ и вести съ нимъ бесѣды на духовныя темы.

Первые мѣсяцы 1878 года мнѣ пришлось провести въ Петербургѣ. Неожиданно нашелъ я тамъ Константина Николаевича, пріѣхавшаго искать вновь мѣста въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Мы поселились вмѣстѣ въ меблированныхъ комнатахъ, въ Большой Морской, у одной француженки, и часто проводили съ нимъ вечера, до поздняго часа, въ радушномъ семействѣ Е. С. Карцовой, съ которымъ Леонтьевъ и я очень сблизились. Съ юнымъ и блестящимъ Юріемъ Сергѣевичемъ Карцовымъ, только что поступившимъ въ Азіатскій департаментъ, Ле-

онтьевъ пускался въ политическіе разговоры и пререканія, а умной, талантливой и прелестной сестрѣ его, Ольгѣ Сергѣевнѣ, развивалъ свои мистико-эстетическія теоріи, въ то время когда прочіе гости, не особенные любители до отвлеченныхъ предметовъ, сражались въ винтъ, вошедшій въ то время въ большую моду.

Отвыкнувъ отъ городской жизни, а также и по экономическимъ соображеніямъ, Леонтьевъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Петербургѣ, переѣхалъ въ Любань и поселился тамъ на одной изъ дачъ Мельникова.

Когда меня послали, послѣ заключенія С.-Стефанскаго мирнаго договора временно управлять Генеральнымъ Консульствомъ въ Константинополѣ, Леонтьевъ, не добившись ничего въ Министерствѣ и возвратившись въ Кудиново, осенью 1878 года, просилъ меня устроить его въ скромной вольно-наемной должности при Генеральномъ Консульствѣ. Я отвѣтилъ ему, что я не разсчитываю долго оставаться въ Константинополѣ (и дѣйствительно я его навсегда покинулъ въ Мартѣ 1879 г.), потому я не совѣтывалъ ему пріѣзжать туда, тратиться на обзаведеніе, не зная будетъ ли ему пріятенъ новый начальникъ. Желаніе это, сдается мнѣ, не было серьезно, а высказано было подъ мимолетнымъ впечатлѣніемъ.

Покинувъ Константинополь я получилъ, лѣтомъ 1879 г., назначеніе въ Варшаву Чиновникомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ при Генералъ Губернаторѣ. Должности эти, за признанною ихъ негодностью, недавно упразднены. Александръ Ѳаддѣевичъ Венявскій, братъ знаменитаго скрипача, удостовѣрялъ акты, совершенные заграницею и представляемые въ разныя административныя и судебныя учрежденія Привислянскаго Края, а я, старшій Чи-

новникъ, вѣдавшій переписку на иностранныхъ языкахъ, за отсутствіемъ таковой, ничего не дѣлалъ. Разъ или два въ недѣлю, облекшись въ вицъ-мундиръ, я отправлялся на утренніе пріемы Генералъ-Губернатора; Графъ Коцебу обычно улыбался при видѣ меня, и тотчасъ же отпускалъ домой, безъ всякаго дѣлового порученія. Въ концѣ года онъ нашелъ наконецъ для меня занятіе.

Единственная русская газета «Варшавскій Дневникъ», вслѣдствіе полнаго нерадѣнія Редактора, талантливаго когда-то Н. В. Берга, пришла въ совершенный упадокъ. Подписчиковъ у нея было не болѣе 100 и кромѣ офиціальныхъ распоряженій и казенныхъ объявленій въ Листкѣ ничего не было. Полученіемъ редакторскаго жалованья, ограничивалась вся забота Берга о «русскихъ задачахъ» въ Краѣ...

Въ Декабрѣ 1879 г. Графъ Коцебу рѣшилъ его уволить, и назначилъ на его мѣсто Князя Николая Николаевича Голицына, которому вполнѣ довѣрялъ. Несмотря на это довѣріе, Графъ нашелъ однако нужнымъ поручить мнѣ наблюденіе за газетою, хотя въ Варшавѣ и былъ цѣлый штатъ цензоровъ.

Новый редакторъ, сильно хромой, ходившій на двухъ костыляхъ, потому болѣе или менѣе неподвижный, былъ человѣкъ очень умный, разносторонне образованный, съ большимъ литературнымъ вкусомъ, любилъ кабинетную работу, и принялся за свое новое дѣло очень усердно.

Князь, получая газету въ полное управленіе, съ субсидіею въ видѣ обязательныхъ казенныхъ объявленій, намѣревался сдѣлать ее серьезнымъ русскимъ органомъ въ Краѣ и помѣщать руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики. Одною изъ

задачъ газеты должно было быть исканіе почвы для возможнаго сближенія и примиренія съ поляками. Но желать этого было легко, а сдѣлать — трудно. Прежде всего потому что «Дневникъ», будучи офиціознымъ органомъ главной мѣстной власти, поневолѣ стѣсненъ въ своихъ сужденіяхъ, по отношенію къ мѣстнымъ вопросамъ и въ особенности къ способу ихъ разрѣшенія. А потомъ, сотрудниковъ, кромѣ дѣвицы Писаревой, сестры знаменитаго писателя-радикала, занимавшейся переводами съ польскаго, Князь отъ Берга не наслѣдовалъ. Знакомствъ въ учебномъ персоналѣ, въ которомъ можно было бы пріискать подходящихъ сотрудниковъ, у Князя, вслѣдствіе замкнутости его жизни, тоже не было. Онъ просилъ, между прочимъ, меня принять участіе въ газетѣ и я охотно написалъ ему нѣсколько передовыхъ статей по внѣшней политикѣ, но сдержанныя разсужденія, поневолѣ запоздалыя, прошли совершенно незамѣченными и единственный интересъ газеты заключался въ довольно обширныхъ телеграммахъ, которыя доставлялись изъ Петербурга. Князь чувствовалъ, что безъ хорошаго, яркаго публициста газета будетъ оставаться тусклою и будетъ мало читаться.

Разсказывая однажды князю, съ которымъ я видѣлся почти ежедневно, о моей службѣ въ Турціи, я упомянулъ имя Леонтьева. Онъ читалъ нѣкоторыя его сочиненія, и ему нравились его мысли, оригинальность и смѣлость ихъ. Какъ, онъ вашъ другъ, вскрикнулъ князь, да гдѣ же онъ теперь и что дѣлаетъ? Сидитъ и бѣдствуетъ въ Кудиновѣ, отвѣтилъ я. Нельзя-ли его выписать сюда? Я предоставлю ему мѣсто моего помощника, на такихъ-то условіяхъ.

Я поспѣшилъ исполнить желаніе Редактора, и дѣло

устроилось. На Рождествѣ 1879 г. Леонтьевъ пріѣхалъ, въ сопровожденіи двухъ слугъ: Николая и Варвары, въ Варшаву, скромно тамъ устроился, и обласканный княземъ и княгинею Голицыными, почуявъ возможность говорить все что хочется, принялся излагать свои воззрѣнія на страницахъ «Дневника». Газета стала оживленнѣе, но особаго интереса ни въ мѣстномъ русскомъ обществѣ, ни между поляками, статьи его не возбудили. Мало знакомый съ русско-польскими отношеніями, онъ не касался ихъ, а выбиралъ темы наиболѣе ему дорогія — громилъ либерализмъ во всѣхъ его проявленіяхъ въ Россіи и въ Европѣ, или разсуждалъ о предметахъ мало интересныхъ для Варшавянъ: объ убійствѣ Куммерау, объ исторіи г. Петербурга и пр.

Поработавъ усердно въ теченіе 4 мѣсяцевъ, Леонтьевъ, по непривычкѣ къ принудительнымъ условіямъ газетнаго труда, почувствовалъ въ Маѣ утомленіе, и просилъ отпустить его отдохнуть въ Кудиново, откуда обѣщалъ присылать статьи.

Между тѣмъ выяснилось, что матеріальныя средства Редакціи «Дневника» вовсе не такъ значительны какъ разсчитывалъ князь Голицынъ. Для провинціальной, непространенной газеты, Леонтьевъ оказался черезчуръ дорогимъ сотрудникомъ, и онъ вскорѣ прекратилъ свое участіе въ ней, оставшись въ хорошихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ Голицыными.

Перепечатанныя во 2 т. сборника «Востокъ, Россія и Славянство» передовыя статьи изъ «Дневника» производятъ теперь болѣе впечатлѣнія, чѣмъ во время ихъ появленія въ газетѣ.

Благодаря участію Тертія Ивановича Филиппова къ

судьбѣ Леонтьева, съ которымъ его связывало единомыслiе въ греко-болгарскомъ вопросѣ и вообще въ религiозныхъ и личныхъ воззрѣнiяхъ, Константинъ Николаевичъ опредѣлился въ концѣ 1880 г. Цензоромъ въ Московскiй Цензурный Комитетъ. Я покинулъ въ томъ же году Варшаву и, проживъ около года въ Петербургѣ. въ ожиданiи новаго поста, былъ назначенъ въ Октябрѣ 1881 г. на вновь учрежденную должность Консула въ Вѣнѣ, гдѣ провелъ 14 лѣтъ. Всякiй разъ, что я бывалъ въ отпуску, я ѣздилъ въ Москву, навѣстить Константина Николаевича. Онъ жилъ въ самой скромной обстановкѣ; обязанности цензора онъ выносилъ только ради насущнаго хлѣба и содержанiя семьи, подумывая охотнѣе всего объ отставкѣ и о переселенiи въ Оптину Пустынь.

Въ Москвѣ онъ завязалъ многочисленныя знакомства и началъ помѣщать свои разсказы и статьи уже не въ одномъ «Русскомъ Вѣстникѣ», а и въ другихъ Московскихъ журналахъ и газетахъ. Большихъ повѣстей онъ болѣе не писалъ, предавшись преимущественно публицистикѣ и воспоминанiямъ. Въ эти же послѣднiе годы жизни онъ прiобрѣлъ себѣ многихъ новыхъ друзей и почитателей: Астафьева, Кристи, Анатолiя Александрова, Вл. Серг. Соловьева и Н. Я. Соловьева (драматурга), В. В. Розанова, О. Фуделя и др.

Въ Февралѣ 1887 г. онъ вышелъ окончательно въ отставку, съ приличною на этотъ разъ пенсiею въ 2500 руб. въ годъ, и поселился въ Оптиной Пустыни въ отдѣльномъ домѣ, который съ тѣхъ поръ называется «Консульскiй домъ».

Нѣсколько разъ приглашалъ онъ меня навѣстить его; мы условливались относительно времени свиданiя, и по

разнымъ причинамъ, въ послѣднюю минуту, планъ разстраивался... такъ мнѣ и не удалось побывать въ Оптиной.

Я обыкновенно ѣздилъ въ отпускъ въ Россію весною. Плохое состояніе дорогъ и разливъ рѣкъ въ это время года служили почти всегда помѣхою для исполненія моего обѣщанія. Я получалъ за это отъ «Отшельника» упреки или выраженіе сожалѣнія...

Въ Августѣ 1891 г. Константинъ Николаевичъ переселился въ Троице-Сергіевъ Посадъ. По счастливой случайности, я поѣхалъ въ этотъ годъ въ отпускъ осенью, въ серединѣ Сентября. Побывавъ у своихъ въ Тамбовской губерніи, я пріѣхалъ въ первыхъ числахъ Октября въ Москву. Зная изъ письма Леонтьева, отъ 6 Сентября, что онъ у Троицы, я отправился къ нему и провелъ съ нимъ въ новой Лаврской Гостиницѣ, въ которой онъ занималъ очень хорошую комнату, два дня. Со времени послѣдняго нашего свиданія, онъ очень осунулся, сильно постарѣлъ и страдая раздраженіемъ горла, не могъ долго говорить. Настроеніе его было угнетенное. Онъ повѣдалъ мнѣ, что состоитъ въ тайномъ постригѣ.

Настоятелемъ Лавры былъ Архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ), мой старый знакомый по Константинополю. Онъ меня пригласилъ одного къ нему обѣдать. Изъ нѣсколькихъ замѣчаній его я увидѣлъ, что онъ не особенно благоволитъ къ моему другу. О. Леонидъ былъ человѣкъ властный, мелочный и обидчивый. Кажется, Константинъ Николаевичъ, почти не выходившій изъ дому, не оказалъ ему достаточно, какъ высшему духовному лицу, почитанія.

Леонтьевъ былъ очень опечаленъ полученнымъ во

время моего пребыванія извѣстіемъ о смерти Оптинскаго Старца О. Амвросія, своего духовника и наставника. Онъ меня послалъ сообщить объ этомъ іеромонаху Варравѣ, духовнику Геѳсиманскаго Скита, и поручилъ отслужить по покойномъ панихиду. Молодой іеромонахъ Варрава пользовался извѣстностью прорицателя; я засталъ у него много народа, пришедшаго исповѣдываться и узнать будущее. Чтобы добраться до него мнѣ пришлось довольно долго ждать въ сѣняхъ.

Несмотря на болѣзненное состояніе Леонтьева, покидая его 9 Октября, я не думалъ, что черезъ мѣсяцъ его не станетъ...

Я пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нашелъ князя Николая Николаевича Голицына, покинувшаго Варшаву и служившаго членомъ Правленія Крестьянскаго Поземельнаго Банка. Я конечно разсказалъ ему подробно мое пребываніе у Леонтьева, о его болѣзненныхъ недугахъ, и мы припомнили разные эпизоды изъ нашей совмѣстной работы въ «Варшавскомъ Дневникѣ».

13 Ноября рано утромъ я получилъ отъ князя короткую и печальную записку, въ которой онъ извѣщалъ: «другъ нашъ Леонтьевъ вчера скончался». Мы заказали панихиду и помолились за упокой его души.

На этомъ я оканчиваю личныя воспоминанія о Константинѣ Николаевичѣ.

III.

Мнѣ труднѣе чѣмъ другимъ представить незнавшимъ Леонтьева духовный портретъ его въ натуральную вели-

чину. Я видѣлъ и зналъ его очень близко, любилъ его по родственному, и онъ посвящалъ меня во всѣ почти свои личныя дѣла и тайны. Поэтому мнѣ трудно установить необходимую для портрета перспективу. Многое изъ нашихъ отношеній, и можетъ быть существенное для характеристики, изгладилось уже въ моей памяти.

При экспансивности своей натуры, Леонтьевъ весь высказался въ своихъ сочиненіяхъ и особенно въ письмахъ. Уже напечатанныхъ къ В. В. Розанову и ко мнѣ достаточно, чтобы прослѣдить его жизнь съ 1868 г. до его смерти, т. е. на разстояніи 23 послѣднихъ лѣтъ и знать не только то что онъ думалъ и творилъ, но и ознакомиться съ его личными дѣлами и съ домашнею обстановкою.

Въ предшествующихъ страницахъ я разсказалъ неизвѣстныя еще подробности о поступленіи его на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ; печатаемыя же здѣсь письма его изъ Тульчи пополняютъ также біографическій пробѣлъ за цѣлый и довольно интересный годъ его жизни.

Душевную драму Леонтьева 1871 г. и оставленіе имъ службы я освѣтилъ, насколько могъ и умѣлъ, съ внѣшней стороны, по моему очень важной и даже рѣшающей, о чемъ ничего не говоритъ Константинъ Николаевичъ въ своихъ объясненіяхъ и признаніяхъ Розанову.

Интересно было бы имѣть свѣдѣнія о цензорствѣ Леонтьева, о его сношеніяхъ съ редакторами газетъ, журналовъ, съ писателями, о томъ какіе доклады представлялъ онъ въ Комитетъ и пр. Тутъ вѣроятно было не мало курьезовъ. Къ сожалѣнію, мы говорили объ этомъ мало съ нимъ, и даже то немногое, что я слышалъ я не записалъ и совсѣмъ теперь не помню.

По своей натурѣ Леонтьевъ былъ избалованный, причудливый, деспотичный въ домашней жизни, русскій баринъ съ «нестерпимо сложными потребностями», которыхъ онъ былъ, на свое несчастіе, всегда рабомъ. Послѣ самаго короткаго съ нимъ знакомства бросались въ глаза черты русскаго помѣщика, родившагося и воспитывавшагося еще при крѣпостномъ правѣ. Неумѣніе обходиться безъ многихъ слугъ, любовь быть ими окруженнымъ, патріархально деспотическое обращеніе съ ними, расположеніе къ сельской жизни, къ деревенскимъ забавамъ и пр.

Въ немъ сидѣлъ русскій дворянинъ аристократъ, который, при богатствѣ, окончивъ курсъ въ Университетѣ, вернулся бы къ себѣ въ деревню, служилъ бы по выборамъ Уѣзднымъ или Губернскимъ Предсѣдателемъ и былъ бы вождемъ консервативной партіи въ губерніи, отъ котораго мало-мальски либеральнымъ губернаторамъ приходилось бы плохо. Чиновникъ въ немъ совсѣмъ отсутствовалъ. У него не было ни бюрократическихъ способностей, ни выдержки, ни вожделѣній. Изъ чувства самомнѣнія, считая себя способнымъ на всякую дѣятельность, Леонтьевъ не любилъ слушать когда я ему это дружески доказывалъ, но я думаю, что я правъ потому что онъ едва зналъ какой на немъ чинъ и изъ всѣхъ чиновничьихъ отличій любилъ только ордена и то болѣе съ декоративной стороны, находя что они нѣсколько скрашиваютъ «хамское европейское одѣяніе».

Въ заграничной службѣ настоящіе Петербургскіе чиновничьи порядки не существуютъ. Даже внѣшнія отношенія къ начальству совсѣмъ иныя. Тамъ нѣтъ ни канцелярскихъ занятій, ни ежедневнаго хожденія на службу. Не говоря уже о консульствахъ, гдѣ каждый работаетъ

когда и какъ хочетъ, но даже и въ Посольствахъ желающіе занимаются у себя на дому, и только въ дни отправленія донесеній въ Петербургъ секретари проводятъ нѣсколько часовъ въ Канцеляріи. Поэтому Леонтьеву служба заграницей и казалась привлекательною и не обременительною. Онъ находился въ отдаленномъ подчиненіи Послу, а у него самаго въ подчиненіи былъ только однажды въ Янинѣ штатный секретарь. Но въ Москвѣ, въ Цензурномъ Комитетѣ, порядки были конечно строго чиновничьи. Поэтому, сказалъ я выше, и было бы интересно знать насколько онъ имъ подчинялся.

Драматизмъ положенія Леонтьева заключался прежде всего въ томъ, что у этого барина въ душѣ и по потребностямъ не было рѣшительно никакого состоянія, а для его богатой фантазіи требовались большія средства. Будь они у него — онъ бы съумѣлъ пожить хорошо, хотя онъ никогда не былъ расположенъ къ шумному веселью, къ попойкамъ, кутежамъ, и всякимъ дворянскимъ деревенскимъ спортамъ, но онъ былъ страстенъ, причудливъ и одаренъ вкусомъ и пылкою фантазіею.

Съ этими задатками, при деньгахъ, можно много сдѣлать для удовольствія своего и другихъ.

Леонтьевъ съ раннихъ лѣтъ имѣлъ склонность къ женитьбѣ, хотя и долженъ былъ сознавать, что у него нѣтъ семейныхъ добродѣтелей. Будучи еще студентомъ-медикомъ, онъ страстно влюбился въ одну московскую барышню Зинаиду Яковлевну N. которая отвѣчала ему взаимностью и желала стать его женою, но родители ея не согласились на бракъ съ бѣднымъ студентомъ, и выдали ее замужъ за состоятельнаго нижегородскаго помѣщика Остафьева. Въ 1861 г., какъ извѣстно, онъ же-

нился на простой, полуграмотной дѣвушкѣ, дочери ѳеодосійскаго мелкаго торговца. Леонтьевъ, неоднократно утверждалъ, что онъ счастливъ въ супружествѣ. Нисколько не противорѣча ему, я скажу только, что по временамъ семейныя заботы и дрязги были ему тягостью. При его неумѣніи, несмотря на большой талантъ и работоспособность, зарабатывать деньги и при еще большемъ неумѣніи распоряжаться ими, ему приходилось, какъ семейному человѣку, испытывать лишенія, угнетавшія его и служившія иногда помѣхою писать.

Деньги ему нужны были для удовлетворенія сложныхъ потребностей, но онъ ихъ не любилъ, не цѣнилъ и не завидовалъ тѣмъ, кто ихъ имѣлъ. Онъ охотно дѣлился тѣмъ малымъ, что у него было, или могло быть, съ другими. Доказательство этому имѣется въ моихъ воспоминаніяхъ — предоставленіе напримѣръ дохода отъ продажи Критской его повѣсти въ пользу возставшихъ Критянъ. Извѣстно также, что самое распространенное его произведеніе «Отецъ Климентъ Зедергольмъ», выдержавшее нѣсколько изданій, онъ отдалъ безвозмездно Оптиной Пустыни.

О религіозныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ Леонтьева, о его сочиненіяхъ, несмотря на ихъ неуспѣхъ въ обществѣ, написаны уже статьи и недавно появилась отдѣльная книга О. Аггеева «Опытъ критическаго изученія и богословской оцѣнки раскрытаго К. Н. Леонтьевымъ пониманія христіанства». Ранѣе этого Вл. Соловьевъ, Кн. Трубецкой и В. В. Розановъ старались уловить основные пункты міровоззрѣнія этого «писателя и мыслителя большой трудности», какъ называетъ его О. Аггеевъ.

Самъ Леонтьевъ въ письмахъ своихъ и лица, писав-

шія о немъ, особенно В. В. Розановъ, указали разнообразныя причины не только его непопулярности, но и полной непзвѣстности въ Россіи.

Ни въ одной Исторіи Русской Литературы не упоминается его имя, и изъ всѣхъ справочныхъ книгъ только изъ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза и Эфрона можно узнать о томъ что въ XIX вѣкѣ былъ въ Россіи оригинальный романистъ и мыслитель К. Н. Леонтьевъ. Правда, что это удостовѣряетъ такой авторитетъ какъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

Андрей Фирсовъ въ иллюстрированной статьѣ «Козельская Оптина Пустынь» («Истор. Вѣстн». 1899, III) упоминаетъ, «что у ногъ отца Амвросія пребывалъ извѣстный публицистъ и ярый проповѣдникъ крайне консервативныхъ взглядовъ К. Н. Леонтьевъ, успѣшно начавшій дипломатическую карьеру, потомъ бросившій ее, въ началѣ литературной дѣятельности натуралистъ и жоржъ-зандистъ, а на склонѣ дней бывшій аѳонскій послушникъ, глубоко-вѣрующій и проповѣдникъ положительной истины христіанства въ узко-монашескомъ смыслѣ личнаго спасенія».

Бердяевъ находитъ, что этотъ глубоко индивидуальный мыслитель, оторвавшійся отъ большаго историческаго пути, предчувствовалъ многое слишкомъ рано [1]). Несомнѣнно, литературный успѣхъ зависитъ болѣе всего отъ своевременности. Это мы лучше всего видимъ на Г.г. Горькомъ, Андреевѣ и К°.

Но для Леонтьева я не вижу когда была бы настоящая пора проповѣдывать свой своеобразный консерватизмъ

---

[1]) Sub specie aeternitatis. Бердяева; стр. 313.

и византизмъ. Напиши онъ свою статью «Византизмъ и Славянство» при Николаѣ I и попадись она ему въ руки, онъ бы конечно не простилъ автору его подсчета о приближеніи Россіи къ 1000-лѣтнему историческому существованію и о наступленіи для нея періода вступленія во вторичное смѣсительное упрощеніе, иными словами сказать — разложеніе.

Чаадаевъ далеко не такой мрачный діагнозъ поставилъ для Россіи, а Государь нашелъ, что содержаніе его философскаго письма есть «смѣсь дерзостной безсмыслицы, достойной умалишеннаго», и Московскому Генералъ-Губернатору предписано было принять надлежащія мѣры къ оказанію больному автору возможныхъ попеченій и медицинскихъ пособій, и употребить всѣ средства къ возстановленію его здоровья [1]).

Хотя по послѣднимъ изслѣдованіямъ оказывается, что Чаадаевъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ былъ чистѣйшій консерваторъ, отрицательно относившійся къ революціямъ и только по недоразумѣнію считался долго либераломъ, но консерватизмъ его и Леонтьева были различны и устанавливать между ними духовное сходство было бы грубою натяжкою. Я и не желаю этого дѣлать, а замѣчу лишь, что съ внѣшней стороны, въ драматической судьбѣ этихъ мало понятыхъ мыслителей, есть много общаго.

Оба они были русскіе дворяне, по духу и убѣжденіямъ аристократы. Оба не любили службу, хотя шли хорошо и имъ предстояла отличная карьера, и преждевременно (по различнымъ побужденіямъ) покинули ее; потомъ подъ

---

[1]) Гершензонъ. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. стр. 138.

давленіемъ стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствъ просили о принятіи ихъ вновь на государственную службу. Чаадаевъ неудачно, да и Леонтьевъ тоже (1878) вѣроятно самъ бы ничего и не достигъ безъ вмѣшательства и поддержки Т. И. Филиппова. Чаадаевъ былъ богатъ, но, по непрактичности, скоро обѣднѣлъ и умеръ въ нуждѣ еще большей чѣмъ Леонтьевъ. Оба были горды и непреклонны въ своихъ воззрѣніяхъ. Обоими ими занимаются болѣе послѣ ихъ смерти. Правда, Чаадаевымъ, при жизни его, не разрѣшено было заниматься... Разница между ними въ томъ, что философію Чаадаева мало кто читалъ, но имя его было извѣстно всей грамотной Россіи, а Леонтьева даже литературная братія почти не знала, и кажется не хочетъ знать. Наконецъ, послѣднее совершенно случайное сходство — оба умерли въ одномъ возрастѣ 61 — 62 лѣтъ.

Леонтьевъ писалъ въ царствованія Александра II и Александра III. Оказывается, что это было рано. Ну, а пиши онъ теперь — въ какой ежемѣсячный журналъ могъ бы онъ отдавать свои статьи? Нѣтъ болѣе ни Русскаго Вѣстника, ни Русскаго Обозрѣнія, и всѣ нынѣ выходящіе журналы направленія лѣваго, лѣвѣйшаго и наилѣвѣйшаго. Пришлось бы печатать ихъ ему на свой счетъ...

Что религіозное настроеніе Леонтьева было вполнѣ искренное — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Сдѣлавшись на 40-мъ году жизни православнымъ — онъ остался имъ до конца жизни, онъ стремился къ высшей духовной степени, хотѣлъ и пробовалъ быть инокомъ, непрестаннымъ служителемъ церкви, но по разнымъ причинамъ, удовольствовался состоять лишь въ тайномъ постригѣ.

Православныя воззрѣнія его разобраны О. Константи-

номъ Аггеевымъ. Они оказались далеко не ортодоксальны. Я могу только засвидѣтельствовать, что бывшій врачъ, превратившись въ вѣрующаго, сдѣлался даже во все вѣрующимъ человѣкомъ: онъ не сомнѣвался въ непогрѣшимости предсказаній, прорицаній Отцовъ Амвросія и Варравы, не сомнѣвался въ таинственномъ дѣйствіи зажженой восковой свѣчи, поставленной въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ и пр.

Обращеніе его со святыми было не строго мистическое, а чисто русское — практическое, въ возвратъ за свои моленія и приношенія онъ требовалъ отъ нихъ выполненія do ut des.

Извѣстно, что католическое духовенство строжайше запрещаетъ мірянамъ самовольно разрѣшать себѣ какое либо послабленіе, и всѣ истинно вѣрующіе ничего безъ дозволенія священника не дѣлаютъ. Православные этого правила не придерживаются, и поступаютъ большею частью по пословицѣ семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ, т. е. грѣшатъ самовольно цѣлый годъ и однажды, въ какомъ-нибудь посту, каятся. Леонтьевъ тоже, когда не жилъ на Аѳонѣ или въ Оптиной, самъ разрѣшалъ себѣ малыя и большія уклоненія отъ требованій Церкви. Ну Господи, говорилъ онъ, Ты мнѣ уже прости это дѣяніе мое, а я сдѣлаю, ради покаянія, то-то. Онъ любилъ ходить въ церковь и охотно измѣнялъ для этого свои барскія, а впослѣдствіи и старческія, привычки. Онъ любилъ даже невыносимое греческое на Востокѣ церковное пѣніе и по привычкѣ, или по немузыкальности, находилъ, что оно его болѣе нашего умиляетъ и духовно настраиваетъ.

Онъ обладалъ большимъ талантомъ разсказчика и повѣствователя; слушать его можно было цѣлыми часами

съ удовольствіемъ; онъ былъ интереснѣе и оживленнѣе вдвоемъ или въ маленькомъ обществѣ, чѣмъ въ многочисленномъ; онъ бы не съумѣлъ говорить съ каѳедры на митингѣ. Послѣ 71 года, послѣ происшедшаго въ немъ перелома, онъ охотно поучалъ и проповѣдывалъ. Въ посольствѣ, между собою, мы называли его апостоломъ Константиномъ. Онъ очень недолюбливалъ возраженій, и думалъ, что ему ихъ дѣлаютъ не изъ несогласія съ его мнѣніемъ, а ради противорѣчія.

Московскіе студенты и другіе молодые люди завербованы были имъ въ почитатели его не знакомствомъ съ его сочиненіями, а личнымъ на нихъ вліяніемъ, даромъ убѣжденія и умѣніемъ обращаться съ молодежью немного благодушно-деспотически. Какъ онъ оставался всегда вѣренъ своимъ друзьямъ, такъ и они чтили его при жизни, и чтятъ его память до сего дня, я не знаю ни одного Іуды, а свидѣтельствую, что онъ пріобрѣлъ въ послѣдніе годы много новыхъ почитателей.

Настанетъ ли когда-нибудь для Леонтьева время большей извѣстности, явится ли тогда возможность собрать и издать всѣ его беллетрестическія и публицистическія сочиненія, окажутся ли у него послѣдователи и единомышленники, которые станутъ развивать и объяснять его ученіе или нѣкоторыя изъ основныхъ его положеній — предсказать очень трудно. Примѣры бывали возрожденія интереса къ писателю, пользовавшемуся малою славою или извѣстностью при жизни своей.

Попытка, сдѣланная составителями настоящаго сборника приступить къ изданію полнаго собранія сочиненій Константина Николаевича — оказалась, къ сожалѣнію, неудачною. Пришлось волею-неволею ограничиться изданіемъ

только настоящаго скромнаго Сборника, въ память Леонтьева, выпускаемаго нынѣ по случаю исполняющагося двадцатилѣтія со дня его кончины.

Ю. С. Карцовъ.

ПИСЬМА

К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

къ Екатеринѣ Сергѣевнѣ, Ольгѣ Сергѣевнѣ и Юрію Сергѣевичу Карцовымъ.

1878 годъ.

К. Н. Леонтьевъ.

Когда какую нибудь вещь мы хотимъ разглядѣть хорошенько, то, съ цѣлью получить впечатлѣніе цѣлаго, мы либо ее отъ себя отодвигаемъ, либо отъ нея отходимъ сами. Иначе мы увидимъ не предметъ, а части его, лежащія передъ глазами вплотную. Разстояніе, требуемое дабы предметъ разсмотрѣть во всемъ его ростѣ и полнотѣ, называется перспективою.

По причинамъ совершенно аналогичнымъ, сдѣлать писателю справедливую оцѣнку его современникамъ, а, тѣмъ болѣе, людямъ къ нему близкимъ, весьма трудно и удается чрезвычайно рѣдко. Друзья и послѣдователи еще находятся подъ обаяніемъ его личности и, поэтому, они не въ состояніи разсуждать о немъ нелицепріятно. Противники не скоро позабудутъ удары, которые онъ имъ наносилъ въ разгарѣ боя. Всесильное время, въ концѣ концовъ, возьметъ свое. Восторги оно охладитъ и ненависть притупитъ. Мелочи и подробности постепенно изгладятся; въ памяти потомства сохранятся лишь черты писателя отмѣнно рельефныя. Обликъ его вольется въ одну форму и въ ней застынетъ. Писатель, послѣ того, вступитъ въ храмину исторіи, гдѣ безпристрастное изслѣдованіе укажетъ подобающее ему мѣсто.

Со дня кончины К. Н. Леонтьева истекаетъ второе десятилѣтіе. Этого срока достаточно ли для того чтобы образовалась надлежащая историческая перспектива? Покойнаго мы близко знали и любили. Въ то время какъ мы эти строки пишемъ, Константинъ Николаевичъ стоитъ передъ нами словно живой и въ нашихъ ушахъ раздается звукъ знакомаго голоса. Сможемъ ли мы, подавивъ всякое личное чувство, отнестись къ нему какъ къ обыкновенному факту исторіи? Собираясь предать гласности письма его къ членамъ нашей семьи, мы рѣшились предпослать имъ небольшое вступленіе. Насколько оно окажется объективнымъ, — объ этомъ пусть судитъ благосклонный читатель.

I.

Литературная дѣятельность К. Н. Леонтьева хотя происходила преимущественно въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, но главнымъ моментомъ духовнаго его развитія была знаменитая эпоха крестьянскаго освобожденія. Въ 1861 году ему стукнуло тридцать лѣтъ. Достоевскаго, Тургенева и Гончарова онъ моложе приблизительно лѣтъ на пятнадцать. На этомъ основаніи, Леонтьева мы вправѣ причислить къ циклу писателей шестидесятниковъ: графовъ Толстыхъ, Алексѣя и Льва, Салтыкова и Лѣскова.

Въ Крымскую кампанію обнаружились язвы нашего государственнаго строя. Потерпѣвъ полное крушеніе и ничего не находя сказать въ свое оправданіе, старый по-

рядокъ готовъ былъ пойти на уступки. Въ воздухѣ пахло весною; въ общественныхъ понятіяхъ совершалась «переоцѣнка цѣнностей». Авторитеты и кумиры всякаго рода, — государство, церковь, семью, — ни передъ чѣмъ не останавливающаяся критика безпощадно ниспровергала и безжалостно попирала ногами. Каково оно будетъ новое зданіе, — вопросъ этотъ предоставлялся будущему, но, покамѣстъ, категорически ставились два требованія: разрывъ съ традиціею и упраздненіе особенностей быта. Въ наукѣ допускалось единственно господство голаго факта. Столь дорогой Пушкину, принципъ «искусства для искусства» подвергался осмѣянію: красота отнынѣ должна была служить общественной пользѣ.

Какъ большинство людей того времени, К. Н. Леонтьевъ раздѣлялъ его увлеченія. Но художественное чувство въ немъ преобладало: художникомъ онъ былъ съ головы до ногъ и до мозга костей. Въ революціи ему нравилась исключительно ея внѣшняя сторона: подъемъ народнаго духа, выступленіе крупныхъ личностей, трагичность обстановки. Поставленный въ необходимость, во имя яко бы прогресса, отказаться отъ эстетики, принести подобную жертву онъ не захотѣлъ и предпочелъ съ революціонною доктриною порвать окончательно. О тогдашнемъ его настроеніи предоставимъ разсказать ему самому:

«Воспитанный на либерально-эстетической литературѣ 40-хъ годовъ (особенно на Ж. Зандъ, Бѣлинскомъ и Тургеневѣ), я съ первой юности моей былъ въ одно и то же время и романтикъ и почти нигилистъ... Да, я исправился весьма скоро, хотя... борьба идей въ умѣ моемъ была до того сильна въ 1862 году, что я исхудалъ и

почти цѣлыя петербургскія зимнія ночи проводилъ нерѣдко безъ сна, положивъ голову и руки на столъ въ изнеможеніи страдальческаго раздумья. Я идеями не шутилъ, и не легко мнѣ было «сжигать то», чему меня учили поклоняться и наши и западные писатели». (Записки Отшельника, VI).

Вступивъ на новый путь, Леонтьевъ слѣдуетъ по немъ уже до конца, не оглядываясь. Положенія революціонной доктрины онъ пересмотрѣлъ и затѣмъ, въ свою очередь, произвелъ имъ полную переоцѣнку. Въ результатѣ образовалось у него собственное ученіе, которое, въ сущности, та же доктрина, но только вывернутая на изнанку, ея антиподъ. Цѣль человѣческой жизни доктрина полагаетъ въ прогрессѣ, т. е. въ увеличеніи довольства массъ и паралельно индивидуальнаго счастія. Подобное міропониманіе Леонтьевъ отвергаетъ съ негодованіемъ, считая его узкимъ и мелко буржуазнымъ. Для него цѣль нашей жизни несравненно выше: она состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ духовнаго самосовершенствованія содѣлаться достойными Царствія Божія. Попеченіе о загробномъ существованіи Леонтьевъ называетъ трансцедентнымъ эгоизмомъ. Эстетика, съ точки зрѣнія доктрины, не болѣе какъ прихоть пресытившихся культурныхъ классовъ, — для Леонтьева она заключаетъ въ себѣ основу исторіи и высшій смыслъ жизни. Бытовыя особенности, во имя соціальнаго равенства, доктрина стремилась стереть и уничтожить, — народный бытъ и couleur locale Леонтьевъ возводитъ въ настоящій культъ. Безъ сохраненія быта нѣтъ и любви къ отечеству. Современная Россія Леонтьеву ужасно не нравится. Ему мила Россія «Царя, монаховъ и поповъ, Россія красныхъ рубашекъ и голубыхъ сарафановъ, Россія

Кремля и проселочныхъ дорогъ» и т. д. Въ зависимости того насколько она сохранила внѣшнюю самобытность, Леонтьевъ или любитъ свою родину, какъ мать, или презираетъ «какъ пьяную, безхарактерную до низости дуру». (Письма къ Катеринѣ Сергѣевнѣ, Любань, 23 Апр. 1878 г. и Кудиново, 3 Іюля 1878 г.). Въ идеѣ свободы личности либеральная доктрина видитъ главный устой гражданской жизни. Идя отъ обратнаго, Леонтьевъ, не-только извиняетъ насиліе, но положительно доходитъ до его апоѳеоза. «Нѣтъ, нѣтъ, вывести насиліе изъ исторической жизни, это то же что претендовать выбросить одинъ изъ основныхъ цвѣтовъ радуги изъ жизни космической. Этотъ цвѣтъ, эта великая категорія жизни придетъ въ новой и сильнѣйшей формѣ. Чума почти исчезнетъ чтобы дать мѣсто холерѣ». (Кат. Серг., Любань, 23 Апр. 1878 г.). Парламентаризмъ и всеобщее народное голосованіе, въ глазахъ доктрины, послѣднее слово государственной мудрости, — политическій идеалъ Леонтьева — окаменѣлая Византія.

Съ 1863 г. по 1873 г., т. е. цѣлыя десять лѣтъ, К. Н. Леонтьевъ провелъ на Ближнемъ Востокѣ, гдѣ занималъ разныя должности по консульской части. Въ тѣ времена христіанское населеніе въ Турціи сохраняло въ полной неприкосновенности то, что Леонтьеву было всего дороже на свѣтѣ, — яркія черты народнаго быта. Изъ жизни христіанъ въ Турціи онъ написалъ рядъ повѣстей, замѣчательныхъ по этнографической вѣрности, мягкости кисти и художественной отдѣлкѣ. Отъ этихъ повѣстей И. С. Аксаковъ, вообще взгляды Леонтьева не раздѣлявшій, приходилъ въ восторгъ и говорилъ: «Прочтя ихъ не нужно и въ Турцію ѣхать».

II.

«Я считаю эстетику мѣриломъ наилучшимъ для исторіи и жизни, ибо оно приложимо къ всѣмъ вѣкамъ и ко всѣмъ мѣстностямъ».

Въ приведенной фразѣ заключаются исходная точка и главная суть Леонтьевскаго ученія. Разсуждать о Леонтьевѣ и ее обойти — это почти то же что трактовать о христіанствѣ, игнорируя Символъ вѣры. Между тѣмъ, его критики и коментаторы поступаютъ именно такъ. Вмѣсто того чтобы принять сраженіе на той почвѣ, которую предлагаетъ Леонтьевъ, основное положеніе они минуютъ, а, затѣмъ, возвратившись, производятъ нападенія на отдѣльные выводы. Извѣстный философъ, сторонникъ Рима, Владиміръ Соловьевъ, строго Леонтьева осуждаетъ за его пристрастіе къ Византіи; г. Н. Бердяевъ ставитъ ему въ вину политическое мракобѣсіе; даже наиболѣе изъ нихъ близкій къ Леонтьеву, В. В. Розановъ, и тотъ не постигаетъ, какимъ образомъ Леонтьевъ предпочитаетъ Вронскаго Левину, сочувствуетъ матери Митрофаніи и т. п. Но правъ Леонтьевъ, а не они: его выводы суть логическое послѣдствіе первоначальной руководящей идеи. Сравнивая Леонтьевское построеніе съ ариѳметическою задачею и видя что рѣшеніе получилось невѣрное, мы можемъ съ полнымъ основаніемъ утверждать: если тутъ ошибка, — она сдѣлана была въ самомъ началѣ, ибо дальнѣйшее дѣйствіе ведено было правильно.

Отнимите ощущеніе Красоты, и что останется отъ жизни? Громадное значеніе эстетики въ органическомъ мірѣ краснорѣчиво и убѣдительно выставилъ Чарльзъ Дарвинъ но, какъ ни важна эстетика, не ей въ жизни человѣка и природы принадлежитъ первое мѣсто, а за-

ботѣ о насущномъ хлѣбѣ или экономическому фактору. Пышнаго своего расцвѣта достигала эстетика, какъ напр. въ дни Греціи и Рима, эпоху Возрожденія и т. п., преимущественно въ періоды подъема матеріальнаго благоденствія, если не всей страны, то, во всякомъ случаѣ, высшаго ея класса. Сами въ томъ не отдавая себѣ отчета, религіозныя вѣрованія исходили изъ соображеній чисто-экономическихъ. Такъ отдѣленіе протестантовъ отъ Рима было вызвано, главнымъ образомъ, желаніемъ освободиться отъ поборовъ католическаго духовенства. На нашихъ глазахъ, въ Польшѣ тѣ же причины породили анти-ксендзовское движеніе Маріавитовъ.

Что разумѣть подъ словомъ прогрессъ? По ходячему опредѣленію, прогрессъ есть, съ одной стороны, расширеніе гражданской свободы, а, съ другой — развитіе народнаго благосостоянія, успѣха техники, гигіены и т. п. Наоборотъ, реакція или регрессъ означаетъ застой и всякаго рода запреты: стѣсненія свободы совѣсти и слова и проч. Совершенно подобнымъ же образомъ понимаетъ прогрессъ и Леонтьевъ. Однако, объясненіе это односторонне и неточно. Прогрессъ означаетъ стремленіе человѣка и природы приспособляться къ постоянно мѣняющимся требованіямъ экономическаго фактора. Съ этой точки зрѣнія, рабство и крѣпостное право, посредствомъ которыхъ государству прочно обезпечивалась рабочая сила для данной минуты являлись настоящимъ прогрессомъ. Но, если прогрессъ вытекаетъ изъ самой сути вещей, какимъ же путемъ Леонтьевъ приходитъ къ его отрицанію и даже въ немъ видитъ признакъ упадка?

Поклоняясь успѣхамъ точной науки и техники, либе-

ральная доктрина духовный свой горизонтъ ими ограничиваетъ. Отсюда прогрессъ становится нетолько орудіемъ матеріальнаго благоденствія, но и цѣлью земного существованія. Не видя въ прогрессѣ конечной цѣли, Леонтьевъ совершенно его упраздняетъ. Обѣ стороны, такимъ образомъ, разсматриваютъ прогрессъ какъ понятіе абсолютное. Между тѣмъ, подобно всему прочему на землѣ, значеніе прогресса исключительно относительное и преходящее. Его задача не рѣшать вопросы бытія, а обслуживать ближайшія практическія потребности. По отношенію экономическаго фактора, Евангеліе несравненно менѣе категорично нежели Леонтьевъ. — Воздайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу, — сказалъ Іисусъ Христосъ, когда его спрашивали — слѣдуетъ ли платить подати. — Пройти богатому въ Царство Небесное труднѣе чѣмъ верблюду въ игольныя уши. — Но и тутъ Спаситель глухой стѣны не воздвигаетъ, а, напротивъ, указываетъ выходъ: невозможное человѣку — возможно Богу.

Разлитая по всему міросданію, эстетика представляетъ элементъ самоцѣльный и самодовлѣющій. Ея стремленіе не благія намѣренія, а созданіе красивѣйшихъ формъ. Отъ соображеній нравственныхъ эстетика, какъ и природа, вполнѣ независима. Тема художественнаго произведенія совершенно безразлична, все дѣло въ томъ какъ она выполнена. Примирить эстетику съ христіанскимъ ученіемъ Леонтьевъ отказывается. Вотъ что онъ пишетъ Розанову: «И христіанская проповѣдь, и прогрессъ европейскій совокупными усиліями стремятся убить эстетику жизни на землѣ, т. е. самую жизнь... Что же дѣлать? Христіанству должны мы помогать даже въ ущербъ любимой нами эстетики... (Оптина Пустынь, 13 Авг. 1891 г.)».

Исторія человѣчества есть картина вѣчнаго движенія. Живя на свѣтѣ, люди пекутся о насущномъ хлѣбѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они вырабатываютъ и совершенствуютъ основы общественности. Эстетика, какъ мы видѣли, начало автономное, чуждое альтруизма и эволюціи. Отрицая за нею всякое непосредственное значеніе, либеральная доктрина шестидесятыхъ годовъ, разумѣется, впадала въ грубую ошибку. Но и Леонтьевъ, когда придавалъ эстетикѣ универсальный характеръ и обращалъ ее въ мѣрило исторіи и жизни, заблуждался еще болѣе. Эстетическая теорія, имъ созданная, была для него фатальна. Попавъ къ ней въ сѣти, Леонтьевъ бился въ нихъ словно пойманная въ силкахъ птица, но высвободиться не могъ до конца. Эта теорія притупила въ немъ творческую искру и лично привела его въ состояніе одиночества. Она, главнымъ образомъ, была причиною всѣхъ его несчастій и того угнетеннаго настроенія духа, на которыя, позабывъ о маніи величія, въ письмахъ къ друзьямъ онъ трогательно и горько жалуется.

III.

Изъ всѣхъ мыслителей, когда либо жившихъ, К. Н. Леонтьевъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ. Начиная съ исходнаго положенія, — эстетика наилучшее мѣрило, для исторіи и жизни, — въ высшей степени все въ немъ своеобразно. Блещущій, словно водометъ, первоклассными художественными красотами, порывистый и субъективный до нельзя, слогъ его поражаетъ смѣлостью и неожиданностью оборотовъ и сопоставленій. Въ литературѣ, поэтому, Леонтьевъ занимаетъ мѣсто со-

вершенно особое. Если и можно найти писателей, которые по духу ему сродни, во всякомъ случаѣ, между ними сходство весьма отдаленное. Къ европейской цивилизаціи славянофилы относились отрицательно. Въ распространеніи среди народныхъ массъ на западѣ ученій соціализма и матеріализма они, главнымъ образомъ, усматривали признакъ разложенія. Но демократической идеи и прогресса, въ томъ смыслѣ какъ ихъ понимаетъ Леонтьевъ, они совсѣмъ не касались. Въ Европѣ ко взглядамъ Леонтьева приближается группа писателей, демократическимъ идеаламъ несочувствующая. Таковы историки Тэнъ и Ренанъ, философъ Ницше и романистъ Гюставъ Флоберъ. Съ Ницше Леонтьева соединяетъ ихъ имморализмъ. Оба они, Ницше своего сверхъ-человѣка, а Леонтьевъ свою эстетику, ставятъ превыше добра и зла. Но, очевидно, здѣсь дѣло идетъ о предметахъ совершенно разныхъ. Анархическое представленіе о сверхъ-человѣкѣ глубоко дисгармонично, и, по этой причинѣ, тонко развитому художественному чувству Леонтьева оно было несвойственно. Прометея, этого сверхъ-человѣка древности, недаромъ греческая миѳологія приковала къ скалѣ и заставила ворона клевать ему мясо. Какъ ни дорога Леонтьеву эстетика, не задумываясь, онъ ее приноситъ въ жертву ради страха Божія или трансцедентнаго эгоизма. Гдѣ же тутъ ницшеанство? Единственный писатель, который, подобно Леонтьеву, въ основу своего мышленія кладетъ эстетическій принципъ, это Флоберъ. Мы знаемъ пагубное воздѣйствіе эстетической теоріи на творчество и личную жизнь русскаго Флобера, К. Н. Леонтьева. Теперь мы посмотримъ какое вліяніе она оказала на произведенія и судьбу французскаго Леонтьева, Гюстава Флобера.

Прежде всего, мы установимъ совершенное тождество основныхъ положеній обоихъ авторовъ.

Наканунѣ смерти Флоберъ писалъ своей племянницѣ Каролинѣ Команвиль:

«Эстетика есть истина. При условіи извѣстнаго умственнаго развитія и наличіи метода, руководствуясь ею ошибиться нельзя: дѣйствительность къ идеалу не подлаживается, но его подтверждаетъ». (Correspondence, t. I. p. XLII).

Затѣмъ въ письмѣ къ г-жѣ X., отъ 7-го Авг. 1846 г., Флоберъ даетъ собственную свою характеристику, которая по искренности и безпощадности къ себѣ самому не уступаетъ самымъ обнаженнымъ душевнымъ изліяніямъ Леонтьева.

«Чтобы ни говорили, сущность моей натуры — паясничество. Въ дѣтствѣ моемъ и юности я испытывалъ къ подмосткамъ неудержимое влеченіе. Родись я въ бѣдности, весьма возможно изъ меня вышелъ бы великій актеръ. И теперь, если что я люблю на свѣтѣ — это форма, съ тѣмъ чтобы она была красива и только. Женщины съ ихъ горячимъ сердцемъ и слишкомъ исключительнымъ умомъ не могутъ постичь этой религіи красоты, помимо всякаго чувства. Имъ обязательно нужна причина; цѣль. Я же одинаково поклоняюсь мишурѣ, какъ и золоту. Поэзія мишуры еще выше потому что она исполнена грусти. Въ этомъ мірѣ для меня единственно существуютъ красивые стихи, обороты рѣчи хорошо отдѣланные, гармоничные и пѣвучіе, красивые заходы солнца, лунныя сіянія, живописныя картины, древнія статуи и красивыя головы. Внѣ этого — ничего. Я скорѣе предпочелъ бы быть Тальма, чѣмъ Мирабо, потому что жизнь у Тальмы,

протекла въ сферѣ красоты болѣе чистой. Птицы въ клѣткѣ внушаютъ мнѣ столько же жалости сколько въ рабствѣ народы. Въ политикѣ я понимаю лишь одну вещь — уличный бунтъ. Фаталистъ какъ турокъ, я думаю что все то что для прогресса въ состояніи мы сдѣлать или же ничего — это безусловно тоже самое. Что касается прогресса, я плохо схватываю идеи несовсѣмъ ясныя. Все что въ этомъ направленіи — мнѣ докучаетъ безмѣрно. Современную тиранію я ненавижу, потому что она глупа, слаба и сама себя боится, но къ древней тираніи я питаю глубокій культъ и признаю ее величайшимъ выраженіемъ человѣческаго духа. Болѣе всего, я человѣкъ фантазіи, каприза, несвязности. Когда нибудь я уйду отсюда такъ далеко, что обо мнѣ уже не услышатъ». (Corresp. t. I. p. 114).

Въ приведенныхъ двухъ выпискахъ перечислены всѣ, знакомые намъ, тезисы Леонтьева. Тутъ эстетика какъ проявленіе правды и мѣрило жизни, и поклоненіе чистой красотѣ, и поэзія мишуры — культъ Византіи, и отрицаніе прогресса, и апоѳеозъ тираніи или насилія, и, въ заключеніе, удаленіе въ пустыню, т. е. отшельничество.

Человѣкъ, у котораго артистическое чувство настолько развито что заглушаетъ прочія стороны духа, очевидно, выходитъ изъ нормы. Флоберъ сознавалъ что онъ не какъ всѣ люди и, соотвѣтственно сему, устраивалъ свою жизнь. Отдавшись искусству всецѣло, семьи онъ не заводилъ и длительной привязанности не поддерживалъ. Друзья его, большею частью, были литераторы, такіе же любители искусства какъ и онъ, Луи Булье, Теофиль Готье, а подъ конецъ — Тургеневъ. По мѣрѣ того какъ смерть одного за другимъ ихъ похищала, Флоберъ становился все болѣе

нелюдимымъ. Въ шутку себя онъ величалъ, то анахоретомъ св. Поликарпомъ, то пещернымъ человѣкомъ Кро-Маньономъ или Нээрденталемъ. Успѣхомъ произведенія его хотя и пользовались, но далеко не тѣмъ какого они заслуживали. Читающая французская публика Флобера уважала, но понимала плохо. Его, этого чистой воды идеалиста, до сихъ поръ считаютъ главою натуралистической школы. И французскій буржуа-читатель, въ концѣ концовъ, долженъ былъ почувствовать у Флобера его непріязненное отношеніе къ той демократической цивилизаціи, которою Франція тщеславно гордится: — этой враждебности онъ ему не прощалъ.

Обладая вдвойнѣ даромъ лирика и сатирика, Флоберъ чередовалъ произведенія лирическія и сатирическія. Въ сатирическихъ — онъ создалъ типы демократической посредственности: провинціальную докторшу Эмму Бовари, Гомэ аптекаря резонера, Делорье адвоката неудачника. Въ лирическихъ — Саламбо, жрицу богини Луны, анахорета св. Антонія, Юліана Милостивца и т. п., т. е. людей, чуждыхъ заботамъ эгоизма и торгашества и живущихъ исключительно въ атмосферѣ созерцанія и идеи. Журналистикою и критикою Флоберъ не занимался, справедливо находя, что призваніе поэта дѣйствовать на сердце и воображеніе, а не на разсудокъ, — творить, а не доказывать.

Но сатирическаго таланта у Леонтьева не было ни единой капли. Русской современности онъ не любилъ, тѣмъ не менѣе, при всемъ желаніи, изобразить ея въ типахъ ему не удавалось. Въ то время какъ вся Россія, увлекаясь освобожденіемъ славянъ, кипѣла словно въ котлѣ, — Леонтьеву было и горя мало: онъ продолжалъ себѣ описывать приключенія Загорскаго Грека, Одиссея

Полихроніадеса. Если Флоберъ общественное мнѣніе гладилъ не по шерсти, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ онъ это въ видѣ художественныхъ романовъ, причемъ безупречность формы заставляла мириться съ содержаніемъ. Леонтьевъ, тотъ писалъ въ журналахъ и газетахъ. Взгляды его, ничѣмъ не прикрашенные, на нервы читателя, въ буквальномъ смыслѣ, производили дѣйствіе ножа по стеклу.

Въ заключеніе, остается отмѣтить религіозное различіе обоихъ авторовъ. Мы знаемъ, что одною лишь эстетикою Леонтьевъ удовлетвориться не могъ и сдѣлался христіаниномъ. До самой своей кончины, Флоберъ оставался пантеистомъ и язычникомъ — эстетомъ. Свое отношеніе къ метафизикѣ онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

«Никакой великій геній и никакая великая книга итога не подводятъ, потому что, находясь въ вѣчномъ движеніи, человѣчество итога не ставитъ. Ни Гомеръ итога не ставилъ, ни Шекспиръ, ни Гете, ни сама Библія. Модное выраженіе соціальная проблема глубоко меня возмущаетъ. День, въ который эта проблема получитъ разрѣшеніе будетъ послѣднимъ нашей планеты. Жизнь есть вѣчная проблема, исторія тоже, вотъ и все. Къ сложенію то и дѣло прибавляются новыя цифры... Именно по той причинѣ что я вѣрю въ непрекращающуюся эволюцію, я ненавижу всѣ рамки, въ которыя насильственно ее хотятъ втиснуть, всѣ формальныя опредѣленія, всѣ планы, которые для нея составляютъ. Демократія не есть ея послѣднее слово, какъ рабство имъ не было, какъ феодализмъ имъ не былъ, какъ монархія имъ не была. Горизонтъ, видимый человѣческимъ глазомъ не есть берегъ, ибо за этимъ горизонтомъ другой, и такъ безъ конца. Искать лучшую религію или лучшее правительство, по

моему, пошлое безуміе. Наилучшій порядокъ, тотъ, который находится въ агоніи — вскорѣ онъ другому уступитъ свое мѣсто». (Corresp. t. III, p. 87, 88).

IV.

Отношенія Леонтьева съ семьею К. завязались въ 1877 году, когда Леонтьевъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, съ цѣлью вторично поступить на службу. Какъ явствуетъ изъ переписки, сближенію его съ членами семьи К. сопутствовали конфликты. Причина недоразумѣній заключалась въ томъ что Леонтьевъ отъ окружающихъ требовалъ себѣ поклоненія, между тѣмъ, молодежь, собиравшаяся въ домѣ К., еще совсѣмъ зеленая, авторитета его не признавала и въ немъ видѣла только талантливаго фантазера. Вообще, дружить съ Леонтьевымъ было возможно единственно при условіи либо сдѣлаться его адептомъ либо, привязавшись къ нему, какъ къ человѣку, терпѣливо выносить его парадоксы, капризы и выходки.

Обыкновенно послѣ обѣда, за чашкою кофе, вокругъ Леонтьева собирались слушатели, передъ которыми онъ развивалъ свои теоріи и сыпалъ афоризмами. Общепринятые взгляды, не задумываясь, опрокидывалъ онъ, наслаждаясь эффектомъ, который необычныя его рѣчи производили на озадаченныхъ собесѣдниковъ... «Какой прокъ въ желѣзныхъ дорогахъ? проповѣдывалъ Леонтьевъ. Съ точки зрѣнія загробной жизни, — а, вѣдь, забота о ней и должна составлять наше главное дѣло на землѣ, — не все ли равно доѣхать до мѣста въ одинъ день или недѣлю? Развѣ не смѣшно, что по всему земному шару люди съ страшною быстротою несутся въ разныхъ на-

правленіяхъ»? — Матери Митрофаніи Леонтьевъ симпатизировалъ, потому что въ ея образѣ ярко сказались бытовыя черты. По тѣмъ же мотивамъ, Вронскаго онъ — предпочиталъ Левину. Подобно радикальному студенту, который весь міръ дѣлилъ на двѣ категоріи: мы и подлецы, — людей либеральнаго лагеря Леонтьевъ называлъ хамами. Съ своей узко эстетической точки зрѣнія, Леонтьевъ послѣдователенъ и правъ, но весь трагизмъ положенія состоялъ именно въ томъ, что эта точка зрѣнія для другихъ отнюдь не была обязательна, и ея придерживался собственно Леонтьевъ одинъ. Иногда Леонтьева осѣняла мысль, что ему внимаютъ только ради забавы. Однажды, — это происходило въ Константинополѣ среди посольскихъ товарищей, — Леонтьевъ, обращаясь къ слушателямъ, полу-смѣясь, полу-плача, воскликнулъ: «До того что я говорю, въ сущности, вамъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла: вы меня слушаете, какъ пресыщенные римляне слушали грека-философа». Особенно раздражался онъ, когда ему говорили: — не хандрите, — а еще болѣе, когда къ нему приставали съ Щедринскою цитатою: — чего вамъ хочется, Константинъ Николаевичъ, конституціи ли или севрюжины съ хрѣномъ? — «Что такое хандра, пишетъ Леонтьевъ Ольгѣ Сергѣевнѣ (Любань, 7 Апр. 1878 г.) я не понимаю ясно и никогда не понималъ, — это что то вродѣ севрюги, по крайней мѣрѣ, по неизяществу звука».

Несчастія, на которыя въ письмахъ своихъ Леонтьевъ горько жалуется были троякаго рода: недуги физическіе, разстройство денежныхъ дѣлъ и недостатокъ литературнаго успѣха. За исключеніемъ болѣзней, во всѣхъ этихъ несчастіяхъ виновата все та же эстетика. Практическою

мудростью Леонтьевъ не отличался. Сходился онъ не съ тѣми людьми, которые могли ему быть полезны, а съ тѣми, въ которыхъ онъ встрѣчалъ откликъ. Дипломатическое начальство признавало въ Леонтьевѣ наблюдательность и талантъ, но, въ то же время, оно знало, что онъ въ долгахъ, опасалось его щепетильности и притязаній и, поэтому, не захотѣло болѣе съ нимъ связываться. — Намъ монаховъ не нужно, — сказалъ про Леонтьева князь Горчаковъ. Да и самъ Леонтьевъ не скрывалъ, что онъ ищетъ мѣста единственно съ цѣлью получить синекуру, которая позволила бы ему расплатиться съ долгами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ благопріятныхъ условіяхъ заниматься литературою. Беллетристическія произведенія Леонтьева, Катковъ охотно помѣщалъ на страницахъ «Рус. Вѣстника»; но его византійскимъ, анти-прогрессивнымъ стремленіямъ онъ не сочувствовалъ. Катковъ былъ прогрессистъ и, въ своемъ родѣ, революціонеръ, а не ретроградъ. Въ творческія силы русскаго общества не вѣруя, спасенія онъ ждалъ сверху и всею душою скорбѣлъ, когда убѣждался что надежды его не оправдываются.

Только подъ самый конецъ жизни судьба Леонтьеву улыбнулась и немного его обласкала. Онъ получилъ въ Москвѣ мѣсто цензора, а, затѣмъ, по выходѣ въ отставку, ему была дана добавочная пенсія. Но что болѣе всего его утѣшало, онъ, наконецъ, обрѣлъ двухъ-трехъ друзей, которыя къ его теоріямъ относились съ уваженіемъ, а не съ ироніею, и нѣкоторыхъ молодыхъ послѣдователей, преимущественно изъ воспитанниковъ Катковскаго Лицея. Время реакціи, о которомъ мечталъ Леонтьевъ, теперь наступило. Леонтьевское «Россію пужно подморозить», какъ разъ, совпало съ афоризмомъ въ томъ же вкусѣ

графа Д. Н. Толстаго «Россія реформами объѣлась, ей нужна діэта». Но Леонтьева побуждала сдѣлаться реакціонеромъ его эстетическая манія: онъ опасался какъ бы прогрессъ не уровнялъ и не уничтожилъ особенности народнаго быта. Ни графу Толстому, ни молодымъ московскимъ лицеистамъ, собственно говоря, до эстетики не было никакого дѣла. Поощряя Леонтьева, они, правильно замѣтилъ г. Бердяевъ, привѣтствовали теорію, какъ нельзя лучше отвѣчающую ихъ инстинктамъ косности и эгоизма. Игнорировать мѣняющіяся требованія экономическаго фактора и за ними не поспѣвать, есть роковая ошибка, которая государству даромъ никогда не проходитъ. Въ царствованіе Императора Николая Павловича за эту ошибку мы заплатили пораженіемъ въ Крыму, а въ наши дни — Мукденомъ и Цусимою.

Сынъ бурной эпохи, К. Н. Леонтьевъ явилъ собою одну изъ ея крайностей. Онъ жилъ и дѣйствовалъ, какъ писалъ и говорилъ. Слово у него съ дѣломъ не расходилось. Мысль его, повседневнымъ заботамъ непричастная, витала въ области чистаго идеала и художественной фантазіи. Идеѣ Красоты служа беззавѣтно, онъ былъ ея великомученикомъ. Вѣчная ему память.

№ 1.

Екатеринѣ Сергѣевнѣ

6 января 1878 г.
Москва

Не могу Вамъ выразить до какой степени мнѣ грустно, что я не могу быть вмѣстѣ съ вами сегодня у Н-ыхъ [1]); все нездоровъ. «Одиссея» [2]) за Декабрь посылаю. Очень, очень, очень мнѣ скучно, что я васъ такъ давно не видалъ.

Съ глуб. почт. К. Леонтьевъ.

№ 2.

3 Марта 1878.
Любань.

Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Я позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ одной просьбою. Племянница моя очень желаетъ имѣть одну книгу. Она называется «Святаго Исаака Сирина слова духовно-подвижническія».

Губ-въ [3]) нездоровъ и не выходитъ; не будете ли вы

---

[1]) У Неклюдовыхъ.
[2]) Романъ «Одиссей Полихрониди».
[3]) Губастовъ.

такъ добры, не поручите ли вы младшему и милому брату вашему — Андрюшѣ съѣздить за ней и купить ее. Я посылаю 3 рубля. Кажется, она больше этого не стоитъ. Послѣ завтра Суббота, онъ будетъ дома и вѣрно не откажется сдѣлать это для меня. Извините, пожалуйста, что я Васъ этимъ безпокою.

Если дѣла (по службѣ) не вызовутъ меня прежде срока въ Петербургъ, я бы желалъ пробыть здѣсь до тѣхъ поръ, пока кончу, что нужно...

Здѣсь не то чтобы лучше; конечно — нѣтъ; но тише; здѣсь можно сосредоточиться, а въ Петербургѣ я былъ постоянно какъ бы внѣ себя отъ разныхъ ощущеній, и пріятныхъ, и тяжелыхъ. Надо отдохнуть и собраться съ новыми силами на новую борьбу.

Когда же прекратится эта борьба жизни нашей... Ахъ! какъ она иногда тяжела! И съ молоду, и позднѣе, и въ ваши годы, и въ мои. — И всякому кажется, что его борьба самая трудная...

Я уже 3 дня, какъ никуда не выхожу и все занятъ. Что то у Васъ въ домѣ дѣлается, въ вашемъ гостепріимномъ домѣ? Здорова ли Maman? Играете ли Вы на арфѣ? Сидите ли у камина задумчиво, или все съ гостями и съ гостями. Кто ходитъ теперь къ Вамъ? Курч — въ, графъ Гейденъ, Гартвигъ?

Дай Вамъ Богъ веселиться, а вы мнѣ пожелайте здоровья и труда теперь. Положеніе мое очень тяжелое и мнѣ надо трудиться...

Поцѣлуйте за меня руку у Вашей Maman и поклонитесь братьямъ.

Еще разъ прошу простить, что обезпокоилъ Васъ этимъ письмомъ, но меня такъ просили купить эту книгу

и я кромѣ вашего брата никого не нашелъ къ кому бы обратиться, такъ какъ Губастовъ боленъ.

Остаюсь и проч. Вашъ К. Леонтьевъ.

P. S. Потрудитесь прислать книгу по слѣдующему адресу: близь станціи, д. Красавиной. К. Н. Леон-ву.

NB. Бумага эта, конечно, нехороша и недостойна Васъ, но Губ — товъ еще не выслалъ почтовой; а здѣшняя почтовая такъ нехороша, что эта простая писчая лучше. Лучше, потому-что безъ претензій на что то высшее.

Л.

№ 3.

18 марта 1878.

Любань, дача Мельникова.

Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Ольга Сергѣевна, если Губастовъ уже уѣхалъ въ Турцію, то потрудитесь извѣстить меня... Если же онъ не уѣхалъ, то потрудитесь передать ему какъ нибудь, что телеграмму его странную, гдѣ онъ меня совершенно больного и т. д. умоляетъ пріѣхать, а самъ затрудняется выгрузить на одинъ день въ Любани свои expeditions officielles, получилъ вчера поздно вечеромъ. Поѣздовъ уже не было, я собрался ѣхать сегодня больной, рано утромъ и за $1^1/_2$ версты на станцію. По телеграммѣ судя, я думалъ, что случилось что нибудь выходящее изъ ряда, и что я для чего нибудь нуженъ ему. Но такъ какъ съ моимъ ужаснымъ здоровьемъ ни за что ручаться нельзя, отъ волненія разныхъ вовсе лишнихъ мыслей, я не могъ заснуть до 5 ч. утра и конечно, и безъ того

больной (какъ я уже сказалъ), рѣшился отложить свою поѣздку до 5 ч. поѣзда. Судя по его мольбѣ, и еще по какимъ то другимъ оттѣнкамъ, мнѣ казалось, онъ долженъ не только не спѣшить изъ Петербурга, но напротивъ того отдыхать, хотя бы временно, на розахъ. (Какой это вѣкъ? Никакой. Истина прекраснѣй всѣхъ вѣковъ). Проспавши 10 ч. я всталъ и вдругъ мнѣ принесли письмо Губастова отъ 14 марта, которое пролежало трое сутокъ по неакуратности здѣшней почты и получилось 18-го же, позднѣе вчерашней телеграммы! Изъ этого письма стало ясно, что онъ ѣдетъ въ субботу куда-то (вѣроятно въ Константинополь) и собирается ко мнѣ на нѣсколько часовъ. Тогда стала ясна и загадочная телеграмма его. Теперь уже незачѣмъ мнѣ ѣхать! Если онъ, какъ нибудь случайно, задержался въ П — гѣ, то будьте такъ милы, добры и любезны, что доведите все это до его свѣдѣнія. Я, признаюсь, не допускаю ничего, что могло бы помѣшать заѣхать ко мнѣ. Voilà le cas de s'écrier: «не надѣйся ни на князя, ни на сына человѣческаго». Неправда ли какъ все это скучно, все это что я такъ долго пишу, но что дѣлать? Видѣть его было мнѣ и очень нужно и очень пріятно, но видно не судьба.

Я впрочемъ очень радъ, что я не въ Петербургѣ, не на Милліонной и не съ Вами!.. Я, послѣ всѣхъ этихъ встрѣчъ разнообразныхъ, разговоровъ, принудительныхъ визитовъ, ужасныхъ улицъ; расходовъ безумныхъ и невольныхъ, послѣ вашей агресивности и доброты, послѣ теплой ласки и горькихъ оскорбленій отъ мамаши, безсонныхъ ночей, послѣ M-me Мордвиновой, послѣ энергіи нашего молодого Гамбетта («en herbe»), становлюсь совсѣмъ какъ безумный и дня 3 въ Любани всякій разъ

только хожу въ изступленіи взадъ и впередъ по комнатѣ; и сплю, и сплю, и сплю. Постараюсь всячески отдалить минуту новой каторжной поѣздки въ Петербургъ. Положеніе какъ мое, такъ и нѣсколькихъ страдающихъ и зависящихъ отъ меня лицъ такъ серьезно, что мнѣ только надо сидѣть, спать, писать и молиться. А я позволяю себѣ ѣздить въ П — бургъ не для одного свиданія съ Игнатьевымъ, на которое довольно и дня, но остаюсь 3 — 4. Точно я человѣкъ какъ всѣ, а не истерзанное и самимъ собою и обстоятельствами твореніе. Я разъ видѣлъ въ Крыму очень породистую собаку, которой переѣхало задъ телегой. Глаза ея дышали умомъ и вся она была полна какъ будто бы жизнію. Она рвалась къ прохожимъ съ мѣста съ выраженіемъ ласки, страданія и любви... Мы ее кормили, гладили и уходили. Я, сознаюсь, жалѣлъ ее больше чѣмъ многихъ людей. Ее кормили и она долго жила. Я уѣхалъ въ Россію, а она такъ и осталась тамъ у стѣнки въ Симферополѣ.

Не лучше было бы ее убить? Она сама себя бы убила, еслибъ понимала, что это можно сдѣлать. А человѣку, который вѣритъ въ загробную жизнь и уставы церкви нельзя этого дѣлать. А, напротивъ, нужно молиться, чтобы пожить и имѣть время здѣсь искупить, что нужно. И надо жить, биться на мѣстѣ съ переѣханнымъ задомъ!.. Да еще мы нарочно приходили, чтобы дать ей поѣсть, а тутъ друзья (и искренніе) не находятъ возможности заѣхать, чтобы бросить кусокъ душевной пищи. Я виню жизнь, себя, преждевременно переломанныя ноги свои, которыхъ никто не поправитъ уже, а не друзей, не людей. Люди ничего не могутъ; вотъ, что хуже всего.

Ну прощайте Ол. Серг., да хранитъ Васъ Богъ. Вспоминайте иногда и собачку эту у стѣнки. Она горько плачетъ. Кланяйтесь мамашѣ и братьямъ. Пусть Юр. С. не забываетъ то, что я просилъ его вслучаѣ отъѣзда Губастова. Адресъ мой на дачу Мельникова.

Вашъ покор. слуга К. Леонтьевъ.

№ 4.

20 Марта 1878 г.
Любань.

Юрію Сергѣевичу.

Вы, конечно, не забыли обѣщанія вашего слѣдить насколько возможно за моими интересами въ Петербургѣ. Теперь дѣла видно до того запутаны, что даже аккуратный Губастовъ и тотъ измѣнилъ себѣ: напуталъ съ письмами и телеграммами и мы не видались. Изъ карточки, заброшенной имъ на станціи и изъ извѣстій, переданныхъ мнѣ черезъ 3-е лицо, оказывается, что онъ даже не увѣренъ доѣдетъ ли и самъ до Константинополя. Что же это значитъ! Не значитъ ли это, что въ Турціи опять поворотъ противъ насъ? Иначе какое бы отношеніе могло имѣть генеральное консульство въ Константинополѣ къ войнѣ съ Англіей, въ которой Турція осталась бы нейтральной. Пожалуйста, сообщите, что это значитъ, и есть ли въ самомъ дѣлѣ признаки такого рода, что на службу въ оставшейся части Турціи мнѣ надѣяться нельзя.

Игнатьевъ, вѣроятно, скоро вернется изъ Вѣны, и я долженъ не откладывая написать ему и просить его не

ставить меня въ сомнительное положеніе насчетъ службы въ Болгаріи, а либо да, и скорѣе либо нѣтъ. А если случилось, что Губастовъ второпяхъ сбивчиво выразился, или та особа, которая передала мнѣ его слова на станціи исказила ихъ по своему, то это вы можете разяснить если хотите.

Человѣкъ, которому Губастовъ поручилъ передать мнѣ, сказалъ такъ:

«Скажите Леонтьеву, что дѣла его въ Пет — гѣ плохи, не придется ему ѣхать». А на карточкѣ оставленной мнѣ написано: «дѣла плохи; la g. est presque immimente. Напишу все подробно изъ Константинополя если только доѣду». Это совсѣмъ другой оттѣнокъ. Больше я распространяться не буду. Мнѣ кажется, что если вы внимательно захотите отнестись къ этому дѣлу, можете все что мнѣ нужно, разузнать и сообщить мнѣ.

Главное прошу Васъ не сбивайте меня какимъ нибудь крайнимъ и поспѣшнымъ пессимизмомъ, а оптимизма, по отношенію ко мнѣ я не боюсь.

Вѣрьте, положеніе не только денежное, но и нравственное, до того въ эти дни критическое, что сбивать и разстраивать больного душою, еще больше, чѣмъ тѣломъ, человѣка, какой нибудь поспѣшностью, было бы болѣе чѣмъ проступкомъ.

А подобныхъ, рѣшительныхъ заключеній, тѣмъ легче ожидать, чѣмъ умнѣе, гордѣе, энергичнѣе и моложе тотъ, отъ кого ихъ ждешь.

Я физически между прочимъ вотъ ужъ около недѣли до того страдаю, что не въ силахъ и это небольшое письмо дописать и потому простите мнѣ прямоту мою. А она вѣдь не оскорбительна, я думаю? Если Вамъ самимъ

лѣнь отчетливо мнѣ все написать, я увѣренъ, что матушка ваша, или Ольга Сергѣевна, не откажутъ протянуть мнѣ руку помощи за васъ. Когда ждутъ Игнатьева?

Остаюсь преданный К. Леонтьевъ.

P. S. Въ Петербургъ пріѣхать не могу долго. Ни денегъ, ни силъ нѣтъ.

№ 5.

27 Марта 1878 г.
Любань.

Юрію Сергѣевичу.

Благодарю Васъ, Ю. С., и Катерину Сергѣевну за письма.

Я думаю, что вы правы во взглядѣ вашемъ на тягостное положеніе Россіи. Что же касается до Адріанопольскаго консульства и т. п. то, какъ бы вамъ сказать, не то чтобы мнѣ все равно совсѣмъ, а почти... Я долженъ искать подходящаго мѣста, а получу я его или нѣтъ, не знаю будетъ ли къ лучшему. Да и что такое это лучшее? — Я знаю, что мнѣ пріятно по вкусу и по слабостямъ моимъ; но что полезно, — не знаю, ни вамъ, ни мнѣ, ни Россіи, ни людямъ вообще. И какъ полезно? Въ денежномъ, въ гигіеническомъ, въ литературномъ, въ христіанскомъ? Какъ это разберешь? А смолоду я думалъ, что есть какая то польза, что есть что-то такое вѣрное на свѣтѣ...

Но довольно объ этомъ; что за дѣло вамъ и вообще сверстникамъ вашимъ полнымъ здоровья и огня, еще способнымъ вѣрить въ свой умъ, свою правоту и свою удачу,

до какого то растерзаннаго трупа, на котораго вы случайно наткнулись на пути вашемъ. Еще спасибо, хоть снисходительно написали, а другой и этого бы не сдѣлалъ. Я право гораздо больше цѣню ваше письмецо, чѣмъ вы думаете. Я до того въ послѣдніе года привыкъ къ лѣни, низости, звѣрскому эгоизму встрѣчныхъ людей, что всякая просто-человѣческая черта, по отношенію ко мнѣ меня дивитъ и радуетъ. Я читалъ, что гдѣ то въ Океаніи людей устарѣлыхъ и больныхъ убиваютъ ихъ же дѣти обухомъ по затылку. Мнѣ это нравится; по крайней мѣрѣ искренно! А у насъ въ Европѣ всѣ вѣдь ни въ чемъ такомъ неповинны.

Прощайте. Обнимаю Васъ. Прошу Васъ передать матушкѣ вашей и сестрицѣ искреннее уваженье.

К. Леонтьевъ.

Я не знаю, какъ адресовать Губастову очень нужное письмо. Не можете ли вы его отправить съ бумагами министерства въ Царьградъ.

Пожалуйста, пожмите за меня крѣпко руку доброму моему Андрею Николаевичу [1]). Я не забуду никогда нашихъ корфіотскихъ бесѣдъ, и если M-me Hortense съ нимъ, то ей тоже. Я все боленъ и вовсе не выхожу, и писать не пишу, и что будетъ — не знаю.

№ 6.

7 Апрѣля 1878 г.
Любань.

Катеринѣ Сергѣевнѣ.

Я крайне признателенъ Вамъ за милое письмо ваше, содержащее столько для меня интересныхъ и полезныхъ

---

[1]) А. Н. Карцовъ, дядя Юрія Сергѣевича.

свѣдѣній. Тому, что Ольга Сергѣевна такъ скоро поправилась, конечно, сердечно радуюсь. Цертелева отставки я не понимаю, что нибудь новое не задумалъ ли онъ. Онъ вѣдь «бездна» въ своемъ родѣ. Что со мной будетъ право не знаю. Знаю только, что мнѣ очень хочется просто уѣхать къ себѣ въ деревню и какъ можно скорѣе и дальше конца Пасхи я ждать не стану. Какъ хотятъ, а я въ вашемъ ужасномъ для меня Петербургѣ никакъ долго жить не могу и не могу никогда понять, какъ его другіе люди выносятъ. Я не хандрю, какъ вы говорите, а говорю вамъ и дѣтямъ вашимъ откровенно то, что чувствую. Что жъ притворяться веселымъ, когда не весело и не можетъ быть весело? Въ Турцію, а тѣмъ болѣе въ Болгарію, вовсе не хочется ѣхать теперь, а отказываться нельзя. Надо... Въ свою деревню хочется, будущее затруднительно и т. д. Впрочемъ само по себѣ все это не важно, а важно то, что мы чувствуемъ. А что такое хандра, я не понимаю ясно и никогда не понималъ что это такое. Мнѣ все кажется, это что то вродѣ севрюги, по крайней мѣрѣ по неизяществу звука. Засуличъ! Треповъ! Съ художественной точки зрѣнія (которая самая безпристрастная) я не нахожу, чтобы разсвирѣпѣвшая повивальная бабка была бы поэтичнѣе заслуженнаго генерала, а съ политической, какъ гражданинъ, вы понимаете что я думаю, и что я долженъ чувствовать. Лучше положить «дверь огражденія на уста мои». Я гораздо меньше вижу униженія достоинства человѣческаго быть высѣченнымъ, какъ этотъ Богословскій [1]), за кото-

---

[1]) Леонтьевъ ошибается: фамилія политическаго арестанта была Боголюбовъ.

раго мстила бабка генералу Трепову, чѣмъ въ томъ, чтобы говорить такія, я не говорю безсовѣстныя, но просто приторныя и пошлыя рѣчи, какъ этотъ хамъ Александровъ... Это просто некрасиво даже. Всѣ эти надломленные и т. д. Какъ будто люди иного духа не болѣютъ и не страдаютъ всячески. Я не говорю уже объ апоѳеозѣ государственнаго убійства! Куда мы идемъ? я не знаю или, вѣрнѣе, давно знаю.

Кончая письмо это не скрою отъ Васъ, что очень желалъ бы не быть вовсе въ Петербургѣ несмотря на всю радость мою видѣть васъ и вашу семью. Радость то эта (увы!) покупается ужъ слишкомъ во всѣхъ отношеніяхъ дорогой цѣной. И это севрюга? По моему это просто правда. Но кажется дѣла заставляютъ опять сплетать розы съ терніями.

Съ глуб. почт. К. Леонтьевъ.

№ 7.

Ольгѣ Сергѣевнѣ.

7 Апрѣля 1878 г.
Любань.

Очень радъ, что вы поправились. Очень признателенъ вамъ за материнскіе совѣты, которые вы дѣлали въ послѣднемъ письмѣ вашемъ. Не отвѣчалъ долго — сначала по болѣзни и множеству дѣлъ разнаго рода; а потомъ думалъ, думалъ — все откладывалъ, потомъ раздумалъ. Простите мнѣ великодушно. Ко мнѣ надо быть снисходительнымъ: вы такъ могущественны, что изумляете

врачей, а я страдаю разными болѣзнями и особенно, по мнѣнію вашему и матушки вашей какой то севрюгой... Здоровье должно располагать къ добротѣ и кротости и потому я надѣюсь, что вы поймете и простите меня и попрежнему будете благосклонны къ преданному вамъ

К. Леонтьеву.

Юрію Сергѣевичу скромно кланяюсь, Андрюшу крѣпко цѣлую.

№ 8.

Юрію Сергѣевичу.

8 Апрѣля 1878 г.
Любань.

«Не бейте себя въ лобъ», а просто сейчасъ же попросите вашу великодушную мать, или сестрицу, написать мнѣ на маленькой бумажкѣ чинъ, имя, отчество Никонова, и пришлите мнѣ это скорѣе безъ всякихъ обременительныхъ для васъ и для близкихъ вашихъ объясненій. Это разъ, а второе, вотъ — что: я вынужденъ былъ послать А. Мельникову письмо, которое я только-что получилъ отъ Ону! Иначе нельзя было сдѣлать. Я просилъ Мельникова доставить мнѣ обратно это письмо Ону черезъ васъ. Я не знаю, конечно, захочетъ ли онъ черезъ третье лицо говорить мнѣ всю правду и не знаю возьметъ ли онъ на себя трудъ отвѣчать мнѣ письменно. Обыкновенно большинство людей на счетъ этого очень просты и безцеремонны: кто теперь имъ не нуженъ лично, тому и не отвѣтятъ. Ну, какъ хотятъ! И всего этого,

вообразите, мнѣ мало. Въ заключеніе этого письма я хочу горячо и убѣдительно просить васъ, мой юный тигръ, сдѣлать для меня еще одну вещь, очень оригинальную. Вотъ какую: пріѣхать ко мнѣ теперь на Страстной; только не въ Четвергъ, потому-что я въ пятницу буду причащаться, а въ Среду, или въ Пятницу, или даже въ Субботу. Это васъ удивляетъ? Переночевать вы можете здѣсь на дачѣ Мельникова удобно: у меня двѣ большія комнаты. Я знаю почти навѣрное, что вы этого не сдѣлаете по нѣкоторымъ побужденіямъ и причинамъ, о которыхъ лучше не распространяться, особенно на бумагѣ. Но «fait ce que devra, advienne que pourra» надо чтобы съ моей стороны былъ сдѣланъ шагъ, а если даже и юношей, даже и поэтовъ нынче ничѣмъ не прошибешь, то это не моя вина уже. И попросивши в а с ъ, именно васъ, пріѣхать ко мнѣ на одинъ день во всей вашей и моей жизни, я остальное предоставляю судьбѣ и законамъ печальной человѣческой природы. «Зачѣмъ? зачѣмъ?» вы спросите. Вотъ зачѣмъ: въ Петербургѣ больше я постараюсь не быть если меня не вынудятъ, а васъ мнѣ нужно бы видѣть и на досугѣ безъ всякихъ звонковъ, по очень важному для меня литературному дѣлу. Мнѣ необходимы для этого совѣта именно вы, только вы изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей въ Россіи. Только въ васъ, мой юный и хитрый тигръ-поэтъ, я нахожу сочетаніе тѣхъ качествъ и тѣхъ пороковъ, которые мнѣ нужны для этой моей цѣли. Только вамъ я повѣрю одному и только вашему совѣту я послѣдую въ этомъ предпріятіи. Хотя до васъ касаться нужно осторожно, чтобы не исколоть и не изрѣзать рукъ до крови, но за то вѣдь изъ васъ же можно и перегонять драгоцѣнное розовое масло, котораго изъ

другого никакими машинами не выжмешь. Правда, я не считалъ и не считаю себя обязаннымъ спорить съ вами до конца, когда у меня болитъ горло, или когда мнѣ хочется разговаривать съ К. С. или съ О. С. больше чѣмъ съ вами. Я съ тѣхъ поръ какъ живу на свѣтѣ, отъ васъ впервое услышалъ, что нельзя прекращать споръ, когда хочешь! Но вотъ это-то мнѣ и нравится, что вы умѣете самой несправедливой злобѣ вашей придать какой то логическій и юридическій видъ. Это крупно! Правда, я помню всѣ тѣ невеликодушныя (чтобы быть вѣжливымъ я такъ выражаюсь) вещи, которыя вы мнѣ говорили. Но повѣрьте, едва ли кто изъ плачевныхъ товарищей вашихъ, изъ тѣхъ хорошихъ людей съ которыми вы, руководясь геніальнымъ правиломъ Третьяковскаго: «Держись черни, а знай штуку», — играете всю жизнь въ карты, пока не пришелъ часъ вамъ утираться 14-тью салфетками передъ восхищенной толпою и призывать меня, напримѣръ, или подобнаго мнѣ, вообще, какъ М. Е. (?) (Г?). Повѣрьте, никто не понимаетъ васъ, такъ, какъ я. Для многихъ вы только Ю. С. славный малый и т. п. Для меня вы вовсе не славный малый (т. е. не добрый), а совсѣмъ другое нѣчто, что вы сами угадываете.

И будетъ недостойно васъ и вашихъ силъ, если вы ко мнѣ не пріѣдете. На станціи въ буфетѣ есть молодой татаринъ во фракѣ, съ большими ушами и очень красивыми черными глазами — Абдула. Онъ меня знаетъ и можетъ послать за сельскимъ старостою Иваномъ Григорьевымъ, который васъ ко мнѣ привезетъ за 50 коп. серебромъ. А впрочемъ, это я только такъ говорю: я увѣренъ, что вы не пріѣдете. Я не Г. и не Г... угадайте.

Вашъ «ami — ennemi» К. Леонтьевъ.

№ 9.

Екатеринѣ Сергѣевнѣ.

23 Апрѣля 1878 г.
Любань.

Истинно нестерпимыя физическія страданія, которыя я здѣсь переносилъ въ теченіи всего поста (тѣ самыя физическія острыя муки и болй съ примѣсью пріятныхъ размышленій о невозможности продолжать начатыя дѣла въ Петербургѣ, которыя вамъ и Ол. Серг. были извѣстны подъ столь правдивымъ и лестнымъ для меня названіемъ безпричинной и глупой хандры (красивыя слова). Эти страданія до того изнурили меня, что съ моей стороны было бы безуміемъ ѣхать теперь въ Петербургъ даже и для того, чтобы пуститься искать случая быть представленнымъ этой ледяной полу-французской куклѣ, которую зовутъ князь Лобановъ-Ростовскій.

Мнѣ нѣтъ судьбы, Катер. Сергѣев., ни въ чемъ! И когда я физически не слишкомъ измученъ, я даже давно со всѣмъ этимъ помирился. Нельзя вѣдь и сказать, чтобы я особенно жаждалъ возвратиться на службу куда попало и какъ попало и вы, если васъ это интересуетъ, сейчасъ можете узнать почему я разборчивъ Вотъ мои условія: 1) Мнѣ надо, чтобы мѣсто службы было не лихорадочное иначе черезъ годъ я буду непремѣнно въ нервномъ параличѣ (по крайней мѣрѣ ногъ. Неправда ли какая милая и легкомысленная хандра? Такъ и разлетится въ прахъ отъ дружескаго совѣта не хандрить!) Это мнѣніе серьезныхъ врачей. 2) Надо чтобы должность эта или бы сама давала мнѣ столько тысячъ въ годъ, чтобы я могъ скоро уплатить 4.500 р. въ банкъ за имѣніе и хоть половину долговъ моихъ (т. е. $^1/_2$—7.000), или

была почти синекурой съ меньшимъ содержаніемъ, но бы давала бы мнѣ время и удобство печатать какъ можно больше. 3) Надо, чтобы въ этомъ мѣстѣ были и удобства для молитвы, удобства сообразныя съ моими немощами и закоренѣлыми привычками. Все это возможно только на Босфорѣ. Нѣтъ, ни губернаторства въ Болгаріи, ни консульства во внутренней Турціи, гдѣ бы эти условія были соединены. И если нужно у б и в а т ь с я, такъ не лучше ли убиваться или въ Оптиной Пустыни, гдѣ царствуетъ драгоцѣнная идея полная поэзіи; или странствовать съ мѣста на мѣсто, какъ я дѣлаю со дня моей отставки (съ 1873 г.) ибо, несмотря на п о в и д и м о м у безцѣльныя, тяжкія перегринаціи изъ монастырей въ столицы изъ Царьграда въ Калужское сельцо Кудиново, я на литературномъ поприщѣ за эти 5 лѣтъ иногда восхитительной, иногда адски-мучительной свободы вынужденъ былъ самою нуждою сдѣлать больше, чѣмъ во всю прежнюю жизнь мою, когда я велъ болѣе практическую, полезную и обезпеченную жизнь; да и болѣе почетную, если хотите, ибо вы не можете и знать, что приходилось то во имя искусства, то во имя Христа за эти 5 лѣтъ проглатывать. Я самъ удивляюсь, что я не желченъ и не браню вообще людей, я даже думаю, что тутъ не одно христіанское чувство учитъ умѣренности и трезвости сужденій, а еще какая-то тонкая, самолюбивая боязнь говорить и даже мыслить въ такомъ отрицательно бранчивомъ вкусѣ, въ которомъ хандрятъ столько хамовъ и презрѣнныхъ стаднаго ума людей. Видите какъ премудро устроено все. Иногда и гордость укрѣпляетъ смиреніе. Не шутя! Я нисколько не хочу шутить — вѣрьте... Я больше всего боюсь, чтобы вы опять, какъ многіе, не назвали меня

оригиналомъ. Это ужасно! Неужели въ наше время сильно чувствовать, я не говорю даже глубоко, а просто мыслить значитъ только быть чудакомъ... Гдѣ мы? Гдѣ мы? Куда то мы, наконецъ, всѣ идемъ? И мы плывемъ «безсмысленною бездной со всѣхъ сторонъ окружены!» Я вижу, что я потерялъ даже нить того, что я хочу сказать. Ахъ! въ душѣ такъ много. Простите мнѣ, я вѣдь всетаки всѣмъ вамъ вѣрю и вамъ самимъ, несмотря на легкомысленное обвиненіе въ «севрюгѣ», человѣка съ котораго чуть ли не кожа снята и на нѣкоторыя другія обиды ваши и тигренка, который пріѣзжалъ сюда и говорилъ удивительно-вѣрныя вещи, давалъ просто удивительно-вѣрные совѣты и дочкѣ вашей этой «сіяющей безднѣ», какъ выразился Тютчевъ, а не безсмысленной, какъ современная Россія. Хотя по правдѣ сказать эта «сіяющая бездна» могла бы посерьезнѣе отнестись къ моимъ пыткамъ и хоть бы спросить обо мнѣ, а не писать мнѣ, что Ток — въ ушелъ, К — ъ ушелъ, П — въ живъ и что вообще скучно. (Скучно? что такое скучно). Кровавый крестъ, который она носитъ на модномъ фартукѣ патріотической гуманности, могъ бы научить ее, кажется, почитать чужое горе, серьезное горе, глубокое, правдивое, основательное и не относиться къ нему въ письмахъ съ легкостью въ которой занимательности на этотъ разъ не было... Другъ (отчего же мнѣ не называть себя такъ? Можетъ быть вы мнѣ только знакомые, но я вамъ другъ. Сердцемъ моимъ и всей душою я васъ всѣхъ полюбилъ) болѣлъ и правъ въ горѣ своемъ. Надо или быть настоящей поэтической женщиной, которая протягиваетъ руку серьезнаго утѣшенія и горячаго слова «En voyant l'honnête homme par la détresse abattu», или быть просто доброй

толстенькой русской дѣвочкой, которая жалѣетъ, именно потому — что она добра и что она толстенькая и что ей самой хорошо на бѣломъ свѣтѣ. Я вѣдь человѣкъ старый и претендую на привиллегіи отъ тѣхъ кого люблю. Въ любви же, т. е. въ дружествѣ, въ пріязни, въ симпатіи къ людямъ, которые мнѣ нравятся, какого бы пола и возраста они не были, я вотъ какъ: люблю, такъ люблю и кто мнѣ нравится съ тѣмъ обращаюсь бережно и жалѣю, жалѣю его самолюбіе, его страданія, его завѣтныя мечты. А Ток — въ, такъ Ток — въ — это нуль; и кромѣ строжайшихъ православныхъ обязанностей относительно Ток — ва и П — ва — никакихъ. Ну, довольно — я не могу продолжать; вы всѣ и лично, и коллективно такъ умны, что вы теперь, я думаю, можете сами продолжать это растрепанное, но всетаки понятное письмо. Скоро я буду, наконецъ, у себя въ моей милой деревнѣ, гдѣ пѣтухи даже не смѣютъ кричать громко, когда я пишу Одиссея [1]), ибо люди бросаютъ за это въ нихъ камнями; гдѣ племянница обходитъ задами флигель мой, опасаясь нарушить поэзію мою тѣмъ, что можетъ быть что нибудь въ походкѣ ея мнѣ въ эту минуту покажется некрасивымъ и мое созерцательное блаженство будетъ чуть-чуть нарушено, и обходитъ, замѣтьте, съ любовью, безъ ропота, не сомнѣваясь, что я въ этомъ только правъ (такъ она умна). Опять зелень двора моего, опять столѣтніе вязы надъ прудомъ; опять 13-ти лѣтняя Варька въ красивомъ сарафанѣ, которая подаетъ мнѣ прекрасный кофе и все по моему, на японскомъ подносѣ, и все тамъ стоитъ, гдѣ я хочу и лежитъ тамъ, гдѣ я желаю... И конечно,

---

[1]) «Одиссей Полихроніадесъ» романъ К. Н. Леонтьева, печатавшійся въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

и сахаръ, и молочникъ... Опять лѣчить крестьянъ; опять всенощная на дому по субботамъ «Господи возвеличился еси зѣло; во исповѣданіе и велелѣпоту одѣлся еси зѣло». И шелестъ безподобныхъ рощъ, и свирѣльки, и цвѣты полевые, и свиданія съ Оптинскими старцами. Слава Богу, слава Богу! А кто знаетъ, ноги ужъ такъ дурны, что и этимъ не суждено ужъ больше наслаждаться. Но что же если и такъ, то все же лучше въ моей деревнѣ, чѣмъ съ Болгарскими передовыми дѣятелями? Не такъ ли? Дай Богъ здоровья князю Дундукову, что онъ не хочетъ губернаторовъ рекомендованныхъ нашимъ министерствомъ! Видите, Катерина Сергѣевна, въ Царьградъ я поѣду охотно и просто, а во всѣ другія мѣста я пробовалъ хлопотать, но это болѣе «pas acquis de conscience», чтобы самого себя не винить, что я ничего не дѣлаю для поправки моихъ денежныхъ дѣлъ (такъ какъ отъ нихъ зависятъ многія другія). Надо показаться... А если кромѣ Игнатьева, (который, имѣя свои недостатки все-таки живой и способный человѣкъ) всѣ остальные дураки или какія-то разини, которые не умѣютъ разбирать людей, то я уже не виноватъ... Да и за себя съ этой точки зрѣнія не слишкомъ горюю. Все въ рукѣ Божіей. Богъ укажетъ, такъ и меня найдутъ вездѣ, и глупцы, и изъ ума выжившіе люди, а нѣтъ, такъ и нѣтъ. (Севрюга гораздо хуже). Кого люблю, кого чту, уважаю, кого цѣню высоко, отъ того и требованія больше (если позволяютъ разумѣется). А. А. Мельникову, напримѣръ, такъ и слѣдуетъ думать, что, если Адріанополь, въ случаѣ сохраненія мира съ Турціей, станетъ очень важнымъ постомъ, то надо оставить тамъ добраго безхарактернаго фразера И. А. Иванова, а не назначить меня... Онъ палка и по палочьи мыслитъ.

Мнѣ ничего — пока ноги не болятъ, пока Кудиново цѣло и пока могу писать. — Церкви и монастыри еще не сейчасъ закроютъ: лѣтъ двадцать, я думаю, еще позволено будетъ законами русскимъ помолиться... А могу ли я надѣяться еще 20 лѣтъ прожить (т. е. не впасть въ дѣтство!) Ради Бога, ради Бога, не думайте что я шучу... Мнѣ даже отсюда страшно, когда мнѣ вообразится, что вы улыбаетесь и мнѣ хочется разорвать на клочки это отвратительное по своей искренности письмо.

Что касается до палокъ то, я хотѣлъ бы прибавить, что Россія конечно и съ этими палками свершитъ свои Судьбы... Великія по духу, или только широкія и плачевныя, не знаю. Боюсь не плачевныя ли...

Наши палки, волшебныя палки или лучше сказать всѣ они похожи на ракитовые колышки. Вобьютъ ихъ въ землю куда попало, они и стоятъ, прошелъ дождь и колья вдругъ листья зелененькіе пустили.

Вотъ, вотъ посмотрите нечаянно возьмемъ въ маѣ Царьградъ и, все открещиваясь и все ползая передъ этой (не нахожу эпитета, чтобы выразить всю ненависть мою), передъ этой Европой и все извиняясь столь искренно, вобьемъ мы на Босфорѣ рядъ простыхъ осиновыхъ коловъ и они зазеленѣютъ тамъ хоть на короткое время. Долгаго цвѣтенія нельзя ждать отъ такой націи, гдѣ всѣхъ судей, адвокатовъ, прокуроровъ и присяжныхъ M-elle Засуличъ не отдаютъ подъ правильный судъ или на растерзаніе той толпы, въ которой остались еще искры здраваго гражданскаго пониманія. Какой долгой жизни можно ждать отъ этой націи, кромѣ мгновеннаго цвѣтенія осиновыхъ коловъ, согрѣтыхъ случайно, да случайно, солнцемъ юга. Да! Царьградъ будетъ скоро, очень скоро нашъ,

но что принесемъ мы туда. Это ужасно! Можно отъ стыда закрыть лицо руками... Рѣчи Александрова, поэзію Некрасова, 7-ми этажные дома, европейскіе (мѣщанскія, буржуазныя моды) кэпи! Господство капитала и реальную науку, панталоны; эти деревянныя крахмальныя рубашки сюртуки. Каррикатура, каррикатура! О, холопство ума и вкуса, о позоръ! Либерализмъ! А что такое идея свободы личной? Это хуже соціализма. Въ соціализмѣ есть идея серьозная: пища и здоровье. А свобода! Нельзя прибить кого нибудь. Нѣтъ, нѣтъ вывести насиліе изъ исторической жизни, это то же, что претендовать выбросить одинъ изъ основныхъ цвѣтовъ радуги изъ жизни космической... Этотъ цвѣтъ, эта великая категорія жизни придетъ въ новой и сильнѣйшей формѣ. Чума почти исчезнетъ, чтобы дать мѣсто холерѣ. А молодежь! Я знаю только двухъ крупныхъ по силамъ ума и вмѣстѣ съ тѣмъ характера молодыхъ людей: это Цертелевъ [1]) и Ю. С..., но у Цертелева мало внутренней правдивости, ему вѣрить не хочется. А для Юр. С. почему-то, почему-то, почему-то saltimbanque Gambetta — идеалъ. Хорошъ идеалъ! Прилагать силы свои къ чему-же? Къ царству мелкаго мѣщанства, къ господству сѣрой жакеточки, куцой, къ выдохшейся и утратившей всякое raison d'être якобинской республикѣ! Красиво...

Знаете ли Катерина Сергѣевна, что при видѣ всего этого спрашиваю себя каждый день: «Боже, патріотъ ли я? — Презираю ли я или чту свою родину?». И боюсь сказать: мнѣ кажется, что я ее люблю какъ мать, и въ то же время презираю, какъ пьяную, безхарактерную до низости

---

[1]) Князь А. Н. Цертелевъ, первый русскій генеральный консулъ въ Восточной Румеліи.

дуру. Весело, весело, весело!... Хандра, хандра, севрюга!... Продолжать болѣе въ этомъ духѣ невозможно. Я и такъ съ трудомъ удерживаюсь, чтобы на разорвать этого письма, но пусть оно пойдетъ. Я не знаю, что вы мнѣ не по нраву на него отвѣтите, знаю, знаю... Смѣю умолять: только серьезно: дѣтей не защищайте, я ихъ самъ вѣдь люблю, но зачѣмъ такихъ Китъ Китычей, да еще такихъ талантливыхъ защищать... Все таки я никогда не забуду ни вашей дружбы, ни вашей доброты, ни вашего блестящаго умѣнья разговора, ни вашей лампы, ни Андрюшу милаго и лукаваго, ни крапа атласной мебели, пополамъ съ сѣрой, съ красными пуговками, ни вашихъ двухъ старшихъ тигрятъ, ко мнѣ все таки грѣшному, столь ласковыхъ, ни арфы, ни котлетъ, ни всенощныхъ бдѣній моихъ на Милліонной, столь губительныхъ для моего здоровья, ни Курч — ва, ни Пашкова, ни Токарева. Если помнишь сердцемъ какую нибудь мѣстность въ любимой деревнѣ, напримѣръ, лужокъ или цвѣтникъ («Гюлистанъ», какъ говоритъ про вашу гостиную Г — въ) то съ улыбкой симпатіи вспоминаешь даже и тряпку, которую обронила мимоходомъ между фіалками и розами прохожая старая баба.

И кость обглоданную (петербургскимъ просвѣщеніемъ) псомъ. И даже искусственный цвѣтокъ изъ плохого магазина, который, по близорукости, иногда, можно принять за настоящій, — это Сор — инъ. Довольно! Довольно!

Цѣлую вашу руку кротко и прошу васъ Христомъ Богомъ пришлите мнѣ всевозможные ваши адреса на нынѣшнее лѣто.

Книжки Ольгѣ Сергѣевнѣ послалъ съ вѣрнымъ человѣкомъ. Спрашиваю себя иногда объ Ольгѣ Сергѣевнѣ: что она М-ме Ону или нѣтъ? Я отвѣчаю: о, конечно,

нѣтъ! Madame Ону очень легкомысленна, безпорядочна и ненадежна, а Ольга Сергѣевна львенокъ.

Хищные звѣри всегда надежнѣе травоядныхъ, когда они пріучены... Да! Ольга Сергѣевна это восхитительная скала изъ яшмы дикой съ бѣлыми и розовыми жилками, поросшая жасминомъ и розами, на которыхъ пѣть только персидскимъ соловьямъ. Она гранитъ, она не M-me Ону. Но я то отмѣченъ рокомъ такъ сурово, что когда коснется дѣло до меня, то и она станетъ еще слабѣе и ненадежнѣе, чѣмъ M-me Ону.

Вы съ удивленіемъ спрашиваете, что это такое?

Ольга Сергѣевна помнитъ; а, если она даже и забыла, — то тѣмъ болѣе я правъ, говоря, что на мнѣ какое то каторжное клеймо.

Если мнѣ отвѣтъ вашъ не полюбится, то другой разъ такихъ безумныхъ и сердечныхъ писемъ писать не буду. Я буду писать такъ, чтобы не говорили: «какой чудакъ» а просто: «C'est un homme d'ésprit et trés aimable». Т. е. вещь, которую чуть ли не про Токарева можно сказать. Вѣдь и Сорокина можно назвать «homme d'ésprit».

Прошу васъ еще поцѣлуйте за меня три раза графа Г—на, т. к. вы, я видѣлъ, цѣлуете его. Я, серьезно, цѣню его. Это характеръ, а не то, что всѣ остальные товарищи вашего сына. Тѣ, просто ужасно, когда вспомнишь, что они соотечественники. Если они были бы французы, я былъ бы радъ.

Предан. вамъ всей душей К. Леонтьевъ.

Мой деревенскій адресъ: Калужской губ. Мещовскаго уѣзда, ст. Щелканово, сельцо Кудиново.

№ 10.

3 Іюля 1878 г.

Катеринѣ Сергѣевнѣ.

Сельцо Кудиново

Письмо ваше, Катерина Сергѣевна, поразило меня самой пріятной неожиданностью.

«Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей».

Да, не хочу быть болѣе благоразумнымъ! Буду безумствовать!.. Все крѣпишься, все остерегаешься, наконецъ, надоѣстъ! Вы рады, я вижу... Вы ожидаете: «ну, посмотримъ, что это будетъ за безумiе, что онъ еще выдумаетъ?» Ничего не выдумаю и никакого особеннаго безумія даже не обнаружу, хотя и выразить затрудняюсь, какъ былъ я радъ, что получилъ отъ Васъ такое милое письмо. Вы даже Губастову обо мнѣ писали и онъ сообщилъ мнѣ выписки изъ Вашего письма. Только отчего Вы его считаете болѣе достойнымъ «французскаго языка», чѣмъ меня? Это тоже оригинально! Я Губ — ва, вы знаете, искренно люблю, но однако... Чортъ возьми, пусть будетъ такъ, какъ вамъ угодно... Не смотря на тысячи оскорбленій, которымъ я постоянно подвергался на Милліонной отъ васъ и отъ тигрятъ, всетаки:

«Я лилъ потоки слёзъ нежданныхъ
И ранамъ совѣсти моей

Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей».

Вы говорите забыть васъ, дѣтей вашихъ, красную гостиную («красную мебель», по моему, а гостиная шоколадная съ золотомъ). Развѣ это возможно? Эти 3 — 4 недѣли, которыя я провелъ почти исключительно съ вами и съ дѣтьми вашими въ Петербургѣ, были истиннымъ оазисомъ какимъ то во мракѣ и пустынѣ всей этой зимы. Въ первый разъ, вообразите, мнѣ даже Петербургъ не то, что понравился, а показался возможнымъ... Но оставимъ это, съ вашимъ умомъ и смысломъ вы сами должны это понимать.

Теперь о свѣтлѣйшемъ канцлерѣ. Очень глупо съ его стороны разыгрывать роль глухого до котораго, вѣсти дошли. Онъ уменъ и былъ товарищемъ Ал. Серг. Пушкину. «Un ésprit observateur. Il a l'esprit observateur» вѣдь это то же самое, что сказать: «да, Скобелевъ не трусъ», или «да, Ольга Сергѣевна — чтобы такое? ну — живетъ съ матерью на Милліонной». Ахъ! Катерина Сергѣевна, не правда ли: ахъ! Я увѣренъ, что вы со мной согласны. И что же, наконецъ, предлагается въ награду за этотъ «наблюдательный умъ». Какое нибудь консульство въ Салоникахъ? Знаете, я разсуждаю такъ: если я министръ, начальникъ вообще и т. п., если я нахожу, что N. N. способенъ и какъ агентъ политическій, и какъ повѣствователь, то я могу взглянуть на дѣло съ двухъ сторонъ и поступить двояко: и если я буду видѣть въ этомъ человѣкѣ только писателя, которому я хочу покровительствовать, то я предлагаю ему покойное мѣсто въ странѣ и городѣ ему удобномъ, почти синекуру, такъ, чтобы, принося мало прямой пользы службѣ или, лучше сказать,

принося ей не болѣе, чѣмъ могъ бы всякій другой принести, ибо на ней мало серьезнаго дѣла, имѣлъ бы весь досугъ приносить косвеннымъ путемъ пользу своими сочиненіями, обогащая просто отечественную литературу хорошими произведеніями, или же прямо, вліяя на умы выгодно для государства. Если же я хочу употребить способности этого человѣка не на литературу, до которой мнѣ мало дѣла, напримѣръ, а желаю эксплоатировать его непосредственно на дѣло практическое, то я долженъ, напротивъ, дать ему мѣсто видное съ широкимъ поприщемъ, гдѣ бы онъ могъ бы самоувѣренно и свободно обнаружить свои практическія, или вообще государственныя способности. Но называть человѣка «наблюдательнымъ» и предлагать ему эти должности, на которыхъ терпимы Троянскіе и т. п... Положимъ, «un ésprit observateur» еще не велика птица, но всетаки птица, а если бы всѣ, или почти всѣ, которые были бы теперь какъ были прежде, хоть нѣсколько похожими на «птицъ», то это имѣло бы смыслъ, а то исключая старыхъ, или прежнихъ (Іонина, Хитрова, Карцова вашего и только) остальные всѣ пресмыкаются, а не летаютъ. Были недостатки и у прежнихъ, были и большіе, но они летали, а не ползали! Видно нѣтъ нужды въ лучшихъ для внутренней Турціи, когда награждаютъ и терпятъ Троянскихъ и ему подобныхъ.

Это разсужденіе государственное, а теперь личное. По правдѣ сказать, я самъ не знаю чего я хочу, или, лучше сказать, я хочу очень опредѣленнаго и труднаго: я хочу жить или въ Константинополѣ постоянно, или остаться такъ, какъ я теперь.

Ни въ консульствѣ жить я не рѣшусь долго, даже и годъ, ни въ Россіи связать себя должностью мирового

судьи, какъ мнѣ здѣсь предлагаютъ. Есть минуты очень трудныя, но онѣ проходятъ и я опять радуюсь и живу «день за день», какъ птичка Евангельская, и пою на вѣткѣ, какъ птичка Гётевская («Ich singe, wie der Vogel singt, der auf dem Zweige wohnet», кажется, такъ? спросите у тигрятъ).

Вслѣдствіе всего этого я намѣренъ дѣйствовать теперь не спѣша и осторожно, все настаивая на томъ же... Я на дняхъ послалъ письмо Мельникову именно въ этомъ духѣ, а погодя немного пошлю еще кой кому. Кому — самъ еще не знаю и не тревожусь особенно. Я въ этомъ фаталистъ и пока у меня есть деньги мѣсяца на два, въ теченіи которыхъ я могу много написать (иногда) и вся карта Европы можетъ въ то же время измѣниться, пока (какъ теперь) дворъ мой очень зеленъ, липовыя аллеи очень тѣнисты, розы на этомъ зеленомъ дворѣ, такъ же милы, какъ бантикъ на головѣ вашей практической дочери. («O feu sacré» ея я думаю иначе, чѣмъ вы: боюсь не есть ли онъ въ ней ни что иное, какъ тоже бантикъ, украшеніе между прочимъ, только болѣе крупное!) Пока въ рощѣ есть грибы и мальчики стерегущіе лошадей поютъ русскія пѣсни и вовсе не враждебно трепещутъ гласа моего (я люблю, чтобы въ домѣ меня трепетали, любя однако). Пока приходятъ ко мнѣ лѣчиться послѣ обѣда больные и я могу серьезно иногда помогать имъ, или даже на Катковскій гонорарій (какое скверное слово!) покупать имъ лекарства; пока въ прохладномъ флигелькѣ моемъ, окруженномъ акаціей и бузиною, теплится лампадка передъ аѳонскимъ образомъ юноши — мученика Пантелеймона, образомъ обдѣланнымъ мною въ золото и серебро и убраннымъ рукою моею искусственными фіалками, розовыми бутонами и

зеленью... Пока есть Оптина Пустынь такая прекрасная въ сосновомъ бору недалеко отсюда; есть друзья подобные Вамъ и злымъ дѣтямъ Вашимъ, Н — ымъ и Губ — у, друзьямъ не жалѣющимъ деньги на телеграммы, чтобы узнать, гдѣ я... Пока все это есть, хоть на 2 мѣсяца... И есть искусство, и есть молитва, и есть отличный кофе, который подаетъ мнѣ фаворитка моя въ сарафанчикѣ и въ красной рубашкѣ (honni soit, qui mal y pense — ей всего 13 лѣтъ). Зачѣмъ я буду на стѣну лѣзть, согласитесь.

Достать, что нибудь необходимо для поправки своихъ очень запутанныхъ обстоятельствъ, но и то я полагаю больше для очищенія совѣсти, чѣмъ для дѣйствительнаго достиженія цѣли, какой нибудь вздорной, вѣроятно. Завтра, вдругъ, умрешь... Отчего? Оттого, что восхитился дѣятельностью Троянскаго, позавидовалъ славѣ Иларіонова, увлекся примѣромъ Максимова Битолійскаго (онъ глупъ). Будешь каяться въ послѣднюю минуту, что погнался за тѣнью, но я не отказывался безусловно и даже Юрію вашему на дняхъ напишу кое-что такое, что онъ показать можетъ, если найдетъ выгоднымъ. Я въ его хитрость ужасно вѣрю. Пусть начальство будетъ умно—и я къ его услугамъ. А умирать отъ лихорадки въ Солуни, или въ Янинѣ я нахожу тѣмъ болѣе непріятнымъ, что нынѣшняя Россія мнѣ ужасно не нравится. Не знаю стоитъ ли за нее, или на службѣ ей умирать? Я не рѣшаю, что не стоитъ; я спрашиваю, стоитъ ли? Я люблю Россію царя, монаховъ и поповъ, Россію красныхъ рубашекъ и голубыхъ сарафановъ, Россію Кремля и проселочныхъ дорогъ, благодушнаго деспотизма.

Вашъ Леонтьевъ.

№ 11.

Юрію Сергѣевичу.

7 Іюля 1878 г.
Сельцо Кудиново.

Юрій Сергѣевичъ, матушка ваша писала мнѣ, что 25 Іюня вы должны возвратиться въ Петербургъ. Значитъ, это письмо мое можетъ уже застать васъ на мѣстѣ. Не завидую вамъ, впрочемъ быть въ Петербургѣ лѣтомъ не особенно утѣшительно. Однако, я очень занятъ и потому безъ околичностей буду прежде всего писать о дѣлѣ. Вы слышали уже, конечно, о томъ, что Министерство все еще не прочь дать мнѣ должность. Говорятъ, будто бы кн. Горчаковъ сказалъ какой то вздоръ о моемъ «наблюдательномъ умѣ». Я не шутя называю эту фразу вздоромъ вотъ почему: на что наблюдательный умъ на должностяхъ, которыя занимаются лѣтъ счетомъ 10 все глупыми людьми. Впрочемъ, обо всемъ этомъ я подробно писалъ Катеринѣ Сергѣевнѣ и мнѣ было очень пріятно, если бы вы это мѣсто потрудились прочесть въ этомъ письмѣ моемъ, что бы мнѣ здѣсь не повторять два раза тоже. Какъ бы то ни было, я писалъ А. А. Мельникову [1]), настаивая на томъ, чтобы меня устроили въ Константинополѣ какъ нибудь. Написалъ еще разъ о томъ, что Адріанопольское консульство для меня возможно и, наконецъ, прямо заявилъ, что и Салоники могу взять, если у меня будетъ хорошій секретарь и если мнѣ позволятъ жить въ Константинополѣ. Узнайте, голубчикъ,

[1]) Вице-Директоръ Азіатскаго Департамента.

что они скажутъ на эти письма и напишите мнѣ. Только ужъ не собирайтесь сами по мѣсяцамъ писать, а лучше попросите вмѣсто васъ извѣстить меня мамашу, или Ольгу Сергѣевну. Я оставилъ въ Департаментѣ Ветошкину мой адресъ и даже далъ ему непомню 3, или 5 рублей, чтобы онъ вписалъ его въ книгу.

Кланяйтесь Ольгѣ Сергѣевнѣ и Андрюшѣ. Ольгу Сергѣевну поздравьте съ имянинами 11-аго числа.

Тотъ романъ, о которомъ мы говорили, началъ бы сейчасъ, если бы было возможно, но для того, чтобы за него взяться надо бы имѣть передъ собой, хотя 2 года свободныхъ. А я никогда не свободенъ отъ срочныхъ занятій.

«Проступокъ аббата Мурэ» купилъ и прочелъ. Это очень хорошо; но Набабъ еще лучше.

Прощайте. Вашъ К. Леонтьевъ.

№ 12.

Ольгѣ Сергѣевнѣ.

26 Іюля 1878 г.
Сельцо Кудиново.

Я сдѣлалъ большую ошибку! Мнѣ нужно бы было сейчасъ отвѣтить вамъ, какъ только получилъ вашъ восхитительный и ужасно-похожій портретъ, завернутый въ довольно сносное на этотъ разъ и не слишкомъ обидное по своей объективности и сухости письмо. Разумѣется, я былъ такъ радъ, такъ радъ портрету и тому, что вы помните мою просьбу, что на обычный вамъ дурной стиль

письма я не обратилъ сначала никакого вниманія. Нельзя даже и отъ васъ требовать всего. Я долго искалъ какіе у васъ недостатки и нашелъ сначала, что у васъ мало доброты («большая» есть). Вы говорите: ахъ... (Эти журавли въ небѣ... На что они? Дайте намъ синицу въ руки) отвѣчаете какою-то хроникою о Милліонной улицѣ о Департаментѣ, о разныхъ «зайцахъ» (изъ крысъ хорошъ только Г.) на крикъ и вопль больного человѣка изъ Любани. Мать ваша такъ написать могла... У нея есть обѣ доброты и большая и маленькая, которая гораздо нужнѣе. А другой недостатокъ вашъ, тѣсносвязанный съ 1-ымъ это то, что письма ваши холодны и не хороши. Впрочемъ ваши разсужденія объ идеалѣ въ деревнѣ и о подругѣ вашей въ Польшѣ мнѣ нравятся. Хорошо! Можно разсуждать объ этомъ много, но вообще трудно. Почему я дурно сдѣлалъ, что не написалъ подъ вліяніемъ 1-аго движенія? Не знаю, можетъ быть я и не дурно сдѣлалъ. Это ужъ вы сами рѣшите. Можетъ быть, если бы я написалъ тогда, то письмо мое было бы очень велико, очень искренно, очень дружественно, очень серьезно, и потомъ мнѣ было бы обидно и стыдно читать въ отвѣтъ какіе то пустяки. А теперь я переждалъ, явились на помощь разныя заботы, тоска (хандра!), спѣшныя дѣла и теперь если вы напишете мнѣ, что Кур—въ женится (только не на васъ! О, Боже!), что Токаревъ очень милъ, и что Пашкова вы недавно видѣли, то я сочту такія извѣстія въ порядкѣ вещей и не обижусь. Привычка великое дѣло.

Милый, хитрый, русскій (какъ будто бы добрый на этотъ разъ) образъ вашъ — я поставилъ на письменномъ столѣ моемъ. Рамку (золоченую, не золотую, а только снаружи сіяющую и деревянную внутри) я выписалъ

изъ Калуги, а пока я прислонилъ его къ «memento mori», который у меня стоитъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Это черепъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ человѣка; я на немъ учился анатоміи, когда былъ студентомъ. Вашъ портретъ совсѣмъ почти прикрылъ его и теперь, занимаясь, я вижу васъ, а не образъ смерти. Это вредно, хотя и пріятно. Надо будетъ найти вамъ другое мѣсто. Хотите, я вамъ сознаюсь, что мнѣ очень грустно и очень тяжело теперь. Обстоятельства мои очень трудныя. Я бы вамъ писалъ гораздо серьезнѣе, если бы былъ увѣренъ, что отвѣты тоже будутъ серьезные. Письмо мое, я знаю, очень поверхностное и пустое, шуточное какое то. Но этому вы сами причина. Мы могли бы быть съ вами гораздо дружнѣе и проще, именно вслѣдствіе разницы нашихъ лѣтъ и настроеній. Но у васъ есть всегда что то такое, чего я по отношенію къ себѣ не люблю. «Яйца курицу учатъ». Пишите лучше, искренно и просто и я буду вамъ подражать. Благодарю васъ и Ю. С. за доставленныя свѣденія. У К. С. цѣлую крѣпко руку.

Вашъ К. Леонтьевъ.

N. B. Пожалуйста, пишите мнѣ просто К. Н—чъ, а не «добрѣйшій». Ce nést pas gracieux и не женственно. Слушайте меня хоть въ этомъ.

№ 13.

Ольгѣ Сергѣевнѣ.

26 Августа 1878 г.
Сельцо Кудиново.

Видно самой судьбѣ угодно, чтобы переписка моя съ вами была почти исключительно дѣловая. На этотъ разъ

обращаюсь къ той крупной добротѣ вашей, о которой вы говорили мнѣ разъ, настраивая арфу: прошу васъ снова напомнить обо мнѣ Ю. С. Мнѣ очень нужно его содѣйствіе. Я вижу изъ газетъ, что есть новыя назначенія и потому написалъ Гирсу рѣшительнѣе, нѣчто вродѣ оффиціальной просьбы о принятіи меня на службу и о томъ, что я одинаково (будто бы?) буду доволенъ должностью и на Балканскомъ полуостровѣ и въ З. Европѣ. По совѣту Ону написалъ Мельникову съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ, который я нахожу полезнымъ. Конечно, Ю. С. по прежнему не откажетъ слѣдить за моими интересами въ Департаментѣ, а вы напишите мнѣ о томъ, что онъ вамъ передастъ. Передаю судьбу мою въ дружескую вашу и энергическую руку и увѣренъ, что вы все это съ удовольствіемъ сдѣлаете. Если вамъ угодно знать еще что нибудь обо мнѣ, то скажу вамъ, что къ осени мнѣ здѣсь становится скучнѣе и что я былъ бы счастливъ, если бы могъ быть скоро опять на Милліонной, но это невозможно: денегъ нѣтъ. Проза! Днемъ еще ничего, до обѣда я много пишу, а къ вечеру иногда очень скучно. Что сказать еще? Я очень радъ, что Игнатьева Болгары хотятъ избрать княземъ своимъ. Не лучше ли это, чѣмъ нѣмецкій принцъ. Боюсь, чтобы наши не помѣшали.

Знаетъ ли Ю. С., что его мазурикъ Гамбетта женится на наслѣдницѣ милліонера. Этого только недоставало! У К. С. цѣлую руку и прошу не забывать преданнаго ей и вамъ

К. Леонтьева.

P. S. Часто гляжу на вашъ милый портретъ и думаю: что она такъ мило глядитъ и ничего мнѣ такого хоро-

шаго, русскаго, простого не скажетъ? Извините, О. С., я забылъ еще объ одномъ дѣлѣ: мнѣ очень нужно на всякій случай чинъ, имя и отчество Пименова. Вы мнѣ весной прислали все это въ Любань, но я куда то затерялъ эту записочку.

Пришлите мнѣ еще такую же.

Простите, пожалуйста, все проза, проза и проза жизни! Въ чемъ же я, впрочемъ, виноватъ въ этомъ.

№ 14.

Ольгѣ Сергѣевнѣ.

3 Сентября 1878 г.
Сельцо Кудиново.

Я съума сошелъ: вмѣсто Никоновъ [1]) написалъ вамъ Пименовъ. Извините, я очень озабоченъ теперь и потому такъ разсѣянъ.

Письмо К. С. и ваше письмецо получилъ. Очень тронутъ. Очень, очень жаль, что наивный, вѣрующій и въ своемъ родѣ изящный и свѣжій лицомъ и сердцемъ Г. не ходитъ болѣе на Милліонную. Хорошо какъ бы вмѣсто его сталъ бы ходить кто нибудь вродѣ Черетелева, или Хитрово, или напр. философъ молодой Владиміръ Соловьевъ. А то вдругъ... кто нибудь изъ тѣхъ... О! Боже! Нѣтъ, ни умъ, ни арфа, ни Гете, ни всевозможные дары, таланты и познанія не спасаютъ насъ отъ ошибокъ молодости. Да хранитъ васъ Господь Богъ, а я жму вамъ вашу сильную руку и остаюсь

непризнанный и непонятый вами, но искренній другъ вашъ К. Леонтьевъ.

---

[1]) Чиновникъ М. И. Д. завѣдывающій назначеніями по службѣ.

P. S. К. С. сейчасъ не отвѣчаю, потому что хочу написать побольше, а дѣла спѣшнаго множество.

N. B. Скажите брату, что я написалъ кн. Горчакову и Гирсу рѣшительную просьбу принять меня на службу. Денегъ вовсе нѣтъ!

Все мнѣ хочется васъ, О. С., описать, но сюжета не придумалъ еще; помогите! Можно было бы представить дѣвушку съ огромными силами, которая встрѣчаетъ и отборныхъ людей и пошлыхъ, оригинальныхъ и скучныхъ, глубокихъ и пустыхъ; съ одними ей неудача отъ разныхъ побочныхъ условій, другихъ (изъ стоющихъ вниманія) она отвергаетъ... Но «le mieux est l'ennemi du bien» и все кончается какимъ то честнымъ и скучнымъ человѣкомъ не бѣднымъ но и не богатымъ, вульгарно не глупымъ, не простымъ, но и не знатнымъ, не старымъ, но и не юношей, не уродомъ, но и не красивымъ, а такъ Ивановымъ, Петровымъ, Осиповымъ,.. даже и не Благовѣщенскимъ, съ которымъ она хоть бы въ Сибирь попала вмѣстѣ. Но боюсь, что такая повѣсть будетъ ужъ слишкомъ реальна. Отчего вы не продолжите вашъ въ высшей степени интересный для меня разсказъ, прерванный моимъ вынужденнымъ отъѣздомъ въ Любань? Тогда я бы не жаловался на ваше письмо. Вы говорите пріѣзжать для разговора. Пріѣхалъ бы, пріѣхалъ бы сейчасъ же, если бы у меня было 1000 рубл., какъ въ прошломъ году. Но вы можете судить о положеніи моихъ дѣлъ, когда я то соглашаюсь быть на посылкахъ (корреспондентомъ!) у Каткова (и только болѣзнь спасла меня отъ этого), то соглашаюсь принять всякое мѣсто въ Турціи, тогда какъ я бы никуда не хотѣлъ ѣхать, а все бы правильно вращался

между Кудиновымъ, Оптиной Пустынью, Кремлемъ и... Милліонной. Прощайте!

№ 15.

Ольгѣ Сергѣевнѣ.

8 Октября 1878 г.
Сельцо Кудиново.

Вотъ ужъ 2 недѣли, кажется, что я получилъ ваше послѣднее, очень милое письмо. Хочу сегодня спѣшно извѣстить васъ, что оно доставило мнѣ очень большое удовольствіе. И, вообразите, пришло вмѣстѣ съ письмомъ не менѣе крупнаго васъ человѣка (извините, «личность» ужъ не употребляется мною съ тѣхъ поръ, какъ всѣ корридоры стали говорить: «пріятная личность»), отъ Н. П. Игнатьева.

Признаюсь одно другого стоитъ. Я оттого медлилъ отвѣтомъ, что хотѣлъ все получше, все подушевнѣе написать, но «le mieux est l'ennemi du bien». Началъ было, — написалъ много, положилъ, перечелъ, разорвалъ. Понимаете! Оно мнѣ показалось ужъ слишкомъ п р о с т о. Вы пишете, что желаете этой простоты... Но, вѣдь моя простота и ваша — это небо и земля. Моя какая то, радикальная, глупая; ваша — дипломатическая и умѣренно-либеральная. Надо учиться на старости теперь у молодыхъ ловкости и здравому смыслу.

Теперь именно ужасно занятъ заботами о насущномъ, но какъ только будетъ можно напишу вамъ отвѣты на всѣ вопросы и примѣчанія ваши съ простотой вашей, а не

моей т. е. вовсе не такъ просто, какъ кажется... Знаете: «обжегшись на молокѣ, будешь дуть и на водицу». А если вы хотите настоящей искренности, беззавѣтной подробной о себѣ самомъ и о моей внутренней жизни и т. д. то покажите примѣръ...

Вы во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе меня поставлены вы весна, я осень. Весной все хорошо, даже и бури и легкіе дожди, а осенью только и сносны, это веселые дни... Чтобы говорить объ осеннихъ непогодахъ надо быть очень увѣреннымъ, что къ нашимъ словамъ будутъ относиться уважительно и серьезно и не будутъ давать совѣты не впадать въ севрюгу и т. п.

Вашъ К. Леонтьевъ.

№ 16.

Катеринѣ Сергѣевнѣ.

9 Ноября 1878 г.
Козельскъ. д. Иноземцевой.

Часто случается, что и вѣрующіе люди до того нагрѣшатъ, что не рѣшаются итти на исповѣдь и этимъ малодушіемъ удвояютъ свои проступки. Лучше притти и покаяться въ ожиданіи всепрощенія. И я прихожу къ вамъ, Катерина Сергѣевна, и каюсь въ томъ, что (и самъ не пойму почему именно) съ Августа не отвѣчалъ вамъ. Помню одно твердо, это то, что я собирался что то много и хорошо вамъ писать, но именно это желаніе сдѣлать лучше и повредило мнѣ: лучше бы отвѣтить похуже да сейчасъ. А я все откладывалъ, а обстоятельства между

тѣмъ измѣнились: явились новыя заботы, новыя обязанности, новыя мысли. И вотъ только въ Козельскѣ на новосельи я опомнился и взялся за перо... Милліонную я не могу забыть. Я съ удовольствіемъ даже тревожу «язвы старыхъ ранъ», нанесенныхъ мнѣ «тигрятами», которые даже любя и играя нечаянно рвутъ живые куски. Они все таки такъ даровиты и хороши, что нужно умѣть терпѣть боль отъ ихъ «прокурорской діалектики». Отчего же мрачный и юный Ю. С. до сихъ поръ съ вами? Развѣ не пора ему на Востокъ. Я все спрашиваю себя куда его назначатъ? И хотя мнѣ было бы гораздо пріятнѣе знать, что онъ близко и я имѣю шансы получить отъ него нѣсколько царапинъ въ Петербургѣ, но т. к. онъ самъ желалъ ѣхать въ Турцію, или Грецію, то я безкорыстно интересуюсь его судьбою. Что Андрюша. Какъ его занятія и развитіе вообще? Здоровъ ли онъ? Не огорчаетъ ли онъ васъ? Весела ли О. С.? Кто теперь «ходитъ» вмѣсто милаго и оригинальнаго графа Г.? Скажите мнѣ, пожалуйста, вѣдь его мать, неправдали, урожденная графиня З—ва и сестра Ник. Никол., котораго я знаю и котораго почти—случайному вмѣшательству я былъ обязанъ въ 62 году поступленіемъ на службу. Именно З—въ у Г. говорилъ обо мнѣ Игнатьеву и Игнатьевъ захотѣлъ меня видѣть. Меня очень это интересуетъ и я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы мнѣ объ этомъ написали. Мы надняхъ переѣхали на всю зиму въ Козельскъ. Вы помните, что татары назвали его «злымъ» за геройскую кровопролитную оборону во время Батыева нашествія. Для меня онъ пока ни золъ, ни добръ, я въ самомъ городѣ знаю только одного человѣка. Но изъ оконъ моего кабинета виденъ огромный Оптинскій боръ и самъ мона-

стырь; онъ въ двухъ верстахъ отсюда и общество нѣкорыхъ монаховъ, даже просто какъ общество, очень пріятно. Въ Кудиновѣ, которое такъ мило и красиво лѣтомъ, зимой по многимъ причинамъ не возможно жить, а наши ближніе уѣздные города Юхновъ и Мещовскъ не такъ удобны, какъ Козельскъ. Отъ Кудинова Козельскъ 70 верстъ, двѣ упряжки и я очень люблю ѣздить сюда въ своей колясочкѣ постаринному, ночуя у толстой старовѣрки на постояломъ дворѣ. На минуту забываешь объ Александровѣ, Гамбетѣ и К°... Все не такъ пошло...

Домъ мы наняли довольно просторный; помѣщичья квартира, знаете, расписные потолки, свои люди съ собою: поваръ, мальчикъ, дѣвушка, все наши Кудиновскіе изъ прежнихъ крѣпостныхъ.

Къ намъ пріѣхала гостить и Любанская племянница, а Кудиновская, та ужъ, разумѣется, здѣсь. Какъ сложится дальше наша здѣсь жизнь — не знаю; но лишь бы я писалъ то она мнѣ по элементамъ своимъ нравится. Конечно. очень было бы хорошо пріѣхать въ Январѣ хотя на мѣсяцъ туда, къ вамъ, но просто постичь не могу откуда я нынѣшній годъ возьму деньги на эту поѣздку въ Петербургъ? Лучше не мечтать, а пусть это сбудется само собою, какъ сюрпризъ.

Я началъ новый романъ изъ современной русской жизни. Не тотъ, о которомъ говорилъ вамъ Ю. С. Тотъ великъ и слишкомъ серьезенъ безъ хорошей должности я не рѣшусь и начать его; для него нужно 2 — 3 года; а это полегче.

Какъ вы находите конецъ «Камня Сизифа» и вообще то, что печаталось съ этого лѣта. Вы знаете, какъ

мнѣ пріятны ваши похвалы. Цѣлую вашу руку и остаюсь съ глуб. почт. преданный вамъ

К. Леонтьевъ.

№ 17.

12 Ноября 1878 г.

Г. Козельскъ (Калуж. губ., д. Иноземцовой).

Еще письмо отъ васъ, Ольга Сергѣевна; и письмо немножко получше другихъ... Простите мнѣ мое разочарованіе. Я весной уѣзжая въ Любань имѣлъ глупость мечтать о какой то иной перепискѣ. Вообразите какой смѣшной въ мои годы романтизмъ: я мечталъ, что вотъ дѣвушка молодая, такая умная, красивая и страстная и вмѣстѣ съ тѣмъ практическая... и вотъ человѣкъ усталый, измученный борьбой, всякаго рода борьбой, человѣкъ пожилой, но у котораго умъ не старѣетъ, у котораго и сердце еще пробуждается иногда при видѣ прекраснаго. Они дружны, очень дружны. Отношенія ихъ безупречны... Ему ужъ такъ мало нужно. Онъ иногда ужъ радъ и тому, что живъ еще, что смотритъ на людей, на природу, что хоть какъ нибудь учавствуетъ въ движеніи умовъ. Ей съ нимъ весело и легко, гораздо веселѣе чѣмъ съ большинствомъ этихъ ужасныхъ, казенныхъ молодыхъ людей, которые ее окружаютъ. Они переписываются, они смѣются вмѣстѣ, жалуются другъ другу откровенно понятно и подробно когда можно на то что имъ скучно, или тяжело, они разсуждаютъ о Богѣ, о жизни, о любви даже, о

любви вообще. И это длится годами. Она выходитъ замужъ по любви, или иначе, но поэтическая дружба ихъ остается отъ этого нерушимой. Никто даже и мужъ не можетъ ничего сказать противъ этой пріязни въ которой нѣтъ и тѣни укоризны и только одно благоуханіе чести и ума... Неправда ли какъ глупо? Я не шучу, я право не шучу... Но чтожъ и такъ хорошо. Я благодаренъ и за то, что вы иногда понуждаете вашего Юрія справиться обо мнѣ въ Департаментѣ, что вы сообщаете мнѣ чинъ и отчество Никонова, мнѣ очень интересно знать, что вы «сегодня нервны» (чтобы въ самомъ дѣлѣ это имѣло смыслъ надо написать отчего) и что поэтому письмо ваше кратко (когда же оно бываетъ длинно).

А вы пишите то о свадьбѣ какой то подруги до которой мнѣ дѣла нѣтъ, то о томъ, что въ Германіи лучше встрѣчали войска. Впрочемъ, даю вамъ слово, все это я говорю въ послѣдній разъ. Я сегодня не то, что бы «нервенъ», какъ вы (я терпѣть не могу этихъ нервовъ) а просто нездоровъ и очень скученъ. Но вы хотѣли простоты, т. е. откровенности: вотъ вамъ откровенность. Разъ и навсегда! Больше не буду такъ писать, а буду писать въ другомъ смыслѣ просто, т. е. безцвѣтно и сдержанно. Мнѣ очень, очень, грустно Ольга Сергѣевна, не вы, конечно, этому причиной и вы пособить моему горю не въ силахъ. И никто ему не пособитъ... Изъ оконъ моего маленькаго кабинета виденъ большой сосновый лѣсъ (въ 2-хъ верстахъ отсюда) и бѣлая колокольня Оптиной Пустыни «Симъ побѣдиши». Не подтрунить ли вамъ надъ этимъ? Не назвать ли это все такъ легкомысленно, такъ неуважительно хандрою. (Какъ мало женственности въ этомъ словѣ). Нѣтъ! Ольга Сергѣевна, вы очень умны

можетъ быть, но есть цѣлый міръ мыслей и чувствъ для васъ недоступныхъ. Поймете ли вы, напримѣръ, вотъ что; поймете ли хорошо, умомъ ясно, сердцемъ горячо; поймете ли вы меня, если я вамъ скажу, что мнѣ ничего не проходитъ даромъ. Ничего не прощается такъ, какъ прощается многимъ другимъ.

Напримѣръ, за 3 недѣли моей прошлогодней Петербургской жизни, которая была такъ пріятна, такъ незабвенно хороша, я заплатилъ 6 недѣлями жестокихъ тѣлесныхъ страданій въ Любани (хандрилъ). Были другіе и другіе случаи, хотя бы этимъ лѣтомъ Поменьше удовольствія, поменьше и наказанія. И что вы скажете, если я прибавлю, что это такъ и надо, что это хорошо. Пусть и не проходитъ даромъ! Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы просите меня, чтобы я оставилъ «анализъ». (Слово «анализъ» тутъ некстати, здѣсь нужно сказать, осторожность, недовѣріе, почему-жъ «анализъ»? Анализъ — это понятіе болѣе общее; надо впередъ выражаться въ одно время и точнѣе и по-русски). Чтобы я оставилъ анализъ этотъ и писалъ бы какъ можно откровеннѣе. Но нельзя къ вамъ имѣть полное довѣріе. Напримѣръ, вы сами знаете до чего вы умны... Это такъ, но «на всякаго мудреца довольно простоты». Напиши я вамъ, напримѣръ, что я теперь въ такомъ настроеніи, что желалъ бы ни съ кѣмъ года два не переписываться, желалъ бы имѣть возможность службы не искать, желалъ бы ничего литературнаго не писать, а тѣмъ болѣе обязательнаго и къ сроку, что я желалъ бы построить себѣ домикъ здѣсь, около Оптиной Пустыни и жить въ немъ до тѣхъ поръ пока есть силы. Ни трудиться ни бороться, ни заботиться о числѣ листовъ печатныхъ о Гирсѣ и о глупомъ

Мельниковѣ, забыть даже васъ, и или помнить только какъ что то хорошее и мимолетное ничѣмъ (кромѣ дурного стиля сухихъ и неженственныхъ писемъ) не отуманеннаго, отказаться отъ всякой поэзіи жизни кромѣ Бога и природы. Скажи вамъ это; и вдругъ перестанете въ самомъ дѣлѣ писать, забывая и то, что отказаться отъ переписки съ многими другими было бъ для меня отдыхомъ; и ваши письма, какъ они не пусты и не плохи, все таки радуютъ меня. Смотрите же не будьте ниже вашего ума. Я еще домика не построилъ около Оптиной; и сверхъ того прошу, чтобы эти конфиденціи мои, которыхъ вы желали, не дошли даже до брата вашего Ю.: я не желаю, чтобы такія задушевныя мысли мои были извѣстны въ Министерствѣ. Матеріальное положеніе мое такъ тяжко, что пока я долженъ съ моей стороны дѣлать все для поступленія на службу. Посмотрите, вотъ какая связь: я не могу устроиться при Оптинской, т. к. я желалъ бы по недугамъ и привычкамъ моимъ, пока я не выкуплю имѣнія изъ банка (ибо помните, ради Бога, что я далеко не одинъ на свѣтѣ съ точки зрѣнія вещественной). Выкупить имѣніе литературою нѣтъ надежды, получая 100 рублей за листъ (изъ которыхъ $^1/_2$ Катковъ всегда вычитываетъ за долгъ). Надо служить; чтобы добиться мѣста, а тѣмъ болѣе заочно, по неимѣнію денегъ для жизни въ столицѣ: чтобы добиться мѣста надо возстановить репутацію человѣка въ здравомъ разсудкѣ и способнаго къ дѣлу. Нынче же православная Россія стала такъ прелестна и умна, что образованнаго человѣка, мечтающаго объ Оптиной Пустыни сочтутъ за безумнаго ипохондрика. Знаете, князю Горчакову такъ нравились мои донесенія изъ Тульчи и Янины, что Стремоуховъ

говорилъ моему покойному брату бывшему сотруднику «Голоса»: «Напишите К — ну Ник — чу, чтобы онъ скоро въ отпускъ бы не просился, пусть потерпитъ: мы его скоро генеральнымъ консуломъ сдѣлаемъ. Князь Горчаковъ, какъ увидитъ его донесенія, сейчасъ такъ и говоритъ: «А это отъ Леонтьева» и прежде всего читаетъ. И черезъ $1^1/_2$ года этотъ самый Горчаковъ узнавши, что я больной поѣхалъ не въ Германію на воды, и не въ Ниццу, а молюсь на Великой Аѳонской Горѣ, сказалъ «Nous n'avons pas besoin de moines». Правда меня щадили $1^1/_2$ года, даромъ выдавали мнѣ жалованіе, дали мнѣ пенсію, выше чина можетъ быть, но, понимаете, явилось уже подозрѣніе въ негодности. Поэтому берегитесь, если не хотите повредить мнѣ и тѣмъ неизвѣстнымъ вамъ людямъ, которыхъ судьба зависитъ отъ моей судьбы; а такихъ людей найдется больше, чѣмъ можетъ притти въ голову тому, кто видитъ меня одинокимъ и свободнымъ въ Петербургѣ. Моя жизнь до того сложна, что и 10 такихъ писемъ было бы мало, чтобъ изобразить всю ея сердечную и вещественную многотрудность. Впрочемъ я знаю, вы человѣкъ надежный, оттого я вамъ и пишу. Хотя, простите, мнѣ кажется, что чтеніе даже и такого письма, какъ это, пробуждаетъ въ васъ больше любопытства пріязненнаго, хорошаго положимъ, но все таки больше любопытства чѣмъ пріязни. Я все таки стою на томъ, что Г. больше бы васъ меня въ этомъ случаѣ понялъ. Онъ понялъ бы сердцемъ, посмотримъ, какъ вы поймете вашимъ знаменитымъ умомъ. Что вамъ еще сказать? Да, между нами, я началъ романъ, въ которомъ вы будете играть большую роль. Все хочу описать и арфу, и не арфу, и все. Въ семьѣ кое-что извѣстно. Постараюсь, будьте покойны

чтобы вы были довольны, а что будутъ многіе васъ узнавать, это не бѣда! Сначала будетъ неловко, потомъ привыкнете и будете довольны. Будетъ тутъ, что то вродѣ Цертелева, вродѣ Г-на, вродѣ того тигра, который сжегъ лошадь и вродѣ другихъ. Только опишите мнѣ какой нибудь хорошій туалетъ для бала на дѣвушкѣ такой, какъ вы. Идеальнаго въ этомъ романѣ будетъ очень много. Напишите мнѣ, какъ вы находите «Четверть вѣка назадъ». Я бы вамъ сказалъ свое мнѣніе, но хочется слушать вашъ судъ, вашъ «анализъ». Вотъ гдѣ идетъ слово анализъ. Младшіе и въ Совѣтахъ всегда прежде говорятъ свое мнѣніе и хотя вы себя младшей считаете только тогда когда вамъ это удобно и выгодно и меня въ Петербургѣ постоянно учили уму-разуму вмѣсто того, чтобы у меня чему нибудь поучиться, но все таки вопреки вашей умственной гордости я не скажу своего мнѣнія прежде васъ. Простите также моему тщеславію, — я бы хотѣлъ также знать прочли ли вы конецъ «Камня Спзифа» и скучали ли надъ нимъ или нѣтъ? Если у васъ была ко мнѣ серьезная дружба, вы бы давно перевели что нибудь мое на французскій или англійскій языкъ. Обвинивъ себя сейчасъ въ малодушномъ тщеславіи, я имѣю права теперь сказать, что здѣсь, въ вопросѣ о перевохъ играетъ роль не столько самолюбіе, сколько вѣрьте, практическое соображеніе. Если бы я былъ извѣстенъ хоть нѣсколько за границей, то шагъ за шагомъ это могло бы косвенно ускорить постройку моего пустыннаго домика.

Очень мило бы было съ вашей стороны дать мнѣ поскорѣе возможность, даже и васъ, не только всѣхъ другихъ, забыть въ этой кельѣ (?). Неужели вы не по-

нимаете, что это очень высоко? И неужели... Ну довольно объ этомъ! Не хочу продолжать въ этомъ духѣ.

Скажите, развѣ это письмо не искреннее, не просто до грубости?..

Чего же проще: я хочу эксплуатировать вашу пріязнь! «Деньги, деньги нужны мнѣ» — вы спросите, какъ согласить это сребролюбіе съ моими идеальными и даже аскетическими вкусами? О! сколько бы объ этомъ можно сказать поучительнаго, любопытнаго и для васъ очень новаго я ручаюсь. А мой милый Г. — сразу бы понялъ меня! Вотъ Алексѣевъ и К⁰ тѣ конечно не поняли. Ужъ этотъ мнѣ Алексѣевъ... Губ — овъ мнѣ хорошо описалъ его.

Довольны ли вы этимъ письмомъ, Ольга Сергѣевна? Я человѣкъ еще болѣе васъ занятой насущными потребностями и больной, я употребилъ на него два утра. Вы должны писать мнѣ 4 дня послѣ этого и если вы нервны, какъ въ послѣдній разъ, то raison de plus — дать себѣ волю говорить, что вздумается.

На четыре мои листа вы должны написать, — шесть. Попробуйте писать по французски, можетъ быть выйдетъ лучше. Въ заключеніе сдѣлаю еще замѣчаніе. Вы пишете, что больше всего любите интеллигенцію. Надо выражаться точнѣе — просто ужъ «интеллигенція» значитъ слой народа по европейски образованный. Болгарская, Русская интеллегенція, а не интеллигенція Ольги Сергѣевны; умъ — Ольги Сергѣевны. Это во 1-хъ, а во 2-хъ, что же изъ этого выходитъ, что вы такъ любите умъ въ людяхъ?.. Ничего особеннаго. И если любишь умъ, то какой нибудь большой; много ли ихъ большихъ, истинно большихъ? У вашего Юрія, у князя Цертелева, у Влад. Соловьева философа, у меня. А уже всѣ эти Жомини, да Жомини,

это ужъ не то. Это ужъ не 84-ой пробы, а композиція, аплике.

Жму вашу руку и остаюсь все тотъ же

К. Леонтьевъ.

№ 18.

Катеринѣ Сергѣевнѣ.

7 Декабря 1878 г.
Козельскъ.

Три или четыря дня тому назадъ, Катерина Сергѣевна, я получилъ ваше доброе и, къ большой моей радости, длинное на этотъ разъ письмо. Мнѣ хочется поскорѣе хотя въ двухъ словахъ поблагодарить васъ за него. Я говорю въ двухъ словахъ, потому — что какъ нарочно именно теперь у меня очень много письменнаго дѣла разомъ и я спѣшу воспользоваться нѣсколькими днями роздыха, который мнѣ дали, слава Богу, мои постоянные нервные недуги.

Я принужденъ обстоятельствами писать больше, чѣмъ бы мнѣ хотѣлось и не только для печати, но и письма всякаго рода... Когда здоровье плохо — это очень тяжело! Не ко всѣмъ стоитъ и можно писать такія искреннія письма, какъ къ вамъ, или къ вашей дочери; а писать надо и пишешь вещи сухія, принудительныя. Вотъ такъ и сегодня: вотъ уже $^1/_2$ восьмого вечера (у насъ въ Козельскѣ день уже почти кончился; черезъ 2 часа надо спать) я написалъ 5 писемъ; это 6-ое и на немъ я хоть и немного, да отдохну отъ принужденія. Благодарю Васъ

за подробности о жизни на Милліонной, о «зайцахъ», о Г-ѣ, о дѣтяхъ вашихъ. Очень мнѣ съ одной сторсны нравится эта радушная и открытая жизнь въ вашемъ домѣ: въ ней такое дорогое и рѣдкое соединеніе и истинной простоты съ истинной образованностью (въ самомъ высокомъ значеніи этого слова!). Это хорошо, что «заяцъ» и не-заяцъ находятъ себѣ у васъ пищу по себѣ, смотря по силѣ и роду своего пищеваренія. Жаль только, что вамъ и О. С. почти не даютъ времени и вѣрю, что вамъ почти некогда читать. Я самъ, впрочемъ, жизнь и общество предпочитаю книгамъ, но какъ книги и одни книги съужаютъ человѣка, такъ общество и одно общество, безъ времени сосредоточенія, слишкомъ разсѣваетъ его и ему самому становится иногда скучно отъ этого. Нѣтъ въ жизни идеала. Вы пишете о новыхъ мытарствахъ, черезъ которыя долженъ пройти Андрюша, чтобы выйти на хорошую дорогу по военной службѣ... Какъ это страшно все! Если бы отъ меня зависѣло (еслибы я былъ сама судьба) то я Андрея Сергѣевича сдѣлалъ бы дипломатомъ, у него и лицо дипломатическое; а Юрія Сергѣевича подготовилъ бы такъ, чтобы онъ могъ или въ Баязидѣ новомъ отсидѣться не сморгнувъ, или еще лучше разстрѣлять суммарно картечью 6,000 прогрессистовъ какихъ нибудь во славу Божію и все съ тѣмъ томнымъ и несмѣющимся никогда взглядомъ темныхъ очей, который намъ такъ извѣстенъ... Но у рока свои распоряженія, своя логика событій и воспитанія...

А мы на Востокѣ все отступаемъ по всей линіи отъ Афганистана до Босніи? Чѣмъ же это кончится.

Что касается до меня и до моей службы, то надняхъ я сдѣлалъ одну послѣднюю попытку, и если она не

удастся, то вѣроятно, Министерство долго обо мнѣ не услышитъ ничего. По поводу этой попытки я надняхъ и сыну вашему буду писать особо, такъ какъ Вы говорите, что онъ такъ охотно берется все, что можетъ для меня сдѣлать. Я хочу просить его объ одной для него нетрудной, а для меня очень важной косвенной попыткѣ. Я самъ служилъ «начинающимъ» и знаю, что возможно и что неловко. О литературныхъ занятіяхъ моихъ что то не хочется говорить, хотя генералу Фишеру я очень благодаренъ за его лестный обо мнѣ отзывъ. Мало что то Фишеровъ этихъ, оттого и Катковъ дешево платитъ, оттого я и въ Козельскѣ, а не съ вами теперь.

Остаюсь преданный Вамъ и всѣмъ сердцемъ чтущій васъ К. Леонтьевъ.

Мюльфельдъ мнѣ нравится, а вамъ и прочимъ какъ? Это любопытно.

№ 19.

Юрію Сергѣевичу.

12 Декабря 1878 г.
Козельскъ.

Ваша матушка въ послѣднемъ письмѣ своемъ еще разъ повторяла мнѣ, что вы съ радостью готовы быть мнѣ полезнымъ въ Департаментѣ, когда предоставится случай. Благодаря васъ — и вотъ какъ разъ случай. Въ одно время съ этимъ письмомъ къ вамъ, я посылаю послѣднее мое слово самому свѣтлѣйшему князю, прося отказать, или кончить мое дѣло благопріятно сообразно обѣщанію. Прошу васъ убѣдительно ни Мельникову и ни кому изъ министерскихъ объ этомъ ни слова.

Если отъ этого письма моего князю Горчакову будетъ толкъ, то онъ скажется самъ собою и въ Департаментѣ. А до тѣхъ поръ умоляю васъ хранить тайну. Но вамъ нужно объ этомъ знать на всякій случай, чтобы и вы доступными вамъ частными путями могли бы мнѣ помочь, когда увидите, что письмо мое подѣйствовало хоть сколько нибудь. Первое дѣло прошу васъ возьмите на себя трудъ велите Ветошкину записать въ книгу мой новый адресъ: Козельскъ (Калужской губ.). Домъ Иноземцевой. Предупреждаю, что въ Козельскѣ есть и телеграфъ; стоитъ телеграмма въ 20 словъ изъ СПБ-га, вѣроятно, около 2-хъ рублей, такъ какъ въ Москву отсюда стоитъ 1 рубль. Если это будетъ мнѣ выгодно — телеграфируйте; сочтемся. Я не обманываю себя, конечно, никакими розовыми надеждами на дѣйствіе моего письма, но считаю себя обязаннымъ сдѣлать все что могу, чтобы выйти изъ того запутаннаго и убійственнаго положенія, въ которое меня ставитъ исключительная зависимость отъ Каткова... Вы не повѣрите какое тутъ нужно терпѣніе. Онъ былъ совсѣмъ другой пока я былъ на службѣ, теперь онъ даже должное выставляетъ какимъ то чуть не снисхожденіемъ съ своей стороны.

Въ заключеніе этого сухого и пустого но необходимаго письма, прибавлю вамъ, что ежеминутныя заботы о первыхъ потребностяхъ дѣлаютъ то, что я не только того большого труда, о которомъ мы говорили въ Любани, не могу начать, но и отъ другого, менѣе обширнаго романа изъ русской жизни, который я началъ теперь, безпрестанно вынужденъ отрываться, то письмами, то другими хлопотами. Вотъ почему письмо мое такъ назначительно, право, кромѣ необходимаго не хочется ничего и писать.

Я кромѣ своего кабинета ничего здѣсь почти не вижу и по двѣ и три недѣли не выхожу даже изъ дому. Судите сами, что я долженъ переживать! Вы хоть и молоды, но должны все понимать. Прощайте. Богъ съ вами. Будьте здоровы и счастливы и не забывайте любящаго всю семью вашу и «готоваго любить и васъ, если ваша демоничность тому не противится. К. Леонтьевъ».

Какъ же это вамъ не стыдно, что у васъ нѣтъ вовсе никакой и потребности написать мнѣ хоть немного. Все это карты!...

Утѣшаю себя, впрочемъ, мыслью, что и Кавуръ былъ картежникъ съ молоду.

№ 20.

Катеринѣ Сергѣевнѣ.

28 Января 1879 г.
Оптина Пустынь.

Спѣшу выразить вамъ мою искреннюю благодарность за сообщенное мнѣ свѣдѣніе о Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Позволяю себѣ еще разъ только убѣдительно попросить Юрія Сергѣевича вытребовать мой аттестатъ объ отставкѣ. Конечно, я могу вытребовать его отъ Гирса черезъ Козельскую полицію отъ Калужскаго Губернатора, но зачѣмъ же этотъ лишній трудъ? Развѣ долго взять его изъ архивовъ и переслать мнѣ? Мнѣ было очень любопытно и пріятно читать подробности о жизни на Милліонной и вообще о Петербургѣ, но къ сожалѣнію на этотъ разъ не могу самъ ни о чемъ распространиться: и усталъ и занятъ.

Остаюсь навсегда искренно преданный вамъ и покорнѣйшій слуга К. Леонтьевъ.

P. S. И Ол. Сер — ѣ думалъ написать три строки, но, виноватъ, увлекся личными интересами на счетъ «воображаемыхъ» переводовъ (sic!). Прежде, лѣтъ 10 тому назадъ я былъ «интриганъ», а теперь до того состарѣлся, что сталъ «интересанъ». И на всю эту свою поэзію смотрю лишь какъ на доходную статью...

Очень жалѣю, что не умѣю писать такъ, чтобы было «подоходнѣе». Правда, есть у меня одно серьезное убѣжденіе; вы знаете какое. Это такъ. — А въ остальномъ право все равно согласитесь? Я недавно, одной здѣшней дамѣ давнымъ давно знакомой и расположенной ко мнѣ отъ души сказалъ: «Мнѣ бы нужно сдѣлать новые воротнички на голландскія рубашки. Пожалуйста, не любите меня, но сдѣлайте поскорѣе воротнички, съ ненавистью и презрѣніемъ ко мнѣ — только сдѣлайте!»

Ut in litteris..

№ 21.

Ольгѣ Сергѣевнѣ.

28 Января 1879 г.
Оптина Пустынь.

Ольга Сергѣевна, на клочкѣ приложенномъ вами къ письму вашей матушки вы спрашиваете, что я нахожу болѣе пригоднымъ изъ повѣстей моихъ для перевода на англійскій языкъ? Простите мнѣ, если я серьезно скажу вамъ, что я вамъ не вѣрю т. е. не хорошимъ намѣреніямъ вашимъ, а результату. Всѣ вы M-me O — y! Извините! Вы, конечно, по природѣ гораздо тверже и серьезнѣе

M-me O—у, которая можетъ служить образцомъ перемѣнчивости и безпорядочности, но вообще я думаю что женщины не способны ничего дѣлать для идеи, а могутъ очень много сдѣлать или для своей выгоды или лично для человѣка. А здѣсь ни выгоды вамъ не будетъ, ни человѣка нѣтъ... что я вамъ? Впрочемъ чтобы вы не винили меня въ капризахъ я скажу вамъ, что для васъ выгоднѣе переводить маленькую вещь (Хризо, Костаки и т. п.) а для меня выгоднѣе Одиссея. Только не Пембе: она написана очень неосторожно въ этнографическомъ отношеніи. Эпиръ очень поэтиченъ и я только что пріѣхавъ подъ первыми впечатлѣніями черезъ 2—3 мѣсяца, вовсе не изучивши страну, написалъ Пембе какъ лирическое стихотвореніе. Лѣтъ 50, 30 тому назадъ я былъ бы правъ. Байронъ писалъ еще неосновательнѣе въ частности, но вѣдь то было время поэзіи! Тогда умѣли понимать общій духъ; умѣли цѣнить отраженіе дѣйствительности въ душѣ избранной, болѣе нежели самую дѣйствительность. Нынѣ каждый Сорокинъ, каждый Мельниковъ, каждый корреспондентъ воображаетъ, что у него-то отражается правильно какъ есть. Увидитъ въ углу мертвую кошку и пишетъ: «варварство!» Понимаете? Греви вѣдь тоже что то вродѣ Гирса! Un homme honnête. Поэтому Пембе переводить не стоитъ. Да и вообще лучше вамъ такіе замыслы оставить, напишите лучше какой нибудь Guide, или лучше о пользѣ человѣчества въ «Семью и Школу» и деньги вамъ дадутъ за это. Относительно моей работы, которая васъ интересуетъ, скажу вамъ что туалета пока не нужно, я придумалъ по своему. А будетъ ли это лестно для самолюбія не знаю!.. Пока не кончилъ можно и такъ и этакъ измѣнить. Разсержусь — такъ будетъ по-

хуже, а нѣтъ — такъ будетъ получше. Ахиллесова пята у всякаго есть и автору очень легко худое усилить, а доброе ослабить, не забывая его вполнѣ изъ притворной справедливости... Да... Посмотримъ еще будемъ ли живы. И здѣсь уже берутъ мѣры противу чумы.

Будьте здоровы. Остаюсь вамъ преданный

К. Леонтьевъ.

Архіепископъ Антоній.

ИСКРЕННЯЯ ДУША.

Искренняя душа.

Издатели сборника въ память покойнаго Константина Николаевича Леонтьева потребовали участія и моего пера въ ихъ благородномъ предпріятіи. Между тѣмъ мнѣ приходилось упоминать имя нашего писателя только въ одной полемической статьѣ и притомъ не въ его пользу. Это было по поводу продолжительнаго литературнаго спора В. С. Соловьева съ Говорухой-Отрокомъ и другими сотрудниками «Московскихъ Вѣдомостей» по вопросу о томъ, что важнѣе: общественное благо или личное спасеніе? За рѣшеніе вопроса въ послѣднемъ смыслѣ стояли почитатели Леонтьева, сами по себѣ люди нерелигіозные и цѣнившіе религію лишь какъ оплотъ государственности. Для меня нѣтъ ничего противнѣе подобнаго отношенія къ вѣрѣ и я постарался вывести означенное направленіе во всей его нравственной неприглядности, а такъ какъ они постоянно ссылались на слова покойнаго Леонтьева, не очень твердо освѣдомленнаго въ содержаніи Св. Библіи, но приводившаго на память якобы библейскія изреченія

далеко не точно, то я не пожалѣлъ тогда колкихъ выраженій и по адресу покойнаго. Съ своей стороны я разрѣшалъ спорный вопросъ такъ, что для христіанина, живущаго среди человѣческаго общества, спасеніе души и истинное служеніе общественному благу равно недоступны одно безъ другого, а потому и самый вопросъ неумѣстенъ.

Впрочемъ, та статья моя вовсе не имѣла въ виду общей оцѣнки К. Н. Леонтьева, ни какъ писателя, ни какъ личности, а протестовала только противъ тѣхъ его полемическихъ же выступленій, которыя онъ направлялъ противъ нѣкоторыхъ современныхъ ему либеральныхъ теченій и въ частности противъ Достоевскаго, къ которому онъ и раньше былъ настолько несправедливъ и въ этомъ случаѣ настолько непослѣдователенъ своему собственному міровоззрѣнію, что я могу объяснить такую вражду только какими-либо совершенно случайными и быть можетъ просто личными причинами.

Итакъ, мои печатныя упоминанія о покойномъ К. Н. Леонтьевѣ имѣли характеръ также случайный; но ими далеко не исчерпывались мои собственныя впечатлѣнія объ его произведеніяхъ, а равно и объ его личности. При этомъ я долженъ сознаться, что прочиталъ далеко не все, напечатанное покойнымъ писателемъ, и еще менѣе изъ того, что напечатано о немъ самомъ его многочисленными друзьями и почитателями. И я не счелъ бы себя даже вправѣ предлагать читателямъ «Сборника» своихъ мыслей и впечатлѣній о нашемъ писателѣ, еслибъ меня не понуждали къ тому настойчивыя требованія его друзей, хотя я и заявлялъ имъ, что въ настоящее время совершенно лишенъ возможности пополнить свою освѣдомленность въ твореніяхъ ихъ друга за крайнимъ недосугомъ.

Напишу, что помню о немъ лично, и о томъ, что залегло мнѣ на сердце изъ прочитанныхъ его сочиненій.

1891-й годъ былъ первымъ годомъ моей ректорской службы въ Московской Духовной Академіи, гдѣ я водворился 2-го января того года. Академія помѣщается не въ Москвѣ, а въ Лаврѣ преподобнаго Сергія, намѣстникомъ которой въ то время былъ престарѣлый архимандритъ Леонидъ Кавелинъ, членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ, бывшій въ молодости офицеромъ, а затѣмъ послушникомъ Оптиной Пустыни и далѣе членомъ и начальникомъ нашихъ духовныхъ миссій въ Іерусалимѣ и Константинополѣ, по происхожденію Калужскій дворянинъ. Какъ видите, путь жизни этого старца близокъ къ жизненному пути К. Н. Леонтьева.

Ученикъ и другъ покойнаго архимандрита Леонида, нынѣ преосвященный Никонъ, навѣрно имѣетъ обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, не хлопоталъ ли покойный намѣстникъ о принятіи Константина Николаевича въ число братіи Лавры, не встрѣтилъ ли онъ къ тому препятствія со стороны епархіальнаго начальника, съ которымъ очень не дружилъ; во всякомъ случаѣ больной уже Леонтьевъ оказался не въ самой Лаврѣ, а въ Убѣжищѣ для больныхъ и сиротъ, содержавшемся на ея средства, но управлявшемся автономною начальницею, въ свою очередь не дружившею ни съ намѣстникомъ Лавры, ни съ епархіальнымъ начальствомъ. Весьма возможно, что время расположило бы въ пользу больного инока-писателя всѣ враждовавшія между собою инстанціи, но Господь очень скоро разлучилъ всѣхъ ихъ другъ отъ друга. К. Н. Леонтьевъ скончался 19 ноября, чрезъ два мѣсяца послѣ своего переѣзда изъ Оптиной; за мѣсяцъ до него скончался архимандритъ Леонидъ (22 окт.); а за день до его смерти,

18 ноября, митрополитъ Московскій, преосвященный Іоанникій, былъ переведенъ въ Кіевъ.

Я навѣстилъ Леонтьева уже на смертномъ одрѣ, по его желанію. Сколько помню, мы съ преосвященнымъ Никономъ, тогда еще іеромонахомъ, посѣтили его дважды; во второй разъ мы были наканунѣ его смерти, послѣ принятія имъ св. тайнъ отъ уважаемаго старца Геѳсиманскаго скита о. Варнаввы. Въ первый разъ писатель-инокъ, впрочемъ тогда еще скрывавшій свое званіе, говорилъ очень много и интересно; во второй разъ онъ очень волновался, то лежалъ, то садился, выражалъ мало надежды на свое выздоровленіе и полную примиренность съ возможностью скорой смерти; однако окружающіе не думали, что она придетъ такъ скоро, и были удивлены, когда узнали о совершившемся событіи.

Тщетно стараюсь я припомнить все, что говорилъ усопшій при первомъ нашемъ посѣщеніи. По правдѣ сказать, я не ожидалъ пріятныхъ впечатлѣній отъ этой бесѣды, такъ какъ незадолго предъ тѣмъ читалъ его рѣзкія выступленія противъ горячо любимаго мною писателя Ѳ. М. Достоевскаго и рѣшилъ было, что Леонтьевъ сдѣлался къ старости до крайности самолюбивымъ и раздражительнымъ.

Оказалось совершенно иное. Больной говорилъ много и очень умно, но въ высшей степени скромно, какъ говорятъ простые монахи предъ настоятелями или старшими іеромонахами: прямо, открыто, но безъ настойчивости и съ постоянною готовностью выслушать и принять опроверженіе своихъ мыслей. Уже одинъ этотъ тонъ рѣчи Константина Николаевича показалъ мнѣ, что я въ немъ ошибался. Правда, онъ былъ уже монахъ, но только для

себя и для старца; я былъ архимандритъ и ректоръ академіи, но — двадцати-восьми-лѣтній...

О чемъ же онъ говорилъ? Говорилъ о грекахъ, объ ихъ болѣе глубокомъ и духовномъ пониманіи христіанства, чѣмъ у русскихъ. — Съ этимъ я былъ вполнѣ согласенъ. — Затѣмъ онъ говорилъ о томъ, что сыны духовнаго сословія, отличаясь исключительнымъ трудолюбіемъ, особенно трудолюбіемъ ученымъ, — а также преимущественною чистотою нравовъ, особенно — нравовъ семейныхъ, рѣдко бываютъ способны къ творческой работѣ, какъ въ области научно-литературной, такъ еще менѣе — въ области административной и общественной; что въ послѣднемъ отношеніи ихъ далеко превосходятъ представители дворянскаго сословія, хотя и мало просвѣщенные и развращенные въ нравахъ. Говорилъ онъ что-то о монашествѣ современномъ, и о духовной школѣ, русской и католической, и о возстановленіи патріаршества. Однако этихъ рѣчей я не берусь воспроизводить, потому что нѣчто очень близкое къ нимъ слышалъ я неоднократно отъ недавно предъ тѣмъ погребеннаго архимандрита Леонида и рискую приписать слова послѣдняго Константину Николаевичу. Едва ли не оба они толковали о томъ, что нужно возстановить патріарха на Руси, но не изъ наличныхъ духовныхъ лицъ, а изъ мірскихъ церковно-общественныхъ дѣятелей, какъ нѣкогда въ IX вѣкѣ произвели блаженнаго патріарха Фотія: «вотъ взять К. П. Побѣдоносцева или В. К. Саблера, развести съ женой, постричь въ монахи и въ одну недѣлю провести чрезъ всѣ іерархическія степени».

Замѣчательно, что больной Константинъ Николаевичъ не говорилъ ничего о Достоевскомъ, хотя и говорилъ о

литературѣ и въ частности негодовалъ на атеистическія произведенія Л. Толстого; не повторялъ онъ и своихъ парадоксовъ послѣднихъ лѣтъ о происхожденіи религіознаго чувства и объ эгоистическомъ характерѣ христіанства.

Не думаю, чтобы онъ былъ освѣдомленъ о моемъ неудовольствіи по симъ поводамъ; напротивъ, я думаю, что въ своей сердечной и искренней бесѣдѣ онъ не имѣлъ побужденій повторять то, что онъ прежде доказывалъ съ такимъ раздраженіемъ въ пылу полемическаго увлеченія противъ «розоваго христіанства», въ которомъ хотя былъ неповиненъ Достоевскій, но не были и не остаются неповинными очень многіе писатели и едва ли не большая часть нашего общества.

Послѣ второго посѣщенія Леонтьева мы дали обѣщаніе еще разъ навѣстить его, но навѣстили его уже въ церкви Убѣжища, гдѣ онъ лежалъ въ гробу, одѣтый въ подрясникъ, но поминался, по чьему-то распоряженію, какъ боляринъ Константинъ, а не какъ монахъ Климентъ.

Съ сердечнымъ сочувствіемъ отозвался я на приглашеніе начальницы пріюта совершить погребальную литургію и чинъ отпѣванія усопшаго, но, желая быть до конца искреннимъ, я уклонился отъ того, чтобы говорить надгробное слово, которое было произнесено довольно безтолково безтолковымъ студентомъ-священникомъ Веригинымъ, молодымъ, избалованнымъ барченкомъ, который, лѣтъ пять тому назадъ, перешелъ въ католическіе ксендзы, забросивъ жену и дѣтей. Помню, что въ служеніи со мною участвовало шесть іереевъ и среди нихъ студентъ-іеромонахъ Трифонъ, нынѣ епископъ Дмитровскій, и профессорскій стипендіатъ іеромонахъ Григорій, умершій ровно чрезъ два года послѣ Леонтьева въ должности инспектора

академіи и оплаканный горячо полюбившими его студентами.

Еще помню, что тѣло усопшаго монаха Климента быстро и сильно разложилось, а начальница Убѣжища, Е. С. Кроткова, насыпала много жаренаго кофе подъ гробъ, чѣмъ значительно былъ ослабленъ тяжелый трупный запахъ. Послѣ погребенія у нея былъ поминальный обѣдъ, на которомъ дѣлился своими мыслями о почившемъ профессоръ Субботинъ.

Я упомянулъ о томъ, что имѣлъ понятіе о произведеніяхъ покойнаго Леонтьева помимо тѣхъ непріятныхъ впечатлѣній объ его полемическихъ крайностяхъ, которыми подѣлился съ читателями «Вопросовъ Философіи и Психологіи» въ 1892 году. Какое-же то было понятіе? Двойное.

Въ самой ранней молодости, точнѣе въ дѣтствѣ, перебирая въ дѣдовской библіотекѣ книжки «Русскаго Вѣстника» 60 годовъ, я зачитывался разсказами Леонтьева изъ жизни христіанъ въ Турціи, которая ему была такъ хорошо знакома по службѣ его въ Крымѣ и въ теперешней Болгаріи. Тогда я рѣшительно не зналъ, кто авторъ этихъ прекрасныхъ разсказовъ, но уже успѣлъ оцѣнить ихъ художественную правду и красоту. Однако я гораздо болѣе восхищался другою ихъ стороной. Я впервые встрѣтилъ писателя, да еще свѣтскаго, для котораго греческіе и болгарскіе христіане въ Турціи являлись такими же близкими по духу братьями, какъ наши русскіе соотечественники; я впервые встрѣтилъ писателя, который говорилъ о грекахъ безъ примѣси недоброжелательнаго чувства. Предо мною былъ свѣтскій писатель, просвѣщенный и смѣлый, для котораго церковь была выше и дороже, чѣмъ государство или нація, — который представлялъ себѣ

и читателю нашу Русь, не какъ часть «культурной и просвѣщенной» Европы, а какъ часть Вселенской, Православной Христовой Церкви! Полная противоположность такимъ воззрѣніямъ даже моихъ любимѣйшихъ писателей, а также моихъ преподавателей, моихъ знакомыхъ, родственниковъ и даже знакомыхъ священниковъ, глубоко возмущала меня съ 12 лѣтняго возраста моей жизни, и ранѣе. Между тѣмъ эта раздвоенность между вселенскимъ православіемъ и языческимъ европеизмомъ, либо языческимъ же національизмомъ, уже тогда висѣла надъ русскимъ обществомъ; теперь она блѣднѣетъ въ виду полнаго почти отреченія большинства интеллигенціи отъ Церкви и всецѣлаго его присоединенія къ началамъ языческимъ.

Итакъ, я страшно обрадовался Леонтьевскимъ разсказамъ, его независимости, его благородной православной послѣдовательности, его смѣлому противостоянію господствующимъ предубѣжденіямъ и предразсудкамъ, насаждаемымъ у насъ, подъ видомъ общечеловѣческой культурности, вліяніями узкаго вѣроисповѣднаго протестантско - нѣмецкаго засилья въ области русской школы и науки.

Впрочемъ, не зная тогда ничего о Леонтьевѣ (мнѣ было лѣтъ 14), я потомъ забылъ его, раздобывшись сочиненіями о православномъ Востокѣ Муравьева, Норова и Святогорца Серафима, которыми зачитывался нѣсколько лѣтъ.

Съ «Русскимъ Вѣстникомъ» я встрѣтился уже позже, когда въ немъ оканчивался печатаніемъ безсмертный романъ велпкаго Достоевскаго: «Братья Карамазовы». Досталъ я тогда всѣ номера журнала съ этою повѣстью и, помню, прочитывалъ ихъ до разсвѣта съ широко раскрытыми глазами, которые и потомъ долго не хотѣли смыкаться, когда я ложился въ постель. Въ третій разъ я

принялся за «Русскій Вѣстникъ» уже въ качествѣ студента Духовной Академіи, въ которую поступилъ въ 1881 году 18 лѣтнимъ юношей. Меня привлекла къ журналу помѣщавшаяся въ немъ длинная біографія Николо-Угрѣшскаго архимандрита Пимена, составленная его ученикомъ, тоже архимандритомъ, Пименомъ Благово, который былъ такъ долго настоятелемъ русской церкви въ Римѣ.

Перерывая книжки журнала за послѣдніе годы, я наткнулся на другую біографію, составленную К. Н. Леонтьевымъ подъ заглавіемъ: «Отецъ Климентъ Зедергольмъ, іеромонахъ Оптиной Пустыни» (1879 г.). Сегодня я перечиталъ ее вторично въ третьемъ изданіи 1910 года и получилъ отъ нея еще болѣе отрадное впечатлѣніе, нежели при первомъ чтеніи ея на 20 году своей жизни.

Я долженъ откровенно признаться въ томъ, что, когда полемизировалъ противъ нѣкоторыхъ крайнихъ воззрѣній, а теперь скажу — случайныхъ выпадовъ — К. Н. Леонтьева, то настолько успѣлъ забыть за 10 лѣтъ не содержаніе книги, а тонъ ея, — что истинный Леонтьевъ былъ затемненъ предо мною Леонтьевымъ раздраженнымъ, полемизирующимъ и форсирующимъ свою антипатію къ либераламъ и свое безстрашіе предъ ихъ приговорами о себѣ — до степени парадоксальныхъ выходокъ противъ тѣхъ философскихъ и моральныхъ цѣнностей, на которыя онъ никогда бы не посягнулъ въ спокойномъ состояніи, въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ писалъ задушевный некрологъ своего друга о. Климента, — когда онъ — авторъ — былъ въ полномъ смыслѣ самимъ собою, т. е. въ высшей степени симпатичнымъ по своей сердечности, спокойной и сознательной религіозности и глубоко искренней откровенности, писателемъ.

Отецъ Климентъ Зедергольмъ, котораго имя принялъ Константинъ Николаевичъ при своемъ постриженіи отъ руки великаго Оптинскаго старца Амвросія, — отецъ Климентъ Зедергольмъ былъ просвѣщенный монахъ писатель, сынъ Московскаго лютеранскаго пастора, принявшій православіе уже въ зрѣломъ возрастѣ и отдавшій Богу свою праведную душу около 50 года своей жизни на 16 году по поступленіи своемъ въ Оптину Пустынь. Этотъ высоко-ученый и высоко-убѣжденный инокъ былъ горячо любимъ нашимъ писателемъ особенно за свою всецѣлую преданность принятой имъ, вопреки желанію отца, православной вѣрѣ и данному имъ монашескому обѣту.

Не отрицая ни просвѣщенія, ни философіи, ни культуры, іеромонахъ Климентъ обезцѣнилъ все это до такой степени и до такой степени высоко цѣнилъ всѣ требованія и духовной, и внѣшней дисциплины монашества, что поведеніе его ничѣмъ не разнилось отъ быта самаго простого полуграмотнаго монаха-крестьянина.

Будучи до такой же степени послѣдователенъ въ своихъ теоретическихъ взглядахъ, но не всегда имѣя силы слѣдовать имъ практически, Леонтьевъ горячо восхищался своимъ другомъ, успѣвшимъ совмѣстить то и другое, и начерталъ намъ художественно правдивый обликъ послѣдняго. Чтобы сдѣлать его понятнымъ для свѣтскихъ читателей, нашъ авторъ въ небольшой (108 стр.), но въ высшей степени интересной, брошюрѣ объ о. Климентѣ попутно излагаетъ важнѣйшія правила монашества и поясняетъ значеніе сего чина въ Христовой церкви, какъ жизнь наиболѣе послѣдовательнаго христіанства вообще, какъ жизнь, во многихъ отношеніяхъ обязательную и для всѣхъ мірянъ.

Тихимъ свѣтомъ дружеской любви и смиреннаго благочестія вѣетъ отъ этой брошюры, изложенной великолѣпнымъ, Тургеневскимъ языкомъ. Вся эта книга представляетъ собою высокій подъемъ благородной души, восхваляющей, но безъ преувеличеній, своего духовнаго друга и глубоко смиряющей, но безъ всякой дѣланности, самого автора. Послѣдній неоднократно признается въ неприспособленности своихъ давно привитыхъ наклонностей и воззрѣній къ высокимъ требованіямъ монашескаго благочестія, но тутъ же заявляетъ о ложности, объ языческой отчужденности этихъ дворянскихъ понятій отъ ученія Христова, всего послѣдовательнѣе осуществляемаго въ правилахъ жизни монашеской. Многочисленныя изреченія древнихъ подвижниковъ о послѣдней, приводимыя въ книжкѣ нашего автора, показываютъ, какъ много и какъ давно онъ вникалъ въ ученіе о монашествѣ и какъ долго преоборалъ противоположные сему ученію сословные и общекультурные предразсудки.

Думаю, что некрологъ о. Климента, при всей непритязательности своего замысла, былъ кульминаціонной точкой развитія литературнаго таланта своего автора. Восьмидесятые годы были посвящены имъ на публицистику, а онъ былъ моралистъ и эстетикъ. Правда, за годъ до своего постриженія, за полтора года до своей смерти, онъ написалъ критическій очеркъ о романахъ Толстого, но, думается, писалъ его больше для заработка, будучи постоянно въ нуждѣ, — а не по свободному призыву своего духа, который былъ уже устремленъ въ міръ грядущій. Послѣднее сказывается и въ томъ, что нашъ авторъ останавливается главнымъ образомъ, въ повѣстяхъ Л. Толстого, на картинахъ смерти; дальнѣйшія главы его критическаго

труда посвящены не очень серіознымъ придиркамъ къ языку этого романиста и др. современныхъ писателей.

Правда, и здѣсь Леонтьевъ блещетъ своею огромною начитанностью въ литературахъ всего міра, но небрежность и вѣроятная вынужденность работы сказывается въ томъ, что авторъ взялся писать о Л. Толстомъ чрезъ 11 лѣтъ послѣ его «исповѣди», чрезъ 5 — 6 лѣтъ послѣ его богохульнаго «Евангелія» и его «Въ чемъ моя вѣра», — не познакомившись ни съ однимъ изъ этихъ произведеній, хотя ими многое освѣщается въ его раннѣйшихъ повѣстяхъ, написанныхъ въ томъ же духѣ пантеизма и атеистическаго фатализма, который онъ впослѣдствіи изложилъ въ полу-философской, полу-богословской системѣ, ссылаясь то на законы якобы разума, то на слова якобы евангелія. — И если Леонтьевъ не хотѣлъ быть самимъ собою въ своихъ полемическихъ увлеченіяхъ, то въ этомъ критическомъ этюдѣ онъ не съумѣлъ быть самимъ собою, т. е. не постарался выступить во всей силѣ своего литературнаго таланта, спѣша во время предъявлять свой трудъ по частямъ въ редакцію журнала.

Леонтьева, возвышеннаго, просвѣщеннаго христіанина, твердаго въ своихъ положительныхъ убѣжденіяхъ, но не устоявшагося въ спокойно-безпристрастномъ отношеніи къ жизни, къ общественнымъ теченіямъ и къ отдѣльнымъ людямъ; — того Леонтьева, какимъ онъ предсталъ на судъ Божій, очистившись покаяніемъ, и какимъ его любилъ его другъ, о. Климентъ; — этого Леонтьева надо отыскивать во множествѣ его произведеній, а не учитывать ему всего, тамъ написаннаго. Если будемъ поступать такъ, то отыщемъ въ нихъ одного изъ лучшихъ русскихъ людей, одного изъ недюжинныхъ русскихъ талантовъ, одного изъ

наиболѣе преданныхъ Христу и Церкви православныхъ христіанъ, у котораго есть чему поучиться не только желающему сознательно вѣровать и спасаться міряннну, но и профессіональному дипломированному богослову.

А. В. Королевъ.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ

К. Н. ЛЕОНТЬЕВА.

Культурно-историческія воззрѣнія К. Н. Леонтьева.

Русская историческая наука въ лицѣ ея, такъ сказать, присяжныхъ представителей — профессоровъ нашихъ университетовъ, несмотря на отдѣльные важные историческіе труды, время отъ времени у насъ появляющіеся, не дала до сихъ поръ не только ни одной системы философіи исторіи, но, кажется, даже ни одной сколько-нибудь оригинальной, отличной отъ западно-европейскихъ теорій, соціальной гипотезы. Правда, одинъ почтенный професоръ, авторъ многочисленныхъ и скучнѣйшихъ историческихъ трудовъ, пытался въ нѣсколькихъ работахъ дать объясненіе мірового историческаго процесса, но далѣе жалкихъ повтореній теоріи утилитарнаго прогресса и всѣмъ порядкомъ надоѣвшихъ перепѣвовъ западно-европейской позитивистской мысли, не пошелъ.

По какой-то ироніи судьбы, всѣ сколько-нибудь интересныя, оригинальныя попытки философскаго объясненія мірового историческаго процесса были сдѣланы не нашими историками-профессорами, а совсѣмъ другими лицами. Эти попытки начались съ того момента, какъ зародилась вообще болѣе или менѣе оригинальная русская философская мысль. Уже основатели славянофильскаго ученія, Кирѣевскій и Хомяковъ, дали свое пониманіе мірового историческаго процесса. Эта славянофильская философія исторіи

получила научную обработку подъ перомъ такого замѣчательнаго мыслителя, какъ Н. Я. Данилевскій, въ его знаменитой книгѣ «Россія и Европа». Съ рѣзкой критикой теоріи культурно-историческихъ типовъ Данилевскаго выступилъ въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ Вл. Соловьевъ, который затѣмъ въ своей «Исторіи и будущности теократіи» и въ изданной за границей книгѣ «La Russie et l'Eglise Universelle» (только что вышедшей въ русскомъ переводѣ) далъ свою философію исторіи.

К. Н. Леонтьевъ, по врожденной ему скромности, никогда не задавался такой цѣлью, какъ Данилевскій или Вл. Соловьевъ; однако въ его многочисленныхъ мелкихъ статьяхъ, объединенныхъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Востокъ, Россія и Славянство», такъ много глубокихъ, оригинальныхъ мыслей, такъ много указаній и предсказаній, которыя были оправданы послѣдующими событіями, что нельзя не сдѣлать попытки изложить культурно-историческія воззрѣнія его въ нѣкоторой послѣдовательности. Мы это и постараемся сдѣлать.

Но при этомъ изложеніи приходится имѣть дѣло съ двумя большими затрудненіями.

Во первыхъ, всѣ статьи и замѣтки Леонтьева, въ которыхъ мы можемъ найти его своеобразную философію исторіи, были написаны, такъ сказать, ad hoc, по какому-нибудь поводу, часто теперь имѣющему весьма небольшое значеніе. Леонтьевъ, напримѣръ, писалъ по поводу національныхъ недоразумѣній среди аѳонскихъ монастырей, или по поводу греко-болгарскаго церковнаго раскола. И вотъ, въ высшей степени нелегко выдѣлить его мысли, имѣющія глубокое философское значеніе, изъ цѣлаго ряда другихъ положеній, имѣющихъ лишь значеніе временное.

Второе затрудненіе заключается вотъ въ чемъ. Наши мыслители нерѣдко страдаютъ большимъ многословіемъ, неумѣньемъ «въ немногихъ словахъ многъ разумъ умыкать». Напротивъ, Леонтьевъ въ своихъ философско-историческихъ статьяхъ поразительно кратокъ, немногословенъ; при чтеніи его сочиненій испытываешь иногда такое чувство: вотъ встрѣтилась великолѣпная, глубокая, свѣтлая, какъ изумрудъ, мысль, ждешь, какъ онъ разовьетъ ее далѣе, какіе выводы изъ нея сдѣлаетъ, — а онъ, глядишь, уже бросилъ ее, уронилъ — и прошелъ мимо! Читатель даже способенъ негодовать на Леонтьева въ такую минуту! Какъ бы нарочно, онъ заставляетъ побольше думать самаго читателя. Конечно, это одна изъ привлекательнѣйшихъ литературныхъ сторонъ сочиненій Леонтьева, но для теоретическаго изложенія его воззрѣній она создаетъ значительныя затрудненія.

Какъ въ области философской мысли, такъ и во всякомъ другомъ культурно-историческомъ явленіи, ничто не является совершенно внезапно, напротивъ, уходитъ корнями въ прошлое. Конечно, и философія исторіи, данная намъ Леонтьевымъ, несмотря на все ея своеобразіе и оригинальность, имѣетъ связь со взглядами предшествующихъ ему русскихъ мыслителей. Поэтому мы должны указать, съ какими мыслителями онъ болѣе всего сродни и чьи взгляды оказали на него особенное вліяніе.

По счастью это сдѣлать не трудно, такъ какъ самъ Леонтьевъ всегда признавалъ свою связь съ первыми славянофилами и съ авторомъ книги «Россія и Европа».

«Я былъ всегда ревностнымъ ученикомъ и послѣдователемъ оригинальнаго и одиноко пока стоящаго мысли-

теля Н. Я. Данилевскаго» — говоритъ онъ. Вмѣстѣ со славянофилами онъ вѣрилъ, что Россія, имѣющая стать во главѣ новой восточной государственности, должна дать міру и новую культуру, которая замѣнитъ отходящую цивилизацію Романо-Германской Европы [1]). Кромѣ того, нельзя не отмѣтить, что у К. Н. Леонтьева и у славянофиловъ одна общая мистическая основа — они всѣ во главу угла ставятъ Православное христіанство. Въ этомъ отношеніи у Леонтьева гораздо больше сходства со славянофилами, чѣмъ у Вл. Соловьева: у того вся, такъ сказать, подпочва его воззрѣній тоже религіозная, мистическая, но не православная, а латинская, римско-католическая.

Итакъ, сходство воззрѣній Леонтьева со взглядами славянофиловъ, указанное имъ самимъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но какъ же, спросятъ насъ, быть со славянами въ такомъ случаѣ? Вѣдь Леонтьевъ чуть не во всѣхъ своихъ статьяхъ утверждалъ, что «въ славянъ не вѣритъ», что всѣ славяне, и южные и западные, для Россіи неизбѣжное политическое зло [2]). Но являются ли славяне и объединеніе ихъ всѣхъ съ Россіей такимъ звеномъ въ ученіи первыхъ славянофиловъ, что, вынувъ его, отказавшись отъ него, мы разрушимъ всю цѣпь ихъ воззрѣній? Вмѣстѣ съ самимъ Леонтьевымъ мы думаемъ, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить отрицательно. Никогда не надо забывать, что сами корифеи славянофильства первоначально не называли себя «славянофилами»:

---

[1]) «Дополненіе къ двумъ статьямъ о панславизмѣ». Востокъ, Россія и Славянство, т. I, стр. 76 (гдѣ дальше указаны только страницы, тамъ надо разумѣть этотъ I-й томъ).

[2]) См. стр. 77, 89, 266 и мн. другія.

это была презрительная кличка, которую дали имъ враги.

Славяне, славянство въ культурно-философской системѣ славянофиловъ вовсе не главное. Какъ справедливо указывалъ Леонтьевъ [1]), для Кирѣевскаго и Хомякова освобожденіе славянъ и ихъ политическое сближеніе съ Россіей должно было служить лишь средствомъ, а не цѣлью. Цѣль же была своя цивилизація, непохожая на западную, своя культура, по возможности независимая отъ культуры европейской.

Первоначально Леонтьевъ думалъ о славянахъ то же, что и первые славянофилы, онъ слишкомъ въ нихъ вѣрилъ, слишкомъ надѣялся на самобытность ихъ духа. Онъ пріѣхалъ на востокъ пламеннымъ сторонникомъ культурнаго славянофильства (именно со славянами), но, проживъ тамъ 15 лѣтъ, увидалъ, что никакихъ родниковъ оригинальнаго славянскаго духа мы у славянъ не найдемъ, что тамъ все гораздо больше разъѣдено либеральнымъ европеизмомъ, чѣмъ у насъ. И вотъ онъ пришелъ къ печальному для себя, но вполнѣ логичному, выводу, что либеральный панславизмъ, отказавшійся отъ Православія [2]), есть гибель прежде всего для Россіи.

Такимъ образомъ Леонтьеву приходится славянъ выбросить за бортъ и строить свою культурную теорію безъ славянъ, или вѣрнѣе, разсматривая заботы Россіи о нихъ, какъ неизбѣжное культурное зло.

И намъ думается, что всю его культурно-историческую систему можно назвать славянофильскою, но безъ

---

[1]) «Русскіе, Греки и Юго-Славяне». Тамъ же, стр. 193.

[2]) Въ самые послѣдніе годы у насъ этотъ панславизмъ и господствуетъ. Вѣдь и Милюковъ теперь панславистъ!

идеализаціи славянъ и всего славянскаго, что мы видимъ у Хомякова и Данилевскаго. Благодаря этому, система его много потеряла, такъ сказать, художественнаго, поэтическаго, что было у Хомякова, но зато она стала ближе къ дѣйствительности, реальнѣе, трезвѣе...

Говоря о культурно-историческихъ взглядахъ Леонтьева, нельзя, конечно, не сказать прежде всего о томъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ «культура». Правда, слово это стало для насъ вполнѣ обыденнымъ, мы его употребляемъ постоянно, оно вошло въ учебники, однако это не значитъ, что, произнося слово «культура», собесѣдники или спорщики всегда разумѣютъ одно и то же понятіе. Поэтому, точно условиться, что понимать подъ словомъ «культура», — необходимо. Какъ разъ у нашего мыслителя мы и находимъ прекрасное, исчерпывающее опредѣленіе этого слова.

«Культура есть именно та сложная система идей (религіозныхъ, государственныхъ, философскихъ и художественныхъ), которая вырабатывается всей жизнью націй»... Культура, какъ продуктъ, принадлежитъ народу и государству, ее выработавшему, какъ достояніе же она принадлежитъ всему міру. Идеи, выработанныя жизнью той или другой націи, не должны однако быть тождественны, тогда не будетъ своеобразія, а безъ него невозможно и культурное творчество, потому что все истинно великое, высокое и прочное вырабатывается только благодаря разнообразію положеній, воспитанія, впечатлѣній и правъ [1]).

---

[1]) Стр. 182, 96, 310 и др.

Понимая культуру, какъ проявленіе творческаго духа націи въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ народной жизни, Леонтьевъ, разумѣется, не видѣлъ никакой логической необходимости признавать шаблонную теорію утилитарнаго и либерально-эгалитарнаго прогресса. Взамѣнъ этой теоріи, которую онъ считаетъ самообманомъ, ибо она вовсе не можетъ быть научно доказана, а есть лишь вѣра, ложно выдаваемая за знаніе, онъ выдвигаетъ свою глубоко интересную теорію развитія государственныхъ организмовъ[1]).

Прежде всего онъ справедливо указываетъ, что и слово развитіе употребляется часто не точно; напримѣръ, говорятъ: развитіе грамотности, между тѣмъ какъ можно говорить только распространеніе грамотности, распространеніе пьянства, т. к. эти явленія представляютъ намъ разлитіе чего-то однороднаго и простого; идея же развитія соотвѣтствуетъ нѣкоему сложному процессу, нерѣдко противоположному съ процессомъ распространенія.

Подъ идеей развитія нашъ мыслитель разумѣетъ постепенный ходъ отъ безцвѣтности, отъ простоты, къ оригинальности и сложности. Дѣйствительно, всѣ органическія явленія, развиваясь, количественно осложняются. Леонтьевъ въ подтвержденіе этого закона приводитъ рядъ примѣровъ, преимущественно изъ столь близкой ему науки — медицины. Мы не будемъ повторять всѣхъ этихъ примѣровъ. Для доказательства справедливости этого закона достаточно напомнить одно: зародыши всѣхъ организмовъ очень близки, сход-

---

[1]) См. гл. VI. Что такое процессъ развитія? въ статьѣ Византизмъ и Славянство (стр. 136 — 140).

ны между собою (вспомните зерна въ растительномъ мірѣ, зародыши животныхъ), похожи другъ на друга, но чѣмъ больше организмы развиваются, тѣмъ больше отличаются другъ отъ друга, а потомъ, когда начинается умираніе, все опять понижается, смѣшивается, сливается, наконецъ, распадается и гибнетъ (трупы, какъ извѣстно, очень сходны между собою, дальнѣйшія ихъ видоизмѣненія — различные газы и т. п. — уже совсѣмъ тождественны, неразличимы).

Этотъ «законъ развитія», по мнѣнію Леонтьева, приложимъ ко всему: онъ относится не только къ организмамъ, но и къ частямъ и къ системамъ ихъ; относится онъ и къ процессамъ нормальнымъ и патологическимъ.

Законъ этотъ нашъ авторъ пробуетъ, конечно, приложить и къ жизни племенъ, государственныхъ организмовъ и цѣлыхъ культурныхъ міровъ. И въ жизни этихъ организмовъ Леонтьевъ различаетъ: 1) періодъ первоначальной простоты, 2) періодъ серединный, тотъ, который онъ, большей частью, называетъ періодомъ цвѣтущей сложности, и наконецъ, 3) періодъ вторичной простоты и вторичнаго смѣшенія. Онъ отмѣчаетъ эти періоды и въ области искусства и въ области литературы и исторіи философіи.

Къ періоду серединному, къ эпохѣ цвѣтущей сложности, относятся такія явленія, какъ Парѳенонъ, храмъ Діаны Ефесской, Реймсскій и Миланскій соборы, Рафаэль, Микель-Анджело — въ изобразительныхъ искусствахъ, Софоклъ и Эсхилъ, Данте, Шекспиръ, Корнель и Расинъ — въ области поэзіи. Въ третичные періоды мы видимъ уже отсутствіе разнообразія, эклектическое смѣшеніе, бездарность старческой простоты: зданія переходныхъ эпохъ (ро-

манскій стиль, до перехода его въ готику), современныя утилитарныя и бездарныя постройки — въ искусствѣ; александрійская эпоха, современная литература натуралистической школы — въ поэзіи.

Упрощеніе, смѣшеніе, а слѣдовательно, и упадокъ Леонтьевъ видитъ и въ матеріалистической философіи, которая господствовала въ Европѣ въ его время. Эта философская система, справедливо утверждаетъ онъ, есть, конечно, самая простая, ибо ничего не можетъ быть проще и грубѣе, какъ сказать, что все вещество, что нѣтъ ни Бога, ни духа, ни безсмертія души, потому что мы ихъ не видимъ и не трогаемъ руками. Поэтому матеріализмъ есть послѣдняя система послѣдней эпохи: послѣ него или смерть, или возрожденіе.

Три вышеуказанныя эпохи Леонтьевъ видитъ и въ жизни государствъ: развитіе государства всегда сопровождается выясненіемъ и обособленіемъ свойственной ему политической формы, паденіе же государства выражается разстройствомъ этой формы, большимъ сходствомъ съ окружающимъ, такъ какъ сама-то форма вездѣ и всюду есть деспотизмъ внутренней идеи, которая не даетъ матеріи разбѣгаться. Одно вещество должно при извѣстныхъ условіяхъ кристализоваться октаэдрами, другое призмами; иначе они не смѣютъ, иначе они гибнутъ, разлагаются. Такъ же, конечно, дѣло обстоитъ и съ государственными организмами, и тотъ, кто хочетъ быть истиннымъ, а не мнимымъ реалистомъ, долженъ и на нихъ смотрѣть съ подобной точки зрѣнія. Но наши реалисты, говоритъ Леонтьевъ, вовсе не хотятъ быть истинными реалистами, когда разсуждаютъ о государствѣ. Напротивъ, тутъ немедленно

выступаютъ на сцену свобода, равенство, благоденствіе. Они принимаются какъ догматы вѣры, но при этомъ увѣряютъ, что это раціонально и научно[1]). Всѣ они стоятъ на предвзятой точкѣ зрѣнія или демократіи, или гуманности, и судятъ всегда, имѣя въ виду опредѣленную, конечную цѣль, хотя дѣлать этого не имѣютъ никакого права: конечная цѣль или конечная причина реалистамъ въ наукѣ воспрещена, вѣдь это будетъ уже метафизика, которой они такъ не любятъ; но, не отдавая себѣ отчета, они свою метафизику выдаютъ за науку. Строгая научная мысль вовсе не должна имѣть въ виду, при разсужденіи о судьбахъ государствъ, столь любимой демократами идеи благоденствія.

Какое дѣло, спрашиваетъ Леонтьевъ, честной, реальной исторической наукѣ, до неудобствъ, до потребностей, до страданій? Да и какое дѣло, спрашиваетъ онъ, мнѣ при отвлеченномъ изслѣдованіи не только до чужихъ, но даже до моихъ собственныхъ стоновъ и страданій? [2]).

Но вернемся къ разсужденію Леонтьева о государственныхъ формахъ. Онѣ, по мнѣнію Леонтьева, у каждой націи, у каждаго общества свои; государственная форма въ главной основѣ своей одна и та же до гроба историческаго, но мѣняется быстрѣе или медленнѣе въ частностяхъ отъ начала до конца.

Читатель, хорошо знакомый съ книгой «Россія и Европа», подмѣтитъ, что эта мысль Леонтьева взята имъ у Данилевскаго, и вообще мысль о томъ, что каждому на-

---

[1]) Стр. 144 и 162.

[2]) Вѣроятно, эта смѣлая и столь неожиданная для нашихъ прогрессистовъ постановка вопроса и дала поводъ нѣкоторымъ, не читавшимъ Леонтьева, утверждать о его сходствѣ съ Ницше!

роду присуща одна какая-нибудь своя государственная форма быта, есть мысль всей славянофильской школы и всѣхъ ея послѣдователей вплоть до нашихъ дней.

Но когда же, въ какую эпоху жизни народной эта государственная форма, ей присущая, проявляется всего полнѣй и явственнѣе?

Отвѣтъ можетъ быть, конечно, только одинъ: эта государственная форма яснѣе всего опредѣляется въ цвѣтущую эпоху жизни государства, въ періодъ «цвѣтущей сложности».

Итакъ, формы государственной жизни у разныхъ народовъ въ цвѣтущія эпохи ихъ существованія будутъ особенно отличны. Но нашему автору удалось подмѣтить нѣкоторыя характерныя особенности у всѣхъ государствъ въ цвѣтущія эпохи. Сначала, въ первичный періодъ, простота и однообразіе, а затѣмъ мы видимъ болѣе или менѣе глубокое раздѣленіе сословій, большее разнообразіе быта и большее или меньшее укрѣпленіе власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ одной стороны увеличивается богатство, съ другой бѣдность; возростаютъ потребности, но тонкость ощущеній и потребностей порождаетъ больше грусти, больше страданій, но за то и больше великихъ дѣлъ, больше подвиговъ, больше красоты.

Кромѣ того, въ цвѣтущія эпохи всегда есть какая-нибудь аристократія, политическая, или только бытовая, съ положеніемъ, безъ рѣзкихъ правъ [1]). Вспомнимъ эвпатридовъ Аѳинъ, оптиматовъ Рима, вонновъ Египта, маркизовъ Франціи, лордовъ Англіи, знатныхъ дворянъ первой половины XIX в. Россіи и т. д. Это характерное

---

[1]) Стр. 145, 146.

явленіе, подмѣченное Леонтьевымъ, можно формулировать такимъ образомъ: развитіе государства, а съ нимъ вмѣстѣ и расцвѣтъ культуры, творчество культурное, невозможны безъ образованія привилегированнаго и зажиточнаго класса, имѣющаго большой досугъ. Что бы ни говорили современные соціалъ-демократы, но это такъ. Съ уничтоженіемъ или упадкомъ аристократіи народной быстро понижается и народная культура.

Развѣ мыслимы Шекспиръ, Рафаэль, Софоклъ, Пушкинъ безъ той аристократіи, къ которой они или принадлежали, или которая питала ихъ вкусы и настроенія?

Поэтому Леонтьевъ постоянно подчеркиваетъ важность для культуры аристократическихъ преданій и сословнаго воспитанія, которыя, по его мнѣнію, даютъ крѣпость монархіи и всему государственному организму. Вотъ почему онъ такъ скептически относился къ будущему молодыхъ славянскихъ государствъ: ни у южныхъ, ни у западныхъ славянъ нѣтъ никакого прочнаго и національнаго привилегированнаго класса. Благодаря этому, славяне (и греки то же!) очень легко изъ патріархальнаго своего быта переходятъ въ либерально-буржуазный: вчерашній юнакъ или паликаръ очень быстро можетъ стать либеральнымъ демагогомъ [1]).

Эти мысли Леонтьева какъ нельзя болѣе оправдала современная исторія и Сербіи, и Болгаріи, да, кажется, и въ Черногоріи мы уже видимъ то же самое...

Для Леонтьева аристократія въ каждой странѣ — носительница историческихъ преданій и хранительница идеи благородства, идеи чести. Вотъ почему онъ,

[1]) Стр. 128 и 129.

между прочимъ, ставилъ въ упрекъ Льву Толстому то, что тотъ въ «Севастопольскихъ разсказахъ» постоянно старается отыскать у своихъ героевъ тщеславіе, и удивляется, что теперь такъ много приходится «писать о тщеславіи», а во времена Гомера или Шекспира этого не было.

Но во времена Гомера и Шекспира, отвѣчаетъ на это Леонтьевъ, не находили ничего худого и презрѣннаго въ томъ, что человѣкъ думаетъ о томъ, какъ взглянутъ на него люди высшіе, болѣе знатные, сильные, болѣе блестящіе. Это казалось такъ тогда естественно, такъ просто. И въ наше «демократическое» время развѣ у толпы, у низшихъ нѣтъ сильнѣйшаго и вреднѣйшаго искательства? Имъ теперь замѣнилось естественное и вѣковое желаніе низшихъ классовъ чѣмъ-нибудь да сравняться съ высшими, съ аристократіей, понравиться этимъ высшимъ, иногда получить доступъ въ ихъ общество.

Это стремленіе, замѣчаетъ Леонтьевъ, происходило часто и не изъ одного самолюбія, а нерѣдко оно было просто признакомъ хорошаго вкуса.

Въ цвѣтущія эпохи народной жизни мнѣніе среды своей, своего сословія люди принимаютъ къ сердцу гораздо живѣе нашего. Въ такія эпохи, какъ Гомера или Шекспира, преобладало религіозно-аристократическое, или героическое міросозерцаніе, а, слѣдовательно, по мнѣнію Леонтьева, и болѣе эстетическое, чѣмъ нынѣшнее [1]).

Кромѣ существованія въ цвѣтущія эпохи народовъ непремѣнно какой-нибудь аристократіи, Леонтьевъ подмѣчаетъ еще одну особенность: въ эти эпохи государ-

[1]) О романахъ графа Л. Н. Толстого. М. 1911 г. стр. 93—96.

ственная жизнь сосредоточивается непремѣнно около одного лица, даже въ государствахъ съ республиканской формой правленія; являются великіе, замѣчательные диктаторы, императоры, короли, или геніальные демагоги (Перикды, Ѳемистоклы).

Но отчего же происходитъ это характерное явленіе? По мнѣнію нашего мыслителя, отъ того, что въ эпоху цвѣтущей сложности есть наклонность къ единоличной власти для объединенія всѣхъ составныхъ частей, всѣхъ общественно-реальныхъ силъ, полныхъ жизни и броженія [1]).

Ну а что же, спросятъ, страданія, въ какую эпоху ихъ больше, въ какую меньше? Когда больше столь любимаго въ нашъ вѣкъ «благоденствія?»

На это Леонтьевъ отвѣчаетъ такъ: Боль, страданія для соціальной науки самый послѣдній изъ признаковъ и самый неуловимый, ибо онъ субъективенъ; вѣдь нѣтъ вѣрной статистики чувству радости и чувству горя!

Революціи и бунты не могутъ служить мѣриломъ благоденствія; часто однако приходится слышать, что бунтъ, революція показываютъ отсутствіе благоденствія. Но такъ ли это? Вѣдь многіе люди, справедливо замѣчаетъ Леонтьевъ, веселятся бунтомъ.

Въ доказательство онъ приводитъ такой примѣръ: всякій, кто въ началѣ 70-хъ годовъ взглянулъ бы на критянъ, увидѣлъ бы, что они живутъ гораздо лучше, богаче, веселѣе, напримѣръ, ѳракійскихъ болгаръ; однако не эти послѣдніе, не пользовавшіеся и самой малой до-

---

[1]) Востокъ, Россія и Славянство, т. I, стр. 146.

лей благоденствія, возстали первые противъ турокъ, а именно болѣе богатые критяне. Мы отъ себя приведемъ еще два примѣра не менѣе, по нашему, характерныхъ, чѣмъ примѣръ Леонтьева: жители Вандеи и Бретани, по единогласному свидѣтельству всѣхъ современниковъ, были гораздо бѣднѣе жителей южныхъ областей Франціи, и однако они стояли за законную власть, а богатые жители Марселя, Бордо, Ліона первые откликнулись на призывъ парижскихъ демагоговъ въ 1789 г. Другой примѣръ: въ 1905 и 1906 годахъ саратовскіе мужики были несомнѣнно гораздо богаче и зажиточнѣе мужиковъ новгородскихъ или олонецкихъ, и однако бунтовали и жгли помѣщичьи усадьбы первые, а вторые оставались совершенно спокойными.

Итакъ, приходится согласиться съ Леонтьевымъ, что мѣрило благоденствія, какъ недоступное современной соціальной наукѣ, нужно изъ нашихъ разсужденій вовсе устранить и признать, какъ это ни грустно для многихъ, что страданія сопровождаютъ одинаково и процессъ развитія, и процессъ разложенія.

«Все болитъ у древа жизни людской», прекрасно сказалъ нашъ мыслитель.

Но послѣдуемъ за нимъ дальше въ его разсужденіи о государствѣ. По мнѣнію его, внѣшняя политика у каждаго государства не можетъ быть безкорыстной, вѣдь государство не физическое лицо, и вся совокупность людей, живущихъ въ данный моментъ въ государствѣ, не составляетъ еще цѣлостнаго государственнаго организма; къ нему вѣдь принадлежатъ и всѣ предшествующія поколѣнія, и всѣ послѣдующія. Поэтому государство, утверждаетъ Леонтьевъ, не имѣетъ права на самопо-

жертвованіе [1]). На первый взглядъ это для многихъ покажется страннымъ и даже страшнымъ. Но подумайте и вы увидите, что Леонтьевъ правъ: вѣдь высшая форма самопожертвованія, какъ ее понимаютъ всѣ великія религіи, это отдача своей жизни за жизнь другого. Представьте же себѣ, можетъ ли одно государство пожертвовать жизнью для другого. Вообразите, что Россіи, или вѣрнѣе ея политическимъ руководителямъ предстояла альтернатива: сохранить существованіе Англіи, Франціи, Германіи, вообще всѣхъ государствъ западной Европы, цѣною своего собственнаго существованія, или же сохранить свою независимость и свое существованіе цѣною гибели всѣхъ этихъ государствъ? Я думаю, что въ такомъ случаѣ ни одинъ изъ здравомыслящихъ русскихъ людей не задумался бы въ отвѣтѣ, и даже такой ярый защитникъ политики «безкорыстія», какъ Вл. Соловьевъ, затруднился бы посовѣтовать Россіи такое «самопожертвованіе!»

Такимъ образомъ Леонтьевъ правъ: государственные организмы на высшую форму безкорыстія и самопожертвованія идти никогда не могутъ.

Изъ предшествующихъ разсужденій нѣкоторые, пожалуй, могутъ вывести, что Леонтьевъ, давая свою соціальную гипотезу жизни государствъ, совершенно не даетъ въ ней никакого мѣста человѣческой самодѣятельности. Но это заключеніе было бы совершенно несправедливо.

Государство, говоритъ Леонтьевъ, есть, съ одной стороны, какъ бы дерево, которое достигаетъ своего полнаго роста, цвѣта и плодоношенія, повинуясь нѣкоему таин-

[1]) Стр. 131.

ственному, независящему отъ насъ повелѣнію, но, съ другой стороны, оно есть машина, сдѣланная людьми полусознательно, которая однако сама тоже образуетъ, вырабатываетъ людей [1]).

Такимъ образомъ, по Леонтьеву, человѣкъ въ государствѣ есть въ одно и то же время и механикъ, и винтъ, и продуктъ этой государственной машины. Поэтому, по соціальной теоріи его, у человѣка не отнимается вовсе право самодѣятельности, онъ можетъ вліять въ ту или другую сторону на жизнь государственнаго организма.

Человѣкъ — каждый въ отдѣльности — можетъ или ускорять, или замедлять процессъ развитія государства, и тѣмъ содѣйствовать, или противодѣйствовать, большей или меньшей степени цвѣтенія и плодоношенія государства, но онъ можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать и обратное — содѣйствовать и противодѣйствовать разложенію государства. Тутъ Леонтьевъ и указываетъ на взаимоотношенія въ государствѣ консервативныхъ и либерально-прогрессивныхъ элементовъ.

Когда правы прогрессисты, и когда консерваторы?

До временъ Цезаря, Перикла, Людовика XIV и т. п. (т. е. до временъ цвѣтенія, до цвѣтущей эпохи) правы прогрессисты, отвѣчаетъ Леонтьевъ. Они въ это время ведутъ государство къ цвѣтенію и росту. Но послѣ цвѣтущей и сложной эпохи, когда начинается процессъ вторичнаго смѣшенія и упрощенія, всѣ прогрессисты дѣлаются неправы въ теоріи, хотя они часто торжествуютъ на практикѣ; думая исправлять, они только разрушаютъ. Консерваторы въ эту эпоху вполнѣ правы, они хотятъ лѣчить и укрѣплять государственный организмъ,

---

[1]) Стр. 145.

они рѣдко торжествуютъ, но, сколько могутъ, замедляютъ разложеніе, возвращая націю, иногда и насильственно, къ культу создавшей ее государственности.

До дня цвѣтенія, говоритъ Леонтьевъ [1]), лучше быть парусомъ или паровымъ котломъ, послѣ этого невозвратнаго дня достойнѣе быть якоремъ или тормазомъ для народовъ, стремящихся, часто весело, къ своей гибели.

Какъ справедливы эти слова Леонтьева! Развѣ не веселились въ древнемъ Вавилонѣ, наканунѣ взятія его Киромъ? Развѣ не веселились въ Римѣ, наканунѣ разоренія его Аларихомъ? Почитайте у бл. Іеронима!

Но изъ всѣхъ этихъ разсужденій возникаетъ одинъ вопросъ: какъ же человѣку опредѣлить, кѣмъ ему надо быть, — консерваторомъ, или либераломъ? Вѣдь на этотъ вопросъ, по теоріи Леонтьева, сознательно можно отвѣтить, только зная, въ какую эпоху государственной жизни мы живемъ, въ эпоху цвѣтенія, или разложенія? Но узнать это очень и очень трудно. Однако Леонтьевъ далѣе, говоря о гибели государственныхъ организмовъ, даетъ нѣкоторыя указанія на тѣ признаки, которые показываютъ, намъ, что процессъ сложнаго развитія кончился и начался процессъ распаденія. Но его разсужденія о гибели государствъ мы изложимъ въ самомъ концѣ, а теперь обратимся къ другому вопросу, вопросу о долговѣчности государственныхъ организмовъ, который весьма подробно разсматривается нашимъ мыслителемъ.

Надо замѣтить, что разсужденіе о долговѣчности государствъ, пожалуй, самое слабое мѣсто всей теоріи

---

[1]) Стр. 151.

Леонтьева. Мысли его объ этомъ предметѣ возбуждаютъ цѣлый рядъ вопросовъ и недоумѣній.

Онъ опредѣляетъ продолжительность жизни государственныхъ организмовъ въ 1000, 1200 лѣтъ. На счетъ древней Персіи, Еврейскаго царства, Карѳагена, греческихъ республикъ и эллинистическихъ государствъ его наблюденіе оказывается вполнѣ вѣрнымъ, — всѣ эти государства жили не болѣе 1200, 1000 лѣтъ, а большинство изъ нихъ прожили значительно меньше. Справедливо его мнѣніе и на счетъ великаго Римскаго Государства, и оно существовало 1229 лѣтъ (принимая 753 г. до Р. Х. за «основаніе» Рима, а 476 г. по Р. Х. за его «паденіе»). Всѣмъ извѣстно также, что Византія существовала тысячелѣтіе съ небольшимъ.

Итакъ мы видимъ, что относительно громаднаго большинства древнихъ государствъ хронологическія выкладки нашего мыслителя оказались справедливы. Только два государства оказались въ противорѣчіи съ его теоріей — это древній Египетъ и Китай.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Леонтьевъ даетъ такое объясненіе, этого, по его мнѣнію, кажущагося, противорѣчія его теоріи: государственная жизнь и Китая и Египта, говоритъ онъ, рѣзко раздѣлялась на цѣлый рядъ періодовъ, которые прерывались иноземными завоеваніями. Эти періоды мало похожи другъ на друга и совокупность ихъ всѣхъ едва ли можно разсматривать какъ жизнь одного государственнаго организма. А въ такомъ случаѣ отдѣльные періоды жизни этихъ государствъ врядъ ли будутъ болѣе 1000, 1200 лѣтъ. Кромѣ того, древній Египетъ, по словамъ Леонтьева, жилъ въ особенно благопріятныхъ географическихъ условіяхъ и долгое

время могъ не опасаться сильныхъ, могущественныхъ сосѣдей.

Однако надо сознаться, что всѣ эти разсужденія не особенно доказательны. Какъ ни какъ, а вѣдь остается фактомъ, что одинъ и тотъ же народъ (Китайцы, или Египтяне) жилъ государственной жизнью значительно болѣе 1200 лѣтъ. Пусть его государственный бытъ въ разныя эпохи былъ весьма различенъ, но вѣдь одинъ и тотъ же народъ создавалъ этотъ бытъ.

Поэтому болѣе справедливо будетъ нѣсколько ограничить въ данномъ случаѣ обобщеніе Леонтьева и сказать, что въ очень рѣдкихъ случаяхъ государственные организмы переживаютъ болѣе 1200 лѣтъ.

Разсматривая возрасты древнихъ государственныхъ организмовъ, Леонтьевъ приходитъ еще къ одному любопытному выводу, справедливость котораго, намъ кажется, можетъ провѣрить всякій: демократическія республики жили менѣе аристократическихъ, сословныя монархіи держались крѣпче менѣе сословныхъ и возстановлялись гораздо скорѣе послѣ разгромовъ [1]). Дѣйствительно, вспомнимъ Персію, возродившуюся послѣ разгрома ея Александромъ Великимъ, тогда какъ монархія, основанная послѣднимъ, была весьма недолговѣчна.

Прежде чѣмъ прійти къ вопросу о томъ, каковъ возрастъ современныхъ европейскихъ государствъ, мы остановимъ вниманіе читателей на тѣхъ мысляхъ, которыя Леонтьевъ высказываетъ по поводу Византіи и Византизма.

Византіи Леонтьевъ въ своихъ статьяхъ посвятилъ довольно много прекрасныхъ страницъ, обнаружившихъ въ немъ тонкую историческую наблюдательность.

---

[1]) Стр. 158.

Какъ извѣстно, Леонтьевъ идею Византизма противопоставилъ идеѣ Всеславизма, какъ идеи чисто племенной, не претендующей ни на какія духовныя цѣнности, которыя такъ важны въ дѣлѣ сближенія между отдѣльными народами.

Прежде всего Леонтьевъ даетъ намъ прекрасное опредѣленіе Византизма. Византизмъ въ государствѣ значитъ — самодержавіе; въ религіи онъ обозначаетъ — христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ западныхъ церквей, ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ Византійскій идеалъ не имѣетъ того высокаго и, во многихъ случаяхъ, крайне преувеличеннаго понятія о земной человѣческой личности, которое внесено въ исторію германскимъ феодализмомъ, — византійскій нравственный идеалъ имѣлъ всегда наклонность къ разочарованію во всемъ земномъ... Наконецъ, Византизмъ, какъ и все христіанство, отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ [1]).

Вотъ, что такое, по мнѣнію Леонтьева, идея Византизма. Началомъ Византизма Леонтьевъ считаетъ принятіе римскимъ императоромъ христіанства, благодаря чему у христіанской Византіи явилось новое и въ высшей степени спасительное орудіе дисциплины, котораго древній языческій Римъ не имѣлъ.

Какъ государство, Византія была не молода, — она дожпвала жизнь государственную стараго Рима; но Византія была молода своей религіей. Кесаризмъ Византійскій опирался на двѣ силы: на новую религію и на древнее государственное право, формулированное Юстп-

---

[1]) Статья «Византизмъ и Славянство», стр. 81.

ніаномъ такъ хорошо, какъ ни одно право до него формулировано не было.

Леонтьевъ отмѣчаетъ еще одну характерную особенность Византіи, мало отмѣчаемую историками, — это отсутствіе въ Византіи революцій. Бунты въ Византіи случались часто, даже слишкомъ часто, но революціи, тамъ не было ни одной. Кесарей, говоритъ Леонтьевъ, изгоняли, убивали, мѣняли, но святыни Кесаризма никто не касался. Людей мѣняли, но измѣнить организацію въ основѣ никто не думалъ [1]). Это и дало возможность просуществовать государству болѣе тысячи лѣтъ на почвѣ расшатанной, полусгнившей, среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Самыя ереси, которыя такъ сильно волновали государство и ставили Византію иногда на край гибели, по мнѣнію Леонтьева, были показателями богатой духовной жизни византійскаго народа. Замѣчательное обстоятельство: къ X-му вѣку ереси прекратились и государство быстро пошло къ упадку. Торжество простого консерватизма для государства оказалось такъ же гибельно, какъ и слишкомъ смѣсительный прогрессъ. Церковь была для себя права. Ея нравственная жизнь не ослабѣла. Православію предстоялъ еще безконечный путь, но подъ осмысленно пріостановившейся философіей Церкви государство продолжало существовать уже скуднѣе прошлаго. Оно слишкомъ смѣшалось. Права всѣ были до того уравнены, что торговцы, воины всякихъ племенъ могли становиться не только сановниками Имперіи, но даже Императорами.

Съ X вѣка зрѣлище Византіи становится все проще, все суше, все однообразнѣе. Наконецъ Византія, какъ

---

[1]) См. стр. 86, 178 и мн. др.

государство, пала, но, какъ культура, Византизмъ царилъ еще долго и пріобрѣлъ для себя Россію и другихъ славянъ. Произошло это потому, что культуры обыкновенно надолго переживаютъ государства, ихъ создавшія (опять та же мысль, что и у Данилевскаго).

Византизмъ легъ въ основу нашей Великорусской государственности и нашей культуры. Онъ вразумилъ и согрѣлъ насъ крѣпко и умно.

Однако, говоритъ Леонтьевъ, мы неблагодарны по отношенію къ Византіи. Византійское общество много пострадало отъ равнодушія и недоброжелательства писателей Запада, отъ неподготовленности и незрѣлости нашей Русской Науки.

Византія представляется чѣмъ-то сухимъ, скучнымъ, поповскимъ, чѣмъ-то жалкимъ и даже подлымъ! Между тѣмъ, говоритъ Леонтьевъ, источники для исторіи Византіи у насъ есть, источники крайне близкіе намъ, но нѣтъ еще искусныхъ людей, которые бы съумѣли пріучить наше воображеніе и сердце къ образамъ этого міра, столь далеко отошедшаго, а съ другой стороны столь намъ близкаго и родного! [1]).

Такъ писалъ Леонтьевъ о Византіи въ 1874 году. Не забудемъ, что въ то время еще вовсе не было тѣхъ прекрасныхъ научныхъ изслѣдованій, которыя существуютъ теперь, и у насъ, и за границей. Такія крупныя ученыя силы какъ Крумбахеръ, Гельцеръ, Герцбергъ въ Германіи, Диль и Шлюмберже во Франціи, Васильевскій, Успенскій, Кондаковъ, Скабалановичъ, Васильевъ, Айналовъ у насъ въ Россіи, — всѣ они появились значительно позднѣе.

---

[1]) Стр. 90.

То, что говорилъ тогда о Византіи Леонтьевъ, было своего рода историческимъ прозрѣніемъ. Развѣ его слова, сказанныя о Византійскомъ обществѣ 36 лѣтъ назадъ, не напоминаютъ то, что говоритъ современный ученый византистъ Ш. Диль:

«Византійское общество было способно на великій подвигъ и энергію, оно въ продолженіи многихъ вѣковъ, въ тяжелыя для государства минуты, всегда умѣло находить въ своей средѣ необходимые источники для продолженія своего не безславнаго существованія» [1]).

Черезъ 36 лѣтъ, мы можемъ не краснѣть передъ нашимъ авторомъ: у насъ появились ученые, работающіе надъ Византіей, появляются и солидные историческіе труды, способные ознакомить съ Византіей и широкіе круги русскаго общества [2]). Но всеже и теперь приходится считаться съ такими, напримѣръ, печальными фактами, какъ почти полное игнорированіе исторіи Византіи нашими учебниками и многими преподавателями средней школы. Встрѣчаешь и до сихъ поръ бранное слово «византійщина» у нѣкоторыхъ современныхъ публицистовъ напр. изъ «Русскаго Слова»...

Мысли Леонтьева о Византіи отвлекли насъ отъ его основныхъ разсужденій. Мы опускаемъ его разсужденія и доказательства о глубокомъ проникновеніи Византизма въ нашу русскую жизнь (это можетъ составить матеріалъ для отдѣльной статьи), а перейдемъ прямо къ вопросу,

---

[1]) Ш. Диль. «Византійскіе портреты». Перев. Кирпичнскаго 1911 г. т. II, стр. 103.

[2]) Мы разумѣемъ I-й томъ «Исторіи Византіи» проф. Ю. Кулаковскаго. Кіевъ 1910 г.

въ какой же періодъ жизни живутъ современныя европейскія государства?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о возрастѣ современныхъ государствъ.

И вотъ, опредѣляя этотъ возрастъ, Леонтьевъ совершенно справедливо указываетъ, что началомъ собственно западно-европейскихъ государствъ нужно считать отнюдь не V-й вѣкъ (послѣ великаго переселенія народовъ), а IX или X, т. е. эпоху Карла Великаго. До того времени жизнь носитъ еще большой отпечатокъ греко-римскихъ и византійскихъ началъ. Но вотъ Церковь Запада отдѣляется совершенно отъ церкви Православной. Въ подражаніе Византіи и вмѣстѣ какъ бы на зло ей, Западная Европа создаетъ себѣ своего Кесаря. Вотъ гдѣ начало западно-европейскихъ государствъ и вотъ когда начинаетъ опредѣляться самый характеръ Западной культуры.

Эта западная культура сложилась изъ Византійскаго христіанства, Германскаго рыцарства, Эллинской эстетики и философіи, къ которой Европа не разъ прибѣгала для освѣженія, и, наконецъ, изъ римскихъ муниципальныхъ началъ [1]). И вотъ съ X вѣка начинается развитіе этихъ четырехъ началъ. Они постоянно вступаютъ между собою въ борьбу, но эта борьба нисколько не мѣшаетъ блестящему развитію европейской культуры. И Западъ создаетъ, наконецъ, такую цивилизацію, такую культуру, равной которой по сложности и красотѣ еще никогда не было [2]).

---

[1]) Стр. 160.

[2]) Вспомните стихи Хомякова: «А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый»...

Такимъ образомъ до XVIII, а въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ и до XIX вѣка, мы видимъ разнообразнѣйшее развитіе. Припомнимъ, что говорилось раньше: это будетъ какъ разъ соотвѣтствовать по терминологіи Леонтьева періоду цвѣтенія и сложности. Самымъ блестящимъ періодомъ въ жизни Западной Европы (т. е. періодомъ наиболѣе интенсивнаго культурнаго творчества) Леонтьевъ считаетъ время отъ эпохи возрожденія до конца XVIII в. [1]).

Онъ совершенно правъ: всѣ историки единогласно свидѣтельствуютъ о богатствѣ содержанія въ эту эпоху. Европа сложнѣетъ, крѣпнетъ, расширяется на Африку, Америку, Австралію. Но вотъ, расширеніе продолжается, однако сложность начинаетъ выцвѣтать; начинается политическое и гражданское смѣшеніе. Сначала провозглашаются «Les droits de l'homme», которые принимаются на практикѣ сначала бурно во Франціи, а потомъ болѣе мирно во всей Европѣ.

Затѣмъ равенства въ правахъ уже мало: требуется равенство умственное, экономическое, половое. Леонтьевъ въ этомъ мѣстѣ своихъ разсужденій приводитъ въ примѣръ анархическій идеалъ Прудона и соціалистическій идеалъ Кабе. Но мы теперь можемъ привести гораздо лучшіе примѣры: всемірная соціалъ-демократическая рабочая партія развѣ не къ этому равенству стремится? Прочтите любую нашу «красную» брошюрку эпохи 1905 — 1907 г.г. и вы убѣдитесь въ справедливости предсказаній, или вѣрнѣе указаній нашего мыслителя.

А развѣ современныя шумныя и болѣзненныя проявленія стремленій ко всякому равноправію со стороны

---

[1]) Стр. 163.

«передовыхъ» женщинъ всего міра не доказываютъ ясно мысли Леонтьева и о половомъ равноправіи?..

Да, Леонтьевъ вполнѣ правъ: все въ Европѣ сглаживается, смѣшивается, упрощается. Болѣе наблюдательные путешественники отмѣчаютъ въ послѣднее время одинъ фактъ: не только новыя зданія въ стилѣ модернъ въ столицахъ Европы дѣлаются похожи другъ на друга, и благодаря этому сглаживается своеобразная, индивидуальная прелесть каждаго города, но и самая городская толпа въ различныхъ европейскихъ столицахъ удивительно дѣлается похожей одна на другую: парижская толпа похожа на вѣнскую, вѣнская на берлинскую и т. д.

Все это стираніе индивидуальныхъ отличій, это всеобщее стремленіе къ удовлетворенію однихъ матеріальныхъ потребностей уничтожаетъ всякую красоту [1]), всякое изящество, всякое благородство и только подготовляетъ царство какого-нибудь соціалъ-демократическаго «Конвента» и то «равенство всеобщей сытости», которымъ еще недавно возмущался В. С. Соловьевъ.

Современная Западная Европа представляется Леонтьеву какой-то толчеей, всѣхъ и все толкущей въ одной ступѣ псевдо-гуманной пошлости и прозы [2]).

Пріемы этого новаго уравнительнаго (эгалитарнаго) прогресса, къ которому идетъ Европа, сложны, а цѣль груба. Цѣль всего — средній человѣкъ, буржуа, спокойный среди милліоновъ точно такихъ же покойныхъ людей...

---

[1]) «Теперь преобладаетъ міросозерцаніе утилитарное съ эгалитарной наклонностью» — пишетъ Леонтьевъ 1890 г. въ статьѣ «О Романахъ Толстого», стр. 97.

[2]) Стр. 164.

Вотъ гдѣ точка соприкосновенія нашего мыслителя съ геніальнымъ безумцемъ нѣмецкой философіи! Вѣдь «средній человѣкъ» всего болѣе возмущалъ и Ницше, и тотъ, въ противовѣсъ этому идеалу, создалъ свой идеалъ «сверхчеловѣка». Но изъ этого совпаденія весьма неосторожно было бы выводить мысль о сходствѣ вообще воззрѣній Леонтьева и Ницше.

У перваго мы видимъ спокойное изслѣдованіе, научный анализъ, никакихъ увлеченій, никакихъ туманныхъ блужданій. У него все до ясности просто.

Затѣмъ, неужели Леонтьева, этого яраго поклонника аскетическаго христіанскаго идеала, можно сравнивать съ Ницше? Послѣдній вовсе не понималъ христіанства. Оно ему казалось именно одной изъ причинъ того опошленія, того уравненія, которое онъ наблюдалъ въ современной ему Европѣ. Леонтьевъ же старался показать, что именно забвеніе аскетическихъ идеаловъ христіанства и привело Западъ къ его современной соціалъ-демократической пошлости, отъ которой брезгливо отвернулся даже такой мыслитель-реалистъ, какъ Гербертъ Спенсеръ (вспомните его «Грядущее рабство»).

Все несчастіе европейскаго общества, по мнѣнію Леонтьева, и происходитъ потому, что оно высокій идеалъ аскетизма замѣнило идеаломъ земного гуманизма и утилитаризма, а христіанскую любовь къ Богу — заботами о всеобщемъ матеріальномъ благѣ [1]).

Но пойдемъ дальше за нашимъ мыслителемъ. По его глубокому убѣжденію, нынѣшній, такъ называемый, европейскій прогрессъ вовсе не есть процессъ развитія, онъ

---

[1]) Стр. 161.

есть процессъ вторичнаго смѣсительнаго упрощенія, короче — процессъ разложенія.

Дѣйствительно, что такое современная европейская культура XIX вѣка? Это смѣсь старо-британскаго личнаго и корпоративнаго свободолюбія съ плоской равноправностью, которую выдумали въ 89-мъ году Французы, и прежде всего на гибель самимъ себѣ.

Но, добавимъ отъ себя, развивая мысль Леонтьева, вѣдь и сама-то революція 89 г. была, въ значительной степени, попыткой приложенія къ французской дѣйствительности ложно понятой англо-саксонской идеи. Вѣдь знаменитые реформаторы національнаго учредительнаго собранія добросовѣстно (введенные въ заблужденіе Монтескье и Вольтеромъ) старались привить Франціи принципъ раздѣленія властей, который якобы существовалъ въ тогдашней Англіи.

То же самое стремленіе привить мнимобританскіе идеалы и идеалы 89 года Леонтьевъ наблюдаетъ и въ Испаніи. Послѣдняя была искони абсолютной монархіей. Ее же въ XIX вѣкѣ пытаются превратить въ прогрессивно-конституціонную. И не Леонтьевъ, а мы уже видимъ, какую жалкую политическую величину, послѣ всѣхъ этихъ экспериментовъ, представляетъ современная Испанія, которая теперь утеряла почти всѣ свои, когда-то великія, колоніальныя владѣнія!

Эта мысль Леонтьева о современной Испаніи, вскользь брошенная имъ, можетъ быть теперь подтверждена авторитетнымъ научнымъ свидѣтельствомъ: года два назадъ намъ довелось слышать въ Педагогическомъ Институтѣ весьма интересную публичную лекцію профессора С.-Петербургскаго Университета Д. К. Петрова «О Доношо

Кортесѣ и Герценѣ». Давая любопытную характеристику испанскаго консерватора — Доношо Кортеса, проф. Петровъ, между прочимъ, сказалъ, что, по его мнѣнію, вся исторія Испаніи за послѣднее столѣтіе есть попытка привить монархической и католической культурѣ Испаніи чуждые ей принципы 1789 года [1]).

Далѣе Леонтьевъ разсматриваетъ историческую судьбу Германіи и Пруссіи. Послѣдняя, по его словамъ, только потому и побѣдила Австрію въ 1866 г. и Францію въ 1871 году, что у нея 1) былъ почти всевластный король, проникнутый старыми доблестями и христіанской набожностью, 2) конституція у Пруссіи въ то время была плохая (т. е. не мѣшала правительству дѣлать свое дѣло), 3) она имѣла еще привилегированную и воинственную аристократію (прусское «юнкерство»). Но и Пруссія, побѣдительница, заражена тѣмъ же духомъ, что и побѣжденная Франція: она демократизуется [2]). Опять мы должны обратиться къ недавнимъ историческимъ событіямъ, которыя вполнѣ подтверждаютъ то, что было сказано Леонтьевымъ 30 лѣтъ назадъ.

Развѣ теперь соціалъ-демократія не сдѣлала величайшихъ завоеваній въ самой столицѣ Пруссіи? Почти всѣ депутаты отъ Берлина въ Рейхстагѣ — соціалъ-демократы. Развѣ еще не на нашей недавней памяти произошла демократическая реформа прусскаго ландтага?

Объ Австріи, по мнѣнію Леонтьева, и распространяться не для чего. Тамъ демократизація била всѣмъ въ глаза уже въ его время.

---

[1]) Почтенный ученый, мы надѣемся, не посѣтуетъ на насъ за то, что мы цитируемъ его на память.

[2]) Стр. 165 — 167.

Остается одна Англія. Здѣсь еще эгалитарный процессъ выразился не такъ рѣзко (не забудемъ, что это Леонтьевъ писалъ въ 1882 г., т. е. до, такъ называемой, парламентской реформы Гладстона). Исторія Англіи сильно отличается отъ исторіи другихъ европейскихъ странъ. Англіи, по мнѣнію нашего автора, много посчастливилось тѣмъ, что она долгое время сбывала свои горючіе элементы въ колоніи. Великобританія смѣшалась и даже упростилась сначала за океаномъ и тѣмъ спасла себя отъ внутренняго взрыва въ метрополіи, отъ насильственной демократизаціи у себя дома.

Но вотъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ въ Англіи начался демократическій процессъ, у нея появились свои радикалы. Однако ихъ успѣхи были весьма медленны. Съ точки зрѣнія теоріи Леонтьева это надо объяснить слѣдующимъ образомъ: Англія вела постоянно завоевательную политику, цѣлое множество новыхъ и оригинальныхъ странъ присоединила она, а завоеваніе новыхъ, оригинальныхъ странъ, по мысли Леонтьева, единственное спасеніе для государства при начавшемся процессѣ вторичнаго смѣшенія.

И посмотрите, какъ оправдываются мысли его въ наши дни! Рѣшительно вездѣ, а въ Англіи особенно, либеральныя правительства — миролюбивы (а радикальныя французскія министерства еще болѣе чѣмъ миролюбивы, они трусливы!), консервативныя — воинственны. Какъ воинственно настроена была, напримѣръ, Англія при консервативныхъ правительствахъ лордовъ Салисбери и Бальфура (вспомните: фашодскій инцидентъ, постоянныя войны въ сѣверовосточной Индіи, англо-бурская война) и какъ она, не смотря даже на явную опасность со стороны Гер-

маніи, миролюбиво настроена теперь при разныхъ Асквитахъ и Греяхъ!

Итакъ, процессъ демократизаціи, процессъ разложенія идетъ и въ Англіи, но Леонтьевъ отъ души желалъ, чтобы процессъ этотъ совершался въ ней какъ можно медленнѣе, чтобы она дольше оставалась примѣромъ сложности и охраненія [1]).

Однако намъ суждено, кажется, быть свидѣтелями того, чего такъ опасались и Хомяковъ, и Леонтьевъ: теперь крайнія теоріи виговъ восторжествовали, демократическая волна залила побѣдно и старую консервативную Англію. Вѣковое значеніе палаты лордовъ, а слѣдовательно и значеніе англійской аристократіи, въ теченіе многихъ вѣковъ стоявшей на стражѣ міровой англійской политики, благодаря послѣдней радикальнѣйшей парламентской реформѣ пало навсегда. Англія демократизовалась такъ же, какъ и другія страны. Теперь въ ней не будетъ того якоря, который сдерживалъ бы демократическія увлеченія палаты общинъ.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ судьбу всѣхъ западноевропейскихъ государственныхъ организмовъ, Леонтьевъ приходитъ къ выводу, что въ Европѣ все демократизуется, а слѣдовательно все приходитъ во вторичное смѣшеніе, все разлагается [2]).

Трагизмъ положенія современнаго европейскаго общества состоитъ однако еще въ томъ, что оно само-то не сознаетъ, къ чему идетъ. Европа повѣрила въ смѣшеніе,

---

[1]) Характерно, что еще въ 40-хъ годахъ, посѣтивъ Англію, этотъ же процессъ демократизаціи предсказывалъ и А. С. Хомяковъ, выражавшій также по поводу этого глубокую грусть (см. его «Письмо объ Англіи»).

[2]) Стр. 173.

въ уравненіе, какъ въ идеалъ самого государства; она приняла, образно говоритъ Леонтьевъ, жаръ изнурительной лихорадки за прорѣзываніе младенческихъ зубовъ.

Теперь для насъ ясно, въ какой періодъ жизни живутъ современныя западно-европейскія государства: періодъ сложнаго цвѣтенія для нихъ уже болѣе столѣтія, какъ кончился, они живутъ въ третій періодъ, упадка, вторичной простоты и смѣшенія.

Сравнивая современную Европу съ древними государствами, Леонтьевъ приходитъ къ выводу, что и тамъ въ періодъ паденія мы наблюдаемъ уравнительные и смѣсительные процессы. Особенно удобно, конечно, Леонтьеву доказать свою мысль примѣромъ древняго Рима. Кому не извѣстно, что тамъ уравнительный процессъ демократизаціи шелъ параллельно съ упадкомъ? Въ печальнѣйшую для Имперіи эпоху III-го вѣка происходитъ уравненіе въ правахъ всѣхъ свободныхъ жителей государства.

Мы, конечно, найдемъ довольно много разницы въ степени упрощенія и смѣшенія элементовъ у древнихъ государствъ и у современной Западной Европы, но, въ общемъ, и тутъ и тамъ одинъ и тотъ же эгалитарный процессъ демократизаціи.

Однако европейская государственная культура развилась гораздо глубже, сложнѣе всѣхъ прежнихъ государственныхъ системъ, почему и для постепеннаго паденія ея потребовалось тоже такое героическое средство, какъ вѣра въ демократическій прогрессъ.

Изъ послѣднихъ разсужденій Леонтьева о томъ печальномъ періодѣ жизни, въ которомъ, по его мнѣнію, находятся сейчасъ западно-европейскія государства, можно

уже логически было бы вывести все то, что онъ говоритъ о гибели государствъ. Признаки государственнаго разложенія почти у всѣхъ государствъ одни и тѣ же: вездѣ подъ конецъ жизни государствъ однообразіе правъ и большее противъ прежняго однообразіе воспитанія не уничтожаетъ однако вовсе антагонизма интересовъ, а, напротивъ, усиливаетъ, такъ какъ, вѣдь, и потребности и претензіи дѣлаются сходнѣе (а слѣдовательно, удовлетворить ихъ уже гораздо труднѣе!).

Кромѣ того, въ этотъ третій періодъ жизни государствъ, начавшееся еще въ періодъ цвѣтенія экономическое неравенство особенно усиливается параллельно съ увеличеніемъ политическаго равенства.

Всѣ эти, однако, вторичные смѣсительные процессы не составляютъ еще причины гибели государствъ. Они только ея признаки. Причину же надо, по мнѣнію Леонтьева, искать въ человѣческой психологіи. Человѣкъ, утверждаетъ Леонтьевъ, ненасытенъ, и развитіе раціонализма, паденіе древнихъ вѣрованій, приводитъ въ массахъ только къ возбужденію разрушительныхъ страстей, вмѣсто ихъ обузданія авторитетами.

Любопытно отмѣтить, что совершенно, конечно, независимо отъ Леонтьева, но къ тѣмъ же самымъ выводамъ приходитъ и извѣстный современный французскій мыслитель Гюставъ Лебонъ. Прочтите вступительныя главы его замѣчательной «Психологіи Соціализма» и вы увидите, что онъ думаетъ то же, что и Леонтьевъ. Кратко мысль Лебона можно формулировать такъ: распространеніе полуобразованія (настоящее образованіе вѣдь очень немногимъ доступно!) создаетъ въ массахъ претензіи, которыхъ онѣ однако не въ состояніи удовлетво-

рить. А эта неудовлетворенность порождаетъ то глубокое недовольство, на почвѣ котораго играетъ современная соціалъ-демократія. Рѣзкое же сознаніе неудовлетворенности создаетъ въ полуобразованныхъ, пропитанныхъ либеральнымъ духомъ, массахъ, зависть, злобу и всѣ разрушительные инстинкты.

Вспомните, почему, дѣйствительно, капитанъ Копѣйкинъ у Гоголя дѣлается разбойникомъ? Онъ хочетъ такъ же хорошо кушать, такъ же попивать хорошее вино, какъ и другіе. А ему говорятъ: «Нѣтъ, вы по своему положенію этого не можете имѣть». Но онъ поклонникъ равенства (онъ вѣдь былъ въ заграничномъ походѣ, и, навѣрное, знакомъ съ теоріей égalité!), онъ не можетъ этого вынести и... дѣлается разбойникомъ! Теперь бы, въ наши дни, капитанъ Копѣйкинъ, конечно, сталъ соціалъ-демократомъ!

Какъ ни смѣхотворенъ послѣдній примѣръ, но онъ прекрасно подтверждаетъ мысль Леонтьева и Лебона. Развѣ современные «пролетаріи всѣхъ странъ» не стали почти сплошь капитанами Копѣйкиными? Развѣ, желая ѣсть, пить и вообще жить такъ же какъ буржуа или аристократы, они не готовы на всякую разбойничью продѣлку? Мы еще хорошо помнимъ наши экспропріаціи и французскіе саботажи. Если они не смогутъ сдѣлать всѣхъ одинаково богатыми (что, конечно, невозможно), то они ужъ постараются, по справедливому замѣчанію Лебона, сдѣлать всѣхъ одинаково бѣдными.

Соціализмъ, пишетъ Леонтьевъ, пережилъ уже свой героическій, благородный періодъ, но теперь, опошлившись, проникнувъ въ массы, онъ сталъ еще болѣе опасенъ. Онъ считаетъ возможнымъ, что современныя за-

падно-европейскія государства сольются когда-нибудь въ одну федеративную, грубо-рабочую республику.

И, конечно, такой переворотъ «будетъ подготовленъ не на розовой водѣ и сахарѣ, а предложенъ будетъ человѣчеству путемъ желѣза, огня, крови и рыданій!» [1]).

Что же тогда будетъ дѣлать Россія? Ей представится только два исхода: или 1) она въ этомъ ужасномъ прогрессѣ должна будетъ подчиняться Европѣ, или 2) она должна устоять въ своей отдѣльности.

Конечно, для Леонтьева, какъ и для всякаго русскаго человѣка, у котораго не атрофировано еще совершенно чувство любви къ родинѣ, возможно рѣшеніе этого вопроса только въ послѣднемъ смыслѣ.

Но для того, чтобы устоять въ своей отдѣльности, чтобы не испытать той печальной судьбы, которая грозитъ государствамъ западно-европейскимъ, мы, русскіе, по мнѣнію Леонтьева, должны меньше думать о благѣ, а больше о силѣ [2]), которая понадобится намъ или для того, чтобы остановить натискъ на насъ этой федеративной Европы, или для того, чтобы въ эпоху страшнаго переворота въ ней спасти въ ней самой то, что останется у нея свѣтлаго и благороднаго...

Но изложеніе мыслей Леонтьева о томъ, что нужно дѣлать намъ для того, чтобы имѣть эту силу, или, иначе говоря, какова должна быть внутренняя и внѣшняя политика Россіи, — уже не входитъ въ нашу задачу.

Мы изложили въ главнѣйшихъ чертахъ общія культурно-историческія воззрѣнія Леонтьева. Соціальныя ги-

---

[1]) Стр. 182.
[2]) Стр. 183.

потезы его, по нашему глубокому убѣжденію, не только не устарѣли, но, напротивъ, благодаря имъ можно хорошо объяснить многія явленія современной намъ европейской дѣйствительности.

Б. В. Никольскій.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ
К. Н. ЛЕОНТЬЕВА.

Къ характеристикѣ Леонтьева.

Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ. Каждый вѣтеръ протекаетъ въ любомъ направленіи и все клонитъ и влечетъ по своему пути, все сокрушаетъ или останавливаетъ, что ему навстрѣчу стремится или упирается. Вѣяніе могущественнаго и творческаго ума точно также сокрушаетъ или останавливаетъ все съ нимъ несогласное, клонитъ и влечетъ, окрыляетъ и вдохновляетъ согласное и послушное. Такъ создаются направленія, школы, эпохи въ искусствѣ, наукѣ, умозрѣніи. Стремящійся умъ иногда мѣняетъ свое направленіе, сокрушаетъ сегодня то, что велъ за собою вчера, но, пока онъ стремится, его вѣяніе создаетъ опредѣленное направленіе, а это направленіе смыкаетъ въ одно цѣлое, въ одну систему, весь міръ.

Леонтьевъ не былъ такимъ зиждительнымъ вѣяніемъ, ни стихійно-постояннымъ пассатомъ или муссономъ, ни даже перемѣнчиво-разноструйнымъ теченіемъ духа. Его порывистая, страстная душа, его стремительный, причудливый умъ сливались, какъ несродныя стихіи, море и тучи, въ ураганъ противорѣчій, въ ревущій, сверкающій и сокрушительный смерчъ. Онъ былъ какою то бурею, разомъ мечущеюся во всѣхъ направленіяхъ, одновременно и славословя и разрушая одно и то же, существуя тѣмъ раздоромъ несогласимыхъ стремленій, который явился бы концомъ и гибелью для прямолинейно-вѣющаго духа. Его

мысль ни для кого не была ни попутнымъ, ни встрѣчнымъ вѣтромъ: она размалывала въ своихъ противорѣчіяхъ почти каждаго, кого захватывала. И предѣломъ этого смерча могла быть только такая несокрушимая преграда, о которую онъ разбился бы, чтобъ освобожденныя тучи ушли въ небо, освобожденныя волны ушли въ море.

Этою преградою, разрѣшившею всѣ противорѣчія, но зато убившею самую жизнь его, явилась Аѳонская гора. Постриженіе почти совпало съ его кончиною. Неутомимая жажда подвига, жертвы, неудержимое стремленіе «въ заоблачную келью, въ сосѣдство Бога» влекли его къ той полнотѣ отреченія, которая осуществляется только монашествомъ; страстная жажда жизни, наслажденій, прямолинейность властнаго ума и повелительное обаяніе красоты стремили его въ круговоротъ живыхъ страстей, въ политику, творчество, проповѣдь, романы въ жизни, романы въ воображеніи. Этотъ внутренній разладъ безпредѣльно высокихъ идеаловъ и неодолимо соблазнительныхъ страстей при полной невозможности отрѣшиться своими силами отъ той или другой стихіи составлялъ самое существо и вмѣстѣ главную потребность его духа. Онъ не только понималъ противорѣчія, но любилъ ихъ. Когда не было бури, онъ, какъ чуткая оспна, улавливалъ едва замѣтныя струи воздуха только для того, чтобы съ наслажденіемъ отвѣчать трепетными сочувствіями ихъ вѣяніямъ, для другихъ неощутимымъ. Онъ былъ весь трепетъ, порывъ и стремленіе.

Наше сравненіе можно продолжить. Внутри смерча нѣтъ опредѣленнаго направленія. Разомъ во всѣ страны свѣта рвутся его взбушевавшіяся струи, создавая круговращеніе, бездонною воронкою проникающее въ глубины

моря, необъятною чашею раскрывающееся всей красотѣ неба и его свѣтилъ. Такъ Леонтьевъ, зарываясь въ самыя глубины страстей и грѣха, проникая на самое дно жизни, въ то же время былъ открытъ чистѣйшимъ лучамъ верховныхъ идеаловъ. Но трепещущій столбъ смерча не стоитъ на мѣстѣ: онъ вихремъ несется въ воздушномъ пространствѣ, и съ этой точки зрѣнія вполнѣ подобенъ каждому перемѣнчивому или постоянному вѣтру. Если его вращеніе не поддается никакому расчету, то на картѣ всегда можно начертать прямые или причудливые внѣшніе пути всего смерча, какъ цѣлаго. Такъ и Леонтьевъ, живое противорѣчіе внутри своего духа, является единымъ, цѣльнымъ и стройнымъ порывомъ, если взглянуть на него извнѣ. Начертать систему, цѣльную и стройную, его мнѣній, симпатій и антипатій, было бы напрасною затѣею. Системы въ нихъ нѣтъ и не было, если не сказать, что весь онъ былъ противорѣчіемъ, возведеннымъ въ систему, что онъ былъ стихійнымъ отрицаніемъ всякой системы. Но пути жизни его совершенно ясны и просты для зоркаго наблюдателя.

Существуютъ попытки охарактеризовать міровоззрѣніе Леонтьева, какъ эстетическое. Онъ самъ былъ склоненъ къ этой мысли. «Я эстетикъ» говорилъ онъ, «потому что эстетика религіозна, и религіозенъ, потому что религія эстетична». Но эти слова — только нарядная формула, ничуть не выражающая существа его міровоззрѣнія. Позволительно спросить, какой эстетизмъ можетъ завести человѣка въ монахи? Равнымъ образомъ, возможно ли сочетать яркій и твердый патріотизмъ Леонтьева съ эстетизмомъ, какъ основою, будто бы, его идей? Эстетизмъ, какъ система, или какъ принципъ, исключаетъ возмож-

ность гражданскаго подвига, ибо исключаетъ идею нравственнаго долга. Если же, въ силу общей противорѣчивости Леонтьева, религіозность и эстетизмъ уживались въ немъ одновременно, то нельзя одно сводить къ другому, а такъ и отмѣтить эту совмѣстность — одну изъ весьма многихъ — въ его душѣ двухъ несогласныхъ идеаловъ.

Другая характерная черта, довольно дружно признаваемая за міровоззрѣніемъ Леонтьева, это — пессимизмъ. И опять согласіе въ этомъ отношеніи критиковъ можно подкрѣпить увѣренностью самого Леонтьева. Монахи — пессимисты для земли, писалъ онъ, и это ужъ одно превосходно, потому что учитъ покорности и терпѣнію. Тѣмъ не менѣе, трудно было бы согласиться съ тѣмъ, кто въ пессимизмѣ усмотрѣлъ бы коренную, принципіальную его особенность; а самъ себѣ никто не судья и въ этомъ смыслѣ мнѣніе самого Леонтьева еще ничего не доказываетъ. Его страстное чувство жизни, его вѣра и страхъ Божій, его пламенный патріотизмъ, его умѣніе беззавѣтно любить тою высшею любовью, которая, по слову апостола, страха не имѣетъ, наконецъ живая дѣятельность, какъ черта, присущая всѣмъ его идеаламъ, въ своей совокупности исключаютъ возможность послѣдовательнаго и цѣлостнаго пессимизма. То, что онъ считалъ и называлъ своимъ пессимизмомъ, было просто недовольство личною судьбою, совмѣстно съ зоркою наблюдательностью врача постоянно ему напоминавшее о зіяющей смерти, грозящей рано или поздно поглотить все живущее. Онъ «въ концѣ концовъ» считалъ земную жизнь прекрасною. Не характерно ли, что даже монаховъ Леонтьевъ называетъ не просто пессимистами, а пессимистами для земли. Несомнѣнно, были въ его творчествѣ мрачные моменты, когда

онъ былъ и по чувству, и по мысли пессимистомъ; но это были порывы ума и воли, а не принципы. Это было либо голодомъ, либо пресыщеніемъ хищника въ клѣткѣ, ибо и вся жизнь его была жизнью хищника въ клѣткѣ.

Кстати объ этомъ. Въ письмахъ Леонтьева очень часто, а иногда и въ печатныхъ произведеніяхъ, его глубокое недовольство своею судьбою обостряется мыслью: дали бы мнѣ власть и волю... Эту мысль подхватила критика, высказывавшая самыя фантастическія догадки о томъ, чѣмъ бы былъ и какъ бы дѣйствовалъ Леонтьевъ, если бы ему дѣйствительно дали власть и волю. Гадать о томъ, что бы онъ дѣлалъ, если бы ему дали «волю», т. е. обезпеченный досугъ, довольно трудно. Всего вѣроятнѣй, онъ просто раззорился бы, и притомъ совершенно незамѣтно для себя самого, не получивъ и сотой доли тѣхъ удобствъ или удовольствій, которыя были бы возможны для другого при той же «волѣ». Правда, объ этомъ споръ еще возможенъ; но ужъ что касается власти, то съ ней онъ несомнѣнно потерпѣлъ бы полное крушеніе. Получа власть, онъ самъ запутался бы въ своихъ противорѣчивыхъ симпатіяхъ и фантастическихъ обобщеніяхъ, запуталъ бы въ нихъ всѣхъ подчиненныхъ и подвластныхъ и лишь деспотически бы капризничалъ вмѣсто того, чтобы творчески или хотя бы даже деспотически править. Въ итогѣ вѣроятно получился бы полный хаосъ и развалъ, и даже не трагическій, а просто анекдотическій. Ни довольство, ни власть ему въ жизни не давались именно потому, что онъ не для довольства и власти былъ рожденъ. Онъ могъ быть только тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и никакая обстановка не могла бы удовлетворить или согласовать его непримиримыя противорѣчія. Дали бы ему какую

угодно волю и власть, — и онъ роковымъ образомъ вернулся бы къ своей неволѣ и своему безвластію. Взгляните на мощнаго льва, заключеннаго въ клѣтку и съ томною злобою поглядывающаго на толпу: дали бы ему власть и волю, — думаете вы и, казалось бы, думаетъ онъ. Но вѣдь если бы ему дали власть и волю, такъ онъ, растерзавъ нѣсколькихъ оплошныхъ, бросился бы бѣжать, куда глаза глядятъ, ища той пустыни, гдѣ нѣтъ ни толпы, ни людей, гдѣ ему некого и незачѣмъ терзать, кромѣ изловленной добычи, которой онъ питается... Не кружными ли путями вела жизнь Леонтьева, — а вѣдь привела же его на Аѳонъ. Мнѣ думается, что не было такого пути, на которомъ онъ могъ бы миновать это пристанище.

Послѣдняя оговорка. Леонтьевъ любилъ истину въ ризахъ парадокса. Истина безпредѣльно серіозна, но она не гнушается этими ризами и даже въ облаченіи ими всего нагляднѣе проявляется ея внутренняя жизнерадостность. Церковь знаетъ это и потому признаетъ святость юродства, лишь бы оно не было впаденіемъ въ прелесть діавольскую. У страшно серіознаго Леонтьева эта стихійная игривость мысли сказывалась въ его любви къ парадоксальнымъ и крайнимъ формамъ выраженія. Какъ въ разговорахъ собесѣдника, такъ въ литературѣ онъ любилъ озадачить, поразить читателя, раздразнить противника замысловатою безусловностью своихъ сужденій. И самъ то по себѣ неоглядчиво прямой и въ преклоненіи, и въ отрицаніи, онъ еще обострялъ рѣзкость своихъ мнѣній категоричностью выраженія. Его мысль иной разъ продумана до конца, прозрачна какъ хрусталь, но выражена точно на зло воображаемому дураку, могущему его подслушать или прочесть. Прекрасно зная относительность иныхъ

своихъ сужденій, онъ все таки высказывалъ ихъ съ такою безусловностью, которая ошеломляла не только противниковъ, но даже и тѣхъ простодушныхъ или тугодумныхъ слушателей, которые вполнѣ согласились бы съ нимъ, обставь онъ истину громоздкимъ аппаратомъ оговорокъ. Не умѣя сообразить, что слова Леонтьева часто надо понимать не буквально, а примѣнительно къ воображаемому собесѣднику или противнику, близорукіе читатели прилѣплялись къ его словамъ и думали, что онъ не знаетъ или не понимаетъ того, чего не договариваетъ. Сколькихъ недогадливыхъ единомышленниковъ эта парадоксальность сдѣлала врагами Леонтьева, сколько обмороченныхъ враговъ, цѣпляясь за слова, приписывали Леонтьеву то, чего у него не было и въ помпнѣ, и по дѣтски (а иногда и мошеннически) сочиняли своего собственнаго Леонтьева, склеивая въ одно фантастическое цѣлое его парадоксы, не умѣя понять (или стараясь не понять) мыслей, въ нихъ костюмированныхъ.

Эти ошибки да послужатъ на пользу будущему. Потребности Леонтьева обострять мысли, его любви къ парадоксу и капризно-вычурной логикѣ, къ замысловатымъ подходамъ къ намѣченной мысли и стремительнымъ скачкамъ къ нежданнымъ изъ нея выводамъ, наконецъ его боевой склонности недоговаривать, пренебрегать оговорками, — всего этого совершенно непозволительно забывать при пониманіи и толкованіи его произведеній. Разумѣется, все это говорится здѣсь не для фальсификаторовъ Леонтьева, — этихъ ничѣмъ не вразумишь, — а для тѣхъ, кто по искреннему недоразумѣнію его оспариваетъ или порицаетъ. Подумать только, до какихъ невѣроятныхъ сужденій додумались иные по поводу грознаго христіанства

Леонтьева: точно онъ не понималъ всей широты и полноты православія! Но онъ подчеркивалъ, обострялъ, обособлялъ грозные элементы христіанства, умалчивая обо всемъ остальномъ, что великолѣпно зналъ и понималъ, умалчивая какъ бы на зло тѣмъ розовымъ христіанамъ, къ которымъ питалъ такое глубокое и справедливое отвращеніе, не съ цѣлью переубѣдить кого либо, а съ цѣлью ободрить, подтолкнуть своею крайностью болѣе робкихъ, увлечь ихъ своимъ примѣромъ до той черты, на которой стоитъ объективная истина, но которую самъ оставлялъ далеко за собою.

Прибавимъ, что эта особенность мысли Леонтьева, сообщая его произведеніямъ несравненную прелесть и часто значительность для вдумчиваго читателя, придаетъ имъ въ то же время неотразимое очарованіе и вмѣстѣ доступность для читателей молодыхъ, обладающихъ всею непредвзятостью и воспріимчивостью своего возраста. Всегда независимыя сами по себѣ, его мнѣнія обостренною крайностью выраженія становятся въ глазахъ тѣхъ, кому пришлись по душѣ, прямо сокрушительными для того, противъ чего направлены. Въ борьбѣ и полемикѣ неподражаемо умѣя спокойствіе зрѣлаго ума и богатство зоркаго опыта сочетать съ беззавѣтною прямолинейностью пылкой юности, онъ по силѣ отрицанія является едва ли не самымъ опаснымъ врагомъ для принциповъ его противниковъ, ибо нѣтъ писателя, полнѣй освобождающаго молодую мысль изъ подъ власти вокабулъ и катехизисовъ либерализма и современнаго лже-демократизма. Онъ учитъ не бояться общихъ идоловъ и идольчиковъ и потому какъ никто подготовляетъ душу къ служенію истинному Богу. Пишущій эти строки на себѣ испыталъ въ молодые годы

эту раскрѣпощающую силу произведеній Леонтьева и немногимъ писателямъ такъ благодаренъ, какъ именно этому великому освободителю. Противъ затхлаго, заплесневѣлаго и закоснѣлаго въ своемъ убожествѣ россійскаго либеральнаго доктринерства и безшабашно невѣжественнаго нигилизма, онъ выступаетъ такою же элементарно-властной и одиноко-властною фигурою, какою на нашихъ глазахъ П. Н. Дурново обрисовался на фонѣ сановныхъ трусишекъ бюрократіи наверху, а внизу — камаринскихъ товарищей революціонеровъ и пресмыкающихся убійцъ изъ-за угла.

Возвратимся къ нашему начальному сравненію. Леонтьевъ былъ бурею внутреннихъ противорѣчій, которую неотразимою силою влекло на Аѳонскую скалу, гдѣ ей суждено было разбиться. И если мы захотимъ понять смыслъ этого влеченія, то мы найдемъ его только въ двухъ словахъ: подвигъ и жертва. Не въ эстетизмѣ, не въ пессимизмѣ, не въ религіи даже надо искать ключа къ пониманію Леонтьева, но въ героизмѣ. Несомнѣнно, міровоззрѣніе Леонтьева глубоко религіозно, но только потому, что всякій героизмъ религіозенъ, будетъ ли это героизмъ дикаря, вродѣ какого нибудь якута или соціалъ-демократа, или героизмъ избранниковъ рода человѣческаго, подобныхъ христіанскимъ мученикамъ или святымъ отшельникамъ. Религіозенъ и въ жизни, и въ твореніяхъ онъ сталъ только въ поздніе зрѣлые годы. Вѣра для него сама была подвигомъ, и ту вѣру, которая является для иныхъ людей только душевнымъ удобствомъ, онъ ненавидѣлъ сильнѣе, чѣмъ какое угодно безвѣріе. Выше мы сказали, что нѣтъ такого эстетизма, который могъ бы завести человѣка въ монахи; здѣсь можно добавить, что нѣтъ героизма, который не могъ бы завести героя въ монахи. Религія Ле-

онтьева и была религіею подвига и жертвы. Героичность — верховный критерій его сочувствій и несочувствій. Добрымъ, прекраснымъ, мудрымъ, правымъ для него могло быть только то, что способно къ подвигу и жертвѣ; что не способно, то въ его глазахъ могло бы не существовать, не должно было, не имѣло права существовать. Болѣе того, способность къ подвигу и жертвѣ искупала предъ его судомъ какія угодно вины, а неспособность къ подвигу и жертвѣ являлась сама по себѣ виною неискупимой. «Знаю твои дѣла: ты не холоденъ, ни горячъ. О, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но, какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ».

При такой жгучей прямолинейности основного идеала откуда же буря противорѣчій? Отъ неодолимыхъ соблазновъ страстей.

Хочешь не жертвы, а милости Ты; но душѣ моей бурной
Тягостенъ милости плугъ, жертвы отраденъ восторгъ.
Крылья, крылья умчатъ меня къ жертвѣ! Пошли эту жертву,
Дай мнѣ обильно принесть то, что принесть я могу!
Милости высшій даръ прими отъ другихъ благосклоннѣй,
Мнѣ же на долю пошли жертвы терновый вѣнецъ.

Леонтьевъ какъ бы признавалъ грѣхъ сильнѣе себя, но не желалъ примириться съ его владычествомъ.

Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requiris.
Nescio, sed fieri sentio et excrucior.

Какъ ни сильна была его ненависть къ соблазнамъ и грѣху, онъ не могъ подавить любви къ ихъ очарованіямъ. Изъ этой трагедіи исходовъ только два: гибель или подвигъ. Но безпредѣльно-страстное чувство жизни исключало для Леонтьева возможность перваго исхода и потому онъ стихійно стремился ко второму. Онъ признавалъ

свою грѣховность, признавалъ неодолимость грѣха, но весь трепеталъ жаждою подвига и жертвы, пламенѣлъ готовностью хоть ими засвидѣтельствовать, что быть рабомъ грѣха не согласенъ. Въ его художественныхъ произведеніяхъ главною темой является искупающее значеніе жертвы и подвига. Онъ не боялся въ самыхъ глубинахъ паденія за того, кто сохранилъ способность къ жертвѣ, и никакая безупречность не оправдывала въ его глазахъ такого существованія, въ которомъ не предвидѣлось возможности подвига. Разбойникъ, убійца, кровосмѣситель, даже предатель въ его сужденіи безконечно выше какой нибудь «честной» акушерки, «честнаго» кассира. Головорѣзъ албанецъ ему по душѣ, отъ цивилизованнаго Лессепса ему душу выворачиваетъ.

Этотъ нравственный разладъ повторяется у него и въ области прекраснаго. Его эстетизмъ — эстетизмъ подвига. Прекраснаго, которое не было бы ризами подвига, онъ не понималъ, оно было для него просто шкурою скота. И въ то же время онъ узнавалъ красоту подвига и жертвы въ красотѣ удали и риска. Если «эстетика» лишь дополняетъ у него героизмъ и въ этомъ смыслѣ является производнымъ, а не первичнымъ элементомъ его міровоззрѣнія, то она же является для него золотымъ мостомъ отъ беззавѣтности жертвы къ беззавѣтности страсти. И какъ художникъ, и какъ мыслитель онъ готовъ былъ не менѣе восхищаться красотою звѣрства, чѣмъ красотою святости. Наконецъ, красота, эстетика противорѣчій нашла въ немъ поистинѣ своего поэта. Всѣ «нерастворимыя соединенія» нашей жизни, всѣ эти сочетанія «лезгинскаго съ великобританскимъ» и французскаго съ нижегородскимъ нашли въ немъ своеобразнаго эстетическаго апологета.

Наконецъ, неограниченность его консерватизма, единственная въ своемъ родѣ, только и объяснима его сочувственною готовностью мириться съ противорѣчіями. Едва ли найдется другой писатель, который былъ бы способенъ такъ неуступчиво, какъ Леонтьевъ, отстаивать ту дѣйствительность, въ которой родился, во всей разноголосицѣ ея несогласованныхъ исторически и даже несогласимыхъ принципіально элементовъ.

При такомъ исключительномъ преобладаніи нравственныхъ и эстетическихъ началъ въ его міровоззрѣніи, при готовности мириться съ противорѣчіями, связывая ихъ только страстнымъ чувствомъ жизни и умирая, когда идеалъ восторжествовалъ надъ истощенными жизнью страстями, Леонтьевъ, естественно, поражаетъ наблюдателя преобладаніемъ воли надъ разумомъ. Если былъ на свѣтѣ человѣкъ, органически, стихійно нефилософскій, такъ это былъ Леонтьевъ. Каждый порывъ онъ стремился исчерпать до дна и потому умѣлъ доводить его съ инквизиторскою послѣдовательностью до крайнихъ выводовъ; но согласованность отдѣльныхъ порывовъ ему была совершенно безразлична. Каждое nunc мірозданія онъ какъ бы соглашался признать системою міра и, пожалуй, не отказался бы мѣнять системы вмѣстѣ съ измѣненіями потока явленій. Онъ жилъ и хотѣлъ жить, и жизнь была для него истиною; строить системы онъ предоставлялъ духовно-умирающимъ.

Сказанное о преобладаніи воли надъ разумомъ вовсе не значитъ, однако, чтобы разума или ума было у Леонтьева мало. Напротивъ, онъ обладалъ сильной и цѣпкою логикою, наблюдательнымъ и яснымъ умомъ, глубокою правдивостью и строгою трезвостью мысли. Онъ

умѣлъ созерцать жизнь съ безпощадной объективностью врача и предписывать ей, смотря по діагнозу, когда режимъ, когда лекарство, когда огонь, когда желѣзо. Иногда онъ со своими политическими наблюденіями и предсказаніями среди самаго разгара исторической трагедіи производитъ впечатлѣніе астронома, наблюдающаго свѣтила и вычисляющаго ихъ теченіе, когда его обсерваторія ужъ охвачена пожаромъ, когда уже языки пламени лижутъ его телескопъ, когда струи дыма уже затрудняютъ его дыханіе.

Если чего ему не хватало въ области его главныхъ интересовъ, это — подготовки, юридическаго и филологическаго образованія. Медицинскія познанія были для него просто какимъ то «послушаніемъ». Онъ прошелъ курсъ, какъ другіе отбываютъ воинскую повинность. Если Вамъ не разскажетъ біографъ, Вы ни за что не догадаетесь по всѣмъ его литературнымъ произведеніямъ, что онъ былъ врачемъ-спеціалистомъ. Напротивъ, недостатокъ юридической, исторической и филологической школы чувствуется въ его твореніяхъ чаще, нежели бы читателю хотѣлось, нежели допускаетъ ихъ высокое достоинство. И если этотъ недостатокъ замѣчается, то тѣмъ выше цѣнишь ясность и силу его ума, самоучкою судившаго такъ дальновидно, проницательно и здраво о дѣлахъ, событіяхъ, народахъ и людяхъ. Пользуясь его собственнымъ сравненіемъ, его мысли какъ бы несравненно пестрый и пышный цвѣтникъ, гдѣ яркія, прекрасныя заблужденія сочетаются съ благоухающими истинами въ нерасторжимое цѣлое, гдѣ истины еще прекраснѣй и царственнѣе цвѣтутъ отъ этого сосѣдства съ заблужденіями, гдѣ заблужденія не менѣе дороги зрителю, чѣмъ истины. Классификаторъ

ботаникъ съ удивленіемъ и завистью встрѣтитъ между ними рѣдчайшіе цвѣты, которыхъ ему не найти въ отборнѣйшихъ ботаническихъ садахъ и поморщится на «хламъ», въ которомъ они теряются; художникъ залюбуется вдохновеннымъ сближеніемъ формъ и красокъ, столь несродныхъ въ отдѣльности и столь нерасторжимыхъ въ цѣломъ.

Нельзя, наконецъ, умолчать объ одной героической чертѣ, съ особою рѣзкостью сказывающейся у Леонтьева, — о его независимости. Какъ думаютъ другіе, было для него безразлично; нравятся ли другимъ или не нравятся его мысли и сужденія, точно также.

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ,
Кипящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ — и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки...

Я сильно сомнѣваюсь, чтобы у него всегда хватило духу на практикѣ сразу подписывать даже вполнѣ заслуженные смертные приговоры, но совершенно убѣжденъ, что онъ не колеблясь пошелъ бы на смерть и на муки, а не назвалъ бы бѣлаго листа бумаги сѣрымъ, если бы видѣлъ, что тотъ бѣлъ. Иногда онъ высказывалъ раздражающія гусей истины несомнѣнно только потому, что онѣ раздражали и, стало быть, молчать о нихъ было бы похоже на малодушіе или кривизну души, — несомнѣнно, ибо ни другого повода, ни другой надобности ихъ высказывать, собственно, не было. Терніи подвига ему казались выше лавровъ и онъ всегда шелъ туда, гдѣ его ждало всего болѣе терній.

Страстная независимость сочеталась въ немъ съ глубокою любовью къ чужой независимости. Тутъ его эсте-

тическія сочувствія шли часто въ разрѣзъ съ его идеалами грозной государственности и порою даже торжествовали надъ нимн. Подобно тому, какъ ригоризмъ въ области нравственной имѣлъ у него только succès d'estime, — онъ отдавалъ Катону должную дань почтенія, съ такимъ же, примѣрно, чувствомъ, съ какимъ проходилъ курсъ медицинскаго факультета, но любоваться могъ только Фабриціемъ, — такъ въ области политической онъ съ непоражаемою непослѣдовательностью любовался этнографическою, федеративною пестротою, хотя вполнѣ справедливо даже для текущей минуты провозглашалъ національнзмъ орудіемъ всемірной революціи. Голосовалъ бы онъ всегда съ Катономъ, но онъ плакалъ бы со Сципіономъ надъ пылающими развалинами Карѳагена. И такъ прекрасно сосуществованіе этихъ разногласій, столько великодушія слышится въ каждомъ изъ нихъ, что какъ то жаль признавать ихъ противорѣчивость: сердцу хочется провозгласить, какъ провозгласилъ бы, я думаю, самъ Леонтьевъ, что въ нихъ нѣтъ разногласія, что въ нихъ полное единство, что лжетъ логика и лжетъ очевидность. И логика, и очевидность, конечно, простили бы Леонтьеву эти мятежные возгласы.

А. Коноплянцевъ.

СОЧИНЕНІЯ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

И

ЛИТЕРАТУРА О НЕМЪ.

(БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ)

Е. Поселянинъ.

К. Н. ЛЕОНТЬЕВЪ
ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Домъ, гдѣ жилъ Леонтьевъ въ Оптиной Пустыни.

К. Н. Леонтьевъ въ Оптиной Пустыни.

Въ самомъ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, я первый разъ поѣхалъ въ Оптину пустынь, не съ какими нибудь религіозными цѣлями, а пикникомъ съ моими родными.

Мы ѣхали изъ ихъ смоленскаго имѣнія за триста верстъ на лошадяхъ, частью на своихъ съ подставами, частью на почтовыхъ.

При первой нашей поѣздкѣ, одинъ человѣкъ разсказывалъ намъ объ Оптиной пустынѣ. Единственное, что онъ сказалъ о старчествѣ, этомъ яркомъ явленіи христіанства, было то, что передъ старцами становятся на колѣни...

Говоря моей теткѣ о лицахъ, которыхъ слѣдуетъ въ Оптиной посѣтить, онъ упомянулъ Константина Николаевича Леонтьева.

— Съ какой же стати я къ нему пойду, когда я съ нимъ не знакома? — спокойно возразила моя тетушка.

— Ну всетаки достопримѣчательность, — отвѣтилъ ей собесѣдникъ.

Только я тогда о Леонтьевѣ и слышалъ.

Оптинскій соборъ въ праздники представлялъ собой картину необычайную для горожанина. Ряды захудалыхъ, со смиреннымъ видомъ, грубо одѣтыхъ монаховъ. Нестрой-

ное, но громкое, одушевленное, отъ сердца идущее пѣніе, множество простонародья, нѣкоторые съ сумками на плечахъ: все это была картина той коренной и красочной своебразной Россіи, которую мы такъ мало видимъ въ большихъ городахъ.

На клиросѣ бокового придѣла стоялъ высокій, старый человѣкъ, въ поддевкѣ тонкаго сукна, съ лицомъ, ярко выражающимъ культурность съ любопытными, разглядывающими глазами. Онъ часто обертывался на народъ, а во время причастнаго стиха, полуобернувшись къ иконостасу, сталъ его разглядывать съ такимъ любопытствомъ, какъ будто присутствовалъ при Оптинской обѣднѣ первый разъ, и въ первый же разъ разглядывалъ народъ.

Въ этой внимательности ко всему окружающему, въ этой непроизвольной привычкѣ примѣчать все вокругъ, и думать поэтому обо всемъ происходящемъ около себя, сразу угадывался писатель.

Я же отъ кого то узналъ, что это, какъ называли его въ Оптиной, «консулъ», то есть Леонтьевъ. Такимъ онъ мнѣ и запомнился со своей высокой фигурой, думающимъ лицомъ и всматривающимся черезъ стекла пенснэ въ толпу Оптинскаго богомольническаго простонародья.

Отецъ Амвросій произвелъ на меня за тотъ единственный разъ, въ который я видѣлъ его въ этотъ пріѣздъ въ Оптину, сильнѣйшее впечатлѣніе. И на слѣдующую осень я уже вернулся въ Оптину не на пикникъ, а для того, чтобы видѣть старца.

Весной я много слыхалъ въ Москвѣ о Леонтьевѣ въ семьѣ извѣстнаго психолога П. Е. Астафьева. Добродушный и живой Астафьевъ, знавшій Леонтьева давно, ласково обвинялъ его въ нетерпимости.

— Представьте себѣ,—говорилъ онъ сердясь,—онъ мнѣ вдругъ предлагаетъ: «хотите Петръ Евгеньевичъ мы будемъ съ вами говорить такъ: я вамъ буду излагать свои взгяды, а вы меня слушайте, и мнѣ не возражайте». — Какъ же я такъ могу говорить съ человѣкомъ, не возражая!

Жена Астафьева, живая южанка, негодовала на тѣ формы, въ которыхъ Леонтьевъ, такъ любившій парадоксы и яркія выраженія, говаривалъ ей о своей приверженности къ старцу:

— Представьте себѣ, онъ мнѣ не разъ говорилъ: «вы знаете Марія Ивановна до чего я покоряюсь старцу?... Вотъ если онъ мнѣ прикажетъ васъ убить, то я нисколько не задумаюсь».

И она принимала эти слова цѣликомъ, какъ будто Леонтьевъ дѣйствительно собирался ее убить, а не хотѣлъ самымъ наглядным образомъ показать ей, насколько онъ готовъ повиноваться старцу.

Астафьевъ написалъ Леонтьеву, что я буду въ Оптиной пустыни, и навѣщу его.

И осенью я пришелъ къ Леонтьеву въ его домъ-особнякъ, который онъ нанималъ у Оптиной пустыни, и который находился въ нѣсколько десяткахъ саженяхъ отъ монастырской ограды.

Смотря парадной стороной своей на ограду, боковыми стѣнами своими домъ выходилъ на рѣку Жиздру, протекавшую отъ него тоже саженяхъ въ пятидесяти, а другой — на старый тѣнистый садъ, заросшій преимущественно, кажется, кленами.

Домъ былъ веселый, покрытый бѣлой штуратуркой, стоялъ высоко на фундаментѣ, и былъ увѣнчанъ наверху мезонинчикомъ.

Сразу изъ прихожей вы попадали въ длинную большую комнату, шедшую въ ширину всего дома. Большое итальянское окно выходило къ Жиздрѣ, а напротивъ балконная дверь вела въ садикъ.

Въ этой комнатѣ Константинъ Николаевичъ проводилъ большую часть свободнаго времени. Въ одномъ углу помѣщался диванъ и столъ со стульями для трапезы. Около окна на рѣку стояло большое кресло, имѣвшее видъ какого то трона, въ которомъ онъ любилъ сиживать.

Кромѣ этой комнаты, въ нижнемъ этажѣ была еще комната его нервно больной жены, помѣщеніе для прислуги и буфетъ, а также небольшая комната для пріѣзжихъ. Деревянная лѣстница вела вверхъ въ мезонинъ, гдѣ были двѣ большія, хорошія комнаты, кабинетъ и спальня Константина Николаевича.

Борясь со страстями бурной натуры своей, онъ прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ для своего смиренія. И, между прочимъ разсказывалъ, что бѣлое бѣлье на кровати разнѣживаетъ его. Поэтому на ней не было простынь. Едва ли онъ не спалъ по монашески, полуодѣтый.

Широко лился съ лугового простора, со стороны Жиздры, свѣтъ въ окно его кабинета. Надъ диваномъ висѣли портреты его родныхъ акварелью, и, между прочимъ, его собственный портретъ, тонкаго, наряднаго съ кудрявыми, свѣтлыми волосами юноши, затянутаго въ студенческій мундиръ.

Изъ оконъ открывался чисто русскій пейзажъ, который ничего не скажетъ, можетъ быть, иностранцу, но хватаетъ за сердце русскаго человѣка. Огородъ, спускающійся къ Жиздрѣ, заборъ, проѣзжая дорога, уютная въ берегахъ своихъ свѣтло-струйная рѣка, луговой просторъ, а за нимъ деревня Стенино.

Константинъ Николаевичъ былъ формально женатъ, но въ сущности холостъ. Онъ самъ разсказывалъ, что жена его, довольно простая гречанка, отличалась въ молодости необыкновенной красотой.

Потомъ она мало по малу впала въ дѣтство, и въ то время, какъ я зналъ ее была тяжелая, рыхлая, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно быстро двигавшаяся старуха съ космами сѣрыхъ волосъ, выбивавшихся изъ носимаго на головѣ платка.

Она была совсѣмъ какъ ребенокъ добродушный и незлобивый. Она, кажется, не обѣдала съ мужемъ, и была на попеченіи его воспитанницы Вари.

Константинъ Николаевичъ былъ чрезвычайно добрый человѣкъ. Заботиться о комъ нибудь было потребностью его души. Онъ мнѣ подробно разсказывалъ о томъ, какъ выросла его Варя, какъ онъ тревожился за то, найдетъ ли она себѣ человѣка по сердцу, и какъ она влюбилась въ поступившаго къ нему молодого слугу.

Онъ ихъ обвѣнчалъ, держалъ у себя, и радовался пріумноженію ихъ семейства.

Константинъ Николаевичъ имѣлъ родовое, маленькое, ничтожное имѣніе Кудиново въ калужской губерніи, которое онъ, кажется, въ концѣ концовъ не удержалъ въ своихъ рукахъ и къ которому онъ былъ сильно привязанъ.

Послѣдніе годы своей жизни, онъ былъ обезпеченъ пенсіею, которая была ему назначена въ обширномъ по его служебному положенію размѣрѣ, именно 2.400 рублей.

Въ устройствѣ этой пенсіи принялъ большое участіе его почитатель и старый другъ, государственный контролеръ Тертій Ивановичъ Филипповъ.

Кромѣ того Константинъ Николаевичъ получалъ гонораръ за свои статьи въ «Гражданинѣ» и иногда въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

При всемъ этомъ, онъ былъ постоянно стѣсненъ въ деньгахъ, такъ какъ натура его была широкая, и онъ много помогалъ людямъ.

Даже въ тѣ нѣсколько дней, которые я проводилъ въ Оптиной, мнѣ случалось видѣть у него людей, которымъ онъ оказывалъ помощь; какого нибудь станового, который лишился мѣста, и котораго онъ старался устроить опять на службу, и другихъ подобныхъ людей.

Первая моя встрѣча произошла въ саду при его домѣ.

Была золотая осень при ясномъ небѣ. Листъ за листомъ покорно сыпались съ деревьевъ на землю... Когда я подходилъ къ Леонтьеву, подъ его и моими ногами шуршали листья, толстымъ слоемъ покрывшіе землю, и смотря на его высокую, чуть согбенную фигуру, меня охватило какое то Тургеневское настроеніе. Я вспомнилъ Лаврецкаго, его смиреніе передъ жизнью и спокойное ожиданіе конца.

Созданный для того, чтобы жить въ обществѣ, и для духовныхъ цѣлей удалившись въ уединеніе, Леонтьевъ чрезвычайно цѣнилъ всякаго собесѣдника, изливалъ передъ нимъ накапливавшіяся въ головѣ и долго никому не высказываемыя мысли.

Онъ говорилъ всегда чрезвычайно красочно, выпукло и понятно. И извѣстные даромъ слова и яркостью разговора такія лица, какъ, напримѣръ, Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, по моему, уступали ему.

Многіе разсказы его слышалъ я, сидя послѣ обѣда въ его большой комнатѣ передъ его высокимъ кресломъ. Я

привезъ ему, между прочимъ, поклонъ отъ его старинной знакомой, Елизаветы Степановны Кротковой, начальницы извѣстнаго дома Призрѣнія при Троице-Сергіевой лаврѣ, которая одновременно съ нимъ ѣздила когда то въ московскій свѣтъ.

Онъ оживился при этихъ воспоминаніяхъ. Разсказалъ какъ бывало за ней, имѣвшей большой успѣхъ, и окруженной толпой поклонниковъ, онъ, робкій студентъ, издали слѣдилъ глазами изъ уголка бальной залы.

Какъ и онъ, она большую половину своей жизни провела въ интересахъ духовныхъ. И во всемъ укладѣ ея жизни ярко выражались истово русскія черты.

Никогда не интересовавшись политикой, я былъ пораженъ больше блескомъ разныхъ политическихъ соображеній Леонтьева, разными рисуемыми имъ политическими комбинаціями, чѣмъ вникалъ въ ихъ содержаніе.

Меня меньше интересовала также его книга «Востокъ Россія и Славянство», чѣмъ появлявшіяся тогда въ «Гражданинѣ» его критическія о литературѣ статьи, которыя, какъ мнѣ кажется, принадлежатъ къ числу самыхъ блестящихъ его страницъ, хотя на нихъ до самого послѣдняго времени не было обращено должнаго вниманія. (Теперь онѣ изданы въ Москвѣ).

Таковы были его статьи о нѣкоторыхъ произведеніяхъ графа Л. Н. Толстого, напримѣръ: «Два взгляда» и статья «Анализъ, стиль и вѣяніе», появившіяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Берга.

Зато мнѣ запомнились нѣкоторые разсказы изъ личной его жизни. Смиренный послушникъ за послѣднее время жизни, сперва аѳонскаго, а потомъ оптинскаго старца, Константинъ Николаевичъ, въ молодости пережилъ эпоху

невѣрія. Но и тогда онъ чувствовалъ какое то тяготѣніе, напримѣръ къ бытовой сторонѣ православія.

Съ обычною своей страстностью онъ разсказывалъ мнѣ, что въ пору самаго напряженнаго отрицанія онъ готовъ былъ удушить собственными руками такого человѣка, который сталъ бы что нибудь говорить противъ пасхальной заутрени въ московскомъ Кремлѣ.

Чрезвычайно живо передавалъ онъ исторію своего обращенія.

Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которымъ вѣра не далась легко. Онъ шелъ къ ней сознательно, принуждая себя вѣрить. Моментомъ же обращенія его было слѣдующее обстоятельство.

Онъ жилъ въ окрестностяхъ Солуня, когда въ городѣ свирѣпствовала холера. Проснувшись однажды ночью, онъ почувствовалъ въ себѣ всѣ холерные признаки. Какъ врачъ по образованію, онъ ошибаться не могъ.

Жизнь уходила внезапно. Надвигалась смерть, и съ ней всѣ расчеты за жизнь, прожитую не такъ, какъ ему хотѣлось. Многое, говорилъ онъ, мнѣ надо было искупить. Мнѣ хотѣлось вернуться къ жизни и повѣрить. Я сталъ глядѣть на неотлучно меня сопровождавшую семейную икону Божьей Матери, стоявшую въ углу на столѣ.

Я подошелъ къ этой иконѣ, и, въ отчаяніи, ударивъ кулакомъ по столу, закричалъ:

— Божія Матерь, Ты видишь, что мнѣ умереть рано. Дай мнѣ жизнь!

Онъ выздоровѣлъ. И тутъ начался его жизненный переломъ. Когда позволили ему дѣла, онъ отправился на Аѳонъ въ знаменитый Пантелеймоновъ монастырь, гдѣ славились старцы Іеронимъ и Макарій.

Онъ прибылъ въ монастырь съ торжествомъ, съ кавасомъ и еще съ кѣмъ то. И какъ представителя русской власти, его встрѣтили торжественно съ колокольнымъ звономъ. Настоятель съ крестомъ въ рукахъ, и братія дожидала его въ святыхъ вратахъ.

И онъ принялъ эти человѣческія почести. Потомъ на другой день, одинокій, тихо постучался онъ въ дверь келіи старца Іеронима, вошелъ, упалъ ему въ ноги и зарыдалъ. И въ этихъ рыданіяхъ выразилась вся тяжелая борьба послѣднихъ годовъ, вся жажда найти вѣру и служить Богу.

И вотъ ему предстояла труднѣйшая изъ побѣдъ и сложнѣйшая изъ задачъ — побѣдить себя и сладить съ собой.

По природѣ это былъ человѣкъ въ высшей степени необуданный, страстно отдававшійся впечатлѣнію минуты. Тѣмъ ужаснѣе должна быть борьба.

И только одинъ Богъ видѣлъ и знаетъ, чего стоило ему, еще полному силы, взять себя въ руки, и постепенно пріучить себя къ жизни иноческой, которою онъ жилъ еще раньше того, чѣмъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, отъ рукъ приближавшагося къ смерти старца Амвросія, получилъ тайный монашескій постригъ.

Леонтьевъ былъ страстный поклонникъ красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ немъ сидѣлъ настоящій баринъ-эстетикъ съ его благородствомъ и независимостью. Врагъ внѣшней нивелирующей культуры, онъ находилъ недостатки во многихъ вещахъ, въ которыхъ другіе видятъ только комфортъ.

— Терпѣть не могу желѣзныхъ дорогъ, — говаривалъ онъ. — То ли дѣло, когда ѣдешь, ничѣмъ не связанный, въ

экипажѣ. Понравится мнѣ какое нибудь мѣсто, хочу полюбоваться видомъ: «стой ямщикъ» — и стоитъ сколько хочу.

Захочу могу выйти, раскинуть палатку и расположиться въ этомъ мѣстѣ на нѣсколько дней. А тутъ долженъ я по свистку всякаго станціоннаго дурака бѣжать въ вагонъ. И сидитъ противъ меня какая нибудь рожа, отъ которой меня всего воротитъ. И это долженъ я выносить въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, а можетъ быть и сутки. Терпѣть не могу желѣзныхъ дорогъ.

Жизнь, давъ ему болѣе или менѣе обезпеченную старость, вообще то не погладила его. И онъ не взялъ отъ нея и малой доли тѣхъ успѣховъ, которые пророчествовали ему его выдающіяся способности.

Умный, глубоко самостоятельный, знавшій себѣ цѣну, онъ былъ человѣкъ внѣ партійный, осужденный на то одиночество, какое въ Россіи несутъ такіе люди. Принадлежа по рожденію къ старой дворянской семьѣ, изстари занимавшей видныя мѣста на государственной службѣ, онъ имѣлъ мало свѣтскихъ отношеній, и часто терпѣлъ уколы.

Надо сказать, что одна часть семьи Леонтьевыхъ доселѣ сохранила значительное состояніе, придворныя званія, играла роль въ свѣтѣ, между тѣмъ какъ родные Константина Николаевича захудали, хотя мать его была тоже изъ старинной и не бѣдной семьи Карабановыхъ.

Разсказывая про одну московскую барыню, которая была извѣстна своей гордостью, и захотѣла познакомиться съ нимъ, онъ говорилъ: — «когда я у нея былъ, она приняла меня точно я только литераторъ, и не предложила мнѣ даже покурить. Вѣдь я, кромѣ того что литераторъ, вѣдь еще и Леонтьевъ»...

Тяжелѣе всего ему, конечно, была крайне ограниченная его литературная извѣстность. Прекрасно сознавая, какъ по блеску и оригинальности мыслей своихъ, по проникновенному взгляду на событія въ которыхъ онъ часто оказывался пророкомъ, онъ стоитъ много впереди большинства своихъ современниковъ, а однако, не имѣетъ и той доли извѣстности, какую получили пустые, вздорные и бездарные люди, перепѣвавшіе всю жизнь чужія пѣсни, крутившіеся въ небольшомъ кругу ограниченныхъ мыслей. И объ этомъ онъ часто говорилъ съ присущей ему откровенностью, и передъ этимъ смирялся, какъ передъ несомнѣнною волею Божіею.

— Можетъ быть, послѣ моей смерти обо мнѣ заговорятъ, а вѣроятно, теперь на землѣ слава была бы мнѣ не полезна, и Богъ её мнѣ не далъ...

Барство Леонтьева проглядывало во всѣхъ мелочахъ. Онъ не могъ, непримѣръ, какъ дѣлаютъ въ Европѣ самые богатые и престарѣлые люди, ѣхать куда нибудь безъ своего слуги. Въ гостиницѣ онъ занималъ номеръ непремѣнно въ двѣ комнаты.

Однажды, когда я у него обѣдалъ, меня поразила слѣдующая мелочь. Я самъ протянулъ руку къ стоявшей посреди стола солонкѣ.

— Охъ какъ это мнѣ не нравится, — сказалъ онъ; — утѣшьте меня, поставьте солонку на прежнее мѣсто.

И потомъ онъ приказалъ стоявшему тутъ же слугѣ взять солонку и поставить ко мнѣ.

Ему нравился быть культурныхъ семей высшаго круга. И онъ, вспоминая о почтенной семьѣ одного русскаго дипломата, котораго онъ зналъ въ Константинополѣ, съ

восхищеніемъ говорилъ о томъ, какъ по сравненію съ провинціальными барышнями, ничего не дѣлающими, барышни въ этой семьѣ были постоянно заняты какимъ нибудь дѣломъ.

Ему нравилось все сильное, блестящее: военная форма, независимые люди, всяческое проявленіе самостоятельнаго характера. И пуще всего ненавидѣлъ онъ все нивелирующую общую буржуазность, и говорилъ о томъ, какъ несносна была бы сама природа, если бы въ ней воцарилось общее равенство и однообразіе.

Онъ и къ религіи пришелъ отчасти путемъ эстетики. Ему, конечно, должна была нравиться идея о царящемъ надъ вселенной Божествѣ, и быть дорогими начала, изложенныя въ сочиненіи одного изъ древнихъ отцовъ церкви — кажется, Діонисія Ареопагита «книга о небесномъ чиноначаліи».

Какъ бываетъ часто въ жизни, самъ полный сочувствія и заботливости къ людямъ, онъ былъ скорѣе человѣкомъ одинокимъ. И съ тѣмъ большею страстностью и бережностью относился онъ къ своимъ немногочисленнымъ друзьямъ.

Я видалъ какъ радовался онъ, получая письма отъ немногихъ, лицъ, съ которыми переписывался: Н. Н. Страхова, поэта Фета, К. А. Губастова, и молодыхъ своихъ друзей Александрова и Фуделя, которыхъ онъ зналъ студентами университета. Второй изъ нихъ теперь выдающійся своею дѣятельностью московскій священникъ.

Онъ былъ искренно также привязанъ къ покойному Тертію Ивановичу Филиппову, раздѣлявшему его любовь къ грекамъ и греческой церкви, которой соотвѣтствовала столь ясно выраженная ненависть къ балканскимъ сла-

вянамъ, и особенно болгарамъ, которыхъ онъ упрекалъ въ бунтѣ противъ константинопольскаго патріарха.

Леонтьевъ говорилъ, и послѣдующія событія подтвердили эти слова — о той неблагодарности, которую питаютъ къ намъ балканскіе славяне, и о томъ, какъ мало у нихъ общихъ началъ съ русскими.

Нуждаясь въ общеніи съ людьми культурными, Леонтьевъ жадно набрасывался на собесѣдника, къ которому посылала его судьба. И долго накопившіяся въ немъ мысли изливались тогда во многочасовыхъ, блестящихъ бесѣдахъ.

Во время этихъ бесѣдъ онъ задавалъ такую работу мозгамъ собесѣдника, что, просидѣвъ съ нимъ часа два, я чувствовалъ усталость головы, и откровенно ему сознавался.

— Константинъ Николаевичъ, вы задали моему мозгу слишкомъ большую работу. Пойду отдохнуть отъ нея.

И въ такія минуты я горячо жалѣлъ, что все это золото проливается передо мной, неимѣющимъ никакого интереса къ политическимъ вопросамъ, и что у него нѣтъ подъ рукой другого достойнѣйшаго собесѣдника.

Зато отсутствіе такихъ собесѣдниковъ, онъ замѣнялъ перепиской, въ которую влагалъ всю свою душу.

Оригинальному стилю, красочности и искренности его изложенія соотвѣтствовала и самая форма его письма. У него былъ очень изящный, тонкій, извилистый какъ его мысли почеркъ, и письма его были уснащены множествомъ знаковъ препинанія, и постояннымъ подчеркиваніемъ словъ одной, двумя и тремя линіями.

Изъ молодыхъ его собесѣдниковъ у него бывали Александровъ и Фудель, къ которымъ онъ относился съ оте-

ческой заботой, и кажется еще Волжинъ, теперешній Сѣдлецкій губернаторъ.

Онъ очень звалъ къ себѣ глубокаго критика-христіанина, замолчаннаго у насъ, Ю. Н. Говоруху-Отрока, писавшаго подъ псевдонимомъ Юрій Николаевъ.

Предлагая ему пріѣхать погостить въ Оптину съ женой, онъ соблазнялъ его даже тѣмъ, что возьметъ для его жены на прокатъ изъ Калуги рояль.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось видѣть Константина Николаевича за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, осенью 1891 года.

Весной онъ мнѣ написалъ, что старецъ Амвросій сильно слабѣетъ. И въ концѣ августа или началѣ сентября я пріѣхалъ въ Оптину.

Старца не было въ пустыни. Уже болѣе года онъ находился въ основанной имъ въ пятнадцати верстахъ отъ Оптина Шамординской общинѣ.

Съ отъѣздомъ старца все народное множество, стремившееся къ старцу, перешло въ Шамордино, и въ Оптиной было какое то затишье.

Вмѣстѣ съ Леонтьевымъ я поѣхалъ въ Шамордино. Было ясно, что въ жизни его совершается какая то перемѣна. Старецъ рѣшилъ, что ему изъ Оптиной надо переѣхать въ Сергіевъ Посадъ подъ Москвой, расположенный вокругъ Троице-Сергіевской Лавры.

Происходило распредѣленіе вещей, дѣлались надписи о томъ, что кому послѣ его смерти должно остаться, заботы о людяхъ, которымъ онъ помогалъ, и которымъ онъ доставилъ маленькія мѣста.

По дорогѣ въ Шамордино Леонтьевъ разсказывалъ мнѣ разныя подробности изъ своего прошлаго, и между тѣмъ, столкновеніе въ Турціи съ французскимъ консуломъ, когда онъ, придя къ нему въ консульство, отстегалъ его по лицу нагайкой.

Онъ вспоминалъ также первую настоятельницу Шамордина, мать Софію, рожденную Болотову, бывшую въ замужествѣ два раза — за Янковымъ и Астафьевымъ. Въ міру блестящая нарядная красавица, строгая подвижница по своемъ уходѣ изъ міра, она продолжала сохранять какое-то обаяніе въ монашескомъ одѣяніи, была по барски щедра, любила быструю ѣзду, и по прежнему была находчива въ отвѣтахъ.

Однажды, увидавъ Леонтьева въ Оптиной, она стала приглашать его посѣтить Шамордино и описывала красоту, дѣйствительно, очень живописно расположеннаго монастыря.

— Я бы сказалъ, — отвѣтилъ ей Леонтьевъ, — вамъ одну вещь, если бы зналъ, какъ приметъ ее ваше монашеское смиреніе. Впрочемъ все-равно скажу вамъ: зачѣмъ привлекать меня въ Шамордино описаніемъ его красотъ. Развѣ недостаточно уже того, что вы тамъ?

Мать Софія смиренно опустила глаза къ землѣ и тихо произнесла:

— Все во славу Божію.

Мнѣ довольно долго пришлось ждать моей очереди передъ келіей, гдѣ лежалъ изнемогающій старецъ, такъ какъ Леонтьевъ оставался съ нимъ долго.

Когда я вошелъ къ отцу Амвросію, я засталъ его въ такой усталости, какой никогда не видалъ въ людяхъ. Голова его безсильно валилась на подушки, изо рта вы-

леталъ еле слышный шопотъ, такъ что, приблизивъ свое ухо почти къ его рту, я съ трудомъ улавливалъ слова.

На обратной дорогѣ Леонтьевъ разсказалъ мнѣ, что отецъ Амвросій окончательно установилъ день его отъѣзда, и даже въ случаѣ неимѣнія у него свободныхъ денегъ предложилъ ссудить ему.

Въ этотъ же, вѣроятно, день былъ окончательно установленъ тотъ шагъ, который оставался мнѣ неизвѣстнымъ до конца жизни Леонтьева. Именно тотъ тайный постригъ, въ который облекъ его отецъ Амвросій передъ отъѣздомъ его въ Москву.

Тайный постригъ не рѣдкость среди мірскихъ людей, преданныхъ духовной жизни, но немогущихъ вслѣдствіе разныхъ соображеній, напримѣръ матеріальнаго характера идти офиціально въ монахи.

Могъ ли Леонтьевъ, на рукахъ котораго была больная жена и родственники, которымъ онъ помогалъ, и другіе бѣдные, лишиться своей пенсіи?

Въ Москвѣ, когда Леонтьевъ уѣзжалъ въ Сергіевъ Посадъ, я видѣлъ его въ гостиницѣ только на нѣсколько минутъ. Между прочимъ я замѣтилъ, что онъ пересталъ курить, и спросилъ его объ этомъ. Онъ сказалъ:

— Въ моемъ положеніи мнѣ теперь курить нельзя.

Это былъ намекъ на его постригъ, который я тогда не понялъ.

Десятаго октября скончался отецъ Амвросій. Я поѣхалъ по полученіи этого извѣстія въ Оптину, и увидѣлъ тамъ опустѣлый домъ Леонтьева. А черезъ короткое время по возвращеніи въ Москву, я узналъ о смерти Константина Николаевича.

Онъ умеръ, напутствованный церковными таинствами, въ томъ самомъ номерѣ той лаврской гостиницы, гдѣ жилъ такой же, какъ онъ, мірской человѣкъ, подвизавшійся для церкви, и оставившій много цѣнныхъ духовныхъ книгъ, графъ Михаилъ Владиміровичъ Толстой.

Его схоронили въ Геѳсиманскомъ скиту, близъ великолѣпнаго храма надъ той подземной пещерой, гдѣ покоится чудотворная, недавно прославившаяся Черниговская икона Богоматери.

Главное участіе въ похоронахъ его приняла Елизавета Степановна Кроткова, которою онъ любовался, когда они оба были молоды, и ѣздили въ московскій свѣтъ.

И, конечно душѣ его, много испытанной, и успокоившейся въ тѣхъ областяхъ, къ которымъ онъ заставлялъ себя стремиться, теперь уже не до земной славы.

Но съ грустью продолжаешь видѣть, какъ мало остаются извѣстными сокровища этого блестящаго и своеобразнаго ума и пламеннаго сердца.

А. Коноплянцевъ.

СОЧИНЕНІЯ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

И

ЛИТЕРАТУРА О НЕМЪ.

(БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ)

I. Сочиненія К. Н. Леонтьева.

1854 г.

Благодарность, повѣсть (Москов. Вѣд., литературный отдѣлъ, №№ 6, 7, 8, 9 и 10 — повѣсть подписана тремя звѣздочками).

1855 г.

Лѣто на хуторѣ, повѣсть (Отеч. Записки, кн. 5).

1857 г.

Ночь на пчельникѣ, очеркъ (Москов. Вѣд., литературный отдѣлъ, № 146 — очеркъ подписанъ: «К. Л.»).

1858 г.

Сутки въ аулѣ Біюкъ-Дортэ (Отечеств. Зап., кн. 8).

1860 г.

Письмо провинціала къ Тургеневу, по поводу повѣсти Тургенева «Наканунѣ» (Отеч. Зап., кн. 5).

Второй бракъ, повѣсть (Библ. для чтен., кн. 4).

1861 г.

О сочиненіяхъ Марко-Вовчка (Отеч. Зап., кн. 3).

Подлипки, романъ (Отеч. Зап., кн. 9 — 11).

1862 или 1863 г.

Дж. Ст. Милль, статья (по указанію самого К. Леонтьева [1]), напечатана въ «Совр. Словѣ» за 1862 или 1863 г.).

1864 г.

Въ своемъ краю, романъ (Отеч. Зап., кн. 5 — 7; отдѣльно изданъ 64 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к.).

1867 г.

Ай-Бурунъ, повѣсть (Отеч. Зап., кн. 7).

Съ Дуная, корреспонденціи (Одесскій Вѣстникъ, №№ 201, 202, 223, 268; подписаны: «Иванъ Руссопетовъ»).

Наша жизнь и наша литература, статья (по указанію самого К. Леонтьева [2]), напечатана въ «Голосѣ» за 1867 г.).

1868 г.

Съ Дуная, корреспонденція (Одесс. Вѣстн., № 27).

Хризо, разсказъ (Русс. Вѣстн., кн. 7).

1869 г.

Пембе, разсказъ (Русс. Вѣстн., кн. 9).

Хамидъ и Маноли, разсказъ (Заря, кн. 11).

1870 г.

Паликаръ Костаки, разсказъ (Русс. Вѣстн., кн. 9).

* [3]) Грамотность и народность, бѣглыя замѣтки (Заря, кн. 11 — 12; эта статья подписана: «Н. Константиновъ»).

---

[1]) См. его замѣтку: «Гдѣ розыскать мои сочиненія послѣ моей смерти?» (Русс. Об., 1894 г., кн. 8).

[2]) См. тамъ-же.

[3]) Статьи, обозначенныя впереди звѣздочкой *, вошли въ изданный впослѣдствіи сборникъ статей Леонтьева подъ заглавіемъ «Востокъ, Россія и Славянство», 2 тома.

1871 г.

Аспазія Ламприди, повѣсть (Русс. Вѣстн., кн. 6 — 9).

1873 г.

* Панславизмъ и Греки (Русс. Вѣстн., кн. 2).

* Панславизмъ на Аѳонѣ (Русс. Вѣстн., кн. 4; эта и предыдущая статьи подписаны «Н. Константиновъ»).

1875 г.

Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго грека (Русс. Вѣстн., кн. 6 — 8; продолженіе слѣдуетъ).

* Византизмъ и славянство (Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Росс., кн. 3; издано затѣмъ отдѣльной брошюрой).

1876 г.

Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго грека (Русс. Вѣстн., кн. 1 — 3).

Дитя души, повѣсть (Русск. Вѣстн., кн. 6 — 7).

Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Повѣсти и разсказы. 3 т. изд. М. Каткова. М. 76 г. Ц. 3 р.

Т. I. Предисловіе. — Очерки Крита. — Хризо. — Пембе. — Аспазія Ламприди.

Т. II. Поликаръ Костаки. — Хамидъ и Маноли. — Капитанъ Иліа. — Одиссей Полихроніадесъ: Мое дѣтство и наша семья. Нашъ пріѣздъ въ Янину.

Т. III. Одиссей Полихроніадесъ: Мои первые испытанія и успѣхи, соблазны и дѣла. — Дитя души.

1877 г.

Сфакіотъ, разсказъ (Русс. Вѣстн., кн. 1 — 3).

Камень Сизифа, повѣсть (Русс. Вѣстн., кн. 8, 10 — 12; продолженіе слѣдуетъ).

* О памятникѣ въ Филяхъ, статья (Моск. Вѣд.; газета и годъ напечатанія этой статьи указаны въ сборникѣ «Вост., Росс. и Слав.»).

1878 г.

Камень Спзифа (Русс. Вѣстн., кн. 7—10).

* Русскіе, греки и юго-славяне (Русс. Вѣстн., кн. 2).

Враги ли мы съ Греками (Русс. Міръ, № 9).

Территоріальныя отношенія (напечатана, кажется, въ той же газетѣ около того же времени).

* Храмъ и церковь (Гражданинъ, №№ 10, 11—12).

1879 г.

Мои воспоминанія о Ѳракіи (Русс. Вѣстн., кн. 3, 5 и 9; въ сборникѣ «Вост., Росс. и Слав.» перепечатана 5-ая глава; статья была издана отдѣльно).

Отецъ Климентъ (Русскій Вѣстн., кн. 11—12; эта статья была издана отдѣльной брошюрой и до сего времени выдержала уже три изданія: первое выпущено въ 1880 году въ Варшавѣ Истоминымъ, второе въ 1882 г. на средства московскаго купца Колесова, по желанію о. Амвросія, и третье — въ 1908 г.).

* Наше болгаробѣсіе, письма отшельника (Востокъ, № 7 и 8).

* Новый драматическій писатель Н. Я. Соловьевъ (Русс. Вѣстн., № 12; подписана «К. Л.»).

1880 г.

* Изъ студенческихъ воспоминаній (Русс. Архивъ, кн. 1; тоже было напеч. въ «Варш. Дн.» № 65).

* О либерализмѣ вообще (Варш. Дн., отъ 9 янв., № 7, и отъ 10 янв., № 8).

* Религія — краеугольный камень охраненія (Варш. Дн., отъ 11 янв., № 9).

* Тургеневъ и Маркевичъ (Варш. Дн., отъ 19 янв., № 16).

* Россія и Австрія (Варш. Дн., отъ 25 янв. № 20 и № 22).

* Двадцатипятплѣтіе царствованія (Варш. Дн., отъ 26 янв. № 21).

* Исторія города Петербурга (Варш. Дн., отъ 26 янв. № 21).

* Панславизмъ (Варш. Дн., отъ 28 янв. № 22).

* Культурная борьба въ Германіи (Варш. Дн., отъ 1 февр. № 26).

* Почему мы нерѣдко чужими мнѣніями дорожимъ больше чѣмъ нашими собственными? (Варш. Дн., отъ 7 февр. № 30).

* Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ (Варш. Дн., отъ 11 февр. и дальше, №№ 33, 37 и 38).

* Русскія войска въ Варшавѣ (Варш. Дн., отъ 21 февр. № 42).

* Чѣмъ и какъ либерализмъ нашъ вреденъ? (Варш. Дн., №№ 46, 59).

* «Голосъ» и французскіе якобинцы (Варш. Дн., отъ 28 февр. № 47).

* Газета «Новости» о дворянскомъ пролетаріатѣ (Варш. Дн., отъ 1 марта № 49).

* Еще о «Дикаркѣ» г.г. Островскаго и Соловьева (Варш. Дн., №№ 55, 60).

* Убійство Куммерау; Турція и Франція по отношенію къ Россіи (Варш. Дн., отъ 15 марта № 61).

* Журналъ «Русская Мысль» (Варш. Дн., отъ 22 марта № 65).

* Кошелевъ и московскій журналъ «Русская Мысль» (Варш. Дн., № 69).

* Колюпановъ, земскій дѣятель (Варш. Дн., 31 марта № 70).

* «Въ сорочкѣ родилась», повѣсть г-жи Коваленской (Варш. Дн., № 77).

* По поводу поста въ Парижѣ (Варш. Дн., 9 апрѣля № 78).

* Неотчуждаемость дворянскаго участка и борьба съ крамолой (Варш. Дн., 10 апрѣля № 79).

* О субсидіяхъ (Варш. Дн., 23 апрѣля № 86).

* Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ (Варш. Дн., №№ 93, 107; эта статья затѣмъ была издана отдѣльно).

* Г. Катковъ и его враги на праздникѣ Пушкина (Варш. Дн., №№ 150, 155).

* О всемірной любви (Варш. Дн., №№ 162, 169, 173; эта статья, вмѣстѣ съ статьей «Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству», была издана впослѣдствіи отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «Наши новые христіане»).

* Сквозь нашу призму (подъ этимъ заглавіемъ въ «Варш. Дн.» былъ отдѣлъ, гдѣ сотрудники помѣщали свои коротенькія замѣтки; изъ послѣднихъ Леонтьеву принадлежатъ слѣдующія): Благоразумные Чехи, № 20. — Японская дама, № 24. — Наслѣдство Хрущова, № 31. — Полезно ли самоуправство на улицѣ? № 32. — Мы «Страну» сглазили! № 32. — Ужасная взятка и возвышенная честность, № 44. — Революціонеры и прогрессисты, № 44. — Свобода проповѣди, № 44. — Общество болгарскихъ естествоиспытателей, № 61. — Небывалое торжество, № 61. — Одиночное заключеніе, № 62. — Дама куритъ въ церкви, № 73. — Пророчество кѣлецкаго сапожника, № 75. — Прозрачная щука. — Человѣкъ въ бараньей шкурѣ, № 99. — Волки въ овечьихъ шкурахъ, № 99).

* О памятникѣ въ Бозѣ почившему Императору Александру II въ Москвѣ (Варш. Дн.; затѣмъ эта статья была перепечатана въ газетѣ «Востокъ» 1882 года).

Выговоръ г. Суворину (Варш. Дн., № 128).

1881 г.

* Разсказъ Смоленскаго дьякона о нашествіи 1812 года (Русс. Арх., кн. 6).

Египетскій голубь, неоконченная повѣсть (Русс. Вѣстн., кн. 8 — 10, продолженіе слѣдуетъ).

1882 г.

Египетскій голубь (Русск. Вѣст., кн. 1).

Я купецъ, изъ воспоминаній загорскаго грека, неокончено (Русс. Вѣстн., кн. 8).

* Пасха на Аѳонской горѣ (Русь, №№ 22, 26; подписана «К — въ»).

* Письма о восточныхъ дѣлахъ (Гражданинъ: №№ 83, 85 «Наше значеніе и наши выгоды»; № 89 «Опять греко-болгарскій вопросъ»; № 91 «Все тоже»).

* Православіе и католицизмъ въ Польшѣ (Гражд., № 101).

* Остзейцы (Гражд., № 102 — 103; эта и предыдущая статьи подписаны «Н. К — въ»).

* Разоренное гнѣздо (Москов. Вѣд.).

* «Переломъ» Б. Маркевича (Москов. Вѣд.).

* Современные церковные вопросы (Соврем. извѣстія).

1883 г.

* Письма о восточныхъ дѣлахъ (Гражд., №№ 2, 5, 7, 16, 19, 20, 22, 23).

* Письмо къ г. Астафьеву (Гражд., № 9; подписано «М. В — ва»).

* Два буржуа (Граж., № 12; статья подписана «В. К — въ»).

* Психическій міръ женщины (Афиши и Объявленія, № 14).

* Знакомство съ Лессепсомъ (Гражд., № 24; подписана «Н. К — въ»).

Мой пріѣздъ въ Тульчу, разсказъ русск. консула (Спб. Вѣд., №№ 325, 326).

Польская эмиграція на нижнемъ Дунаѣ (Спб. Вѣд., №№ 332, 333, 344, 345, 348).

* Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству (Гражд.).

* Т. И. Филипповъ и От. Склобовскій, письмо въ редакцію (Гражд.).

Записки Ѳ. П. Леонтьевой (Русс. Вѣстн., кн. 10, 12; эти воспоминанія принадлежатъ перу Ѳеодосіи Петровны Леонтьевой, матери К. Н — ча; онъ напечаталъ ихъ безъ исправленій, съ своимъ предисловіемъ; продолженіе въ слѣдующемъ году).

1884 г.

Записки Ѳ. П. Леонтьевой (Русс. Вѣстн., кн. 2).

* Разбойникъ Сотири (Нива, №№ 19 — 21; этотъ разсказъ былъ перепечатанъ въ Русс. Вѣстн., 1891 г., № 11).

Консульскіе разсказы (Спб. Вѣд., № 13, 18, 19).

Майносскіе старовѣры (Спб. Вѣд., №№ 260, 261, 262, 265).

1885 г.

Двѣ избранницы, романъ, неоконченъ (Россія, №№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10).

Ядесъ, разсказъ (Нива, № 26).

Священникъ - убійца, разсказъ (Голосъ Москвы, № 122).

Поединокъ, изъ воспоминаній русскаго консула (Нива, № 41).

Арестованный, разсказъ (Нива, 49).

* Епископъ Никаноръ о вредѣ желѣзныхъ дорогъ, пара и вообще объ опасностяхъ слишкомъ быстраго движенія жизни (Гражд.).

Востокъ, Россія и Славянство, сборн. статей. М., т. I.

1886 г.

Востокъ, Россія и Славянство, М. т. II.

1887 г.

Моя мать объ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (литерат. прпложенія къ газетѣ «Гражданинъ», кн. 6 — 7; тотъ же разсказъ напечатанъ съ дополненіями и измѣненіями въ Русск. Вѣстн., 1891 г., №№ 4, 5).

Сдача Керчи въ 55 году (Современныя извѣстія, №№ 54, 60, 66, 70, 78, 101, 103).

Записки отшельника (Гражданинъ): Невольное пробужденіе старыхъ мыслей и чувствъ, № 33. — Сочувствіе и содѣйствіе, №№ 41, 44, 45, 47, 53. — Мой историческій фатализмъ, № 54, 60. — Судьба Бисмарка и недомолвки Каткова, №№ 61, 64, 67.

1888 г.

Тургеневъ въ Москвѣ (1851 — 1861 гг.), изъ моихъ воспоминаній (Русс. Вѣстн., кн. 2 — 3).

Записки отшельника (Гражданинъ): Два графа, №№ 15, 19, 24, 28. — «Анна Каренина» и «Война и миръ», №№ 33, 37, 40. — Владиміръ Соловьевъ противъ Данилевскаго, №№ 99, 102, 105, 107, 112, 115, 120, 128, 137, 140, 147, 152. — Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи, №№ 256, 258, 261, 262, 265, 269, 272, 275, 279. (Эта статья вышла въ 1889 г. отдѣльной брошюрой). — Плоды національныхъ движеній на православномъ Востокѣ, №№ 306, 311, 315, 327, 331, 334, 338, 342, 349, 353, 354, 363.

1889 г.

Плоды національныхъ движеній на православномъ Востокѣ (Гражд., №№ 7, 13, 41, 45).

Кстати и не кстати, письмо А. А. Фету по поводу его юбилея (Гражд., №№ 80, 81, 83).

Воспоминаніе объ архимандритѣ Макаріи, игуменѣ Русскаго Монастыря св. Пантелеймона на горѣ Аѳонской (Гражд., №№ 191, 192, 196, 207, 211, 243, 246).

1890 г.

Добрыя вѣсти (Гражд., №№ 81, 83, 87, 95).

Ошибка г. Астафьева (Гражд., №№ 144, 147).

Анализъ, стиль и вѣяніе, крит. этюдъ о романахъ гр. Л. Н. Толстого (Русск. Вѣстн., кн. 6 — 8; статья эта въ 1911 г. была издана отдѣльно съ исправленнымъ и дополненнымъ текстомъ согласно съ поправками самого К. Леонтьева, сдѣланными его рукой въ оставшемся послѣ него печатномъ оттискѣ этого этюда).

По поводу моихъ статей «Анализъ, стиль и вѣяніе» (Гражд., №№ 157, 158).

Какой Успенскій — Глѣбъ или Николай (Гражд., № 190).

1891 г.

Надъ могилой Пазухина (Гражд., №№ 64, 65, 66, 67).

Славянофильство теоріи и славянофильство жизни (Гражд., №№ 99, 100).

Достоевскій о русскомъ дворянствѣ (Гражд., №№ 204, 205, 206).

Оптинскій старецъ Амвросій (Гражд., №№ 305, 313).

1894 г.

Гдѣ розыскать мои сочиненія послѣ моей смерти? (Русск. Об., кн. 8).

1900 г.

Мое обращеніе и жизнь на Св. Аѳонской горѣ (Русск. Вѣстн., кн. 9).

Письма К. Н. Леонтьева:

Къ С. Васильеву (Русск. Об., 1893 г., кн. 1).
Къ А. А. Фету (Русск. Об., 1893 г., кн. 4).
Къ архимандриту Леониду (Кавелину) (Русск. Об., 1893 г., кн. 9).
Письмо о старчествѣ (Русск. Об., 1894 г., кн. 10).
Къ К. А. Губастову (Русск. Об., 1894 г., кн. 9, 11; 1895 г., кн. 11, 12; 1896 г., кн. 1, 2, 3, 11, 12; 1897 г., кн. 1, 3, 5, 6, 7).
Къ В. А. П — ой (Русск. Об., 1898 г. кн. 1).
Къ І. И. Фуделю (Русск. Об., 1895 г., кн. 1, въ статьѣ І. Фуделя).
Къ А. А. Александрову (Новое Вр., 1900 г., отъ 7 Августа, въ ст. А. Александрова «Памяти Вл. С. Соловьева»).
Къ В. В. Розанову (Русск. Вѣстн., 1903 г., кн. 4, 5, 6).
Изъ писемъ К. Н. Леонтьева отъ 24, 25 и 26 іюля 1887 г. изъ Оптиной пустыни — сообщено А. Александровымъ (Москов. Вѣд., отъ 13 янв. 1911 г., № 9).

II. Статьи, замѣтки, рецензіи, некрологи и пр. о Леонтьевѣ и его сочиненіяхъ [1]).

1) Историческая записка, рѣчи, стихи и отчетъ Импер. Московскаго университета, читанные въ торжественномъ собраніи 12 января 1855 г., по случаю его столѣтняго юбилея. Москва. 1855 г., стр. 22.

2) (Салтыковъ-Щедринъ). Рецензія на романъ «Въ своемъ краю». — Современникъ, 1864 г., кн. 10.

---

[1]) При составленіи этого списка значительную услугу оказали двѣ тетради съ наклеенными въ нихъ вырѣзками изъ различныхъ газетъ и журна-

3) S. N. «Les revues russes». — Journal de S.-Pétersbourg, 1871. № 340. 31 Décembre (по поводу повѣсти К. Л—ва «Аспазія Ламприди»).

4) А. О. (Авсѣенко). «Очерки текущей литературы». — Русскій Міръ, 1875 г., №№ 96, 125, 153.

5) L. V. «Les revues russes». — Journal de St.-Pétersbourg, 1876. 29 Fevrier. № 56.

6) «Литературная хроника» (5). — Донъ, 9 марта 1876 г., № 27.

7) Вс. С—въ (Всев. Соловьевъ). «Современная литература». — Русскій Міръ, 1876 г., № 98.

8) В. Неклюдовъ. «Литературная замѣтка. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Повѣсти и разсказы К. Н. Леонтьева. Москва. 1876». — Москов. Вѣд., 24 апрѣля 1876 г., № 100.

9) В. С—ъ (Вс. Соловьевъ). «Современная литература». — Русскій Міръ, 25 апр. 1876 г., № 112.

10) Н. С. (Н. Н. Страховъ). «О византизмѣ и славянствѣ». — Русскій Міръ, 1876 г., № 137.

11) Вс. С—въ (Всев. Соловьевъ). «Современная литература». — Русскій Міръ, 1876 г., №№ 203, 217.

12) IV. «Литературная лѣтопись». — Голосъ, 29 сент. 1877 г., № 230.

13) L. V. «Русскіе журналы». — Соврем. Извѣстія, 7 декабря 1877 г., № 337.

14) W. (Авсѣенко). «Литературное обозрѣніе». — Русскій Міръ, 15 янв. 1878 г., № 13.

15) Евг. Марковъ. «Литературная лѣтопись». — Голосъ, 28 янв. 1878 г., № 28 (о повѣсти «Камень Сизифа»).

ловъ, содержащими замѣтки, рецензіи, отзывы и пр. о Леонтьевѣ и его произведеніяхъ. На поляхъ этихъ тетрадей К. Н. Леонтьевымъ написаны примѣчанія самаго разнообразнаго характера, преимущественно для В. В. Розанова, которому еще при жизни имъ были пересланы.

Въ настоящемъ нашемъ спискѣ вначалѣ указывается авторъ статьи, затѣмъ въ ковычкахъ заглавіе ея и далѣе журналъ или газета, гдѣ такая статья напечатана. Извѣстныхъ намъ авторовъ анонимныхъ статей указываемъ въ скобкахъ, также авторовъ, скрывшихъ себя подъ псевдонимомъ или иниціалами.

16) В. В. Крестовскій. «Изъ воспоминаній о минувшей войнѣ». — Русскій Вѣстн., 1879 г., кн. 5, стр. 203 — 205.

17) Вс. Соловьевъ. «Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ». Нива, отъ 14 мая 1879 г., № 20.

18) «Среди газетъ и журналовъ», замѣтка. — Новое Время, отъ 14 іюня 1879 г., № 1181.

19) «Въ защиту современныхъ либераловъ». — Новое Время, отъ 25 іюля 1879 г., № 1222.

20) Замѣтка по поводу статей Леонтьева въ «Востокѣ». — Русск. Правда, отъ 26 іюля 1879 г., № 85.

21) Замѣтка о сотрудничествѣ Л—ва въ «Варш. Дневникѣ». — Варш. Дн., отъ 7 янв. 1880 г., № 5.

22) «По поводу статьи «Русскаго Вѣстника» «Отецъ Климентъ». — Руководство для сельскихъ пастырей, отъ 16 марта 1880 г., № 12, стр. 341 — 362.

23) Ссылка на «Византизмъ и Славянство» въ отдѣлѣ «Среди газетъ». — Востокъ, отъ 18 мая 1880 г., № 45, стр. 150 — 151.

24) Оса. «Ежедневная бесѣда». — Петербургск. Газета, отъ 16 іюля 1880 г. № 137.

25) Замѣтка въ отдѣлѣ «Среди газетъ и журналовъ». — Новое Время, отъ 24 іюля 1880 г., № 1581.

26) (Н. Н. Голицынъ, кн.) «Сквозь нашу призму». — Варш. Дн., отъ 26 іюля 1880 г., № 160.

27) «Московскій фельетонъ». — Русскій Курьеръ, отъ 17 мая 1881 г., № 133 (по поводу брошюры Л—ва: «Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?»).

28) N. Замѣтка по поводу брошюры К. Н. Леонтьева: «Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?» — Русскій Курьеръ, отъ 18 мая 1881 г., № 134.

29) «Н. Я. Соловьевъ». — Нива, 1882 г., № 14.

30) Рецензія на брошюру Леонтьева «Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?» — Соврем. Извѣстія, отъ 13 апрѣля 1882 г., № 100.

31) О. К. (О. А. Новикова). «Ральфъ В. Эмерсонъ». — Русь, 1882 г., № 19.

32) О. К. (О. А. Новикова). «Une voix de Russie».—Nouvelle Revue, 15 Août 1882, t. 17, pag. 943 — 944.

33) И. Кр. (Ив. Кристи). Замѣтка объ «О. Климентѣ Зедергольмѣ». — Моск. Вѣд., 1882 г., № 314.

34) А. С. «Что такое старчество?» — Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 1.

35) «Новыя сочиненія К. Н. Леонтьева». — Афиши и объявленія, отъ 23 янв. 1883 г., № 12.

36) У — въ. Реценція на брошюру «Наши новые христіане». — Чтенія въ Общ. любителей дух. просвѣщенія 1883 г., мартъ — апрѣль, стр. 163 — 177.

37) Н. Лѣсковъ. «Графъ Л. Н. Толстой и Ѳ. М. Достоевскій, какъ ересіархи». — Новости, отъ 1 и 3 апрѣля 1883 г., №№ 1, 3.

37) Ор. Миллеръ. «О церкви въ исторической жизни русскаго народа». — Русь, отъ 13 апрѣля 1883 г., № 8, стр. 23.

39) Влад. Соловьевъ. «Замѣтка по поводу новыхъ христіанъ». — Русь, 1883 г., № 9, стр. 39 — 43.

40) Н. Лѣсковъ. «Золотой вѣкъ. Утопія общественнаго переустройства. Картины жизни по программѣ Леонтьева». — Новости, отъ 22 и 29 іюня 1883 г., №№ 80 и 87.

41) Ѳ. М. Достоевскій. Полное собраніе сочиненій. СПБ. 1883 г., т. I, стр. 369 («Изъ записной книжки»).

42) С. Пономаревъ. «Любовь, какъ начало единенія» — Чтенія въ Общ. любит. дух. просвѣщенія, 1884 г., № 1, стр. 94 — 108.

43) Передовая по поводу статей Л—ва въ «Варш. Дн.». — Афиши и Объявленія, отъ 22 марта 1884 г., № 337.

44) Передовая статья. — Афиши и Объявленія, отъ 3 октября 1884 г., № 24.

45) Орестъ Миллеръ. «Церковь и Византійство». — Кіевская Старина, 1884 г., ноябрь, стр. 421.

46) Or. Передовая статья. — Вѣстникъ литературный, политич., научный и художественный, отъ 13 марта 1885 г., № 594.

47) Рецензія въ библіограф. отдѣлѣ о «Востокъ, Росс. и Слав.» — Русская Мысль, 1885 г., кн. 7.

48) (Н. П. Гиляровъ-Платоновъ?). Передовая статья о «Вост., Рос. и Слав.» — Современ. Извѣстія, отъ 24 сентября 1885 г., № 245.

49) П. Сергіевскій (Ив. Кристи). «Что посѣешь, то и пожнешь» — по поводу I т. «Вост., Рос. и Слав.» — Гражд., отъ 17 октября 1885 г., № 82.

50) Твердко Балканскій. «Славянство и К. Леонтьевъ».— Соврем. Извѣстія, отъ 31 октября 1885 г., № 282.

51) Рецензія на I т. «Вост., Рос. и Слав.» — Вѣстн. Евр. 1885 г., кн. 12.

52) П. Е. Астафьевъ. «Смыслъ исторіи и идеалы прогресса», двѣ публичныя лекціи. — Чтенія Общ. любителей дух. просвѣщенія, 1885 г. Въ томъ же году эти лекціи вышли отдѣльнымъ первымъ, а въ 1886 г. — вторымъ изданіемъ.

53) Русская женщина (М. В. Л—ва). «Женщина — женщинѣ о новой книгѣ». — Свѣтъ, отъ 2 мая 1886 г. № 96.

54) Фельетонъ-рецензія на «Вост., Рос. и Слав.» — Правит. Вѣстн., отъ 13 и 27 ноября 1886 г., №№ 250 и 260.

55) Письма Тургенева къ К. Н. Леонтьеву. — Русская Мысль, 1886 г., № 12.

56) Р. К. (Вл. А. Грингмутъ). «К. Н. Леонтьевъ какъ беллетристъ». — Гражд., отъ 5 февр. 1887 г., № 11.

57) П. Васильчиковъ. Письмо въ редакцію. — Новое Время, отъ 9 марта 1887 г., № 3960.

58) (Т. И. Филипповъ). Замѣтка о литературной дѣятельности К. Леонтьева въ отдѣлѣ «Дневникъ». — Граждан., 1887 г., № 36.

59) Политическая статья, направленная противъ «Гражданина» и его сотрудниковъ, въ томъ числѣ К. Н. Леонтьева.— Москов. Вѣд., отъ 2 декабря 1887 г., № 332.

60) «Дневникъ», отвѣтъ на предыдущую статью.— Гражд., отъ 4 декабря 1887 г., № 65.

61) П. Волженскій (Денисовъ и Умановъ). «Еще русскій мыслитель». — Русское дѣло, отъ 5, 12 и 19/26 декабря 1887 года, №№ 19, 20 и 21-22.

62) N. «Письмо къ редактору».—Москов. Вѣд., отъ 8 декабря 1887 г., № 338.

63) П. Аристовъ. «Леонтьевъ и его гаданія». — Русское Дѣло, отъ 10 января 1888 г., № 2.

64) Славянофилъ. «Австрія и Сербія». — Гражданинъ отъ 11 октября 1888 г., № 283.

65) И. И. Панаевъ. Воспоминанія. Изд. 3-е. Спб. 1888 г., стр. 398.

66) Передовая статья. — Свѣтъ, отъ 14 апрѣля 1889 г., № 84.

67) А. А. Кирѣевъ. «Народная политика, какъ основа порядка». — Славянскія Извѣстія, 1889 г., №№ 28 и 29.

68) Рецензія на брошюру К. Леонтьева «Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи». — Русск. Вѣстн., 1889 г., кн. 6.

69) П. «Россія и греко-болгарская распря». — Новое Время, отъ 12 іюля 1889 г., № 4801.

70) A. Tchernoff (Портье д'Аркъ). «Un portrait littéraire russe: M. Constantin Léontieff» — La nouvelle Revue, 1889, t. 58, pag. 754 — 764.

71) П. Астафьевъ. «Національное самосознаніе и общечеловѣческія задачи». — Русск. Обозр., 1890 г., кн. 3, стр. 277 — 278.

72) «Мнѣнія печати: взглядъ свѣтскаго человѣка на современное монашество. — Что могло бы внести дворянство въ монашество». — Церк. Вѣстн., отъ 12 апрѣля 1890 г., № 15.

73) М. Южный. «Литературно-критическій фельетонъ. О романахъ гр. Л. Н. Толстого, К. Н. Леонтьевъ». — Гражд., отъ 8 іюня 1890 г., № 157, и отъ 13 іюля 1890 г., № 162.

74) П. Астафьевъ. «Объясненіе съ г. Леонтьевымъ», — Москов. Вѣд., отъ 29 іюня 1890 г., № 177.

75) L. V. «Chronique littéraire». — Journal de St. Pétersbourg. 22 Juillet 1890, № 193.

76) І. Фудель. «Преемство отъ «отцовъ». — Благовѣстъ, отъ 15 октября 1890 г., вып. 5, стр. 157-158.

77) І. И. Фудель. «Къ вопросу о «національномъ». «Самообманъ и ошибки». — Москов. Вѣд., отъ 23 октября 1890 г., № 293.

78) Ю. Николаевъ. «Чему же учитъ Вл. С. Соловьевъ?» — Моск. Вѣд., отъ 2 февр. 1891 г., № 33.

79) Н***. «Отголоски» — по поводу «Записокъ отшельника». — Свѣтъ, отъ 14 марта 1891 года, № 60.

80) А — тъ. «Заблужденіе отшельника». — Новое Время, отъ 20 марта 1891 года, № 5408.

81) «Дневникъ». — Гражд., отъ 24 марта 1891 года, № 83.

82) А. Шевелевъ. «М. Н. Катковъ». Москов. Вѣд., отъ 20 іюля 1891 г., № 198.

83) Ю. Н. «Нѣсколько словъ по поводу кончины К. Н. Леонтьева». — Москов. Вѣд., отъ 13 ноября 1891 г., № 314.

84) Дим. Языковъ. «Краткій некрологъ и перечень сочиненій К. Н. Леонтьева». — Москов. Вѣд., отъ 13 ноября 1891 г., № 314.

85) Некрологъ. — Новое Время, отъ 14 ноября 1891 г., № 5644.

86) Н. Субботинъ. «К. Н. Леонтьевъ. — Изъ Сергіева посада». — Москов. Вѣд., 1891 г., №№ 316, 319.

87) Vox. «Маленькія замѣтки». — Москов. Вѣд., 1891 г., №№ 319, 326.

88) А. А. «К. Н. Леонтьевъ». — Москов. Иллюстрир. Газета, отъ 21 ноября 1891 г., № 311.

89) Н***. «Отголоски». — Свѣтъ, отъ 22 ноября 1891 г., № 266.

90) «Памяти К. Н. Леонтьева». — Гражданинъ 1891 г., № 317.

91) Южный. «К. Н. Леонтьевъ». — Гражданинъ 1891 г., № 320.

92) Ѳ. Ч. «Послѣдніе дни К. Н. Леонтьева въ Троице-Сергіевомъ посадѣ». — Гражданинъ 1891 г., № 322.

93) Райскій. «Поэтъ-воинъ». — Гражд., 1891 г., № 332.

94) Влад. Соловьевъ. «Памяти К. Н. Леонтьева». — Русск. Обозр., 1892 г., кн. 1.

95) В. Розановъ. «Эстетическое пониманіе исторіи». — Русск. Вѣстн., 1892 г., кн. 1. «Теорія историческаго прогресса и упадка». — «Русск. Вѣстн.», 1892 г., кн. 2, 3.

96) Архим. Антоній. «Какъ относится служеніе общественному благу къ спасенію собственной души». — Вопросы философіи и психологіи, 1892 г., мартъ. «Общественное благо

съ точки зрѣнія христіанской и съ современной — позитивной» — Богослов. Вѣстн., 1892 г., іюнь (эти статьи вошли въ полное собраніе сочиненій архіепископа Антонія, второе изданіе 1911 г., т. II, стр. 495 — 538).

97) Ан. Александровъ. «К. Н. Леонтьевъ». — Русск. Вѣстн., 1892 г., кн. 4.

98) Кн. С. Трубецкой. «Разочарованный славянофилъ». — Вѣстн. Евр., 1892 г., кн. 10.

99) — 6. «Памяти К. Н. Леонтьева». — Русс. Обозр., 1892 г., кн. 11, стр. 406-409.

100) П. Милюковъ. «Саморазложеніе славянофильства». — Вопросы философіи и психологіи, 1893 г., май. Эта статья вошла въ сборникъ статей П. Милюкова: «Изъ исторіи русской интеллигенціи». Спб. 1902 г.

101) А. А. Кирѣевъ. «Наши противники и наши союзники». — Протоколы общихъ собраній г.г. членовъ Спб. Слав. благотв. Общества 12-го и 19-го декабря 1893 года.

102) Кн. С. Трубецкой. «Противорѣчія нашей культуры». — Вѣстн. Евр., 1894 г., кн. 8.

103) Л. Тихомировъ. «Русскіе идеалы и К. Н. Леонтьевъ». — Русс. Обозр., 1894 г., кн. 10.

104) Д. Языковъ. «Списокъ сочиненій К. Н. Леонтьева». — Русс. Обозр., 1894 г., кн. 11.

105) Свящ. І. Фудель. «Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева». — Русск. Обозр., 1895 г., кн. 1.

106) М-скій. «Философъ-христіанинъ. Основа міросозерцанія К. Н. Леонтьева». — Русск. Вѣстн., 1896 г., кн. 1, 4.

107) В. В. Леонтьевъ. «Неизданное стихотвореніе М. А. Хитрово». — Русск. Обозр., 1896 г., кн. 8.

108) Николай Миляевъ. «Изъ воспоминаній о Константинѣ Николаевичѣ Леонтьевѣ». — Русск. Обозр., 1898 г., кн. 1.

109) В. В. Розановъ. «Позднія фазы славянофильства: К. Н. Леонтьевъ». См. его «Литературные очерки». Спб. 1899 г., стр. 115 — 125.

110) О. Іосифъ. «Н. В. Гоголь, И. В. Кирѣевскій, Ѳ. М. Достоевскій и К. Н. Леонтьевъ предъ старцами Оптиной пустыни».

111) Вл. Соловьевъ. «Леонтьевъ К. Н.» въ энциклопед. словарѣ «Брокгауза и Эфрона», т. 34.

112) І. Колышко. «К. Н. Леонтьевъ о войнѣ и военныхъ». См. его «Маленькія мысли. 98—99 гг.». Спб. 1900 г.

113) Е. В. «Историческое описаніе Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита». Изд. Оптиной пустыни. 1902 г. Ц. 1 руб. Стр. 123—124, 127—128.

114) В. Розановъ. «Изъ житейскихъ и литературныхъ мелочей». Новое Время, отъ 21 и 22 янв. 1903 г., №№ 9656, 9657.

115) Н. Апокрифъ. «Вѣра и современная мысль. Глава первая: К. Леонтьевъ и гр. Л. Толстой».—Русь, литер.—полит. сборникъ, вып. І. М. 1903 г., стр. 96—141.

116) В. Розановъ. Предисловіе и послѣсловіе къ письмамъ К. Леонтьева и примѣчанія къ нимъ.—Рус. Вѣстн., 1903 г., кн. 4, 5, 6.

117) Ю. Карцовъ. «Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ. 1879—1886. Воспоминанія политическія и личныя». Спб. 1906 г. Стр. 5, 13 и 78.

118) Н. Бердяевъ. «К. Леонтьевъ — философъ реакціонной романтики».—Вопросы Жизни, 1904 г., іюль. Эта статья затѣмъ напечатана въ его книгѣ: «Sub speciė aeternitatis». Спб. 1907 г.

119) Влад. Соловьевъ. «Національный вопросъ въ Россіи» (стр. 25, 55) и «Замѣчанія на лекцію П. Н. Милюкова» (стр. 460—461) въ V т. собранія его сочиненій. Спб.

120) К. Икскуль. «Старчество по ученію св. отцовъ и аскетовъ». М. 1907 г. Ц. 20 к. Стр. 14—15.

121) Н. Бердяевъ. «Наши богоискатели».—Москов. Еженедѣльникъ, 1907 годъ, № 29.

122) П. Милюковъ. «Славянскіе и русскіе «космополиты».—Рѣчь, отъ 20 апрѣля 1908 г. № 94.

123) В. Варваринъ. «Заблудились въ трехъ соснахъ».—Рус. Слово, отъ 24 января 1909 года.

124) Отчетъ о докладѣ г. Янчевскаго (надо читать «Янковскаго») въ «Русскомъ Собраніи» на тему «о К. Н. Леонтьевѣ и его политическихъ идеалахъ».—Рѣчь, отъ 25 января 1909 года, № 24.

125) Свящ. Конст. Аггеевъ. «Христіанство и его отношеніе къ благоустроенію земной жизни». Опытъ критическаго изученія и богословской оцѣнки раскрытаго К. Н. Леонтьевымъ пониманія христіанства. Кіевъ. 1909 г. Ц. 2 руб.

126) С. Франкъ. «Міросозерцаніе Константина Леонтьева».— Критическое Обозрѣніе, 1909 г., ноябрь, стр. 79 — 85.

127) П. «Въ обществѣ мистическомъ». — Новое Время, отъ 25 ноября 1909 г., № 12108.

128) Замѣтка о собраніи кружка почитателей памяти К. Н. Леонтьева. — Новое Время, отъ 13 декабря 1909 г., № 12126.

129) Д. Мережковскій. «Страшное дитя». — Рѣчь, отъ 31 января 1910 г., № 30.

130) Замѣтка о публичной защитѣ свящ. К. Аггеевымъ диссертаціи на степень магистра богословія. — «Рѣчь», отъ 20 марта 1910 г., № 77.

131) Ив. Щегловъ (Леонтьевъ). «Сестра — молитвенница». — Бирж. Вѣдом., отъ 3 ноября 1910 г., № 12002, вечерній выпускъ.

132) «Первое хожденіе Л. Н. Толстого по монастырямъ».— Рус. Слово, отъ 4 ноября 1910 г., № 254.

133) А. Черняева. «Паломники Оптиной пустыни и Л. Н. Толстой». — Новое Время, отъ 7 ноября 1910 года.

134) Прот. І. Фудель. «Судьба К. Н. Леонтьева». — Москов. Вѣд., отъ 12 ноября 1910 г., № 261.

135) Замѣтка. — Харьков. Вѣд., отъ 20 ноября 1910 г. № 553.

136) Е. В. «Л. Н. Толстой и Оптина пустынь». — Душеполезное чтеніе, 1911 г., январь.

137) Ан. Александровъ. «К. Н. Леонтьевъ». — Москов. Вѣд., отъ 13 января 1911 года, № 9.

138) Искатель жемчуга. «Литературныя ракушки».— Новое Время, отъ 2 февр. 1911 г.

139) Ан. Александровъ. Предисловіе къ книгѣ К. Леонтьева: «О романахъ гр. Л. Н. Толстого» 1911 г.

140) І. Ф. Рецензія объ этюдѣ К. Н. Леонтьева «О романахъ гр. Л. Н. Толстого». — Москов. Вѣд., отъ 28 апрѣля 1911 г., № 95.

141) А. Басаргинъ. «К. Н. Леонтьевъ о Л. Н. Толстомъ».— Москов. Вѣд., отъ 7 мая 1911 года, № 103.

142) М. Меньшиковъ. «Письма къ ближнимъ» — фельетонъ. Новое Время, отъ 19 іюня 1911 г., № 12667.

143) В. Розановъ. «Неоцѣнимый умъ». — Новое Время, отъ 21 іюня 1911 года, № 12669.

144) Н. Лернеръ. Рецензія на кн. Леонтьева «О романахъ гр. Л. Толстого». — Рѣчь, отъ 27 іюня 1911 г., № 173.

145) Замѣтка по поводу той же книги въ ст. «Литературное обозрѣніе». — Вѣстн. Евр., 1911 г., кн. 8, стр. 403.

Оглавленіе.

Стр.

1. Предисловіе . . . . . I — VIII

2. А. М. Коноплянцевъ.
   Жизнь К. Н. Леонтьева въ связи съ развитіемъ его міросозерцанія . . . . . 1 — 142

3. А. А. Александровъ.
   Изъ воспоминаній о К. Н. Леонтьевѣ . . 143 — 156

4. Его же.
   Стихотворенія, посвященныя К. Н. Леонтьеву . . . . . 157 — 162

5. В. В. Розановъ.
   Неузнанный феноменъ . . . . . 163 — 184

6. К. А. Губастовъ.
   Изъ личныхъ воспоминаній о К. Н. Леонтьевѣ . . . . . 185 — 234

7. Ю. С. Карцовъ.
   Письма К. Н. Леонтьева къ Е. С., О. С. и Ю. С. Карцовымъ, съ вступленіемъ . 235 — 308

8. Антоній, Архіепископъ Волынскій.
   Искренняя душа . . . . . 309 — 323

9. А. В. Королевъ.
   Культурно-историческія воззрѣнія К. Н. Леонтьева . . . . . 325 — 363

10. Б. В. Никольскій.
    Къ характеристикѣ К. Н. Леонтьева . . 365 — 381

11. Е. Поселянинъ.
    К. Н. Леонтьевъ въ Оптиной Пустыни . 383 — 401

12. А. М. Коноплянцевъ.
    Сочиненія К. Н. Леонтьева и литература о немъ . . . . . 403 — 424

КОПИРОВАНИЕ
23.09.04
КОПИРОВАНИЕ
21.10.04